

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВТУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 26

ВИТЕБСК 2018

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2018 • Том 26

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)бя54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 5 от 23.05.2018 г.

Редакционная коллегия:

А.В. Егоров (главный редактор),
М.А. Слемнев (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, Е.В. Давлатова, А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов, О.В. Лапатинская,
И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, Е.Ю. Муратова, В.И. Нестерович,
И.В. Николаева, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсонс (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия), Т.А. Ященко (Украина)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. — Витебск :
В54 ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. — Т. 26. — 230 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)бя54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2018

Оглавление

История

<i>Бараноўскі А.В.</i> Адносіны мясцовага насельніцтва і павятовых улад да змены адміністрацыйнай прыналежнасці тэрыторыі Віцебскай губерні ў 1923–1924 гг.	7
<i>Василицына Л.А.</i> Православные монастыри в БССР (1958–1990 гг.).	12
<i>Гарелик М.В.</i> Британская политика по австрийскому вопросу в 1945–1955 годах	18
<i>Горобец И.В.</i> Фактор терроризма в индийско-пакистанских отношениях	24
<i>Касаткина Е.А.</i> Эволюция латиноамериканской политики США в XIX – середине XX в.	28
<i>Косов А.П.</i> Белорусско-российские отношения и фактор Запада (1990-е – 2010-е гг.)	34
<i>Краско Г.Г.</i> Особенности обстановки, повлиявшие на организацию и деятельность органов государственной безопасности БССР в 1944–1990 гг.	42
<i>Кучмий Е.П.</i> Эволюция стратегии культурной дипломатии США	48
<i>Любая А.А.</i> Некоторые особенности положения татарских писарей в канцелярии Великого Княжества Литовского (XV–XVI веков)	54
<i>Мандрык І.У.</i> Старонкі гісторыі: узнікненне першых прафсаюзаў у Віцебскай губерні	59
<i>Мандрик И.В., Бахир Ю.Н.</i> Красный Крест БССР в послевоенной советской историографии	66
<i>Марцинюк М.П.</i> Формирование украинской национальной общины в Португалии в конце XX – начале XXI в.	73
<i>Моторова Н.С.</i> Организация помощи слепым на территории белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX в.	79
<i>Навошчик Е.В.</i> Периодизация белорусско-шведских отношений (1991–2017 гг.)	85
<i>Петренко А.В.</i> Формирование системы управления Западным фронтом российской армии в 1915 г.	94
<i>Полетаева Н.И., Повалихина Т.И.</i> Витебское общество взаимного кредита в 1925–1930 гг.	99
<i>Риер Я.А.</i> Владимир и престол: об институционализации власти «крестителя Руси»	104
<i>Шишанов В.А.</i> Витебский музей современного искусства в полемике и практике художественных течений 1918–1922 гг.	111

Философия

<i>Верещако А.И.</i> Предмет и проблемное поле современной онтологии техники	121
<i>Каскенов П.П.</i> Трансформация системы потребностей личности в контексте информатизации современного социума	128
<i>Козлов А.В.</i> Идея социального государства в работах Лоренца фон Штейна	133
<i>Макаревич А.В.</i> Социокультурная мобильность как фактор социализации личности	138
<i>Слемнев М.А.</i> Исторический факт: онто-гносеологическое измерение и символический потенциал	142

Филология

<i>Алимпиева Е.В.</i> Способы глагольного действия и средства их репрезентации в современных русском и немецком языках	149
<i>Барковская Я.Л.</i> Речевой акт оскорбления в юрислингвистике: понятие, структура, классификация	156
<i>Бартош Ю.В.</i> Формирование новых жанров в современной сетевой поэзии	161
<i>Degtiarenko M.O.</i> Typology of the English Interview with Businessmen	166
<i>Дзядова А.С., Булах А.С.</i> Побывавае лексіка ў мове беларускай народнай казкі як крыніца нацыянальна-культурнай інфармацыі	171
<i>Крикливец Е.В.</i> Стилиевые течения в русской и белорусской модернистской литературе второй половины XX века (на примере жанра повести)	177
<i>Лавицкий А.А., Череватый С.Ю.</i> Гастрономический аспект репрезентации концепта «Родина» в русско- и англоязычной версиях социальной сети Instagram	184
<i>Левшун Л.В.</i> Евфросинья Рогволодовна, княжна Полоцкая, княгиня Витебская: реконструкция жизнеописания	189
<i>Марфина Ж.В.</i> Корреляция понятий «код культуры» и «лингвокультурный концепт»: дифференционные признаки и системы классификаций	194
<i>Налётава Н.М.</i> Рэпрэзентацыя дзеячаў беларускай культуры ў прозе Максіма Гарэцкага	199
<i>Рзаева С.Р.</i> Истоки и перспективы когнитивных исследований в Азербайджане	204
<i>Тупик Д.И.</i> Социокультурные и композиционные характеристики жанра блог-репортаж (на материале французской онлайн прессы)	208
<i>Хомуськова Н.Ф.</i> Закономерности номинации действия разрушения в английском языке донационального периода (VII–XV вв.)	213
<i>Храбан Т.Е.</i> Интернет-дискурс возмущения	218
Рецензия	224

Contents

History

<i>Baranovsky A.V.</i> Attitude of the Local Population and the County Authorities to the Substitution of Administrative Ownership of the Territory of Vitebsk Province in 1923–1924	7
<i>Vasilitsyna L.A.</i> Orthodox Monasteries in the BSSR (1958–1990)	12
<i>Garelik M.V.</i> British Policy on the Austrian Issue in 1945–1955	18
<i>Gorobets I.V.</i> The Factor of Terrorism in Indian-Pakistani Relations	24
<i>Kasatkina K.A.</i> The Evolution of U.S. Latin American Policy in the XIX – Middle of the XX Centuries	28
<i>Kosov A.P.</i> Belarusian – Russian Relations and the Western Factor (1990-s – 2010-s)	34
<i>Krasko H.H.</i> Features of the Situation that Affected the Organization and Activities of the State Security Bodies of the BSSR in 1944–1990	42
<i>Kuchmiy O.P.</i> Evolution of the Strategy of the U.S. Cultural Diplomacy	48
<i>Liubaya A.A.</i> Some Peculiarities of the Tatar Clerks Position of at the Chancery of the Great Duchy of Lithuania (XV–XVI Centuries)	54
<i>Mandrik I.V.</i> Pages of History: Emergence of First Trade Unions in Vitebsk Province	59
<i>Mandrik I.V., Bakhir Yu.N.</i> The Red Cross of the BSSR in the Post-War Soviet Historiography	66
<i>Martsyniuk M.P.</i> The formation of the Ukrainian national community in Portugal at the late 20's – the beginning of the 21st century	73
<i>Motorova N.S.</i> Organization of Assistance to the Blind on the Territory of the Belarusian Provinces in the Late XIX – Early XX Centuries	79
<i>Navoschik E.V.</i> Periodization of the Belarusian-Swedish Relations (1991–2017)	85
<i>Petrenko A.V.</i> Shaping the System of the Russian Army Western Frontline Management in 1915	94
<i>Poletaeva N.I., Povalikhina T.I.</i> Vitebsk Mutual Loan Society in 1925–1930	99
<i>Ryier Y.A.</i> Vladimir and his Throne: about Power Institutionalization of «The Baptist of Russia»	104
<i>Shishanov V.A.</i> Vitebsk Museum of Contemporary Art in the Polemics and Practice of the Artistic Movements of 1918–1922	111

Philosophy

<i>Verashchaka A.I.</i> The Subject and Problematic Field of the Modern Ontology of Technology	121
<i>Kaskenau P.P.</i> Transformation of the Personality Needs System in the Context of the Informatization of Modern Society	128
<i>Kozlov A.V.</i> The Idea of Social State in the Works by Lawrence von Stein	133
<i>Makarevich A.V.</i> Social and Cultural Mobility as a Factor of Personality Socialization.....	138
<i>Slemnev M.A.</i> The Historic Fact: Onto-Gnoseological Measure and Symbolic Potential	142

Philology

<i>Alimpiyeva E.V.</i> The Manners of Verbal Action and the Means of their Representation in the Contemporary Russian and German Languages	149
<i>Barkovskaya Ya.L.</i> The Speech Act of Insult in Legal Linguistics: Concept, Structure, Classification	156
<i>Bartosh Ju.V.</i> Emergence of New Genres in the Contemporary Internet Poetry	161
<i>Дегтяренко М.А.</i> Типология английского интервью с бизнесменами	166
<i>Dziadova A.S., Bulakh A.S.</i> Everyday Vocabulary in the Language of the Belarusian Folk Fairy Tale as a Source of National and Cultural Information	171
<i>Kriklivets E.V.</i> Style Trends in Russian and Belarusian Modernist Literature of the Late XX Century (the Genre of Narration)	177
<i>Lavitski A.A., Cherevati S.Yu.</i> Gastronomy Aspect of the Representation of the Concept of Motherland in the Russian and English Language Versions of Instagram Social Network	184
<i>Levshun L.V.</i> Euphrosyne Rogvoldovna, Princess of Polotsk, Princess of Vitebsk: Reconstruction of the Biography	189
<i>Marfina Zh.V.</i> Correlation of the Concepts «Culture Code» and «Linguocultural Concept»: Differentiated Features and Classification Systems	194
<i>Naliotava N.M.</i> Representation of People of Belarusian Culture in the Prose of Maxim Garetski	199
<i>Rzayeva S.R.</i> The Sources and Prospects of Cognitive Researches in Azerbaijan	204
<i>Toupik D.I.</i> Sociocultural and Compositional Characteristics of the Genre of Blog Report (on the Material of French Online Press)	208
<i>Khamuskova N.F.</i> Regularities of the Nomination of the Destruction Action in the English Language of the Pre-National Period (VII–XV cc.)	213
<i>Hkraban T.E.</i> The Internet Discourse of Indignation	218
Review	224

ИСТОРИЯ

УДК 94(476.5) “1923/1924”:352.075:316.343

Адносіны мясцовага насельніцтва і павятовых улад да змены адміністрацыйнай прыналежнасці тэрыторыі Віцебскай губерні ў 1923—1924 гг.

Бараноўскі А.В.

*Дзяржаўная навуковая ўстанова “Інстытут гісторыі
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі”, Мінск*

У маі 1923 г. ЦК РКП(б) разгледзеў пытанне аб межах БССР і даў згоду на яго далейшую распрацоўку. Менавіта з гэтага часу пачалася актыўная дзейнасць па вяртанні ўсходнебеларускіх зямель у склад БССР. На месцах шырока абмяркоўвалася дадзенае пытанне.

Мэта — вызначэнне адносін мясцовага насельніцтва і павятовых улад да дзяржаўнай прыналежнасці тэрыторыі Віцебскай губерні ў 1923—1924 гг.

Матэрыял і метады. Крыніцамі пры напісанні артыкула сталі дакументы, выяўленыя падчас працы ў Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці, матэрыялы, апублікаваныя ў віцебскай губернскай газеце “Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б)”. Даследаванне абавіраецца на агульнанавуковыя і традыцыйныя гістарычныя метады, такія як гісторыка-сістэмны і гісторыка-тыпалагічны.

Вынікі і іх абмеркаванне. З найбольшым энтузіязмам да пашырэння БССР аднеслася беларуская інтэлігенцыя. Настаўнікі, работнікі адукацыйных і культурных устаноў пачынаючы з 1923 г. віталі далучэнне да Беларускай рэспублікі. Што тычыцца працоўных і сялян, то большасць з іх у 1923 г. выступала супраць далучэння. Іх турбавала, што аб’яднанне з БССР адмоўна адаб’еца на матэрыяльным становішчы. Праз год рабочыя і сяляне ўспрынялі ўзбуйненне БССР як факт, які адбыўся, бо разумелі, што ўсе рашэнні былі прынятыя ў Цэнтры і іх не змяніць.

Заклучэнне. Аналіз крыніц дазволіў сфарміраваць уяўленне аб адносінах мясцовага насельніцтва і павятовых улад да дзяржаўнай прыналежнасці тэрыторыі Віцебскай губерні ў 1923—1924 гг.

Ключавыя словы: Віцебская губерня, узбуйненне БССР, ячэйкі РКП(б), сялянскія канферэнцыі.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 7—11)

Attitude of the Local Population and the County Authorities to the Substitution of Administrative Ownership of the Territory of Vitebsk Province in 1923—1924

Baranovsky A.V.

*State Scientific Institution “Institute of History
of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk*

In may 1923 the Central Committee of the RCP(B) considered the issue of the BSSR borders and agreed to its development. Since that time, active work began on the return of Eastern Belarusian lands into the BSSR. The issue was actively discussed locally. The article is devoted to the attitude of the local population and the county authority to the state ownership of the territory of Vitebsk Province in 1923—1924.

The purpose of the article is to determine the attitude of the local population and the county authorities to the state ownership of the territory of Vitebsk Province.

Material and methods. The sources when writing the article were archival documents revealed during our work in the State Archive of Vitebsk Region, articles published in Vitebsk Province newspaper “News of Vitebsk Provincial Executive Committee and Provincial Committee of RCP(B)”. The research is based on traditional historical methods, such as historical-systematic and historical-typological. General scientific methods are also used.

Findings and their discussion. Belarusian intellectuals were most enthusiastic about the expansion of the BSSR. Teachers, workers of educational and cultural institutions, welcomed the inclusion into the Belarusian Republic since 1923. As for workers and peasants, most of them in 1923 opposed the accession. They were worried that the union with the BSSR would negatively affect their financial situation. A year later workers and peasants perceived the expansion of the BSSR as a fait accompli, as they understood that all decisions were taken at the Center and they could not be changed.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: sasha9209@mail.ru — А.В. Бараноўскі

Conclusion. The analysis of the sources made it possible to shape an idea of the attitude of the local population and the county authorities to the state ownership of the territory of Vitebsk Province in 1923–1924.

Key words: Vitebsk Province, enlargement of the BSSR, sections of the RCP(B), peasant conferences.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 7–11)

З 1923 г. ЦК КП(б)Б, ЦВК і СНК БССР усё больш настойліва ставілася ў саюзных органах пытанне аб вяртанні ў склад рэспублікі тэрыторый, страчаных у гады грамадзянскай вайны. У маі 1923 г. ЦК РКП(б) вырашыў пашырыць межы Савецкай Беларусі за кошт сумежных раёнаў Расіі з большасцю беларускага насельніцтва. Для падрыхтоўкі прапаноў аб змяненні межаў БССР Аргбюро ЦК РКП(б) стварыла адмысловую камісію, а на месцах пачало актыўна абмяркоўвацца дадзенае пытанне.

Мэта — вызначэнне адносін мясцовага насельніцтва і павятовых улад да дзяржаўнай прыналежнасці тэрыторыі Віцебскай губерні ў 1923–1924 гг.

Матэрыял і метады. Пры напісанні артыкула выкарыстоўваліся дакументы, выяўленыя падчас працы ў Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці, матэрыялы, апублікаваныя ў віцебскай губернскай газеце “Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б)” [1–19]. Пры гэтым ужываліся агульнанавуковыя (апісанне, аналіз, сінтэз і г.д.) і спецыяльныя метады гістарычнай навукі (гісторыка-сістэмны і гісторыка-тыпалагічны).

Вынікі і іх абмеркаванне. Вяртанне ў склад БССР усходнебеларускіх тэрыторый сустрэла неадназначную рэакцыю як у далучаных раёнах, так і за межамі рэспублікі. З лета 1923 г. у Віцебскай губерні на агульнагарадскіх сходах і валасных канферэнцыях, пасяджэннях валасных ячэек і сходах сялян, школьных канферэнцыях і сходах настаўнікаў абмяркоўвалася беларускае пытанне. У лютым-сакавіку 1924 г. пачалася новая хваля абмеркавання, аднак яна была менш радыкальнай, далучэнне да БССР успрымалася як факт, які ўжо адбыўся.

На падставе архіўных дакументаў мы паспрабавалі высветліць, як насельніцтва Віцебскай губерні адносілася да стварэння беларускіх школ, да ўвядзення беларускай мовы ў дзяржаўных установах і, нарэшце, як яно глядзела на далучэнне да Беларусі. Атрыманыя матэрыялы намі былі выкарыстаныя з такім разлікам, каб высветліць стаўленне мясцовага насельніцтва да ўсіх пытанняў, якія нас цікавяць, асобна з пункту погляду камуністаў-беларусаў, беларускай інтэлігенцыі, беларускага сялянства ў 1923–1924 гг.

У 1923 г. аб’яднанае пасяджэнне ячэек РКП(б) Першамайскай воласці Полацкага павета выказалася, што ўвядзенне заняткаў у школах і ва ўстановах на беларускай мове з’яўляецца не вызваленнем нацыі, а яе прыгнётам, бо насельніцтва абсалютна не мае паняцця пра беларускую мову і наогул ставіцца адмоўна да далучэння да Беларусі. Сход пастанавіў: “хадайнічаць перад губкамам РКП аб недапушчэнні змяненняў у нацыянальным пытанні” [1, арк. 111–113].

На агульным сходзе Гарадоцкай гарадской ячэйкі Віцебскага павета былі выказаны наступныя думкі: “Хоць сяляне сябе называюць беларусамі, але ўсё ж такі чыста беларускую мову яны не разумеюць. Затое добра разумеюць рускую мову, таму неабходнасці ў аддзяленні няма”. Гэта падвердзіла выступленне Зарэцкага: “Я прывяду вам маленькі прыклад: у мінулым годзе тут быў Пшчалко, які выступаў сярод сялян і гарадскога насельніцтва на беларускай мове, і яго амаль ніхто не зразумеў”. У выніку сход прыйшоў да высновы, што нацыянальнай самасвядомасці ў беларусаў воласці няма і таму няма патрэбы ў школах на беларускай мове [2, арк. 20–20 аб.].

У Віцебскім павеце на сходзе Астровенскай валасной ячэйкі сумесна з ячэйкай РКП(б) і беспартыйнымі было таксама выказана адмоўнае стаўленне да беларускай мовы і культуры. Толькі адзін беспартыйны Шпунт заявіў пра пажаданасць увядзення выкладання на беларускай мове ў школах 1-й ступені. Але іншы беспартыйны Букштынаў запярэчыў яму: “Калі ўвесці беларускую мову, тады мне будзе трэба вучыцца нават з жонкай размаўляць”. Таксама шэраг беспартыйных сялян выказаўся супраць усялякіх далучэнняў да Беларусі: “Савецкая ўлада нам дорага, а назвы нам абыякавыя, быццам Беларуская рэспубліка або Украінская” [3, арк. 33 аб.].

Агульны сход ячэйкі воднага транспарту г. Віцебска пастанавіў: “У Савецкай Расіі поўная свабода нацыянальнай роўнасці, імкненне Віцебскай губерні да г. Мінска не назіраецца, бо беларускай мовы ніхто не ведае” [4, арк. 57].

У 1924 г. стаўленне камуністаў-беларусаў да далучэння да БССР змянілася. У справаздачы Бачэйкаўскага павятовага камітэта РКП(б) за сакавік-красавік 1924 г. адзначалася: “У настроі працоўных прасочвалася нейкая прыгнечанасць у сувязі з пераходам да Беларусі і будучым скасаваннем павета. Баяліся таксама абавязковага ўвядзення беларускай мовы. Цяпер настрой палепшыўся” [5, арк. 30]. На агульным сходзе ячэйкі РКП(б) і РКСМ фабрыкі “Чырвоная зорка” Бачэйкаўскага павета былі выказаны такія думкі: “Беларусы калісьці былі таксама вялікай самавызначальнай нацыяй, але, знаходзячыся пад заваёвамі, яна як бы раз’ядналася. Частка беларусаў знаходзіцца ў Польшчы, частка ў Расіі, а вось у цяперашні час адбываецца ўзбуйненне Беларусі” [6, арк. 14]. Падчас агульнага сходу членаў РКП(б) і РКСМ Бачэйкаўскай гарадской арганізацыі Шадурскі выказаўся, што для ўзбуйнення Беларусі было дзве прычыны: адна палітычная, другая эканамічная. Падрабязна патлумачыўшы эканамічнае прыцягненне да ўзбуйнення Бела-

русі, ён адзначыў, што палітычныя прычыны з’яўляюцца больш магутнымі і галоўнымі пры ўзбуйненні. Часова дасланы з Цэнтра ў павет А.М. Асаткін даказваў цытатамі з прамой Леніна, сказаных ім у 1915 г., што “беларусы маюць вялікае значэнне як самастойная нацыя” [7, арк. 5].

На агульным сходзе ячэйкі № 13 Дома Саветаў г. Оршы было пастаўлена пытанне аб далучэнні Віцебскай губерні да Беларусі. На думку прысутных дадзенае пытанне мела прынцыповы характар (асабліва ўлічвалася тое, што ў Цэнтры яно вырашана станоўча): “наша задача падрыхтаваць да дадзенага пераходу насельніцтва”. У выніку сход прыняў наступную пастанову: “...агульны сход ячэйкі адбрае рашэнне з’езда аб далучэнні Віцебскай губерні да БССР” [8, арк. 1–1 аб.]. На агульным сходзе Смальянскай ячэйкі РКП(б) Аршанскага павета адзначалася: “Прыгнечаныя народы павінны карыстацца самастойнасцю. Беларусь самастойна арганізавалася 31 снежня 1918 г. Ішла вайна, тады ўся ўвага была ўдзелена фронту. Калі сціхла вайна, паўстала пытанне аб вызначэнні ўзбуйнення Беларусі, з’явілася неабходнасць пашырэння тэрыторыі. Дадзенае пытанне павінна быць разгледжана са станоўчага боку” [9, арк. 23–23 аб.].

Агульны сход Дрысенскай гарадской ячэйкі РКП(б) Полацкага павета паставіў: “Узбуйненне Беларусі мае палітычнае значэнне для нас, якое паказвае нашым замежным таварышам, што нацыянальнага прыгнёту народа ў нас няма. Перад намі стаяць наступныя задачы: падняць прамысловасць, працу і асвету” [10, арк. 25].

Стаўленне мясцовай інтэлігенцыі, галоўным чынам настаўнікаў, моцна адрознівалася ад поглядаў камуністаў-беларусаў. Настаўнікі ўжо ў 1923 г. актыўна падтрымлівалі аб’яднанне з Беларуссю.

На сходзе школьных работнікаў у г. Віцебску Сухарукаў адзначаў: “Адной толькі моўнай прыкметы недастаткова для таго, каб судзіць аб тым, што Віцебская губерня не адносіцца да Беларусі. Адзінай беларускай мовы няма, яна рэзка распадаецца на шэраг дыялектаў. Асабліва моцная розніца ва ўсходнім і паўднёвым дыялектах. Этнаграфічна, гістарычна і эканамічна Беларусь мае ўсе падставы да адраджэння і нават да зараджэння. Для пашырэння і эканамічнага росквіту Беларусь мае ў наяўнасці ўсе дадзеныя. Беларуская культура была ў загоне, зараз мы перажывём Ламаносаўскі перыяд”. Васілеўскі ў сваю чаргу адзначаў, што “школа, калі мы хочам паставіць яе правільна, павінна насіць характар гэтай культуры. Мова беларуская, як матчына, павінна адгрываць у школе вялікую ролю”.

Падчас сходу гучалі і палкам супрацьлеглыя выказванні: “Не зразумее наш віцебскі беларус беларускай мовы. Не трэба яна яму”. “Да Масквы, а не да Мінска імкнецца віцебскі селянін. Самі сяляне не любяць беларускай мовы”.

Актыўна вялося абмеркаванне па беларускім пытанні на сходзе грамадска-палітычнага гуртка школьных работнікаў у Гарадоцкай воласці.

Думкі прысутных падзяліліся. Адно казалі, што “нацыянальнай самасвядомасці няма. Антаганізму з велікарусамі не заўважаецца... Беларуская мова аджывае нават у глухой вёсцы. Калі беларускую мову зрабіць пануючай у школе, то селянін адмовіцца адпраўляць сваіх дзяцей у школу. Беларусамі лічымся толькі па тэрыторыі, але не па нацыянальнай самасвядомасці. Нацыянальныя рысы беларускага народа зніклі, і іх няма патрэбы аднаўляць”.

Іншыя ім прэрэчылі: “Нельга пахаваць беларускую мову. Практыка паказвае, што гэтай мовай карыстаюцца, і яна можа прыжыцца з поспехам, калі яе ачысціць ад усялякіх прымесей і ўзяць чыстую беларускую мову. П’есы на беларускай мове маюць вялікі поспех сярод сялян”. Адзін з прамойцаў адзначаў, што трэба вывучаць мову, імкнуцца да добраахвотнага і свабоднага супрацоўніцтва з Беларуссю. “Беларуская мова падабаецца насельніцтву, і яе можна ўводзіць у школы як дапаможную”. Частка школьных работнікаў Аршанскага павета таксама імкнулася да Мінска, беларускай культуры і мовы [1, арк. 111–113].

На агульнагарадскім сходзе членаў прафсаюзаў школьных работнікаў, членаў РКП(б) і РКМ і прыватных грамадзян Лепельскага павета прамойцы ў большасці сваёй выказваліся, што беларускае пытанне “дутае, што статыстычныя дадзеныя недакладныя, што няма эканамічных перадумоў для далучэння да Беларусі”. Аднак з выступоўцамі не пагаджаўся Рычкоў, які звярнуў увагу прысутных на тое, што “насельніцтва імкнецца да Беларусі, ведае беларускую мову і шмат часу размаўляе на ёй. Літаратурная беларуская мова, як і літаратурная велікаруская мова, далёкая ад народнай мовы. Эканамічна наш павет імкнецца да Мінска”. Але ў выніку была прынятая наступная рэзалюцыя: “Беларускае пытанне ў нашым павеце з’яўляецца несапачасовым і нежыццёвым. Сярод насельніцтва не маецца прыцягнення да аддзялення ад велікарускай культуры; ніякага велікарускага прыгнёту няма, наадварот, увядзенне беларускай мовы ў школы і ўстановах было б свайго роду нацыянальным прыгнётам, бо насельніцтва беларускай мовы не ведае” [11, арк. 88].

Пераважная маса сялянства губерні адносілася адмоўна да ўвядзення беларускай мовы ў школы і ўстановах і далучэння да Беларусі. У прыватных гутарках з сялянамі па беларускім пытанні яны выказвалі здзіўленне, што гэтае пытанне раптам ні з таго, ні з гэтага паўстала.

На сходзе грамадзян Усць-Далыскай воласці Невельскага павета ўсе выступоўцы аднадушна выказваліся супраць увядзення беларускай мовы. Цюрынаў заявіў: “Мне ў перыяд грамадзянскай вайны давялося пабываць ва ўсіх амаль гарадах і мястэчках Савецкай рэспублікі, быў на Украіне і ў Беларусі, ніхто з нашых Віцебскіх таварышаў не разумеў і зусім не мог чытаць беларускіх газет і кніг”. Міронаў адзначаў: “Мы не можам лічыць сябе беларусамі, бо беларуская мова нам незнаё-

мая, і калі яна з'явіцца ва ўстановах, то для нас гэта будзе цяжкім". Каваленка: "Мы рускія, хоць край наш і лічыцца нібыта беларускім, але мы далёка адсталі і ніхто з нас не можа быць беларусам". Усё падсумаваў Жаўнераў: "На беларускай мове наш народ не ўмее гаварыць, калі ж ва ўстановах з'явіцца беларуская мова, то тады наш народ будзе хвалявацца, мы рускія і павінны заставацца рускімі". У выніку сход пастанаўіў: "Аднагалосна заяўляем, што калі нашы далёкія продкі і былі беларусамі, але мы цяпер сябе па мове лічым рускімі, і чыстая беларуская мова нам дрэнна зразумелая, а таму жадаем застацца ў далейшым у межах Вялікаросіі і на далучэнне да Беларусі не згодныя" [11, арк. 79].

Сяляне Веліжскага павета адзначалі: "Мы гаворым на той жа мове, што і сяляне суседняй Смаленскай губерні, але гаворку насельніцтва з Мінскай губерні разумеюць". Што тычыцца школы, то яны лічылі, што выкладанне павінна весціся на той жа мове, што і да гэтага часу. Яны былі супраць увядзення беларускай мовы ў савецкіх установах, бо асцерагаліся, што гэта выкліча для іх цяжкасці ў стасунках з уладай.

На раённай канферэнцыі ў Лаўжанскай воласці Віцебскага павета сяляне заявілі: "Мы хоць і належым да Беларусі, але па той прычыне, што ў нас школы пабудаваны на вялікарускай мове, то мы жадаем застацца па-ранейшаму" [1, арк. 111–113]. А на іншай канферэнцыі той жа воласці, пры абмеркаванні, да якой нацыі грамадзяне згодныя далучыцца – да беларускай або вялікарускай, было вырашана "цалкам далучыцца да беларускай нацыі" [12, арк. 12].

Падчас пасяджэння Каралеўскага валвыканкама Віцебскага павета школьны работнік Дарожкін выказаўся, што стварэнне школы на беларускай мове не дасць ніякіх лепшых суцязненняў. "Нас саміх амаль усіх варта перавыхаваць, а ўжо дзяцей тым больш, бо яны не атрымліваюць першапачатковай гаворкі на беларускай мове да паступлення ў школы, так што пераход да беларускай мовы зусім не патрэбны". Сазонаў наогул заявіў пра тое, што беларуская мова зусім не патрэбная, каб цалкам не заблытвацца не толькі ў пісьме, але нават і ў размове. Пасля абмеркаванняў была вынесена наступная пастанова: "Прымаючы да ўвагі, што наша Каралеўская воласць страціла ўсякае беларускае аблічча, расце, квітнее на вялікарускай культуры на зразумелай мове. Таму неабходна лічыць Каралеўскую воласць вялікарускай і выказацца за далучэнне яе да Масквы" [11, арк. 82].

Сяляне Дабрамыслінскай воласці Віцебскага павета сцвярджалі, што яны аднолькава добра разумеюць вялікарускую і беларускую мовы, у школах і ўстановах просяць пакінуць рускую мову, але жадаюць мець хаця б адну школу на воласць з выкладаннем на беларускай мове, таксама жадаюць застацца ў складзе Віцебскай губерні [1, арк. 111–113].

На з'ездзе Саветаў Першамайскай воласці Полацкага павета прысутнічала каля 200 сялян.

Кожны з прысутных меў уласнае меркаванне. Іваноў: "Нашы прадзеда калісьці былі беларусамі, а ў цяперашні час ніхто не мае ўяўлення пра тое, што такое беларус і беларуская мова... Далучэнне да Беларусі прывядзе толькі да прыгнёту па вывучэнні беларускай мовы, засваення чужых для нас бытавых умоў". Мацко: "Мы лічым сябе беларусамі, і калі гэта вышэйшай уладзе будзе заўгодна, дык няхай далучаць да Беларусі". Піятровіч: "Мы беларускай мовы не ведаем, і ні да якой Беларусі далучацца не хочам". З'ездам была прынятая наступная пастанова: "Нягледзячы на тое, што жыхары Віцебскай губерні лічацца беларусамі, яны ўжо даўно згубілі сваю самабытнасць, і беларуская мова з'яўляецца для іх чужой. Сярод насельніцтва ніякага прыцягнення да Беларусі няма, вывучэнне беларускай мовы, стварэнне беларускіх школ і ўвядзенне гэтай мовы ва ўстановах з'яўляецца ломкай усяго ладу народнага жыцця, а таму з'езд знаходзіць гэта непажаданым і немэтазгодным і ад далучэння да Беларусі адмаўляецца" [11, арк. 85 аб.].

На нарадзе райсаветаў у Бухарынскай воласці аднагалосна выказаліся супраць увядзення беларускай мовы ў школах і ўстановах, супраць далучэння да Мінска.

Іншая карціна склалася на з'ездзе Саветаў Калінінскай воласці Полацкага павета. Шыркевіч: "Для нас беларуская мова зусім непрыдатная, бо ніхто ў дадзенай мясцовасці яе не ведае. Калі з нас хто-небудзь возьмецца чытаць беларускую літаратуру, то яна яму здаецца «кітайскай азбукай»". Лоўкін: "Для нас у дадзены час беларуская мова зусім не падыходзіць. Яе можа вывучаць толькі новае і маладое пакаленне". Рабытко: "Для нас беларуская мова зусім непрыдатна, мы яе не ведаем і не хочам уведзіць яе ў нашай мясцовасці і далучацца да Беларусі". Але падчас наступных выступленняў прамоўцы ўжо не былі такімі катэгарычнымі. Шыркевіч у другім выступе сцвярджаў: "Усе нацыі самавызначаюцца, і мы таксама жадаем самавызначыцца і вывучаць беларускую мову, неабходна Беларусь уведзіць у гісторыю". Патрэбка заявіў: "Для нас беларуская мова прымальная і ўвядзення яе ў дадзенай мясцовасці мы хочам". Лоўкін адзначыў, што частка школ будзе на рускай мове і "калі мы далучымся да Беларусі, жадаючыя змогуць вучыцца і ў рускай школе". Пры галасаванні з'езд невялікай большасцю галасоў прызнаў неабходным увядзенне ў дадзенай мясцовасці ў школах і ўстановах беларускай мовы і выказаўся за далучэнне да Беларусі.

У Аршанскім павеце былі праведзены валасныя сходы ў Старасельскай, Талачынскай і Нова-Тухінскай валасцях і адзін вясковы сход у Каханоўскай воласці. Сяляне заяўлялі, што здаўна лічаць сябе беларусамі, але яны супраць далучэння да Беларусі. На беларускай мове яны не ўмеюць гаварыць, толькі частка старых добра разумее яе [1, арк. 111–113].

На сходзе сялян Пышмянскага раёна Лепельскага павета выказваліся розныя меркаванні адносна прыналежнасці Віцебскай губерні і ўжывання беларускай мовы. Чашнінскі ўказаў на незразумеласць беларускай мовы для самога насельніцтва. Кныпалаў — на нязручнасць гэтай мовы, а другі Кныпалаў сцвердзіў добрае размяшчэнне губерні і зручнасць злучэння з Беларускай рэспублікай, бо Мінск як цэнтр значна бліжэй Масквы. Прысутнымі выказвалася жаданне мець школы на беларускай мове. Сход не даў дакладных адказаў на ўсе пастаўленыя пытанні, ён адбываўся занадта сумбузна. Адказ быў адзін: “Жадаем быць беларусамі” [11, арк. 89]. На сходзе сялян у вёсцы Бароўна Лепельскай воласці была прынята пастанова: “Пэўнага яснага ўяўлення аб далучэнні нас да Мінска ці да Масквы мы не маем. Мова для нас як беларуская, так і руская аднолькава зразумелая” [11, арк. 90].

У 1924 г. стаўленне мясцовых сялян, як і камуністаў-беларусаў, змянілася ў адносінах да далучэння да БССР. У пачатку сакавіка 1924 г. у Кандрацьеўскім раёне Віцебскага павета адбыўся раённы сход. Па дакладзе аб узбуджэнні Беларусі пастаноўлена прызнаць палітыку Савецкай улады правільнай, а ўзбуджэнне Беларусі лічыць своечасовым, пажаданым і вітаць [13, с. 3]. На агульным сходзе грамадзян Вораўскага райсавета Кузняцоўскай воласці Віцебскага павета была прынята наступная пастанова: “Вітаем Беларускаю рэспубліку і абяцаем беларускаму ўраду дапамагаць на ўсім, у нас сродкамі ў стварэнні моцнай Беларусі” [14, арк. 18–18 аб]. Па дакладзе аб узбуджэнні Беларусі на сялянскай беспартыйнай канферэнцыі ў Каралеўскай воласці Віцебскага павета было вырашана: “Прызнаць важным гістарычным актам далучэнне да Беларусі... Гэта таксама дасць магчымасць прыгнечанаму беларускаму народу, які знаходзіцца па той бок меж СССР, імкнуцца да аб’яднання з вольным беларускім народам СССР” [15, арк. 1]. Сялянская канферэнцыя Унішэўскай воласці Віцебскага павета вітала ўзбуджэнне Беларусі, “якое падымае аўтарытэт савецкага ладу сярод прыгнечаных нацыянальнасцей і якія даюць свабоду культурнага і гаспадарчага развіцця кожнай народнасці” [16, арк. 9].

У Аршанскім павеце неаднаразова праводзіліся сходы і гутаркі з нагоды далучэння да Беларусі. Сяляне спачувальна ставіліся да далучэння, але не разумелі беларускай літаратурнай мовы. На з’ездзе райсаветаў была вынесена рэзалюцыя з прапановай урадам БССР і СССР накіраваць усе намаганні для таго, каб “вырваць з-пад прыгнёту Польшчы тэрыторыю, на якой жывуць беларусы” [17, арк. 22].

Падчас Дрысенскай валасной беспартыйнай сялянскай канферэнцыі Полацкага павета ішло абмеркаванне лёсу Віцебскай губерні. Майсееў адзначыў, што “ўзбуджэнне Беларусі з’яўляецца вынікам нацыянальнай палітыкі Савецкай улады, якая прадстаўляе кожнай народнасці поўную сва-

боду нацыянальнага, палітычнага і эканамічнага развіцця. Да цяперашняй Беларусі, якая складаецца з шасці паветаў Мінскай губерні, далучаюцца частка Віцебскай, Смаленскай і Гомельскай губерняў, менавіта тыя часткі, якія ў большасці населеныя беларусамі. Пры гэтым далучэнні тэрыторыя Беларусі больш чым падвойваецца і становіцца роўнай тэрыторыі прыкладна заходняй дзяржавы — Бельгіі. Гэта далучэнне мае вялікае значэнне. Усе беларусы атрымліваюць магчымасць развіваць агульнымі сіламі сваю культуру, прамысловасць і гаспадарку, якія на ўсёй тэрыторыі маюць аднастайны выгляд і характар” [18, арк. 1 аб.—2]. На Шырокай сялянскай канферэнцыі ў Сямёнаўскай воласці Полацкага павета сяляне заявілі аб неабходнасці далучэння да Беларусі, а таксама выказаліся за ўвядзенне ў школах выкладання беларускай мовы [19, арк. 7 аб.].

Падчас агульнага сходу грамадзян Суражскай воласці Веліжскага павета Грыгор’еў адзначыў, што “далучэнне да Беларусі не з’яўляецца гвалтоўным, навучанне ў школах будзе па-ранейшаму на нашай жа рускай мове”. У выніку гэты сход прыняў рэзалюцыю: “Хадайнічаць перад вышэйшымі ўладамі аб далучэнні да Беларусі ўсяго Веліжскага павета” [20, арк. 37].

Заклучэнне. Такім чынам, з найбольшым энтузіязмам да ўваходжання Віцебскай губерні ў склад БССР аднеслася мясцовая інтэлігенцыя. Настаўнікі, работнікі адукацыйных і культурных устаноў пачынаючы з 1923 г. віталі далучэнне да Беларускай рэспублікі. Што тычыцца працоўных і сялян, то большасць з іх у 1923 г. выступала супраць далучэння да БССР. Іх турбавала, што ўваходжанне ў склад Беларускай рэспублікі адмоўна адаб’ецца на матэрыяльным становішчы. Праз год рабочыя і сяляне ўзбуджэнне БССР успрынялі як факт, які адбываўся, бо разумелі, што ўсе рашэнні былі прынятыя ў Цэнтры і іх не змяніць.

Літаратура

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). — Ф. 10050-п. — Воп. 1. — Спр. 629.
2. ДАВВ. — Ф. 10117-п. — Воп. 1. — Спр. 11.
3. ДАВВ. — Ф. 10064-п. — Воп. 1. — Спр. 218.
4. ДАВВ. — Ф. 10055-п. — Воп. 1. — Спр. 72.
5. ДАВВ. — Ф. 10067-п. — Воп. 1. — Спр. 339.
6. ДАВВ. — Ф. 10067-п. — Воп. 1. — Спр. 370.
7. ДАВВ. — Ф. 10067-п. — Воп. 1. — Спр. 372.
8. ДАВВ. — Ф. 10065-п-ААФ. — Воп. 1. — Спр. 543.
9. ДАВВ. — Ф. 10121-п. — Воп. 1. — Спр. 10.
10. ДАВВ. — Ф. 10118-п. — Воп. 1. — Спр. 12.
11. ДАВВ. — Ф. 10050-п. — Воп. 1. — Спр. 624.
12. ДАВВ. — Ф. 10064-п. — Воп. 1. — Спр. 216.
13. Известия Витебского губисполкома и Губкома РКП(б). — 1924. — 16 марта. — С. 3.
14. ДАВВ. — Ф. 24. — Воп. 1. — Спр. 30.
15. ДАВВ. — Ф. 10052-п. — Воп. 1. — Спр. 17.
16. ДАВВ. — Ф. 10033-п. — Воп. 1. — Спр. 7.
17. ДАВВ. — Ф. 10065-п-ААФ. — Воп. 1. — Спр. 546.
18. ДАВВ. — Ф. 10118-п. — Воп. 1. — Спр. 7.
19. ДАВВ. — Ф. 10128-п. — Воп. 1. — Спр. 1.
20. ДАВВ. — Ф. 10131-п. — Воп. 1. — Спр. 11.

Паступіў у рэдакцыю 08.02.2018 г.

УДК 94(476)«1958/1990»+271.2:27-788

Православные монастыри в БССР (1958–1990 гг.)

Василицына Л.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Современное сотрудничество белорусского государства и структур РПЦ во многих сферах и поиск дальнейших путей оптимизации взаимоотношений делают необходимым обращение к историческому опыту. Целью работы является характеристика особенностей правового положения и хозяйственной деятельности монастырей Русской православной церкви в БССР в 1958–1990 гг.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили документы фонда уполномоченного Совета по делам РПЦ Национального архива Республики Беларусь и фонды уполномоченных при облисполкомах в государственных архивах Витебской и Гродненской областей, Полоцком зональном архиве. Работа подготовлена на основе методологических принципов объективности, историзма, социального подхода и всестороннего изучения проблемы, а также общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Результаты и их обсуждение. В ходе мероприятий, проводимых в БССР в конце 1950-х – 1960-е гг., монастыри лишались недвижимости и земельной собственности. Власти препятствовали естественному пополнению обителей, нарушалась свобода вероисповедания. Итогом проведения стали ликвидация двух монастырей, переселение монашествующих в оставшуюся Жировичскую обитель. Со второй половины 1960-х до 1990 г. власти продолжали ограничивать имущественное положение и богослужебную жизнь монастыря. С переменами, наступившими во второй половине 1980-х гг., стали происходить постепенная нормализация монастырской жизни и ее возрождение.

Заключение. Положение и деятельность монастырей Русской православной церкви в БССР в рассматриваемый период определялись политикой государства в отношении церковной структуры. В ходе антирелигиозной кампании конца 1950-х – 1960-х гг. изменения, внесенные в нормативную базу, привели к существенному подрыву организационной структуры монашества. В последующий период Жировичский монастырь существовал в стесненных условиях, вплоть до существенной трансформации во второй половине 1980-х гг., связанной с переменами в государственной политике.

Ключевые слова: Русская православная церковь, монастырь, монашество, БССР, антирелигиозная кампания.

(Ученые записки. – 2018. – Том 26. – С. 12–17)

Orthodox Monasteries in the BSSR (1958–1990)

Vasilitsyna L.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Cooperation of the Belarusian state with the Russian Orthodox Church institutions in many spheres as well as search for further ways of optimizing the relationships makes the revival of the historical experience necessary nowadays. The purpose of the work is characterizing the features of the legal status and economic activities of the Russian Orthodox Church monasteries in the BSSR in 1958–1990.

Material and methods. The source base of the research is documents of the Foundation-in-Charge of the Council of the Russian Orthodox Church (ROC) of the National Archive of the Republic of Belarus and foundation-in-charge at Region Administrations at the Vitebsk and other Regions' State Archives, Polotsk District Archive. The work is based on the methodological principles of objectivity, historicism, social approach and a comprehensive study of the issue as well as the general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction.

Findings and their discussion. The activities in the BSSR in the late 1950-s – 1960-s resulted in the fact that monasteries were deprived of their land and property. Authorities hampered natural enrichment of monasteries; freedom of faith was violated. As a result two monasteries were closed, the monks moved into the remaining Zhirovichi monastery. Between the late 1960-s and 1990 authorities went on limiting the property situation and divine service life of the monastery. With the late 1980-s changes gradual normalization of monastery life and its revival started.

Conclusion. Situation and operation of ROC monasteries in the BSSR in the considered period were conditioned by the state policy regarding church institutions. During the anti-religious campaign of the late 1950-s – 1960-s changes, which were included into the normative base, resulted in a considerable damage to the monastic organization structure. In the following years Zhirovichi monastery was in poor condition; this was up to the considerable changes of the late 1980-s which were connected with the changes in the state policy.

Key words: Russian Orthodox Church, monastery, monks, the BSSR, anti-religious campaign.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 12–17)

Адрес для корреспонденции: e-mail: lyubov.vasilitsyna@mail.ru – Л.А. Василицына

Монастыри Русской православной церкви исторически являлись центрами просвещения и духовности. Современное сотрудничество белорусского государства и структур РПЦ во многих сферах и поиск дальнейших путей оптимизации взаимоотношений делают необходимым обращение к историческому опыту. В этой связи возрастает актуальность научного исследования правового положения, хозяйственной деятельности и организационной структуры православных монастырей в условиях советской общественно-политической системы.

Обращаясь к истории православного монашества в рассматриваемый период следует отметить, что тема вызвала определенный научный интерес и находила отражение в публикациях, которые затрагивали широкий круг проблем, связанных с монастырской жизнью. Одной из первых работ стал труд архимандрита Антония (Мельникова), посвященный истории Гродненского монастыря, его хозяйственной жизни и управлению [1]. Историческую хронику Жировичской и Рождества-Богородичной обителей с отражением наиболее значимых событий составила игуменья Гавриила (Глухова) [2; 3]. Г.Н. Шейкин в работе «Полоцкая епархия» представил важнейшие этапы жизни Спасо-Евфросиниевского монастыря, в том числе его закрытие и переселение монахинь в Жировичи [4]. В.Н. Черепица [5] представил биографические сведения о настоятелях монастырей, проанализировал следственные дела монашествующих. Исследуемая проблема также нашла отражение в изданиях научно-популярного характера [6]. Особую значимость работам придает публикация архивных документов и фотографий, а также воспоминаний современников. В издании Н.И. Дорош «Православный Гродно» [7] отдельный раздел посвящен женскому монастырю Рождества Пресвятой Богородицы и судьбе его настоятельницы игуменьи Гавриилы (Рисицкой). Священник Федор Кривонос [8] дал общую оценку положения православной церкви и ее институтов, в том числе монашества, определил формы и специфику их взаимоотношений с государственными и партийными структурами.

Вместе с тем исследований, направленных на комплексное изучение проблемы монашества в пределах республики с учетом особенностей государственной политики в рассматриваемый период, не проводилось.

Целью работы является характеристика особенностей правового положения и хозяйственной деятельности монастырей Русской православной церкви в БССР в 1958–1990 гг.

Хронологические рамки исследования обусловлены изменениями государственной политики в отношении религии и Церкви. Нижняя хро-

нологическая граница определяется принятием в октябре 1958 г. постановлений «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей», которые установили начало антирелигиозной кампании. Верхняя хронологическая граница связана с принятием 1 октября 1990 г. Закона «О свободе совести и религиозных организациях». Прямым результатом этого закона стало изменение статуса Русской православной церкви и ее организационных структур.

Материал и методы. Материалом для статьи послужили монографии и публикации в периодических научных изданиях. Источниковую базу исследования составили документы фонда уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР по БССР (фонд 951) Национального архива Республики Беларусь. Наиболее информативными оказались текущие и итоговые материалы областных и республиканского уполномоченных. Ценные сведения представлены в фондах уполномоченных при облисполкомах в государственных архивах Витебской (ф. 4131) и Гродненской (ф. 478) областей, Полоцком зональном архиве (ф. 1221).

Работа подготовлена на основе методологических принципов объективности, историзма, социального подхода и всестороннего изучения проблемы. Также использовались общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Результаты и их обсуждение. Изменения в положении монастырей и организации монастырского хозяйства обусловила развернувшаяся в СССР во второй половине 1950-х гг. антирелигиозная кампания, переход к которой произошел вместе с перестановками в партийном руководстве.

В 1950-е гг. на территории Беларуси действовало три монастыря: Гродненский Рождества Богородицы, Полоцкий Спасо-Евфросиниевский женский и Свято-Успенский Жировичский мужской. Общее количество монашествующих на конец 1958 г. составляло 137 человек, из них в Жировичском монастыре проживало 28 монахов, в Гродненском – 59, в Полоцком – 50 монахинь. Наибольшую часть насельников – 95 человек – составляли монашествующие старше 55 лет [9, ф. 951, оп. 1, д. 34, л. 374].

Социальное служение обителей в сложившихся условиях было достаточно организованным. При Гродненском монастыре действовали приют для детей-сирот, золотошвейная мастерская и свечной цех [5, с. 237]. Полоцк и Жировичи традиционно оставались центрами массового паломничества благодаря широкому почитанию святой Евфросинии Полоцкой и Жировичского образа Пресвятой Богородицы. В дни престоль-

ных праздников, на воскресные и праздничные богослужения сюда собиралось значительное количество верующих для участия в таинствах. Например, в одном только полоцком монастыре за 1960 г. было крещено 680 детей [9, ф. 4131, оп. 1, д. 15, л. 141–142]. При Жировичском монастыре существовала православная духовная семинария, ректором которой, как правило, являлся наместник монастыря.

Основным направлением наступления на церковь в ходе кампании стал подрыв ее материальной базы. Постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. «О монастырях в СССР» ставило перед правительством БССР и республиканским уполномоченным задачу подготовить и внести предложения о сокращении количества монастырей. В качестве механизма предполагалось повысить ставку земельного налога для обителей и обязать монастырские структуры заключать арендные договоры с исполкомами на все недвижимое имущество. Также монастырям запрещалось применять наемный труд. Постановление вынудило управляющих монастырей сокращать земельные наделы. В этих условиях руководство Успенского Жировичского монастыря решило добровольно отказаться от всех земельных угодий, находящихся за монастырской оградой [8, ф. 951, оп. 3, д. 28, л. 31].

Совмин БССР получил право дифференцировать ставки сельскохозяйственного налога между монастырями, находящимися в городах и сельской местности. Были возвращены и завышены налоги на монастырские строения и земельная рента, отмененные в марте 1945 г. Кроме того, ставки налога с земельных церковных участков, включая кладбища, были преднамеренно завышены. Правительство БССР установило размеры земельных угодий для Жировичского монастыря в размере 4,5 га в пределах монастырской ограды, для Гродненского монастыря в размере 0,58 га в пределах монастырской ограды, для Полоцкого женского монастыря в размере 2,17 га. На этом основании Полоцкий горсовет принял решение об изъятии 0,9 га огородной монастырской земли для передачи семьям военнослужащих, земельный участок Гродненского монастыря был передан под городской парк, а Гродненскому облисполкому было поручено распределить земельный фонд в 38 га, которым ранее пользовался Жировичский монастырь. Одновременно местным органам были даны секретные указания не прописывать желающих поступить в монастырь, произвольно выселять или призывать в армию молодых монахов, подготовить план ликвидации обители [8, ф. 951, оп. 3, д. 39, л. 37].

Вторым значимым документом стало постановление «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также

доходов монастырей», которое повышало налоги на свечное производство, а цену реализации продукции делало равной закупочной. Это лишало реализацию свечей рентабельности. И хотя доходы монастырей формировались в основном за счет продукции сельского хозяйства и пожертвований частных лиц, в определенной степени эти решения повлияли на падение прибыли [8, ф. 951, оп. 3, д. 30, л. 17].

Постановление ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”» от 28 ноября 1958 г. обязывало местные партийные и советские органы пресекать проведение религиозных мероприятий в особо чтимых верующими местах и предпринять меры к их устранению. В связи с этим особую активность местные власти проявляли в памятные дни и церковные праздники, которые традиционно привлекали многочисленных верующих в монастыри. Райкомы получили указания взять на учет святые места и занимать эти территории различными постройками, а чтимые источники заливать соляжкой или засыпать хлорной известью. На основании этого постановления был захлорирован Жировичский источник, особенно почитаемый верующими [8, ф. 951, оп. 3, д. 42, л. 208].

16 марта 1961 г. Совет Министров СССР принял секретное постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». В этот же день Советом по делам РПЦ была принята «Инструкция по применению законодательства о культах», разработанная специальной комиссией ЦК КПСС. Документы определили порядок применения религиозного законодательства в годы антирелигиозной кампании. Постановлением местным советским органам поручалось организовать контроль за выполнением религиозными объединениями законодательства о культах и принимать меры к ликвидации нарушений этого законодательства, в том числе проверять их финансово-хозяйственное состояние. Инструкцией устанавливался порядок, согласно которому монастыри были обязаны беспрепятственно допускать должностных лиц к периодическому осмотру имущества, проверке приходно-расходных книг и других документов для установления правильности пользования находящимся в их ведении имуществом и получения сведений, необходимых при обложении налогом служителей культа и других лиц. Особое внимание уполномоченным следовало уделять полной ликвидации церковной благотворительности. Инструкция запрещала епархиальным управлениям оказывать помощь монастырям.

В созданных условиях монастыри должны были лишиться источников самообеспечения, что послужило бы поводом к их закрытию.

Однако разрабатывались и непосредственные планы по ликвидации монашества. 12 ноября 1959 г. уполномоченным по Гродненской области был составлен подробный план мероприятий по закрытию Гродненского монастыря. К 1 ноября 1959 г. в монастыре проживало 58 насельниц, община обрабатывала участок земли в 2 га и получала дотации от Минской митрополичьей кафедры. На территории располагались новый настоятельский корпус и три жилых дома для насельниц. Первоначально предполагалось, что монашествующих переведут в Пюхтицкий женский монастырь, расположенный на территории Эстонской ССР. Однако было принято решение о переводе их в Жировичский Свято-Успенский мужской монастырь. Подготовка к переселению началась 1 июля 1960 г. В ходе нее были проведены беседы с каждой монахиней, во время которых всем сестрам местные власти обещали городскую прописку и помощь в трудоустройстве. Для тех, кто захотел бы уехать к родственникам, была предусмотрена материальная помощь в размере 500 рублей. Монахиням поступали предложения работать псаломщицами на соседних сельских приходах, но желающих покинуть монашескую общину не оказалось. По совету своего духовника игумена Гавриила обратилась к Патриарху Алексию I с просьбой о переселении сестер в Жировичи, на что патриарх дал свое благословение. Местные верующие воспринимали действия властей негативно, обращались к уполномоченному с просьбой оставить монахинь на месте. Но власти указывали, что закрытие монастыря вызвано распоряжением Московской Патриархии. На протяжении двух дней в Жировичи было перевезено все имущество, включая святыни монастыря — чудотворные иконы Божией Матери Красностокскую и Владимирскую, и насельницы [8, ф. 951, оп. 1, д. 6, л. 5].

В Жировичском монастыре переехавшим выделили помещения в братском корпусе. Сестры оказали значимую поддержку обители. Монахини привели все храмы в образцовый порядок, пели на клиросе. Монастырский огород ставился в пример преподавателям и студентам сельскохозяйственного техникума. Проживая в отдельном корпусе, гродненские сестры сохранили свой устав. По состоянию на 1 января 1961 г. их количество составляло 51 человек.

После перевода монастырской общины корпус гродненского монастыря заняло общежитие медицинского института, затем ДОСААФ. С 1977 по 1992 г. в нем размещались фонды Республиканского музея атеизма и истории религии, переименованного позже в музей истории религии.

Схожая ситуация была и с закрытием Полоцкого монастыря. На первом этапе городские власти запретили прописывать вновь поступа-

ющих насельниц, аргументируя это нехваткой жилой площади. В это же время игуменье не выдавали разрешения на строительство дома, который бы решил эту проблему [9, ф. 1966, оп. 7, д. 30, л. 319].

В сентябре 1958 г. Полоцким горисполкомом было внесено предложение закрыть монастырь, монахинь устроить на работу, а нетрудоспособных разместить в домах престарелых. В июне 1960 г. Полоцкий горсовет возбудил ходатайство перед Советом по делам РПЦ о закрытии монастыря. Среди аргументов было близкое расположение от монастыря детского сада, общежитий военных, лесного техникума и педучилища, что, по мнению заявителей, отрицательно влияло на воспитательную работу среди детей и молодежи [10, ф. 685, оп. 1, д. 244, л. 100–102]. Тем не менее, в 1960 г. монастырь так и не был закрыт. Согласно годовому отчету уполномоченного, экономическое положение обители было крайне слабым и ее существование поддерживалось только благодаря паломникам, которые прибывали поклониться преподобной Евфросинии. Так, на празднике в ее честь в 1960 г. присутствовало более 2 тысяч верующих [9, ф. 4131, оп. 1, д. 15, л. 141–142]. После смерти настоятельницы игуменьи Елевферии (Новиковой) в октябре 1960 г. насельницы пытались избрать себе новую игуменью, но из-за проблем с регистрацией она не смогла приступить к своим обязанностям. О том, что организованная жизнь в монастыре прервалась, косвенно свидетельствует факт передачи в декабре 1961 г. полоцкому педучилищу земельного участка на территории Спасской церкви для учебно-опытных целей [10, ф. 685, оп. 6, д. 965, л. 221]. Известно, что после вступления в силу решения о закрытии обители только 11 монахинь переехало в Жировичи. Большинство же оставшихся сестер, 34 человека, поселились в Полоцке и пригородах в домах верующих и регулярно посещали Преображенский храм.

Формой борьбы монашествующих за свои права стали устные и письменные обращения к властям в защиту прав верующих и против нарушения законодательства о культах. Полоцкая игуменья Евлампия в сентябре 1961 г. направила письмо Н.С. Хрущеву, в котором методы борьбы с религией сравнивала с действиями против церкви императоров Нерона и Наполеона. Но обращения оставались безрезультатными [11, ф. 478, оп. 2, д. 114, л. 39].

В Жировичском Свято-Успенском мужском монастыре в 1960 г. проживало 20 монахов и 4 послушника. Большинство из них, 15 человек, были в возрасте свыше 55 лет. Деятельностью настоятеля обители архимандрита Антония (Мельникова) преобразился монастырский комплекс, укрепилось хозяйство и была упорядочена

богослужебная жизнь. Проведена реставрация Никольской, Явленской и Крестовоздвиженской церквей. Для духовной семинарии был построен трехэтажный корпус, появились новые хозяйственные постройки. После передачи монастырского земельного участка сельскохозяйственному техникуму уменьшилась задолженность монастыря перед государством в уплате натурального налога. Обители были оставлены сад и огород, находящиеся в ограде монастыря. Монахини рационально и эффективно вели сельское хозяйство, снабжая продукцией митрополита и семинарию. После разделения хозяйства с семинарией доходы монастыря стали полностью покрывать его расходы. Пожертвования паломников использовались на питание братии и ремонт храмов [12, ф. 478, оп. 1, д. 67, л. 2; оп. 2, д. 114, л. 39]. По воскресным и праздничным дням в монастыре совершалось две литургии – ранняя и поздняя, регулярными стали традиционные монастырские службы.

Деятельная позиция монастыря шла вразрез с официальной линией и активизировала уполномоченных, которые начали предпринимать меры по ограничению влияния обители. В докладе уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гродненской области А. Гашникова за 1961 г. указывалось, что доходы монастыря ежегодно увеличивались за счет монастырских церквей. Увеличился и поток верующих в монастырский собор потому, что в нем регулярно проводились торжественные службы архиерейским чином. В связи с этим уполномоченный ставил вопрос о переводе архимандрита Афанасия на другой приход, а монастырь предполагалось закрыть на основании недопустимости его нахождения в одном здании с женским. Был закрыт Жировичский источник, расположенный под алтарем Успенского собора. Предпринимались и мелкие административные ограничения: запрещалось держать храм и монастырские ворота открытыми во внебогослужебное время, подвозить верующих транспортом на праздники. Одновременно с церковными службами вблизи монастыря устраивались танцевальные вечера. За 1959 г. в областных и районных СМИ было размещено около 120 статей и фельетонов, направленных против духовенства и монашествующих. Начиная с 1961 г. повсеместно был запрещен колокольный звон [12, ф. 478, оп. 2, д. 97, л. 236].

Усугубило тяжелое положение монастыря ограничение учащихся в семинарии. После запрещения проживать на территории монастыря всем, кроме насельников, кандидатов на поступление руководство семинарии и монастыря регистрировало как послушников. В отчете уполномоченным указывалось, что за 1957 г.

в Жировичской монастырь прибыло 22 человека, которых зачислили послушниками, и 19 из них в течение года перешли на учебу в семинарию. Для уменьшения количества поступающих власти проводили личные беседы, кандидатов призывали в армию, отслужившим предлагали трудоустройство. На протяжении нескольких лет набор в семинарию срывался и после последнего выпуска в 1963 г. Минская духовная семинария прекратила работу [12, ф. 478, оп. 2, д. 34, л. 23].

По истечении антирелигиозной кампании жизнь в монастыре протекала под пристальным вниманием местных властей, которые стремились ограничить имущественные права обители. Во второй половине 1960-х – 1970-е гг. часть монастырских строений была занята под больницу. Наместник монастыря в 1963–1969 гг. архимандрит Михей (Хархаров) отстаивал право Жировичского монастыря на существование. Несмотря на трудности, в мае 1970 г. в монастыре при большом количестве паломников торжественно отпраздновали 500-летие обретения Чудотворного образа Божией Матери и основания обители. В 1978 г. архимандритом монастыря стал митрополит Филарет (Вахромеев), по инициативе которого в обители были организованы ежегодные курсы для духовенства, не имевшего систематического духовного образования.

Во второй половине 1980-х гг. вместе с демократизацией активизировалась деятельность духовенства и монашествующих, возросла социальная и духовная значимость обители. В 1988 г. впервые в монастыре прошел епархиальный съезд клира и мирян Минско-Белорусской митрополии. В 1989 г. в стенах Жировичского монастыря была возобновлена работа духовной семинарии. 6 июля 1989 г. Священный Синод РПЦ принял решение о возрождении Спасо-Евфросиниевского монастыря. Через год из Жировичей в Полоцк прибыли первые насельники со старшей сестрой монахиней Марфой (Ковалевич). Принятие 1 октября 1990 г. Верховным Советом СССР Закона «О свободе совести и религиозных организациях» изменило статус Русской православной церкви и ее монастырей, которые получили правовую основу своей деятельности и приобрели правоспособность юридического лица.

Заключение. Положение и деятельность монастырей Русской православной церкви в БССР в рассматриваемый период определялись политикой государства в отношении церковной структуры. В ходе антирелигиозной кампании конца 1950-х – 1960-х гг. изменения, внесенные в нормативную базу, привели к завышению налоговых ставок, был сокращен земельный фонд обителей, который являлся основным источником доходов. Это существенно подорвало материальную

базу монастырского хозяйства. На втором этапе партийными структурами перед советскими органами были поставлены задачи численного уменьшения монастырей. В БССР работа велась под контролем партийных структур, вводились ограничения на прописку насельников, запрещалось расширять жилую площадь, производить ремонт помещений. Властями чинились препятствия к посещению верующими служб в дни праздников. Уничтожались святыни монастырей. Итогом проведения антирелигиозной кампании стали ликвидация двух монастырей, переселение монашествующих в оставшуюся Жировичскую обитель. В последующий период со второй половины 1960-х до 1990 г. власти продолжали ограничивать богослужебную жизнь монастыря, его имущество передавалось общественным организациям. С переменами, наступившими во второй половине 1980-х гг., постепенно происходили нормализация монастырской жизни и ее возрождение.

Литература

1. Мельников Митр. Антоний. Исторический очерк Гродненского Православного женского монастыря. – Минск, 1972.
2. История Жировицкого Свято-Успенского монастыря: по письменным источникам, преданиям и свидетельствам современников / авт.-сост. игуменья Гавриила (Глухова). – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2004. – 165 с.
3. Гродненский Свято-Рождество-Богородичный женский монастырь / авт.-сост. игуменья Гавриила (Глухова). – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. – 146 с.
4. Шейкин, Г.Н. Полоцкая епархия: историко-статистическое обозрение / Г.Н. Шейкин. – Минск: Свято-Петропавловский собор, 1997. – 96 с.
5. Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1999. – Ч. 1. – 320 с.
6. Монастырь у церкви Спаса: Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь от древности до наших дней. – Минск: Орех, 2007. – 136 с.
7. Дорош, Н.И. Православный Гродно / Н.И. Дорош. – Гродно, 2000. – 266 с.
8. Кривонос, Ф. (свящ.). Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).
10. Государственный архив Витебской области (ГАВО).
11. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП).
12. Государственный архив Гродненской области (ГАГр).

Поступила в редакцию 04.06.2018 г.

УДК 94(410:436)«1945/1955»

Британская политика по австрийскому вопросу в 1945–1955 годах

Гарелик М.В.

ГУО «Гимназия г. Дзержинска», Дзержинск

В период после Второй мировой войны, с 1945 по 1955 год, Австрия находилась под совместной оккупацией Советского Союза, США, Великобритании и Франции.

Цель статьи – анализ ключевых составляющих британской оккупационной политики в Австрии, а также отличий британской и американской политики.

Материал и методы. В основу работы положены правительственные документы Национального архива Великобритании, документы Государственного департамента США. В ходе исследования использовались логические (анализ, синтез, сравнение) и специально-исторические (проблемно-хронологический, нормативно-интерпретационный, историко-сравнительный и историко-генетический) методы.

Результаты и их обсуждение. Ключевой целью британской политики в Австрии было заключение Государственного договора и последующий вывод войск. При решении данной проблемы усилия британской дипломатии были направлены на включение Австрии в политические и экономические союзы Западной Европы, при том, что с 1954 года проявилось стремление Вены к нейтральному статусу. США рассматривали территорию Австрии в первую очередь с военно-стратегической точки зрения, стремясь втянуть страну в военные блоки. Усилия Великобритании были направлены на содействие становлению Австрии в качестве экономически самостоятельного государства.

Заключение. Великобритания стремилась к включению Австрии в западные интеграционные объединения, чтобы предотвратить включение Вены в советскую зону влияния. С другой стороны, после Второй мировой войны наиболее актуальными для Лондона стали внутренние экономические трудности, а также связанная с ними внутриполитическая борьба, затруднявшая проведение активной внешней политики.

Ключевые слова: Австрия, Великобритания, зоны оккупации, оккупационная политика 1945–1955 гг., Государственный договор 1955 г., нейтралитет, «сокращенный договор».

(Ученые записки. – 2018. – Том 26. – С. 18–23)

British Policy on the Austrian Issue in 1945–1955

Garelik M.V.

State Educational Establishment «Dzerzhinsk Gymnasium», Dzerzhinsk

After WW II in 1945–1955 Austria was under occupation by the USSR, the USA, Great Britain and France.

The aim of this article is to analyze the major milestones of British occupation policy in Austria and find differences between British and American policies.

Material and methods. During the research the governmental documents of the National Archive of Great Britain, and the US Department of State are analysed. During the research the logical methods (analysis, synthesis, comparison) are used. Also, the historical methods, such as the problem and chronological method, the normative and interpretative method, the methods of historical comparison and historical and genetic method are applied.

Findings and their discussion. The key goal of the policy of Great Britain towards Austria was the conclusion of the State Treaty and the withdrawal of troops. In order to achieve these aims, the efforts of British diplomacy were attempted to include Austria into political and economic unions of Western Europe, though since 1954 Austria aspired to become neutral. That is thought to be the main difference of British policy and American policy, as the latter considered Austria and its territory only from the point of military strategy, striving to involve Austria in the military block. Great Britain took an effort to turn Austria into an economically independent country.

Conclusion. The United Kingdom strived to include Austria into western integration unions in order to prevent Austria from falling under the Soviet influence. On the other hand, after WWII Great Britain faced economic difficulties and internal politic struggle, which hampered active overseas policy.

Key words: Austria, Great Britain, occupation zone, occupation policy in 1945–1955, State Treaty of 1955, neutrality, «abbreviated treaty».

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 18–23)

Адрес для корреспонденции: e-mail: 31072012box@gmail.com – М.В. Гарелик

С 1945 по 1955 год Австрия находилась под совместной оккупацией Советского Союза, США, Великобритании и Франции. Ключевыми аспектами британской политики в Австрии в этот период, со времени окончания Второй мировой войны в Европе и до завершения оккупации Австрии странами-победителями, являлись вывод оккупационных войск, проблема «бывшей германской собственности», обеспечение военной и экономической безопасности страны, «сокращенный договор», установление нейтрального статуса.

Цель статьи — анализ основных составляющих британской оккупационной политики в Австрии, а также отличий британской и американской политики.

Материал и методы. Источниковой базой исследования послужили правительственные документы Национального архива Великобритании, включая акты Форин-офиса [1], документы Государственного департамента США [2] и документальные материалы из Архива внешней политики РФ [3]. Широко использовались и работы современной историографии, на общем фоне которых выделяются монографии О. Кронин и Э. Хиллс, посвященные особенностям британской военной политики в Австрии [4; 5] и взглядам западных союзников на проблему австрийского нейтралитета. В белорусской исторической науке представленная тема до сих пор не являлась объектом специального изучения. В ходе исследования применялись логические (анализ, синтез, сравнение) и специально-исторические (проблемно-хронологический, нормативно-интерпретационный, историко-сравнительный и историко-генетический) методы.

Результаты и их обсуждение. Австрия, ставшая одной из первых жертв гитлеровской агрессии еще в 1938 г., способствовала увеличению экономического и военного потенциала фашистской Германии, ее граждане воевали в составе вермахта. Неудивительно, что Московская декларация 1943 г., провозгласившая стремление союзников восстановить свободу и независимость альпийской республики, также признавала за ней частичную ответственность за участие в войне.

Географическое положение страны обуславливало ее значимость для стран Запада во главе с США. Начало «холодной войны» и создание НАТО в 1949 г. сделали Австрию стратегически (и геополитически) важным регионом, имевшим большой логистический вес для североатлантического альянса: ее территория связывала коммуникации Южной и Западной Европы. Исходя из этого, Соединенные Штаты стремились сократить здесь советское влияние и в дальнейшем интегрировать страну в военные структуры НАТО.

Быстрое продвижение Красной Армии к Вене и далее на Запад вызывало серьезные опасения

у Уинстона Черчилля об установлении в Австрии просоветского режима. Премьер-министр относился к расширению советского влияния более болезненно, чем Г. Трумэн. Он отказался признать временное правительство Австрии во главе с К. Реннером, созданное при поддержке Кремля без согласования с западными державами. Также он всячески добивался допуска британской военной миссии в Вену до подписания соглашения о совместном союзническом контроле. У. Черчилль считал необходимым задержать вывод союзнических войск в отведенные для них пределы после установления границ оккупационных зон в Австрии и Германии (далее ОЗ): «Территории, занятые русскими, будут поглощены ими ... союзники не должны покидать своих позиций, пока мы не будем удовлетворены решением польского вопроса и временным характером русской оккупации Германии, и пока не уладим важные вопросы в таких странах, как Австрия» [2].

«Денацификация, демократизация и демилитаризация», одобренные на Потсдамской конференции, требовали создания Контрольного Соглашения по Австрии, подписанного 9 июля 1945 г. Наряду с этим были определены ОЗ. Для английских частей — это Восточная Штирия и Каринтия.

Великобритания и США признавали необходимость создания единого правительства Австрии, однако правительство Реннера, сформированное при участии Москвы, воспринималось на протяжении почти всего 1945 г. Лондоном как марионетка Кремля. Заместитель министра иностранных дел Великобритании К. Уорнер считал, что фактическая власть во временном правительстве будет принадлежать коммунистам, хотя в нем были только два министра — члена коммунистической партии.

В конце мая 1945 г. переговоры о признании временного правительства связывались с допуском британской и остальных союзнических миссий в Вену. Британская миссия прибыла в столицу Австрии с инспекцией в начале июня, после чего Лондон выдвинул новые требования. В инструкции, переданной представителю Великобритании в Союзническом Совете генералу Маккрири, говорилось о недостаточной представительности настоящего кабинета, поэтому главной задачей явилась передача полномочий действующего кабинета новому правительству, которое будет создано с участием представителей всех австрийских провинций [2]. В дальнейшем Форин-офис выдвигал новые требования — ввод союзнических войск в Вену, затем смещение коммуниста Ф. Хоннера с поста министра внутренних дел. Американский исследователь У. Бадер отмечает, что позиция США по отношению к Реннеру и его кабинету оказалась более терпимой, нежели британская [6, р. 29].

Летом 1945 г. СССР начал переговоры с кабинетом Реннера о создании совместного предприятия на базе промышленного района Цистердорф, богатого нефтяными месторождениями. Нежелание временного правительства подписывать данное соглашение убедило Лондон и Вашингтон в стремлении Вены к самостоятельности, отношение западных союзников к временному правительству начало существенно меняться. Во время встречи с М. Кларком, Верховным комиссаром США в Австрии, Реннер выразил желание использовать влияние Белого дома для предотвращения подписания соглашения о нефтепромыслах [2]. Примечательно, что во время переговоров о разделении австрийской столицы на ОЗ британская делегация настаивала на разделении так называемой «Большой Вены», которая включала в себя не только сам город, но и промышленные пригороды.

В дальнейшем Великобритания приложила серьезные усилия для срыва указанного соглашения, чему способствовало подписание второго контрольного соглашения в июле 1946 г., существенно расширившего полномочия австрийских властей в экономической сфере [3]. Важно отметить и интересы британского бизнеса в данном вопросе. Компания *Shell* в случае создания совместного нефтяного предприятия потеряла бы право на владение одним из заводов [2]. Таким образом, помимо стратегических целей сдерживания Советского Союза, Лондон активно защищал свои экономические интересы в Австрии.

Необходимо отметить, что в первые послевоенные годы Великобритания столкнулась с экономическими трудностями, связанными, в частности, с продовольственным снабжением. В октябре 1945 г. министр продовольствия Б. Смит указывал на то, что уже в следующем году осуществлять продовольственное снабжение ОЗ в Европе, а также Индии без снижения собственных запасов ниже минимального уровня безопасности будет невозможно [1]. Попытки привлечь страны-экспортеры продовольствия к поставкам в Европу и колонии оказались безуспешными, что делало Соединенное Королевство зависимым от поставок из СССР (на протяжении 1945 г.), США и от международных организаций, в частности ЮНРРА. Внутриполитическая борьба также накладывала отпечаток на решение данного вопроса. Когда министр продовольствия предложил перевод гуманитарной помощи через частную организацию «Спасите Европу сейчас», правительство ему отказало, мотивируя это тем, что в самой Британии существует нормирование продуктов питания и подобная акция может вызвать негативный общественный и политический резонанс.

Общие расходы на оккупацию в 1946 г. оценивались в сумму около 100 млн фунтов, в то вре-

мя как доходы от экспорта – только 49 млн [1]. В конце июля 1946 г. оппозиция добилась дебатов в парламенте и раскритиковала правительство из-за чрезмерных оккупационных расходов. Некоторого снижения расходов удалось добиться, возложив часть расходов на Австрию. Тем не менее уже в 1947 году, когда Лондон признал будущий договор с Веной государственным и отменил формально состояние войны между двумя странами, встал вопрос о самостоятельном обслуживании расходов. Еще летом 1947 г. США взяли на себя все оккупационные издержки и объявили о том, что затраты Вены на содержание американских войск в 1945–1946 годах будут компенсированы. Для Британии, как и Франции, подобная компенсация была невозможна по финансовым причинам, и они заявили о стремлении скорее вывести свои войска [4, р. 56–57]. Данная проблема для Лондона не утратит актуальность вплоть до заключения Государственного договора (далее ГД).

Другой трудностью, с которой пришлось столкнуться британским властям, были территориальные претензии Югославии на приграничные районы Штирии и Каринтии, где проживало этническое словенское меньшинство. Партизанские отряды Тито прибыли туда еще до прихода британских войск, в начале мая 1945 г. В декларации, опубликованной командующим войсками союзников на Средиземном море Г. Александером, местным жителям предписывалось подчиняться как британской военной администрации, так и партизанским частям И. Тито [7, р. 302]. Последний до начала июня 1945 г. отказывался вывести свои отряды из приграничных районов страны. И лишь после того, как СССР, США и Великобритания выступили в поддержку территориальной целостности Австрии, было подписано соглашение (9 июня) о выводе войск Тито, который, впрочем, не отказался от территориальных претензий [5, р. 131].

Выборы и формирование кабинета Л. Фигля, одобренного всеми участниками контрольного механизма, сделали возможным обсуждение договора о выводе войск и восстановлении суверенитета Австрии. Первый проект договора был представлен американцами в феврале 1946 г. В конце июня был подготовлен британский проект. И тот и другой были отклонены Кремлем.

Для Великобритании важнейшим вопросом на данном этапе стал вывод войск из Австрии, поскольку, с одной стороны, успешные для западных стран итоги выборов не оставляли сомнений в западной политической ориентации широких слоев населения, с другой стороны, оккупация ложилась тяжелым бременем на британскую экономику. Первые предложения по сокращению численности оккупационных войск принадлежали британцам и французам и поступили еще

в январе 1946 г., как следует из письма Робертсона, британского поверенного в Москве [3].

В январе 1947 г. на встрече заместителей министров в Лондоне был представлен к обсуждению проект, который впоследствии стал основой ГД 1955 года. Из 53 статей противоречия между сторонами вызвали 19. Наиболее острые споры, как указывалось выше, велись по вопросу об «активах». Таковыми, по мнению министра иностранных дел Э. Бевина, должны были стать только те предприятия, приобретенные до аншлюса. Кроме того, СССР считал необходимым учесть требования Югославии о репарациях [1].

В 1947–1948 гг. обозначилось стремление растянуть процесс урегулирования австрийского вопроса со стороны западных стран. Заметно нарастает напряжение, связанное с «холодной войной»: Г. Трумэн объявляет о своей доктрине сдерживания коммунизма. В странах Восточной Европы начинают создаваться режимы «народной демократии». В кабинете Эттли возникает опасение, что вывод войск приведет к созданию еще одной «народной демократии». В свою очередь, в правительственном отчете Бевина от 1948 г. говорилось, что вывод британских войск после заключения договора вызвал бы «сожаление многих австрийцев» [1].

Помимо военной безопасности Австрии, важным направлением британской политики становится обеспечение жизнеспособности ее экономики. Бевин утверждал, что необходимо создать наилучшие условия торговли для нормальной работы индустриального района столицы, то есть минимизировать торговые пошлины на промышленное сырье, поступающее в Венский район из соседних стран [1]. В ходе продолжавшихся дискуссий с Москвой об «активах» Бевин настаивал на таком определении данного понятия, при котором советская администрация будет управлять как можно меньшим числом местных предприятий и, соответственно, получит за них меньшую компенсацию.

В советской зоне были сосредоточены наиболее крупные предприятия обрабатывающей промышленности, составлявшие около половины всего промышленного потенциала страны. Реализация советского варианта определения «германской собственности» и компенсации за них, с точки зрения Лондона и Вашингтона, привела бы к подчинению Москве значительной части австрийской экономики. К тому же, в силу неплатежеспособности Вены, компенсация, которую требовал Кремль в американских долларах, фактически ложилась бременем на США, основного кредитора Австрии с 1947 г.

В 1948–1949 гг. началось обсуждение условий возможной помощи Австрии в создании вооруженных сил после заключения договора. Пози-

ция правительства К. Эттли по данному вопросу была сходной со взглядами администрации Трумэна. Суть ее в том, что следует в тайне от Москвы начать создание жандармерии, которая станет кадровой основой будущей армии. Уже к декабрю 1948 г. на базе американской ОЗ было начато формирование полицейских батальонов. Когда встал вопрос о вооружении австрийской армии, британская сторона предложила принцип свободы выбора источников вооружения [1]. К 1950 г. число служивших в жандармерии достигло 5000 человек, а через некоторое время увеличилось до 8000. Министр Э. Иден отмечал в 1954 г., что жандармерия была создана при содействии и участии Британии для «борьбы против любого путча, который может быть инспирирован коммунистами в период до заключения договора. Кадры, собранные в жандармерии, будут ядром для будущей австрийской армии» [1].

Летом 1949 г. к Парижской сессии СМВД были согласованы 14 статей из 19. По наиболее спорному вопросу – о германских активах – достигнуто соглашение о схеме выплаты компенсаций, сумма которых уменьшилась благодаря уступкам со стороны Молотова. Министр иностранных дел Бевин считал необходимым приложить все усилия для подписания ГД. Однако США считали нужным продлить сроки оккупации ввиду незавершенности процесса создания жандармерии. Великобритания и Франция, стремившиеся подписать договор в 1949 г. с целью скорейшего вывода войск, учитывали американскую позицию, которая заключалась в отказе от любых уступок СССР, основанную на стратегических целях ремилитаризации Австрии и ее интеграции в западные военные структуры, в первую очередь НАТО. Разрешение германского и австрийского вопросов рассматривалось как возможность эвакуировать войска и снизить бремя оккупационных затрат, которые составляли около 125 млн фунтов стерлингов в 1952 г., из них 24,7 млн приходились на Германию и Австрию. Тем не менее политика, направляемая Белым домом, получила значительную поддержку консервативного правительства Черчилля 1951–1955 гг., для которого вывод войск, несмотря на значительные финансовые трудности, был невозможен без заключения ГД [1].

В марте 1952 г. советское правительство получило текст «сокращенного договора», названного так по причине игнорирования в нем несогласованных статей. Иден высказался в целом в пользу этой инициативы в случае, «если советская сторона согласится ее рассмотреть» [2]. Вместе с тем британские дипломаты и политики выражали серьезные сомнения по поводу действенности данного проекта. По мнению российского исследователя А. Ульякина, выдвижение проекта «сокращенного договора» имело целью привлечь внимание миро-

вой общественности и возложить ответственность на СССР в случае неудачного завершения переговоров [8, с. 21]. Советская сторона среди прочего связала возможность обсуждения проекта с проблемой Триеста, на что западные державы не дали своего согласия. Поэтому конференция заместителей министров иностранных дел по вопросу «сокращенного договора» была сорвана.

В начале февраля 1953 г. открылось Лондонское совещание заместителей министров иностранных дел. Западные державы настаивали на рассмотрении «сокращенного договора», Молотов – на его снятии с обсуждения. По предложению американского представителя Даулинга переговоры были перенесены на неопределенный срок, что объяснялось отсутствием прогресса в обсуждении и его полной бесперспективности.

В условиях очередного дипломатического тупика, в июне 1953 г., без консультаций с западными державами, австрийские дипломаты обратились к СССР. Было заявлено о готовности Вены принять нейтральный статус, пойти на ряд торговых уступок [4, р. 125]. Молотов ответил, что только официальный отказ от «сокращенного договора» будет сигналом готовности к переговорам, что сделало правительство Ю. Рааба в сентябре 1953 г. Австрийцы были готовы идти на серьезные уступки советской стороне. Кремль в свою очередь был готов уступить по экономическим вопросам, в частности, по «германской собственности». Как отмечается в отчете В. Сычева, помощника начальника внешнеполитического отдела аппарата Верховного комиссара СССР, «все большая часть австрийцев начинает убеждаться в мирных намерениях СССР» [9, с. 551]. Помимо прочего, такие настроения связаны с послаблениями советского оккупационного режима после смерти И. Сталина. Канцлер Ю. Рааб в августе 1953 г. заявил об отказе Австрии от участия в военных блоках. Дипломатическая инициатива оказалась в руках Москвы, которая начала всерьез рассматривать предложение о нейтралитете и была намерена вести дискуссии только на основе проекта 1947 г. Как заметил министр Иден в конце сентября 1953 г., для Великобритании переход к первоначальному варианту вполне возможен, в отличие от США [1]. Тем не менее и США вернулись к нему осенью 1953 г.

Отказываясь от «сокращенного договора», Великобритания так же, как и США, выдвинула требование к СССР о том, что австрийский вопрос будет решаться отдельно от германского [1]. Причина такого шага заключается в том, что еще в апреле 1953 г. на встрече министров стран НАТО обсуждался вопрос ратификации договора о создании Европейского Оборонного Сообщества, в которое должна была влиться ФРГ, что положило бы начало ремилитаризации Западной

Германии и восстановлению ее военно-промышленного комплекса. Молотов же категорически отказывался разделять германский и австрийский вопросы. По словам Идена, «русские намерены оставаться в Австрии, пока западные державы будут оставаться в Германии» [1].

Еще одним важным вопросом была возможность «нейтрализации», о которой заявил Рааб. Министерство обороны США и высшее военное руководство резко негативно относились к подобным перспективам. Официально же Вашингтон занял выжидательную позицию, не желая становиться причиной срыва очередной дипломатической инициативы. По мнению американского историка О. Кронин, негативное отношение США к нейтралитету основывалось на планах военного руководства использовать австрийскую территорию как связующее звено между Южной и Западной Европой в рамках НАТО [4, р. 121]. Для Лондона же приемлемым был только такой «вариант» нейтралитета, при котором становилась возможной интеграция Австрии в экономические и политические структуры Западной Европы. Учитывая значительные расхождения между Западом и СССР, было решено созвать конференцию министров иностранных дел в Берлине, но без определенной повестки дня.

Предложение СССР на Берлинской конференции в январе 1954 г. было равнозначно требованию нейтрального статуса Австрии и запрета аншлюса [1]. Британские дипломаты накануне получили инструкцию, по которой предложение о нейтралитете должно быть отклонено в связи с устным отказом венских дипломатов от вхождения в блоки, либо нейтрализация не должна запрещать вступление в организации, если их деятельность согласуется с принципами и целями ООН. Отмечалось, что нейтрализация может негативно отразиться при решении германского вопроса, став для него прецедентом [1]. Дж. Даллес, государственный секретарь США, заявил о недопустимости навязывания нейтралитета извне. Австрийская делегация под давлением западных держав отказалась от предложенного изначально избегания военных союзов. Категорическим отказом западные делегаты ответили и на заявление Молотова, согласно которому окончание оккупации должно произойти только после урегулирования германского вопроса.

В итоге конференция завершилась безрезультатно. Позиция Великобритании, хоть и представлялась компромиссной, но именно британские и французские дипломаты убедили Л. Фигля отказаться от первоначальных заявлений о нейтралитете. Также очевидно, что для Вашингтона и Лондона ремилитаризация и включение ФРГ в военные структуры Запада было одним из главных вопросов, и до его разрешения австрийская

проблема могла только обсуждаться, но не быть решенной.

Несмотря на провал ратификации соглашения о Европейском Оборонном Сообществе, в октябре 1954 г. Франция подписала Парижские соглашения, после которого ФРГ стала членом НАТО. Западная Германия официально освободилась от статуса оккупированной страны и начала воссоздание своих вооруженных сил и военной индустрии [2]. Все попытки Кремля предотвратить ратификацию соглашений провалились. Это привело к значительному изменению советской политики с учетом новой обстановки. Москва дала согласие на вывод войск из Австрии до заключения договора с Германией. Вместе с тем советская сторона потребовала установить запрет на аншлюс с Германией. Лондон и Париж по-прежнему рассматривали вопрос о выводе войск как первоочередной.

В конце марта 1955 г. в ноте Идена говорилось, что Великобритания готова удовлетворить советские требования дополнительных гарантий против аншлюса, а также рассмотреть предложение военной и политической нейтрализации Австрии [1]. В ходе визита австрийской делегации в Москву, с 12 по 15 апреля 1955 г., был окончательно урегулирован вопрос о компенсации за «германскую собственность», которую СССР согласился принимать товарами. Также Австрия взяла на себя обязательства не вступать в военные блоки и не принимать на своей территории иностранные военные базы. Новый министр иностранных дел Гарольд Макмиллан в докладе 19 апреля 1955 г. отметил, что важнейшим элементом нейтралитета должна быть возможность интеграции этой страны в европейские экономические и политические организации, и моделью для нее должна быть Швеция, а не Швейцария [1].

Итогом труднейших переговоров стало подписание Государственного договора 15 мая 1955 г. В нем утверждалась территориальная целостность и независимость альпийской республики. Исключалась возможность интеграции Австрии в состав Германии, содержались принципы демократизации и денацификации, накладывался ряд ограничений на вооруженные силы республики, включая возможность ее присоединения к военным союзам. Вывод оккупационных войск, предусмотренный ГД, должен произойти в течение 90 дней со дня подписания документа [10, С. 4–7].

Стратегия западных держав – США, Великобритании и Франции – была направлена на сдерживание СССР в рамках границ, достигнутых им к 1945 г. Сложность разрешения австрийской проблемы заключалась как раз в том, что страна была оккупирована частично войсками западных держав, а частично – СССР. К тому же, в отличие от Германии, Австрия с 1945 г. располагала

собственным правительством. И поскольку страна не только несла ответственность за участие в войне, но и была признана одной из ее жертв, то действия союзников в ее отношении должны были отличаться от политики в адрес Германии.

Заключение. Если говорить о непосредственных интересах, формировавших британскую политику по австрийскому вопросу, то они имели ряд отличительных особенностей. Лондон менее болезненно, нежели Вашингтон, принял идею военного нейтралитета Австрии. Стратегической целью США представлялась интеграция Австрии в военные структуры Западной Европы, с 1949 г. – в НАТО, что объясняется удобным географическим положением республики. Для Лондона втягивание Вены в западные военные блоки не было приоритетным направлением, тем не менее Форин-офис стремился учитывать позицию Государственного департамента, что создавало сложности, связанные с внутривластной борьбой в Великобритании, когда оппозиция, выступая под экономическими лозунгами, критиковала жесткую позицию правительства. Для Великобритании, как и США, немаловажным представлялось сотрудничество, направленное на восстановление экономики и сокращение советского влияния, однако, столкнувшись в послевоенные годы с серьезными экономическими трудностями, Соединенное Королевство все же отдавало приоритет скорейшему выводу войск из Германии и Австрии, нежели решению геополитических задач.

Литература

1. The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nationalarchives.gov.uk>. – Date of access: 15.07.2017.
2. Office of the Historian [Electronic resource]. – Mode of access: <http://history.state.gov>. – Date of access: 01.07.2017.
3. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 069. – Оп. 30. – Д. 117-Ан. – Л. 2–4, 12–18.
4. Cronin, A.K. Great power politics and the struggle over Austria, 1945–1955 / A.K. Cronin. – Ithaca: Cornell Univ. Pr., 1986. – 224 p.
5. Hills, A. Britain and the Occupation of Austria 1943–1945 / A. Hills. – London: MacMillan Press Ltd, 2000. – 222 p.
6. Bader, W.B. Austria Between East and West, 1945–1955 / W.B. Bader. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1966. – 264 p.
7. Mair, J. Four-power control in Germany and Austria / J. Mair, M. Balfour. – London: Oxford Univ. Press, 1956. – 390 p.
8. Ульякин, А.А. Политика США в отношении Австрии в период подготовки и принятия Государственного договора (1945–1955 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А.А. Ульякин; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2008. – 26 с.
9. Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг.: [сборник]. – М.–СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – 650 с.
10. Das Dokument der Freiheit / Der Wortlaut des österreichischen Staatsvertrages // Wiener Zeitung. – 1955. – 15 Mai. – S. 4–8.

Поступила в редакцию 28.02.2018 г.

УДК 327:330

Фактор терроризма в индийско-пакистанских отношениях

Горобец И.В.

Сумский государственный педагогический университет
имени А.С. Макаренка, Сумы (Украина)

В истории индийско-пакистанских отношений много примеров использования насилия для решения политических проблем. В 1948 г. мусульманский фанатик убил Махатму Ганди. Но не только акты индивидуального террора характерны для индийско-пакистанских отношений, ведь в 1947 г. в результате раздела Британской Индии на Индию и Пакистан обе конфликтующие стороны прибегали к этническим чисткам. Современный этап в истории применения террористических методов для решения локальных проблем в индийско-пакистанских отношениях приходится на начало 1990-х годов. Тогда значительное количество исламских радикалов из Афганистана прибыли в Пакистан с целью ведения джихада против Индии в штате Джамму и Кашмир. Территория этого спорного штата остается эпицентром использования террористических методов конфронтации.

Цель статьи — рассмотрение влияния фактора терроризма на развитие индийско-пакистанских отношений.

***Материал и методы.** Научная литература и периодическая пресса представляют значительный массив фактической информации об использовании террористических методов как инструмента влияния на враждебную сторону. В статье применены методы: проблемно-хронологический, критический и анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** В 1990-х годах актуализируется терроризм, прежде всего, в Кашмире. Радикализация ислама в Пакистане в это время превращается в серьезный фактор внутренней политики. Именно радикальные исламисты становятся конкурентами пакистанской армии в борьбе за власть. Пакистанская разведка стремится использовать радикалов для решения задач противостояния Индии. Это еще до 11 сентября 2001 г. дискредитирует имидж Пакистана на международной арене.*

В начале XXI века главной зоной проникновения террористов остается Кашмир. Пакистан пытается доказать свою готовность бороться с терроризмом в глобальном масштабе. Доказательная основа индийских обвинений Пакистана в поддержке исламского терроризма используется для нейтрализации влияния этого государства в мире. Фактор терроризма является угрозой для безопасности пакистанского военно-ядерного потенциала.

***Заключение.** В целом эта проблема придает Пакистану образ «падающего государства», балансирующего между военной диктатурой и установлением радикального исламского порядка. Фактор терроризма негативно влияет на позиционирование Пакистана в отношениях с США и Китаем. От способности светских властей Пакистана на деле противостоять терроризму зависит эффективность внутренней и внешней политики Пакистана.*

***Ключевые слова:** Индия, терроризм, Пакистан, Южная Азия.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 24–27)

The Factor of Terrorism in Indian-Pakistani Relations

Gorobets I.V.

Sumy State Pedagogical A.S. Makarenko University, Sumy (Ukraine)

The history of Indian-Pakistani relations is full of examples of violent resolution of political problems. In 1948, a Muslim extremist killed Mahatma Gandhi. However, acts of individual terror are not the only typical feature of Indian-Pakistani relations. In 1947, as a result of the division of British India into India and Pakistan, both conflicting parties resorted to ethnic cleansing. The modern stage in the history of the use of terrorist methods to solve local problems in Indian-Pakistani relations took place at the beginning of the 1990s. At that time, a large number of Islamic radicals from Afghanistan arrived in Pakistan to conduct jihad against India in the state of Jammu and Kashmir. The territory of this controversial state remains the epicenter of terrorist confrontation methods.

The purpose of this article is to describe the influence of the terrorist factor on Indian-Pakistani relations.

***Material and methods.** Scientific literature and periodicals provide us with a significant piece of factual information about the use of terrorist methods as a means to influence the enemy side. The methods used in this article are the problem-chronological method (to systematize the periodization of modern history of terrorism use in Indian-Pakistani relations), the critical method (to analyze the historiography of this problem).*

Адрес для корреспонденции: e-mail: gorobech.igor@gmail.com — И.В. Горобец

Findings and their discussion. In the 1990s, terrorism emerged, primarily in Kashmir. Islamic radicalization becomes a significant factor of Pakistani internal politics in this period. Islamic radicals become the main competitors of Pakistani army in the struggle for power. Pakistani intelligence tried to use the radicals in confrontation with India. This fact discredited the image of Pakistan on the international arena, even before September 11, 2001.

Kashmir remains the pain zone of terrorist penetration in the early 21-st century. Pakistan is trying to prove its willingness to fight terrorism on the global scale. The evidence base of India's accusations of Pakistan for supporting Islamic terrorism is used to neutralize Pakistan's influence on the world arena. The terrorist factor is a threat to the security of Pakistani nuclear potential.

Conclusions. This problem represents Pakistan as a «falling state» balancing between military dictatorship and the establishment of a radical Islamic order. The terrorism factor negatively influences the positioning of Pakistan in its relations with the US and China. The effectiveness of Pakistan's domestic and foreign policies depends on the ability of its secular authorities to counter terrorism.

Key words: India, terrorism, Pakistan, South Asia.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 24–27)

После террористической атаки в США 11 сентября 2001 г. многие аналитики заговорили о начале «глобальной войны» с мировым терроризмом. Это понятие было особенно популярным в период президентства Джорджа Буша младшего. Однако в 2009–2016 гг. администрация его преемника Барака Обамы попыталась сбалансировать соотношение «жесткой» и «мягкой» силы в обеспечении процесса реализации американских интересов на мировой арене. Правда, оба фронта «антитеррористической войны», открытые администрацией Дж. Буша младшего в Афганистане (октябрь 2001 г.) и Ираке (март 2003 г.), так и не были закрыты. Провозглашенная в январе 2018 г. военная доктрина администрации Дональда Трампа предусматривает продолжение реализации стратегии сохранения американского лидерства в мире, хотя победил Трамп на выборах в ноябре 2016 г. с «изоляционистской программой». Таким образом, США продолжают де-факто вести глобальную «антитеррористическую войну». Правда, в различных регионах планеты эта война имеет свои особенности.

Цель статьи – рассмотрение влияния фактора терроризма на развитие индийско-пакистанских отношений.

Материал и методы. Материалом исследования послужили литература и периодическая пресса об использовании террористических методов как инструмента влияния на враждебную сторону. В статье применены проблемно-хронологический метод для систематизации периодизации современной истории использования терроризма в индийско-пакистанских отношениях и критический метод анализа историографии этой проблемы.

Результаты и их обсуждение. В научной литературе проблема терроризма в его различных аспектах является достаточно глубоко разработанной. В американской научной литературе Индия рассматривается как более надежный союзник в борьбе с международным терроризмом, чем Пакистан. Идеологически США относят

Индию к великим демократиям и пытаются обеспечить ее следование в фарватере американской внешней политики [1]. В индийской научной литературе проблема противодействия международному терроризму рассматривается как синоним систематического противодействия именно радикальному мусульманскому терроризму, персонифицированному Пакистаном [2–4]. В этом смысле стратегия и тактика антитеррористической борьбы Индии предусматривает, прежде всего, обеспечение внутренней безопасности, противодействие внутренним сепаратистским движениям, угрожающим расколоть территориальную целостность Индии.

Военная доктрина Индии обеспечивает стратегические цели индийского руководства в Южной Азии и прилегающей зоне Индийского океана, а также поддержку внутренней безопасности. Существенными особенностями военного строительства в Индии являются следование принципу верховенства гражданской власти и неучастие военных во внутривластных делах. В Пакистане эта британская традиция не прижилась, ибо пакистанская армия, в отличие от индийской, как раз является стержнем пакистанской государственности.

Индийские ядерные силы основываются на триаде: наземные ракетные установки, воздушные и морские средства доставки ядерных боеголовок. Правда, в военную доктрину Индии вплелась стратегическая путаница. Этот документ констатирует, что ядерные силы Индии «должны быть эффективными, разнообразными, гибкими и оперативно соответствовать потребностям безопасности» соответственно концепции надежного минимального сдерживания. Под понятием «адекватный ответ» рассматривается ядерный удар, соответствующий потерям, которые понесла сторона, нанесяшая первый ядерный удар. Но под минимальным сдерживанием понимается способность нанести удар по врагу, который может нейтрализовать ожидаемые преимущества от агрессии.

Слабость стратегии Пакистана в противостоянии терроризму обусловлена постоянным противостоянием между светскими властями Пакистана и радикальными исламскими группами. Спорным остается вопрос степени сотрудничества пакистанских специальных служб и террористических группировок. Пакистанские власти пытаются представить состояние дел как «самодеятельность» исламистов, индийские спецслужбы стремятся доказать факт связей пакистанских спецслужб и террористов. Если бы это удалось, то имиджу Пакистана на мировой арене был бы нанесен непоправимый ущерб. Пакистан не имеет оснований для обвинения в ответ Индии в применении против него тактики терроризма.

В годы «холодной войны» перманентная конфронтация в индийско-пакистанских отношениях характеризовалась классическим межгосударственным противостоянием. Пик такого противостояния припадает на май 1998 г., когда Индия и Пакистан стали ядерными державами. После терактов 11 сентября 2001 г. в США фактор исламского терроризма стал влиять на Индию и Пакистан. Классический вариант подобного влияния – атака в конце 2007 г. исламистов на Мумбаи (бывший Бомбей). Пакистан использует фактор террористической активности как элемент асимметричной борьбы против Индии.

13 декабря 2001 г. террористы из экстремистской организации «Лашкар-е-Таиба» и «Джана-ш-е-Мухамед», которые базируются в Пакистане, атаковали индийский парламент. В результате теракта тогда погибли 14 человек. Индийская сторона не исключила возможности причастности к этим терактам пакистанских специальных служб. В результате на индийско-пакистанской границе произошли вооруженные стычки. Количество вооруженных сил, передислоцированных к границе, исчислялось миллионом солдат. Хотя кризис тогда был преодолен благодаря прямой встрече лидеров Индии и Пакистана, системной нормализации двусторонних отношений не произошло.

Антитеррористическая стратегия и тактика Пакистана характеризуется серьезными противоречиями. Общественное мнение в Пакистане настроено преимущественно антиамерикански и антииндийски. Однако главной проблемой является даже не это, а «особенное» положение пакистанских специальных служб. С одной стороны, ради выживания пакистанской государственности они вынуждены оставаться в цивилизованных рамках и имитировать эффективное сотрудничество с коллегами в противостоянии терроризму.

Но пример ликвидации 1 мая 2011 г. в Пакистане американским спецназом Усамы бен Ладена стал символом взаимного пакистанско-американского недоверия. Естественно, с учетом

системной напряженности в индийско-пакистанских отношениях о взаимодействии индийских и пакистанских спецслужб в вопросах превентивной борьбы с терроризмом говорить не приходится. Этот фактор существенно увеличивает риски угроз терроризма для дестабилизации ситуации в Южной Азии. Поэтому Индия пытается привлечь к антитеррористической борьбе сопредельные государства региона.

В январе 2010 г. в Дели побывала премьер-министр Бангладеш Шейх Хасина. Тогда было подписано соглашение о взаимодействии Индии и Бангладеш в процессе предотвращения терроризма [5, с. 87]. Однако Индии пока не удается добиться от Пакистана систематического и безусловного сотрудничества в вопросах предотвращения террористических атак. События «арабской весны» 2011 г. и последовавшая дестабилизация Сирии и Ирака по-разному воспринимаются общественным мнением Пакистана и Индии [6, с. 86]. Властям Пакистана удалось микшировать симпатии радикально настроенной мусульманской общественности к «Исламскому государству Ирака и Леванта».

В начале января 2018 г. президент США Дональд Трамп объявил о заморозке 250 млн дол. военной помощи Пакистану. Поводом к этому решению стало недостаточное сотрудничество Пакистана с Вашингтоном в вопросах предотвращения террористической активности. Сразу после этого решения в Кабуле произошла серия террористических атак, что подтвердило отказ пакистанских специальных служб от обмена информацией со своими западными коллегами. Отметим, что после проведения в мае 1998 г. ядерных испытаний в Пакистане США также прекратили военную помощь этой стране. Однако после 11 сентября 2001 г. и начала военной операции в Афганистане Пакистан стал очень важной территорией для решения логистических проблем поставки вооружений и продовольствия контингенту НАТО в Афганистан. Тогда администрация президента США Дж. Буша младшего договорилась об этом с президентом Пакистана П. Мушаррафом [7, с. 60].

Правда, США вынуждены учитывать, что Пакистан является важным союзником Китая. Причем Китай остается главным поставщиком оружия Пакистану. Поэтому США не могут себе позволить отдать Пакистан на откуп Пекину. Развитие событий в Сирии в 2011–2017 гг. засвидетельствовало, что формирование структур террористической государственности происходит в условиях ослабления легитимных государственных структур. Даже фактическое военное поражение в Сирии «Исламского государства Ирака и Леванта» не означает идеологического поражения идеи «священной войны». Поэтому Индия

объективно не заинтересована в значительном ослаблении существующих структур власти в Пакистане. Ведь, несмотря на напряженность в двусторонних индийско-пакистанских отношениях, сохранение влияния пакистанской армии на общественно-политические процессы является для Индии меньшим злом, чем хаотизация внутривластного положения в Пакистане.

Заключение. Таким образом, терроризм остается существенным фактором, который негативно влияет на развитие системы безопасности в Южной Азии. Индия вынужденно концентрирует внимание на региональных, а не глобальных террористических угрозах. Однако даже в формате Южной Азии еще не сформирована система предупреждения террористических угроз. Этот фактор делает террористическую угрозу максимальной для региональной безопасности. Относительно высокий уровень террористической активности, исходящий от Пакистана, максимально ухудшает его позиции в отношениях не только с Индией, но и с главным стратегическим союзником – Китаем. Пекин обеспокоен угрозой использования террористической тактики в своем населенном преимущественно мусульманами Синцзян-Уйгурском автономном округе. Положение властей Пакистана осложнено тем фактом, что применение силовых методов против сторонников радикального политического ислама угрожает гражданской войной в стране. Использование пакистанской армии в пакистанской части Пуштунистана систематически вызывало негативную реакцию общественного мнения граждан Пакистана. Также фактор терроризма имеет для Пакистана значение с точки зрения противостояния между суннитским большинством и шиитским меньшинством. Особенно ожесточенными столкновениями между суннитами и шиитами традиционно бывают в Карачи.

Фактор терроризма на самом деле подрывает даже идеологические основы пакистанской государственности. Пакистан в 1947 г. создавался как идеальная модель исламской государственно-

сти. Однако с тех пор эта страна так и не сделала окончательного концептуального выбора между сохранением преимущественно исламских форм отношений в обществе и его секуляризацией. Если подобную проблему не решить в принципе, то пакистанская государственность в XXI веке имеет все шансы на деградацию. Такой сценарий развития событий на самом деле не соответствует интересам соседей Пакистана, включая Индию. После терактов 11 сентября 2001 г. в США фактор терроризма приобрел для Пакистана особенно угрожающий характер. Но трагизм положения как раз и заключается в том, что светские власти Пакистана не способны ни идеологически, ни организационно разгромить террористов. До сих пор пакистанская армия полностью не контролирует даже пуштунскую часть пакистанско-афганской границы, которая является рассадником идеологии и практики терроризма. Поэтому фактор терроризма в обозримой перспективе остается негативной составляющей индийско-пакистанских отношений. Причем светский Пакистан не в состоянии окончательно победить в этой войне против терроризма.

Литература

1. Carter, B. Ashton. America's New Strategic Partner? / B. Carter // Foreign Affairs. – 2006. – July-August. – P. 2–16.
2. Jayapalan, N. Foreign Policy of India / N. Jayapalan. – New Delhi: Atlantic, 2001. – 507 p.
3. Kayathwal, M.K. Security and Foreign policy in South Asia / M.K. Kayathwal. – New Delhi: Pointer publishers, 1999. – 238 p.
4. Khanna, V.N. Foreign Policy of India / V.N. Khanna. – New Delhi: Vikas Publishing House, 2007. – 240 p.
5. Радикальный ислам. Взгляд из Индии и России. – М.: МОФ-ЭТЦ, 2010. – 484 с.
6. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке. – М.: МОФ-ЭТЦ, 2011. – 288 с.
7. Плешов, О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: Институт востоковедения РАН, 2003. – 260 с.

Поступила в редакцию 02.04.2018 г.

УДК 327.8(73+8)

Эволюция латиноамериканской политики США в XIX – середине XX в.

Касаткина Е.А.

Запорожский национальный университет, Запорожье (Украина)

Латиноамериканский регион традиционно занимает заметное место во внешней политике Вашингтона. Однако в разные годы внешнеполитический курс Соединенных Штатов в отношении стран Латинской Америки имел свои особенности. Поэтому в исследовании делается попытка ретроспективного анализа политики США на данном направлении.

Цель статьи – проследить в общих чертах эволюцию латиноамериканской политики Вашингтона с XIX до середины XX в. и выяснить, какое место занимал этот регион среди американских национальных приоритетов.

Материал и методы. Данная работа написана на основе официальных документов США и публикаций украинских, российских и американских авторов путем использования общенаучных и специально-исторических методов исследования.

Результаты и их обсуждение. Проведен анализ факторов, повлиявших на формирование латиноамериканской политики США и определивших характер ее качественных изменений в обозначенный период. Дана общая характеристика основных направлений внешней политики Соединенных Штатов с целью определения места латиноамериканского региона среди американских национальных приоритетов.

Заключение. В XIX – середине XX в. политика США по отношению к странам Латинской Америки претерпела некоторые изменения. В результате проведенного исследования автором предлагается выделить два условных этапа латиноамериканской политики США в XIX – середине XX в. Первый начинался с процесса становления американской государственности, основанной на принципах изоляционизма, и характеризовался доминированием латиноамериканского направления во внешней политике Соединенных Штатов. Второй этап охватил период с окончания Второй мировой войны до начала 1960-х гг. и отличался смещением фокуса приоритетов американской внешней политики, обусловленным особенностями американо-советского противостояния в годы «холодной войны».

Ключевые слова: США, Латинская Америка, внешняя политика, изоляционизм, доктрина Монро.

(Ученые записки. – 2018. – Том 26. – С. 28–33)

The Evolution of U.S. Latin American Policy in the XIX – Middle of the XX Centuries

Kasatkina K.A.

Zaporizhzhya National University, Zaporizhzhya (Ukraine)

The Latin American region has traditionally taken a prominent place in Washington's foreign policy. However, in different years the foreign policy of the United States towards the countries of Latin America had its own peculiarities. Therefore, the article makes an attempt to retrospectively analyze the US policy in this area.

The purpose of the article is to trace in general outline the evolution of Washington's Latin American policy from the XIX to middle of the XX centuries and to find out what place this region occupied among American national priorities.

Material and methods. This paper is based on the official US documents and publications of Ukrainian, Russian and American authors with the application of general scientific and especially historical methods of research.

Findings and their discussion. The analysis is provided to the factors that influenced its formation and determined the nature of its qualitative changes in the given period. A general description of the main orientation of the U.S. Foreign Policy is made for the purpose of determining the place of the Latin American region within the national priorities of the United States of America.

Conclusion. In the XIX – middle of the XX centuries the US policy towards the countries of Latin America underwent certain changes. As a result of the research the author proposes to mark out the two conditional stages of the U.S. Policy in Latin America in the XIX – middle of the XX centuries. The first one began with the process of shaping the American State System based on the principles of isolationism and was specified by the dominance of the Latin American orientation within the U.S. Foreign Policy. The second stage covers the period from the end of the Second World War to the early 1960s featuring a shift in the priority focus of the U.S. Foreign Policy caused by the factors of the U.S. – Soviet confrontation during the Cold War.

Key words: US, Latin America, foreign policy, isolationism, Monroe Doctrine.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 28–33)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kasatkina_k@inbox.ru – Е.А. Касаткина

Латиноамериканский регион традиционно занимает одно из ключевых мест среди внешнеполитических приоритетов США. История их взаимоотношений началась задолго до обретения Соединенными Штатами государственной независимости и на протяжении более двухсот лет неоднократно трансформировалась, вырабатывая новые формы взаимодействия. В первую очередь это было обусловлено процессом становления США в качестве ведущей мировой державы и одного из центров силы современной системы международных отношений. Во многом этим объясняется неснижающийся интерес к изучению латиноамериканского направления во внешней политике США, которое можно охарактеризовать как одно из ведущих направлений современной американистики.

Цель статьи – проследить в общих чертах эволюцию латиноамериканской политики Вашингтона с XIX до середины XX в. и выяснить, какое место занимал этот регион среди американских национальных приоритетов.

Материал и методы. Данная работа написана на основе официальных документов США и публикаций украинских, российских и американских авторов. Среди множества современных научных исследований по подобной проблематике можно выделить три основных направления, исходящих из приоритетности изучения определенных вопросов: общее, региональное и проблемное.

В первом блоке представлены работы общего характера, рассматривающие политику Соединенных Штатов по отношению к латиноамериканскому региону в целом. Большую часть таких исследований составляют работы зарубежных историков. Среди них хотелось бы отметить труды М. Гилдерхуса, С. Шварцберга, Г. Вика [1–3]. На постсоветском пространстве данному вопросу посвящены публикации В.В. Миροнова, В.П. Сударева, Л.Ю. Пытлëваной [4–6]. В них уделяется внимание функционированию межамериканской системы и устанавливаются факторы, влияющие на ее стабильность.

Ко второму блоку относятся работы, посвященные взаимоотношениям США с отдельными странами Латинской Америки. Среди них преимущество отдается странам Центральной Америки и Карибского бассейна как регионам, находящимся в непосредственной близости к границам Соединенных Штатов и испытывающим большее влияние со стороны северного соседа. Множество современных исследований такого плана изданы за рубежом и представлены работами Дж. Макин-таера, Э. Моралес Домингеса, К. Смита [7–9].

Третий блок занимают исследования по отдельным вопросам латиноамериканской поли-

тики Вашингтона. Среди большого количества специализированных трудов по различным проблемам региональной политики США особый интерес в рамках данной публикации представляют работы, посвященные изучению доктрины Монро как первого в истории Соединенных Штатов документа, включившего Латинскую Америку в зону своих национальных интересов и национальной безопасности. Подтверждением этому являются публикации Е.Г. Тусинова, И.Б. Лукач, Г. Ливингстон [10–12].

Несмотря на наличие довольно значительного числа исследований, посвященных латиноамериканской политике Соединенных Штатов, обобщающих работ по этому вектору американской внешней политики крайне мало. Поэтому представленная статья, на наш взгляд, не будет лишней в историографии внешней политики США. Изучение качественных изменений в региональной политике Вашингтона в указанный хронологический период позволит проследить эволюцию роли латиноамериканского фактора для внешней политики США.

Методологическую основу представленной статьи составляют принципы историзма, объективности и системности. При ее написании автор использовал общенаучные (сравнение, обобщение, анализ, синтез) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-генетический, историко-типологический) методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Формирование внешней политики Соединенных Штатов и ее латиноамериканского направления проходило в тесной связи со становлением американской государственности и американской ментальности. Среди факторов, повлиявших на этот процесс, чаще всего называют географическую обособленность и удаленность США от европейского континента, что создавало иллюзию безопасности от внешних вторжений. Изоляционизм был порожден особенностями иммигрантских переселенческих волн, участники которых, строя новое общество на основе либеральных демократических ценностей, стремились отмежеваться от всех связей со Старым Светом [6, с. 253–254]. Во многом это определило локальный характер внешней политики США на начальном этапе и приоритетность латиноамериканского региона в первые десятилетия становления американского государства.

Как логически выверенный и теоретически обоснованный внешнеполитический курс США по отношению к странам Латинской Америки оформился к 1823 г., главной характеристикой которого стала доктрина Монро. Ее основополагающий принцип, озвученный американским президентом Дж. Монро в ежегодном послании

Конгрессу 2 декабря 1823 г., состоял в том, что американские континенты не должны рассматриваться в качестве субъектов будущей колонизации любой европейской державы [13]. Таким образом, США стремились ограничить влияние европейских держав в Западном полушарии. Не подвергая сомнению особую роль США в латиноамериканском регионе, к доктрине Монро апеллировали практически все президентские администрации, более широко интерпретируя ключевые ее положения. Так, к ней обращался Дж. Тайлер в 1842 г., начав процесс присоединения Гавайских островов. В 1870 г. У. Грант, опираясь на основные положения доктрины, предпринял неудачную попытку аннексии Доминиканской Республики. Подобных примеров можно привести множество.

С целью развития базовых идей доктрины Монро в 1880 г. в Вашингтоне госсекретарем Дж. Блейном был сформулирован новый подход к латиноамериканской политике, вошедший в историю как политика «большого брата». Ее задачей являлось объединение Западного полушария под эгидой США и открытие рынков сбыта в этом регионе для американских товаров. Однако реализация данной идеи была затруднена [14, р. 161]. Лишь в 1889 г. удалось организовать и провести I Международную конференцию американских государств, целью которой была разработка системы арбитража для урегулирования возможных разногласий и налаживание выгодных торговых связей между странами-участницами конференции [15, р. 11]. Несмотря на то, что цель конференции не была достигнута в полном объеме, мероприятие способствовало формированию основ для панамериканского сотрудничества.

Переломный момент в изменении геополитической ситуации в регионе – Первый Венесуэльский кризис 1895 г. Результатом его урегулирования стало новое прочтение доктрины Монро государственным секретарем США Р. Олни, соединившим принципы 1823 г. с реалиями 1890-х гг. в идее гегемонии и интервенционализма Соединенных Штатов в Западном полушарии [16, с. 247].

Успехи американской дипломатии при урегулировании кризиса были закреплены результатами испано-американской войны 1898 г., положившей конец колониальной Испанской империи в Карибском бассейне и на Тихом океане. По условиям Парижского мирного договора США получили контроль над бывшими испанскими колониями в Пуэрто-Рико, на Филиппинах, Гуаме и Кубе. Территориальные приобретения и успехи в дипломатической сфере ознаменовали начало гегемонии Соединенных Штатов в Западном полушарии и способствовали расширению экспансии во всех частях света. Тем не менее Вашингтон все

еще оставался верен принципам изоляционизма, не втягиваясь в конфликты с другими государствами и сохраняя свободу рук, социальную и политическую стабильность.

Таким образом, в силу следования идеям изоляционизма и принципам доктрины Монро латиноамериканское направление было доминантным во внешней политике США в течение всего XIX в. Растущие политические и экономические амбиции молодого государства подготовили фундамент для дальнейшей американской гегемонии в Латинской Америке.

В начале XX столетия Соединенные Штаты укрепили свои позиции в латиноамериканском регионе благодаря политике «большой дубинки» Т. Рузвельта и «долларовой дипломатии» У. Тафта. Первая сводилась к провозглашению превентивного вмешательства США во внутренние дела латиноамериканских государств и к одностороннему принятию на себя функций международной полицейской силы. Так, начиная с испано-американской войны 1898 г., Соединенные Штаты провели серию военных акций в Центральной Америке и Карибском бассейне, установив собственный протекторат над Панамой, Гондурасом, Никарагуа, Мексикой, Гаити и Доминиканской Республикой. В неразрывной связи с политикой «большой дубинки» развивалась и «долларовая дипломатия» У. Тафта. Она отражала растущие потребности американской экономики и предполагала создание наиболее благоприятных условий для американского капитала не только в Латинской Америке, но и в Восточной Азии и Западной Африке [17, р. 807–808]. Тем самым подчеркивалась возрастающая роль Соединенных Штатов на мировой арене, а фокус американской внешней политики смещался с регионального уровня на глобальный. С одной стороны, в политической культуре США с этого времени закрепились традиции односторонней стратегии по отношению к латиноамериканскому региону, с другой – начали вырабатываться новые формы взаимодействия со Старым Светом. Например, политика «открытых дверей» в Китае.

Во время Первой мировой войны Вашингтон увеличил усилия, направленные на укрепление позиций Соединенных Штатов на международной арене. Растущие геополитические амбиции обеспечивались быстрой индустриализацией страны. Война впервые дала возможность США перебросить свои войска в Европу, что стало первым свидетельством появления на мировой арене нового крупного игрока – Соединенных Штатов Америки. Одновременно президент В. Вильсон призвал страну выйти за рамки собственных экономических интересов и проводить внешнюю политику с точки зрения идеалов морали и расширения демократии за рубежом. В 1918 г.

он сформулировал известные «14 пунктов» [18], отразившие новые подходы во взаимоотношениях между государствами и создание системы коллективной безопасности, на примере Лиги Наций. Однако членство США в международной организации не было поддержано Конгрессом ввиду сохранившихся изоляционистских настроений. Краткий всплеск внешнеполитической активности Соединенных Штатов в данный период не обеспечил стабильного их участия в мировой политике. Вашингтон отдал предпочтение латиноамериканскому региону и укреплению позиций США на Тихом океане.

Сложная экономическая ситуация внутри страны на рубеже 1920–1930-х гг. сделала уязвимой позицию Соединенных Штатов не только на мировой арене, но и в Латинской Америке, что затруднило наступательную политику в регионе. Это привело к отказу от экспансии силы и провозглашению политики «добрососедства» Ф. Рузвельта. Магистральные принципы новой политики были озвучены американским президентом в инаугурационной речи 4 марта 1933 г. [19] и закреплены на панамериканских конференциях в Монтевидео в 1933 г. и Буэнос-Айресе в 1936 г. Практическая реализация политики «добрососедства» предполагала невмешательство Соединенных Штатов во внутреннюю политику стран Латинской Америки и создание благоприятных условий взаимовыгодных торговых отношений. Для доказательства своей приверженности данным принципам Вашингтон в 1934 г. вывел морских пехотинцев из Гаити и Никарагуа, а также отменил Поправку Платта, тем самым ослабив контроль над Кубой. Таким образом, несмотря на изменение подходов и проявление интереса к новым направлениям, латиноамериканский регион оставался главным приоритетом во внешней политике США и в первые десятилетия XX в.

К началу Второй мировой войны в политических кругах США были сильны позиции изоляционистов, выступавших против участия страны в европейских и азиатских конфликтах. Это позволило Соединенным Штатам сохранить нейтралитет до 7 декабря 1941 г., когда Япония совершила нападение на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор, что послужило поводом для вступления США в войну. Тем самым был положен конец политике изоляционизма и намечен переход США от позиций пассивного наблюдателя к одному из лидеров мировой политики.

Во время войны закрепились положительная тенденция во взаимоотношениях Соединенных Штатов со странами Латинской Америки. Она была обусловлена участием латиноамериканских стран в войне на стороне антигитлеровской коалиции и поддержкой усилий Вашингтона в Европе и Азии. Кроме того, сами государства

региона стали проявлять заинтересованность в новых формах взаимоотношений с США. Все это убедило стороны в необходимости создания системы коллективной безопасности в Западном полушарии. Так, на IX Международной конференции американских государств в Боготе в 1948 г. был принят устав Организации американских государств. Ее цель – поддержание мира, сотрудничества и защита территориальной целостности и независимости [20]. Однако, как показала практика, Вашингтон, используя средства экономического и политического давления на латиноамериканские страны, неоднократно навязывал ОАГ решения, направленные на укрепление собственных позиций в Латинской Америке.

С окончанием войны закончилась эра господства европейской дипломатии. Поражение Германии усилило позиции США и СССР, изменив геополитическую ситуацию на мировой арене. Это не могло не отразиться на расстановке приоритетов во внешней политике Соединенных Штатов. Участие последних в формировании новой системы международных отношений, реализации программы помощи послевоенной Европе несколько отвлекли внимание США от латиноамериканского региона. Это было связано с тем, что с началом «холодной войны» Вашингтон еще больше сосредоточил свои усилия на военно-политическом, экономическом и идеологическом противостоянии в Старом Свете, ставшим главным внешнеполитическим приоритетом США во второй половине XX в.

Анализируя ведущие направления политики Вашингтона в первые десятилетия «холодной войны», следует обратить внимание на содержание доктрин, отражавших ключевые цели внешнеполитических стратегий государства. Так, в доктрине Трумэна акцентировалось внимание на военной и экономической помощи Турции и Греции, чтобы не допустить распространения там советского влияния [21]. Д. Эйзенхауэр в своем выступлении перед Конгрессом 5 января 1957 г. остановился на Ближнем Востоке, который также находился в поле интересов СССР [22]. Таким образом, в основных положениях доктрин второй половины 1940-х – 1950-х гг. подтверждается смещение фокуса политических интересов с латиноамериканского региона на европейский и ближневосточный. Кроме того, война в Корее в 1950–1953 гг., которая велась опосредованно капиталистическим и социалистическим блоками, также оказала влияние на включение восточно-азиатского направления в приоритеты внешней политики США того времени.

Несмотря на это, Соединенные Штаты не утратили своего господства в Западном полушарии. Как утверждает российский исследователь В.П. Сударев, конец 1940-х – 1950-е гг. были пи-

ком влияния США в латиноамериканском регионе. Речь шла даже не столько о резко возросшей асимметрии между Соединенными Штатами и Латинской Америкой, а о почти безусловной зависимости большинства государств региона в своей экономической жизни, внутренней и внешней политике от Соединенных Штатов [5, с. 45]. При этом на первое место вышла идеологическая составляющая латиноамериканской политики США. В целях предотвращения установления «левых» режимов в регионе возобновилась практика интервенционализма. Так, например, в 1954 г. в Гватемале был свергнут демократически избранный президент Х.А. Гусман.

Однако подобная политика не предотвратила в 1959 г. революцию на Кубе. Используя характерные для латиноамериканской политики США методы и подходы, Вашингтон пытался вернуть Кубу в сферу своего влияния. Следует отметить, что успех Кубинской революции вновь обратил внимание США на латиноамериканское направление собственной внешней политики. Уже в инаугурационной речи Дж. Кеннеди 20 января 1961 г. прозвучал призыв к сдерживанию коммунизма в Западном полушарии [23]. По существу, эта доктрина расширяла положения доктрин предыдущих администраций, добавив Латинскую Америку в поле борьбы с коммунистической угрозой. Тем не менее настойчивость проводимой Вашингтоном политики подтолкнула правительство Ф. Кастро обратиться за помощью к СССР. В результате конфликт был перенесен с регионального уровня на глобальный и приобрел характер американско-советского противостояния.

Таким образом, политическая ситуация, сложившаяся в регионе к началу 1960-х гг., вынудила США пересмотреть традиционные подходы к формированию внешнеполитических стратегий по отношению к странам Латинской Америки, вернув их в одно из главных, после европейского, направлений своей внешней политики.

Заключение. Следовательно, в обозначенный период политика США по отношению к странам Латинской Америки претерпела определенные изменения. При этом можно выделить два условных этапа этой политики.

Первый начался с процесса становления американской государственности и провозглашения политики изоляционизма до вступления США во Вторую мировую войну. Он характеризовался доминированием латиноамериканского направления во внешней политике Соединенных Штатов и прошел путь от ограничения влияния европейских держав в Западном полушарии и утверждения американской гегемонии в Латинской Америке до политики «добрососедства» и создания новых форм взаимодействия.

Второй этап охватил период с окончания Второй мировой войны до начала 1960-х гг. Его отличительной особенностью стал переход США от позиций пассивного наблюдателя к становлению в качестве лидера мировой политики, региональные приоритеты которого выходили далеко за пределы Западного полушария. Участие в формировании новой системы международных отношений и начало «холодной войны» повлияли на смещение фокуса приоритетов во внешней политике с латиноамериканского региона в сторону европейского, ближневосточного и восточноазиатского, которые стали своеобразной составляющей американско-советского противостояния. В силу устоявшихся внешнеполитических традиций, основанных на принципах доктрины Монро, Западное полушарие продолжало рассматриваться США исключительно как сфера своего влияния. Только к началу 1960-х гг., с победой Кубинской революции и включением Латинской Америки в борьбу с коммунистической угрозой, этот регион, как и другие направления американской внешней политики, был подчинен главному на тот момент приоритету – противостоянию с СССР.

Литература

1. Gilderhus, M.T. The Second Century: U.S. – Latin American relations since 1889 / M.T. Gilderhus. – Wilmington: Scholarly Resources Inc., 2000. – 286 p.
2. Schwartzberg, S. Democracy and U.S. Policy in Latin America during the Truman Years / S. Schwartzberg. – Gainesville: University Press of Florida, 2003. – 320 p.
3. Weeks, G.B. U.S. and Latin American Relations / G.B. Weeks. – Oxford: John Wiley & Sons, 2015. – 146 p.
4. Миронов, В.В. Латиноамериканский вектор во внешней политике США: эволюция доктринальных установок и факторы формирования в современности / В.В. Миронов // Вестник Омского университета. – 2012. – № 1. – С. 79–86.
5. Сударев, В.П. Взаимозависимость и конфликт интересов. США и Латинская Америка. Вторая половина XX века / В.П. Сударев. – М.: ИЛА РАН, 2000. – 357 с.
6. Питльована, Л.Ю. Зовнішня політика США зламу XIX – початку XX століття в американському повоєнному історіографічному дискурсі: основні ідеї та проблеми / Л.Ю. Питльована // Військово-науковий вісник Академії Сухопутних військ імені гетьмана Петра Сагайдачного. – 2013. – № 20. – С. 249–259.
7. McEntire, J.M. The United States and Caribbean Dictators: U.S. Relations with Nicaragua and the Dominican Republic, 1940–1963 / J.M. McEntire. – Ruston: Louisiana Tech University, 2002. – 202 p.
8. Morales Dominguez, E. United States – Cuban Relations: a critical history / E. Morales Dominguez, G. Prevost. – Plymouth: Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2008. – 166 p.
9. Smith, C.E. Inevitable Partnership: Understanding Mexico – U.S. Relations / C.E. Smith. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2000. – 246 p.
10. Тусинов, Е.Г. Эволюция доктрины Монро в отношении Кубы / Е.Г. Тусинов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15, № 1. – С. 146–149.

11. Лукач, І.Б. Розвиток доктрини Монро як концептуальної основи політики США в Латинській Америці (кін. XIX – поч. XX ст.) / І.Б. Лукач // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Сер., Історія. – 2013. – № 1(114). – С. 43–45.
12. Livingstone, G. America's Backyard: The United States and Latin America from the Monroe Doctrine to the War on Terror / G. Livingstone. – L.: Zed Books, 2009. – 270 p.
13. Monroe, J. Seventh Annual Message. December 2, 1823 [Electronic resource] / J. Monroe. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29465>. – Date of access: 15.12.2016.
14. Lens, S. The Forging of the American Empire: From the Revolution to Vietnam, a History of U.S. / S. Lens, L. Sidney, Z. Howard. – L.–Chicago: Pluto Press, Haymarket Books, 2003. – 464 p.
15. International Union of American Republics / International Bureau of the American Republics. – Washington D.C.: W.F. Roberts, 1901. – 56 p. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://archive.org/details/internationaluni00inte>. – Date of access: 19.01.2016.
16. Лукач, І.Б. Перша Венесуельська криза (1895 р.) та нове прочитання доктрини Монро у латиноамериканській політиці США / І.Б. Лукач // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – 2013. – Вип. XXXVI. – С. 243–248.
17. Imperialism and Expansionism in American History: A Social, Political, and Cultural Encyclopedia and Document Collection: in 4 vol. / ed.: C.J. Magoc, D. Bernstein. – Santa Barbara: ABC-CLIO, 2015. – Vol. 1. – 1720 p.
18. Wilson, W. Address to a Joint Session of Congress on the Conditions of Peace. January 8, 1918 [Electronic resource] / W. Wilson. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=65405>. – Date of access: 09.01.2016.
19. Roosevelt, F.D. 1 Inaugural Address. March 4, 1933 [Electronic resource] / F.D. Roosevelt. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=14473>. – Date of access: 15.12.2015.
20. Charter of the Organization of American States [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.oas.org/dil/treaties_A_41_Charter_of_the_Organization_of_American_States.htm#ch1. – Date of access: 05.01.2016.
21. Truman, H.S. 56 – Special Message to the Congress on Greece and Turkey: The Truman Doctrine. March 12, 1947 [Electronic resource] / H.S. Truman. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=12846>. – Date of access: 05.01.2016.
22. Eisenhower, D.D. 6 – Special Message to the Congress on the Situation in the Middle East. January 5, 1957 [Electronic resource] / D.D. Eisenhower. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=11007>. – Date of access: 05.01.2016.
23. Kennedy, J.F. 1 – Inaugural Address. January 20, 1961 [Electronic resource] / J.F. Kennedy. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=8032>. – Date of access: 09.01.2016.

Поступила в редакцію 10.04.2018 г.

УДК [94(476+470+571):327.8]«1990/...2010»

Белорусско-российские отношения и фактор Запада (1990-е – 2010-е гг.)

Косов А.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Современная история белорусско-российских отношений насчитывает более двух с половиной десятилетий. Сегодня сотрудничество Беларуси и России имеет стратегический характер, развиваясь по всем направлениям. Однако наиболее успешными сферами взаимодействия двух государств являются внешнеполитическое и оборонное направления. Это объясняется воздействием внешнего фактора, в частности действий Запада по усилению геополитического влияния в мире, что способствует консолидации Беларуси и России.

Цель статьи – рассмотреть влияние западного фактора на развитие белорусско-российских отношений в постсоветский период.

Материал и методы. Представленная работа написана на основе информационных источников, а также имеющихся исследований белорусских, российских и западных авторов с использованием общенаучных и специально-исторических методов.

Результаты и их обсуждение. Действия Запада по продвижению на Восток, а также попытки США, ЕС и НАТО диктовать свои условия Минску и Москве способствовали белорусско-российскому сближению. Внешний фактор консолидирует Беларусь и Россию с целью противостояния потенциальной опасности, примером чего является координация внешней и оборонной политики двух государств. При этом у сторон имеются свои национальные интересы, что порой приводит их к собственному видению актуальных проблем мировой политики, а это в ряде случаев вызывает белорусско-российское недопонимание. Однако в целом Беларусь и Россия являются ближайшими союзниками и стратегическими партнерами, усматривающими в политике Запада потенциальную опасность, которая требует с их стороны адекватных ответов.

Заключение. Сделан вывод о том, что действия Запада содействуют белорусско-российскому сближению. Именно военно-стратегическое сотрудничество Беларуси и России является их наиболее успешной сферой взаимодействия.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, Запад, ЕС, США, белорусско-российские отношения.

(Ученые записки. – 2018. – Том 26. – С. 34–41)

Belarusian – Russian Relations and the Western Factor (1990-s – 2010-s)

Kosov A.P.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Contemporary history of Belarusian – Russian relations has lasted for two and a half decades. The cooperation between Belarus and Russia today is of strategic character and develops in different directions. While the most successful spheres of the interaction of the two countries are the foreign policy and the defense directions. This is explained by the influence of the outer factor, namely by the actions of the West on the strengthening the geopolitical influence in the world which promotes the consolidation of Russia and Belarus.

The purpose of the article is to consider the influence of the Western factor on the development of the Belarusian – Russian relations in the post-Soviet period.

Material and methods. The paper is based on information sources and on the available studies by Belarusian, Russian and Western authors with the application of general scientific and special historical methods.

Findings and their discussion. Actions of the West on the advance to the East as well as attempts of the USA, EU and NATO to dictate their conditions to Minsk and Moscow promoted Belarusian – Russian nearing. The outer factor consolidates Belarus and Russia with the aim to confront a potential danger, the example of which is the coordination of

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – А.П. Косов

the foreign and defense policy of the two countries. At the same time the countries have their national interests, which often results in their own vision of the urgent issues of the global policy, which, in some cases, causes Belarusian – Russian misunderstanding. However, Belarus and Russia are, on the whole, closest strategic partners which consider Western policy to be potentially dangerous, which requires proper responses.

Conclusion. *Conclusion is made that actions of the West promote Belarusian – Russian nearing. It is the military strategic cooperation of Belarus and Russia which is their most successful sphere of interaction.*

Key words: *Belarus, Russia, the West, EU, the USA, Belarusian – Russian relations.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 34–41)

Распад Советского Союза привел к существенным геополитическим изменениям в мире. На месте канувшей в Лету сверхдержавы появилось пятнадцать новых независимых государств, избравших различные внешнеполитические ориентации. В результате постсоветское пространство стало ареной геополитической борьбы ведущих центров силы постбиполярного мира. Именно в таких условиях происходило становление и развитие белорусско-российских отношений. Поэтому представляется актуальным обратить внимание на роль Запада в двусторонних взаимоотношениях Минска и Москвы. На наш взгляд, можно выделить несколько этапов их развития:

1) 1991–1994 гг., когда Минск и Москва больше думали о том, как стать полноправной частью западного мира, нежели о полномасштабном сближении друг с другом;

2) 1995–2002 гг. – период интенсивного белорусско-российского сближения в условиях неблагоприятной для двух стран международной обстановки, что привело к созданию Союзного государства Беларуси и России;

3) 2002–2018 гг. – перевод Кремлем белорусско-российского сотрудничества на прагматические основы, что заставило Минск диверсифицировать свою внешнюю политику в соответствии с декларируемым принципом многовекторности при сохранении взаимодействия с Москвой по актуальным вопросам международных отношений и международной безопасности.

Цель статьи – рассмотреть влияние западного фактора на развитие белорусско-российских отношений в постсоветский период.

Материал и методы. Представленная работа написана на основе информационных источников и исследований белорусских, российских и западных авторов – В.Е. Снапковского, А.В. Тихомирова, Ю.В. Шевцова, К.Ф. Затулина, В.П. Зиновьева, К.Е. Мещерякова, В.Г. Мысливцева, А.А. Сергунина, А.А. Слинько, Д.В. Тренина, Я. Бугайского, Ш. Гарнетта, А. Рара, Р. Шеферда и др.

При написании использовались общенаучные (анализ, синтез, обобщение, сравнение, дедукция, индукция) и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный) методы исследования, позволившие проанализировать влияние Запада на развитие белорусско-российских отношений в постсоветский период.

нализировать влияние Запада на развитие белорусско-российских отношений в постсоветский период.

Результаты и их обсуждение. Распад Советского Союза кардинально изменил геополитическую ситуацию в мире. Вместо исчезнувшей сверхдержавы на политической карте мира появилось пятнадцать новых независимых государств, избравших разные внешнеполитические ориентации. Многие из постсоветских стран взяли ориентир на Запад.

В начале 1990-х гг. среди политического истеблишмента Беларуси по вопросам внешнеполитического курса страны выделялись две группы. Одна из них ориентировалась на Запад, другая – на Российскую Федерацию. Часть белорусского руководства (С.С. Шушкевич, П.К. Кравченко), не отклоняя стратегический курс на всестороннее сотрудничество с Россией и другими странами СНГ, пыталась сделать Беларусь своеобразным мостом между Востоком и Западом. К тому же они стремились ослабить политическую, экономическую и военную зависимость страны от РФ и одновременно укрепить политические и торговые связи с европейскими государствами и США. Им противостояла линия В.Ф. Кебича и номенклатуры на «восстановление разорванных экономических связей» с Россией и другими постсоветскими странами и подключение Беларуси к системе коллективной безопасности СНГ [1, с. 6–7].

Со своей стороны российское руководство в первой половине 1990-х гг. не проявляло особой активности по сближению с Минском, поскольку оно надеялось установить равноправные отношения с Западом. Можно сказать, что в белорусско-российских отношениях Кремль «плыл» по течению: он не оказывал активной поддержки инициативам белорусской стороны, но и не сопротивлялся им. Прозападные либералы заявляли, что «период внутреннего развития, решения внутренних проблем, проведения приватизации, экономических реформ не закончен, не завершен в России», поэтому «нет необходимости в государственном объединении России и Белоруссии» и «в лучшем случае речь может идти о взаимовыгодной торговле» [2]. Поэтому даже установление дипломатических отношений между Беларусью и Россией произошло с неоправданным

для отношений «братских народов» опозданием [1, с. 6].

Во второй половине 1990-х гг. белорусско-российское сближение было обусловлено в том числе и действиями Запада, особенно планами расширения НАТО на Восток и агрессивными действиями альянса в отношении СРЮ. Как в Беларуси, так и в России понимали, что Запад не собирается уходить с постсоветского пространства [3, с. 112]. Москва, прежде не очень желавшая платить за интеграцию российскими дотациями белорусской экономике, теперь, в силу менявшихся геополитических реалий в связи с намечавшимся расширением НАТО на Восток, пошла на экономические уступки, среди которых было предоставление Минску 150-миллиардного кредита, а также обещанные ей на будущее иные формы финансовой и материальной помощи. Учитывая военно-стратегические аспекты сотрудничества с Беларусью, Москва согласилась со многими белорусскими аргументами [4].

В условиях расширения НАТО на Восток для Минска существенно повышался геополитический статус РФ. С военно-стратегической точки зрения Россия как ядерная держава для Беларуси является гарантом ее безопасности. Созданное сторонами Союзное государство обеспечивает внешнеполитическое прикрытие Беларуси на мировой арене, создает основу белорусской обороноспособности и составляет политическую базу экономической интеграции [5, с. 379]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. республика зависела от дипломатической поддержки России на международной арене [6, р. 137].

Со своей стороны Минск способен обеспечить безопасность западных границ Союзного государства и самой России [7]. 6 января 1995 г. Россия заключила с Беларусью соглашение о военно-техническом партнерстве, регламентирующее порядок аренды военных объектов на территории республики. В рамках военной составляющей сотрудничества Минска и Москвы белорусская сторона является основной сухопутной силой на западных границах Союзного государства [8]. Как справедливо отмечает отечественный эксперт Ю. Шевцов: «Военный союз с Беларусью позволил России создать относительно дешевую форму противодействия экспансии западного блока. Столицы новых членов НАТО находятся под угрозой удара с территории Беларуси силами имеющегося у нее конвенционального вооружения. Оборона Калининградской области также выстроена исходя из партнерства с белорусскими ВС» [8]. Стороны полностью отработали возможность быстрого вхождения на территорию республики российских войск уже на начальных стадиях гипотетического конфликта с НАТО. Ю. Шевцов уверен, что белорусско-российский

военный союз «способен выдержать любой реально существующий сценарий угроз: от большого конфликта с НАТО до попытки развязывания в Беларуси гражданской войны в целях ослабления экономического потенциала РФ» [8].

Кроме того, для Москвы Беларусь приобрела большое значение в целях разрыва «санитарного кордона» вокруг России. Ведь стратегическое месторасположение республики таково, что белорусско-российская интеграция предотвращает формирование «Балтийско-Черноморского пояса вокруг Российской Федерации» [9, р. 62]. По мнению Д.В. Тренина из Московского центра Карнеги, Минск в своих интересах сумел сыграть на замешательстве и страхах Москвы, позиционируя Беларусь в качестве «слабого звена в том, что Кремль рассматривал как балтийско-черноморский санитарный кордон, призванный изолировать Россию от Европы» [10, р. 80]. Поэтому, как справедливо отмечал российский исследователь В.Г. Мысливцев, учитывая имеющиеся «вызовы» со стороны Запада, Минск и Москва ощутили необходимость в сближении друг с другом и стали «работать над проблемами воссоединения в единое государство...» [11, с. 404]. Основой создания региональной группировки войск Беларуси и России стала принятая 10 февраля 1995 г. Концепция коллективной безопасности государств-участников ДКБ. В данном документе объединенные группировки войск в регионах рассматривались в качестве одного из элементов сил и средств системы коллективной безопасности государств-участников. В состав региональной группировки войск вошли вооруженные силы Республики Беларусь и 20-я армия Западного военного округа вооруженных сил Российской Федерации с соединениями, воинскими частями усиления центрального и окружного подчинения [12, с. 13–14].

Многие на Западе с определенной тревогой увидели в сближении Минска и Москвы проявления российского «неоимпериализма». Например, реагируя на подписание двумя странами 2 апреля 1997 г. Договора о Союзе Беларуси и России, представитель госдепартамента США Н. Бернс заявил о том, что Вашингтон не настроен против белорусско-российского сближения. Одновременно он заметил, что данный процесс должен быть «добровольным», основанным на свободном волеизъявлении народов. Наконец, американский чиновник усмотрел в действиях Москвы и Минска потенциальную возможность создания в Европе новых разделительных линий [13, с. 54–55]. В свою очередь, европейская политическая элита оказалась несколько обеспокоена тем фактом, что при определенном стечении обстоятельств белорусско-российский союз может стать антизападным объединением [14, с. 29].

В 2002 г. пражский саммит НАТО, принявший решение о дальнейшем расширении альянса за счет семи стран ЦВЕ, в том числе прибалтийских государств, стал ярким свидетельством игнорирования интересов национальной безопасности России и Беларуси [2]. По словам тогдашнего министра обороны РФ С.Б. Иванова, «военно-политическое руководство России имеет все основания опасаться интеграции Эстонии, Латвии и Литвы в НАТО... Альянс приобретает большие возможности по наблюдению за российской территорией. Мы не можем закрывать глаза на то, что военно-воздушные и военные базы НАТО перемещаются все ближе к городам и оборонным комплексам европейской части России» [15].

Запад усмотрел в появлении Союзного государства угрозу своим планам подчинения постсоветского пространства. Именно здесь кроется разгадка информационной войны, начатой западными СМИ против данного интеграционного объединения. Известно, что накануне президентских выборов 2001 г. в Беларуси отдельные политические силы Запада намеревались применить в стране югославский сценарий, в результате реализации которого был свергнут С. Милошевич. Итог: полный развал «изнутри» российско-белорусского единства — и как минимум углубление общего кризиса в западных интересах [16, с. 167]. Кроме того, США и ЕС отреагировали на углубление российско-белорусского сотрудничества политикой санкционного давления на Минск, мотивируя это нарушением прав человека и отсутствием демократии в стране [17, с. 128]. В 2004 г. Вашингтон ввел запрет на выдачу виз белорусскому руководству, а также финансовые санкции в отношении ряда лиц, обвиненных в нарушениях прав человека. Известно, что госсекретарь США в администрации Дж. Буша младшего К. Райс назвала Беларусь «последней диктатурой» в Европе [18]. В конце 2007 г. США заморозили счета нефтяной компании «Белнефтехим». В знак протеста в марте 2008 г. Минск отозвал белорусского посла из Вашингтона и настоял на отъезде американского посла из Минска [17, с. 128]. Что касается Евросоюза, то разнообразные санкции в отношении Беларуси так и не достигли своих целей. Более того периодически санкционная политика ЕС приводила к разногласиям среди его членов. Так, попытки Чехии, Словакии, Польши и Литвы в 2006 г. расширить список официальных лиц Беларуси, которым автоматически отказывали во въезде на территорию ЕС, не нашли понимания у остальных государств-членов Евросоюза. В октябре 2008 г. мораторий на выдачу виз высшим должностным лицам Беларуси и вовсе был отменен [19]. Очевидно, что стратегия Запада в отношении Беларуси «заключается в периодическом обострении белорусского вопроса,

в поддержке деструктивных сил внутри страны, создании угрозы внутренней стабильности в республике. Это позволяет активно “торговать” белорусским вопросом на переговорах с Россией, получать от нее дополнительные уступки» [20, с. 30].

После «оранжевой революции» в Украине, в результате которой Киев окончательно объявил о своей прозападной ориентации, Беларусь приобрела для России еще большее стратегическое значение. Рассматривая заинтересованность Москвы в нашей республике, отдельные западные эксперты даже называли ее последней европейской страной, благодаря которой еще поддерживаются ностальгические иллюзии Кремля об имперском величии России, а белорусская территория становится ареной для последней битвы между поднимающейся РФ и Западом за стратегическое преимущество на континенте в постбиполярный период [21, р. 74]. В этом контексте западные авторы обращали внимание на стремление Москвы обеспечить постоянное присутствие своих войск на территории Беларуси и полный контроль над ее воздушным пространством, подчеркивая частое проведение совместных белорусско-российских военных учений и тесные контакты между оборонными ведомствами двух государств [9, р. 66]. Действительно, не секрет, что у обеих стран единая система ПВО. Военно-техническое сотрудничество Беларуси и России развивается исходя из общих военных задач. По словам Ю. Шевцова, «белорусский ВПК очень основательно интегрирован с российским, специализируясь прежде всего на радиоэлектронной начинке для выпускаемых в РФ военных изделий, а также систем управления войсками, наведения и т.п., на ремонте и модернизации сложной военной техники» [8]. Однако инсинуации западных экспертов относительно вассальной роли Беларуси и определенного Москвой ей места в «экспансионистской» стратегии России являются надуманными и не соответствуют реальной действительности. Сегодня ни Минск, ни Москва не хотят понижения международно-правового статуса Беларуси. Как отмечал отечественный эксперт В.Ф. Гигин: «Белорусская независимость в настоящее время достаточно гарантирована, по крайней мере, с востока. Полноценный суверенитет Беларуси стал осознанной необходимостью не только для самих белорусов, но и для России» [22]. Подтверждением заблуждений отдельных экспертов являются и слова А.Г. Лукашенко, сказанные в 2004 г.: «Хочу с твердостью и определенностью сказать главное: в новой ситуации Беларусь не “буферное государство” и не вассал той или иной страны. Мы не в западне. Мы не камешек между жерновами. Напротив — история и география дали нам уникальный шанс ... превра-

тить то, что было в прошлые века историческим проклятием, в экономическое благословение». Согласно ему, «Россия ведет переговоры с ЕС об общем экономическом пространстве; Беларусь, благодаря нашим интеграционным достижениям, уже в едином экономическом пространстве с Россией; Беларусь расположена между ЕС и Россией. В этом будущее. В этом главная стратегия завтрашнего и послезавтрашнего дня: создание общего экономического пространства России – Беларуси – ЕС. Больше скажу, создавая общее экономическое пространство Европейского союза и России – они не обойдутся без Беларуси. В этом истинный, а не ложный выбор между Востоком и Западом» [23]. Тем самым стратегической целью Беларуси было объявлено создание общего экономического пространства и с РФ, и с ЕС.

Рассматривая взаимоотношения Беларуси и России в 2000-е гг., нельзя не отметить, что именно усиливающееся российское давление на Минск в торгово-экономической и энергетической сферах в угоду тем или иным олигархическим кругам и структурам вынудило белорусское руководство сделать ставку на многовекторность своей внешней политики. По мнению известного отечественного международника М.Э. Чесновского, «газовые», «молочные», «нефтяные», «сахарные» войны, кроме экономической подоплеки, имели четко выраженную стратегическую составляющую. Ее суть выявлялась в узком и широком смыслах. В узком понимании ее можно свести к стремлению официальной Москвы по-прежнему удерживать Беларусь в сфере российского влияния, принуждая белорусское руководство к лимитрофному поведению в двусторонних связях и продолжению «руки Москвы» в многосторонних внешнеполитических действиях. В широком смысле стратегия российского руководства замыкалась на Беларуси как демонстрационном образце российско-белорусских отношений и модели для интеграции стран «ближнего зарубежья» с установлением доминирующей роли и исключительного влияния России на постсоветском пространстве [24, с. 10].

Новым испытанием для белорусско-российских отношений стали августовские события 2008 г., связанные с грузинским нападением на Цхинвали и ответными действиями России. Недовольство в Кремле вызвал «вежливый» отказ Минска признать независимость Абхазии и Южной Осетии. Среди российских экспертов бытует мнение, что, очевидно, это было обусловлено стремлением белорусских властей «разморозить» отношения с ЕС. В качестве примера белорусской политики балансирования между Россией и Западом приводятся слова первого вице-премьера В.И. Семашко: «Мы должны стоять на двух ногах, иметь отличные отношения с Рос-

сией. Нам ее никто никогда не заменит. С другой стороны, мы должны работать с Европой» [25, с. 206]. Вполне возможно, что в сложившейся ситуации Москва не смогла предложить Минску адекватной компенсации возможных больших потерь, которые признание Минском Абхазии и Южной Осетии спровоцировало бы в белорусско-западных отношениях. Поэтому 22 июля 2009 г. состоялся окончательный отказ Беларуси признать Абхазию и Южную Осетию [26, с. 34].

В 2009–2010 гг. Минск неоднократно давал «асимметричные» ответы на не устраивающие его действия Москвы. К таким ответам, кроме непризнания независимости Абхазии и Южной Осетии, можно отнести отказ от участия в сессии ОДКБ, на которой решался вопрос о создании Коллективных сил оперативного реагирования (2009 г.), присоединение к инициативе ЕС «Восточное партнерство» (2009 г.), затягивание с решением вопроса о присоединении к Таможенному союзу с участием России и Казахстана (2010 г.), договоренность с Венесуэлой и Азербайджаном об альтернативных поставках нефти в Беларусь (2010 г.) и т.д. [27, с. 47].

Отдельно необходимо сказать об участии Беларуси в Восточном партнерстве. Очевидно, что, убедившись в бесперспективности прямого давления на Минск, ЕС решил активизировать процесс применения «мягкой силы» и уже таким образом достичь своих целей в отношении Беларуси. Одновременно и сам Минск оказался не прочь сбалансировать свою внешнеэкономическую и внешнеполитическую стратегию, избавившись от однозначной пророссийской ориентации, и использовать сближение с Евросоюзом в рамках Восточного партнерства для оказания давления на Москву в проблемных сферах белорусско-российского сотрудничества [25, с. 206]. Республика находится в зоне сфер влияния России и ЕС. Находясь между двумя геополитическими центрами, она выступает для них в двух качествах: «соединяющего моста» и «разъединяющего буфера» [28, с. 132]. Именно поэтому Минск с большой заинтересованностью отнесся к Восточному партнерству [28, с. 148]. Тем самым в августе-сентябре 2008 г. Беларусь сумела де-факто прорвать дипломатическую блокаду страны со стороны Запада. В отношениях с ЕС белорусское руководство сделало акцент на реализации конкретных проектов в сферах безопасности, экономики, науки и технологии. Обвинения со стороны европейцев в недемократичности официальный Минск отвергал со ссылкой на особенности политической культуры белорусов [29, с. 26].

Разумеется, Москва была не в восторге от участия ближайшего союзника в данном проекте, хотя представители политико-академического

сообщества РФ и пытались всячески не подавать вида, что Восточное партнерство их сильно волнует, несмотря на то, что многие указывали на антироссийскую направленность европейской инициативы. Наиболее четко официальная позиция Москвы в отношении ВП была сформулирована постоянным представителем РФ при ЕС Владимиром Чижовым: «...наша позиция сводится не к тому, чтобы противодействовать “Восточному партнерству”. Как любая региональная инициатива, она имеет право на существование. Для нас важно, чтобы то, что делается в рамках этой инициативы, не было направлено против российских интересов, на искусственный отрыв этих стран от сотрудничества с Россией. Мы против того, чтобы данные страны СНГ ставились перед искусственной дилеммой: либо вперед, в светлое будущее с Евросоюзом, либо назад – с Россией. А то, что такие признаки на начальном этапе “Восточного партнерства” были, – факт. Мы не против сотрудничества стран СНГ с ЕС. Мы, по большому счету, даже не против той голубой мечты, которая существует в некоторых странах, – об эвентуальном членстве в Евросоюзе. Главное, чтобы это не создавало новых разделительных линий в Европе» [30]. Участие же Беларуси в Восточном партнерстве многие в России расценили не больше, чем показную фронду. По словам российского эксперта А.А. Сергунина, «учитывая ее зависимость от России в области энергетики, финансов и торговли, она не решится на активное движение в сторону Европы (тем более что последняя не может пока обещать ничего сравнимого с российским “вариантом”)» [25, с. 208]. При этом Москва, как и Брюссель, оказывает давление на Минск, только ее требования диаметрально противоположны. Хотя известно, что отношения между странами должны основываться на принципах равенства, партнерства, взаимоуважения и учета интереса всех сторон в равной степени [28, с. 168].

Поиски Минском альтернативных источников внешнеэкономического взаимодействия в условиях экономического кризиса породили на Западе надежды на территориальную перекройку линии геополитического разлома. В результате, возникли неприсущие для прошлого моменты лавирования между Россией и Евросоюзом [24, с. 10]. Правда, в августе 2010 г. МИД Беларуси предложил своим российским коллегам алгоритм совместной работы в направлении формирования общего экономического пространства между ТС и ЕС. Внося данные предложения, Минск исходил из того факта, что Таможенный союз и Европейский союз являются естественными и выгодными друг для друга стратегическими партнерами в Евразии [31, с. 3]. Однако дальнейшего сближения Беларуси с ЕС не произошло, поскольку

Запад потребовал у Минска большие уступки, чем те, на которые он был готов. Речь шла о полной ревизии курса, проводимого белорусским руководством. США также не изменили своего отношения к Беларуси. В июне 2009 г. администрация Б. Обамы продлила срок действия указа об аресте собственности белорусских чиновников в Америке [32, с. 161–162]. В декабре 2010 г. А.Г. Лукашенко объявил об участии страны в Едином экономическом пространстве (ЕЭП), что означало возвращение к традиционным приоритетам Минска [24, с. 11]. Евразийские интеграционные проекты оказались более предпочтительны для Беларуси, нежели участие в Восточном партнерстве. Минск не получил от участия в нем того, что ожидал: обещанной финансовой помощи и финансирования инфраструктурных проектов в рамках многостороннего измерения. К тому же Евросоюз обусловил дальнейшее сотрудничество выполнением предварительных политических условий. Поэтому уже в 2013 г. Минск, убедившись в отсутствии принципиальных изменений в отношениях с ЕС, свел свое участие в проекте до символического уровня [29, с. 28]. Правда, данный выбор, обусловленный экономически, во внешнеполитическом смысле оставил риск недоверия со стороны и западных, и восточных соседей [24, с. 11]. Как подчеркивают российские эксперты, за 2014–2016 гг. во многом двусторонние отношения между Беларусью и Россией утратили доверительность и предсказуемость [17, с. 129]. Хотя публично российские представители стараются не подавать вида, что их особо волнуют белорусско-западные отношения. «Западный тренд во внешней политике Белоруссии – это объективная реальность, от которой никуда не деться, – отмечал дипломатический источник в МИД РФ в беседе с представителями российских СМИ. – Но мы не драматизируем ситуацию и научились не реагировать на выпады в наш адрес» [33, с. 29]. Как бы то ни было, с помощью активизации европейского вектора своей внешней политики Минску удалось добиться ослабления давления со стороны Москвы.

Тем самым белорусское руководство, полагаясь на принцип многовекторности, в 2010-е гг. продолжило политику балансирования между Россией и Западом. Можно отметить, что официальный Минск относился к евразийским интеграционным процессам двояко. С одной стороны, белорусские власти положительно оценивали эти процессы и подчеркивали, что не намерены разрушать отношения с Россией ради улучшения отношений со странами Запада [29, с. 27]. Так, 17 июля 2014 г. на совещании с руководителями белорусских посольств и консульств А.Г. Лукашенко отметил: «Мы продолжаем делать стратегическую ставку на Российскую Феде-

рацию. ... Другой альтернативы у нас нет. И чего нам уходить от нормальных отношений с нашим братским дружественным государством, которое всегда готово и подставляет нам свое плечо как никто другой?». Кроме того, он подчеркнул, что потенциал Союзного государства не исчерпан: «Поэтому мы будем укреплять наше стратегическое партнерство с Россией» [34]. С другой стороны, на официальном уровне говорилось о том, что Республика Беларусь должна сохранять суверенный статус и уменьшить зависимость «от одного вида энергии, одного вида рынка и одного поставщика» [29, с. 27]. А.Г. Лукашенко констатировал позитивные тенденции в отношениях с ЕС и «хорошую основу» для отношений с США. По его словам, Европа остается для Беларуси «одним из важнейших направлений развития торгово-экономических связей и главным источником технологий и оборудования» [34].

Примером независимого поведения Минска стала и его позиция по Украине. Белорусское руководство признало легитимность новых украинских властей, официально не признало факт присоединения Россией Крыма, выступает за сохранение территориальной целостности Украины, но при этом поддержало РФ при голосовании в ООН в марте 2014 г., а во время рижского саммита Восточного партнерства отказалось присоединиться к итоговой декларации из-за содержащейся в ней формулировки об «аннексии Крыма» [35, с. 108]. Позиция Беларуси относительно украинского кризиса не осталась незамеченной на Западе. В последние годы США и ЕС значительно ослабили санкции в отношении официального Минска, а прошедшие в 2015 г. президентские выборы вызвали относительно вялую критику в Вашингтоне и Брюсселе [17, с. 129]. При всем при этом, на наш взгляд, абсолютно прав российский исследователь А.В. Шурубович в том, что Беларусь «при всех сложностях и проблемах в российско-белорусских отношениях – однозначно выбрало “восточный вектор” интеграции, что подтверждается ее активным участием в евразийских интеграционных проектах» [36, с. 12].

Заключение. Таким образом, действия Запада содействуют белорусско-российскому сближению. В условиях расширения НАТО на Восток, вмешательства США и ЕС во внутривнутриполитическую жизнь суверенных государств, в том числе на постсоветском пространстве, Беларусь и Россия осознают стратегическую важность друг друга в целях обеспечения национальной безопасности. Поэтому неудивительно, что именно военно-стратегическое сотрудничество является одной из наиболее успешных сфер их взаимодействия. При этом у Минска и Москвы есть свое, иногда не совпадающее, видение современных проблем глобальной и региональной политики и

безопасности, что предполагает самостоятельные шаги белорусского и российского руководства, несмотря на имеющуюся координацию внешнеполитических действий, на мировой арене.

Работа выполнена в рамках научной темы «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.П. Косов) по заданию 1.1.04 подпрограммы «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В.В. Данилович) ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя) (договор № 20160455).

Литература

1. Снапкоўскі, У.Е. Беларуска-расійскія адносіны: зб. навук. арт. / У.Е. Снапкоўскі. – Мінск: БДУ, 2009. – 139 с.
2. Затулин, К.Ф. Усилия по созданию Союзного государства нельзя ослаблять [Электронный ресурс] / К.Ф. Затулин // Официальный сайт К.Ф. Затулина. – 2002. – Режим доступа: <https://zatulin.ru/usiliya-po-sozdaniyu-soyuznogo-gosudarstva-nelzya-oslablyat/>. – Дата доступа: 21.06.2009.
3. Гарнетт, Ш. Перекрестки Европы: Россия, Запад и новые сопредельные государства / Ш. Гарнетт // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 3/4. – С. 84–113.
4. Селиванова, И. Экономическая интеграция России и Белоруссии и ее влияние на развитие народного хозяйства Белоруссии [Электронный ресурс] / И. Селиванова // Белоруссия и Россия: общества и государства / отв. ред. Д.Е. Фурман. – М.: Права человека, 1998. – С. 316–338. – Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Themes/Belarus/belarus-25.html>. – Дата доступа: 03.09.2016.
5. Суздальцев, А.И. Формирование российской политики в отношении Белоруссии (2005–2008 гг.) / А.И. Суздальцев // Россия в глобальном мире: 2000–2011: хрестоматия: в 6 т. / сост.: И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов, Е.С. Алексеенкова; под общ. ред. И.С. Иванова. – М.: Аспект Пресс, 2012. – Т. 5: Россия и постсоветское пространство. – С. 377–396.
6. Rontoyanni, C. Belarus and the East / C. Rontoyanni // Postcommunist Belarus / S. White, E. Korosteleva, J. Löwenhardt (eds.). – New York–London: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. – P. 123–141.
7. Затулин, К. Союзное государство [Электронный ресурс] / К. Затулин // Материк. – 2001. – 30 мая. – Режим доступа: <http://zatulin.ru/soyuznoe-gosudarstvo/>. – Дата доступа: 04.09.2016.
8. Шевцов, Ю. Союзное государство России и Беларуси: меняющиеся функции [Электронный ресурс] / Ю. Шевцов // Перспективы. – 28.06.2008. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/europe/soyuznoje_gosudarstvo_rossii_i_belarusi_menajushhijesa_funkcii_2008-06-28.htm. – Дата доступа: 03.09.2016.
9. Bugajski, J. Cold Peace: Russia's New Imperialism / J. Bugajski. – Westport (Conn.), London: Praeger, 2004. – X+302 p.
10. Trenin, D. Russia's Policy toward Belarus: A Tale of Two Presidents / D. Trenin // Prospects for Democracy in Belarus / J. Forbrig, D.R. Marples, P. Demeš (eds.); German Marshall Fund of the United States. – Washington, D.C., 2006. – P. 79–84.

11. Мысливцев, В.Г. Проблемы взаимоотношений России, Украины, Белоруссии: в исторической ретроспективе / В.Г. Мысливцев. – Саратов: Саратовский источник, 2010. – 464 с.
12. Мухаметов, Р.С. Военное сотрудничество России со странами ближнего зарубежья: основные направления / Р.С. Мухаметов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 23(314). Политические науки. Востоковедение. – Вып. 14. – С. 13–18.
13. Белоруссия на перепутье: в поисках международной идентичности / под ред. Ш. Гарнетта и Р. Легволда. – М.: Московский центр Карнеги, 1998. – 201 с.
14. Пар, А. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой / А. Пар. – М.: Олма Медиа Групп, 2012. – 352 с.
15. Ivanov, S. As NATO Grows, So Do Russia's Worries [Electronic resource] / S. Ivanov // The New York Times. – April 7, 2004. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2004/04/07/opinion/as-nato-grows-so-do-russia-s-worries.html>. – Date of access: 18.04.2018.
16. Бабурин, С.Н. Возвращение русского консерватизма / С.Н. Бабурин; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 832 с.
17. Зиновьев, В.П. Внешняя политика Белоруссии (1992–2017 гг.): малое государство на геостратегическом разломе / В.П. Зиновьев, Е.Ф. Троицкий // Русин. – 2017. – № 4. – С. 123–133.
18. Rice: Belarus is «dictatorship» [Electronic resource] // CNN. com. – April 20, 2005. – Mode of access: <http://edition.cnn.com/2005/WORLD/europe/04/20/rice.belarus/>. – Date of access: 17.02.2015.
19. Стрелков, А.А. Политика Европейского союза на постсоветском пространстве: вызовы и шансы для России? [Электронный ресурс] / А.А. Стрелков // Перспективы. – 09.04.2009. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/politika_jevropejskogo_sojuza_na_postsovetskom_prostranstve_vyzovy_i_shansy_dla_rossii_2009-04-09.htm. – Дата доступа: 02.09.2009.
20. Гусев, А.В. Национальная безопасность Беларуси и России: актуальные аспекты в контексте строительства Союзного государства / А.В. Гусев // Белорусская думка. – 2010. – № 12. – С. 28–33.
21. Shepherd, R. The United States and Europe's Last Dictatorship / R. Shepherd // Prospects for Democracy in Belarus / J. Forbrig, D.R. Marples, P. Demeš (eds.); German Marshall Fund of the United States. – Washington, D.C., 2006. – P. 71–78.
22. Россия и Европа: с кем быть Беларуси? [Электронный ресурс] // Народная праграма. – 2012. – 21 мая. – Режим доступа: <http://prahrama.by/subject/theme/18/>. – Дата доступа: 23.09.2016.
23. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко «Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире» на совещании с руководителями загранучреждений Республики Беларусь 22 июля 2004 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-vneshnjaja-politika-respubliki-belarus-v-novom-mire-na-5837/. – Дата доступа: 27.01.2018.
24. Чесновский, М.Э. Европейский геополитический разлом в 2010-х гг. и Беларусь / М.Э. Чесновский // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2012. – № 1. – С. 5–11.
25. Сергунин, А.А. «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в Восточной Европе / А.А. Сергунин // Вестн. ВГУ. Сер., Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 205–210.
26. Неменский, О.Б. «Последний союзник»: российско-белорусские отношения на современном этапе / О.Б. Неменский // Контуры глобальных трансформаций. – 2016. – Вып. 5, т. 9. – С. 24–40.
27. Тихомиров, А. Беларусь в политике России / А. Тихомиров // Республика Беларусь между Востоком и Западом / науч. ред. Ю. Тымановски, С. Мусенко, М. Влодаркевич; Варшавский университет, Факультет журналистики и политических наук. – Варшава, 2012. – С. 45–57.
28. Бригадин, П. Беларусь в контексте европейской политики: между ЕС и Россией / П. Бригадин, Н. Веремеева, Д. Ротман // Восточное партнерство: проблемы и перспективы / под науч. ред. Е. Коростелевой. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. – С. 130–169.
29. Тихомиров, А.В. Белорусские внешнеполитические приоритеты в контексте участия в интеграционных процессах: взгляды власти и общества / А.В. Тихомиров // Современные евразийские исследования: науч. журнал / под ред. Ю.Г. Голуба. – Саратов, 2014. – Вып. 1. – С. 24–30.
30. Терехов, А. Владимир Чижов: «Южный поток» надо сделать приоритетным проектом ЕС» [Электронный ресурс] / А. Терехов // Независимая газета. – 18.05.2009. – Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2009-05-18/9_chizhov.html?mright=0. – Дата доступа: 03.10.2010.
31. Байчоров, А.М. Проблема «интеграции интеграций» / А.М. Байчоров // Вызовы интеграции на пути к Евразийскому экономическому союзу: материалы междунар. науч. семинара, 10 дек. 2013 г. / науч. ред.: В.Г. Шадурский, Е.А. Достанко. – Минск, 2013. – С. 3–6. – Режим доступа: centis.bsu.by/new_site/news/SEMINAR10.12.13.doc. – Дата доступа: 14.09.2016.
32. Мещеряков, К.Е. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России / К.Е. Мещеряков. – СПб.: Скифия-принт, 2012. – 238 с.
33. Астахова, С.В. Белоруссия после президентских выборов: итоги и перспективы / С.В. Астахова // Россия и новые государства Евразии. – 2015. – № 4. – С. 20–32.
34. Лукашенко: Белоруссия будет партнером и России, и Украины [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – 17 июля 2014. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1826861.html#ixzz37zUHW2w8>. – Дата доступа: 18.04.2018.
35. Слинько, А.А. Беларусь между Россией и Западом: к вопросу о перспективах развития двусторонних связей в контексте украинского кризиса / А.А. Слинько, Ю.И. Лаптева, Г.Я. Узилевский // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10, № 6. – С. 107–114.
36. Шурубович, А. Евразийская интеграция в восприятии белорусов / А. Шурубович // Россия и новые государства Евразии. – 2014. – № 1. – С. 9–25.

Поступила в редакцию 24.05.2018 г.

УДК 351.746.1:323.28

Особенности обстановки, повлиявшие на организацию и деятельность органов государственной безопасности БССР в 1944–1990 гг.

Краско Г.Г.

*Государственное учреждение образования
«Институт национальной безопасности Республики Беларусь», Минск*

Научная актуальность проблемы, избранной для исследования, обусловлена тем, что, несмотря на внимание ученых к новейшему периоду отечественной истории, многие вопросы деятельности органов государственной безопасности БССР остаются малоизученными. Анализ обстановки, сложившейся на территории БССР в 1944–1990 гг., выделение и характеристика ее основных особенностей, которые оказали влияние на организацию и деятельность органов государственной безопасности, содействуют дальнейшему углублению научного изучения истории Беларуси.

Цель статьи — проанализировать сложившуюся на территории БССР в 1944–1990 гг. обстановку, выделить и охарактеризовать ее основные особенности, которые оказали влияние на организацию и деятельность органов государственной безопасности.

Материал и методы. В основу работы положены принципы системности, объективности и историзма. Для достижения поставленной цели использовались общенаучные (анализ, синтез, обобщение, дедукция, логический) и специальные (генетический, сравнительный, ретроспективный) исторические методы.

Результаты и их обсуждение. До конца 1950-х гг. деятельность органов государственной безопасности была в значительной степени обусловлена совокупностью дестабилизовавших ситуацию реальных и потенциальных внешних и внутренних угроз, связанных с длительным периодом оккупации, во время которой на территории республики была создана разветвленная сеть германских спецслужб, а также сложным социально-экономическим положением, сохранением репрессивного вектора во внутренней политике, историческими особенностями развития регионов БССР и геополитической позицией. На протяжении всего исследуемого периода наряду с внутривнутриполитической обстановкой на организацию и деятельность органов государственной безопасности оказывало влияние развитие международной ситуации.

Заключение. В целом на деятельность органов государственной безопасности БССР в 1944–1990 гг. в большей степени воздействовали процессы и события, происходившие в самой республике.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, коллаборационизм, репатриация, антисоветское вооруженное подполье, антисоветская деятельность.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 42–47)

Features of the Situation that Affected the Organization and Activities of the State Security Bodies of the BSSR in 1944–1990

Krasko H.H.

State Educational Establishment «Institute of National Security of the Republic of Belarus», Minsk

Despite the attention of domestic scientists to the newest period of national history, a lot of questions of the activity of the state security bodies of the BSSR remain poorly studied. This explains the currency of the research issue. The analysis of the situation in the territory of the BSSR in 1944–1990, the identification and characterization of its main features, which had an impact on the organization and activities of the state security bodies, contributes to the further scientific study of the history of Belarus.

The purpose of the study is to analyze the situation in the territory of the BSSR in 1944–1990, to single out and characterize its main features which influenced the organization and activities of state security bodies.

Адрес для корреспонденции: e-mail: gena-krasko@mail.ru — Г.Г. Краско

Material and methods. The research is based on the systemic principles, on the principles of objectivity and historicism. To reach the goal the author used general scientific methods (analysis, synthesis, generalization, deductive, logical) and special historical methods (historical-genetic, comparative-historical, retrospective etc.).

Findings and their discussion. Until the late 1950's the activities of the state security bodies were largely conditioned by a combination of real and potential external and internal threats that were destabilizing the situation connected to a prolonged occupation, during which an extensive network of German special services was established on the territory of the Republic, as well as by a complex social and economic situation, the repressive domestic policy, historical features of the development of the BSSR and geopolitical situation. During the period under study, along with the domestic political situation, the organization and activities of the state security agencies were influenced by the development of the international situation.

Conclusion. On the whole, the activities of state security bodies of the BSSR were to a great extent influenced by processes and events which took place in the Republic.

Key words: state security bodies, collaborationism, repatriation, anti-Soviet armed underground, anti-Soviet activities.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 42–47)

Научная актуальность избранной проблемы обусловлена отсутствием в отечественной и зарубежной историографии комплексных исследований, посвященных выявлению и рассмотрению как внешних угроз, так и внутренних источников дестабилизации обстановки на территории Белорусской ССР в послевоенный период. Несмотря на внимание отечественных ученых к этому важнейшему периоду истории, даже отдельные вопросы истории органов государственной безопасности остаются малоизученными. Разработка заявленной проблемы направлена на устранение существующих пробелов и будет содействовать дальнейшему углублению научного познания о новейшем периоде отечественной истории. Объектом исследования являются органы государственной безопасности БССР.

Цель — проанализировать сложившуюся на территории БССР в 1944–1990 гг. обстановку, выделить и охарактеризовать ее основные особенности, которые оказали влияние на организацию и деятельность органов государственной безопасности.

Материал и методы. Теоретико-методологической основой при написании статьи стали современные представления о принципах, функциях, методах и методике исторического исследования (в частности, принципы объективности и историзма). Для достижения поставленной цели использовались общенаучные (анализ, синтез, обобщение, дедукция, логический) и специальные (генетический, сравнительный, ретроспективный и др.) исторические методы. Так, выделению наиболее актуальных вопросов на том или ином этапе содействовал историко-генетический метод.

Результаты и их обсуждение. Анализ состояния научной разработки исследуемой проблемы показал, что в историческом плане она является малоизученной. Информационно полных и аналитически развернутых исследований по данной проблеме в настоящее время не имеется. Вместе с тем отдельные аспекты обеспечения государственной безопасности в БССР нашли отражение в научных трудах и публикациях. Деятельность советской спецслужбы на территории республики рассматривалась отечественными и зарубежными учеными в рамках исследования иных ак-

туальных проблем отечественной истории [1–6]. Попытки в рамках доступных материалов выделить основные факторы, оказывавшие влияние на деятельность органов НКГБ–МГБ на территории БССР в первые послевоенные годы, были предприняты нами ранее [7–9]. Однако проблемы функционирования органов государственной безопасности на территории республики в 1944–1991 гг., в том числе особенности обстановки, которые оказывали влияние на их деятельность, остаются недостаточно освещенными в отечественной исторической науке.

В период оккупации БССР поддержание «нового порядка» осуществлялось нацистами при участии германских специальных служб, их агентурного аппарата, в том числе состоявшего из местного населения, а также советских граждан, привлекаемых оккупационными властями к работе в своих структурах на добровольной и принудительной основе. На временно оккупированной территории БССР в период с 1941 по 1944 г. основная агентурная деятельность проводилась органами абвера (военная разведка и контрразведка) и главного управления имперской безопасности (РСХА, полиция безопасности и СД). По расчетам, подготовленным на основе анализа материалов центрального архива КГБ Республики Беларусь, общая численность резидентур германских разведывательных и контрразведывательных органов достигала 250 [1, с. 128]. Кроме того, в годы оккупации на территории БССР действовало более 35 000 активных членов различных коллаборационистских структур [10, с. 223]. Мотивы, общественная опасность и вина лиц, сотрудничавших с оккупантами, несомненно, были разными. Наибольшую угрозу представляли лица, добровольно принимавшие участие в деятельности оккупационных органов власти, полицейских, карательных, военизированных структур, а также причастные к сотрудничеству с разведывательными и контрразведывательными органами нацистской Германии. Они могли продолжать тайное сотрудничество с иностранными спецслужбами, выполнять в советском тылу их задания по сбору и передаче разведывательной информации, организации диверсий, террора, ведению антисоветской пропаганды, инспирирова-

нию очагов вооруженной борьбы либо вернуться к нему в случае начала новой войны.

В первые послевоенные годы существенное влияние на деятельность органов государственной безопасности оказывала сложная социально-экономическая обстановка. После окончания войны, потребовавшей предельного напряжения экономических, социальных и нравственных сил страны и приведшей к уничтожению значительной части национального богатства, а также населения, стала нарастать социально-психологическая напряженность. Ситуация усугублялась снижением уровня жизни, предельным напряжением сил для восстановления разрушенного, а также непопулярными действиями властей. В частности, после изгнания немецко-фашистских захватчиков продолжилась коллективизация сельского хозяйства в западных районах БССР, уже в ноябре 1944 г. решениями ЦК КП(б)Б и СНК БССР проведена аграрная реформа, ограничившая нормы землепользования [10, с. 256]. Значительное число людей не находило своего места в послевоенной жизни. Недостаток продовольствия, одежды, жилья приводил к разочарованию советской действительностью.

Вместе с тем государство в первоочередном порядке реагировало на угрозы, которые носили очевидный характер. Так, реальную опасность для власти представляли участники антисоветского вооруженного подполья, которые с августа 1944 г. начали активизацию подрывной и террористической деятельности. В период войны оккупационные власти неоднократно предпринимали попытки создания единого антибольшевистского фронта на оккупированной территории. Российский историк К.Н. Максимов отмечает, что еще до начала немецкого вторжения в так называемой «Зеленой папке» рейхминистра авиации Г. Геринга излагалась задача использования межнациональных противоречий для политического и национального раскола населения Советского Союза [11, с. 45]. В годы войны германские спецслужбы для дестабилизации обстановки в СССР делали акцент на широком применении «внутренних сил», которые под воздействием деструктивной идеологии становились на путь вооруженной борьбы. В частности, российский исследователь истории спецслужб А.А. Зданович отмечает, что в 1944 году увеличилась активность германской разведки и контрразведки по созданию и стимулированию подрывной деятельности различных «национальных сил» внутри Советского Союза. Автор, ссылаясь на материалы ФСБ России, указывает, что с продвижением Красной Армии на Запад германские спецслужбы стали практиковать оставление на освобождаемой от оккупантов территории для ведения разведывательной и диверсионной работы не только отдельных своих агентов, ранее использовавшихся по линии контрразведки и в интересах полиции, но и агентурных групп и отрядов, численность которых до-

ходила до нескольких десятков человек [12, с. 244]. Эти обстоятельства способствовали тому, что в качестве одной из основных внутренних угроз государственной безопасности выступало антисоветское вооруженное подполье. Отдельные его организаторы и участники были непосредственно связаны с немецкими спецслужбами (состояли в штате либо являлись агентами разведывательных и контрразведывательных органов противника). В последующем в ряде случаев структуры антисоветского подполья, существовавшие в исследуемый период в БССР, были связаны со спецслужбами США и Великобритании. Они открыто или «втемную» (под прикрытием соответствующей легенды) организовывались и укомплектовывались их агентурой, материально обеспечивались. На завершающем этапе войны и сразу после ее окончания спецслужбы США и Великобритании получили доступ к части учетов и архивов агентуры германских разведывательных и контрразведывательных органов. Это позволило им использовать оперативный опыт, организационные и агентурные позиции нацистов в своих интересах. Территория Западной Германии, в свою очередь, стала базовой территорией для американских и английских разведывательных школ, резидентур, которые занимались подготовкой агентуры для ведения подрывной работы против СССР и других социалистических стран Европы. Участники антисоветского вооруженного подполья терроризировали партийно-советский актив, держали в напряжении местное население, наносили удары по тыловым коммуникациям Красной Армии, отвлекали ее силы. Деструктивная деятельность участников антисоветского вооруженного подполья не сводилась только к вооруженной борьбе. Так, большое внимание уделялось ведению антисоветской пропаганды среди местного населения. Участники антисоветского подполья были ориентированы на срыв важных проводимых советской властью политических и экономических мероприятий: государственных закупок зерна, других сельскохозяйственных продуктов, призыва в Красную Армию местного населения. Так, уже в августе 1944 г. развернулась масштабная кампания по саботажу призыва: организовывали подачу в военкоматы фальшивых списков, пропагандировали неявку призывников и побеги призванных. Масштабы распространения этих явлений отражают и недостатки в обеспечении Красной Армии, усталость населения от войны, а также недовольство проводимой политикой. По оценкам Н.А. Рыбак, в августе 1944 г. на призывные пункты в Гродненском районе не явилось 97% граждан призывного возраста [13, с. 70, 73]. Появление большого количества лиц, уклоняющихся от призыва, и дезертиров содействовало расширению социальной базы антисоветского вооруженного подполья.

Согласно данным органов репатриации Белорусской ССР, в 1941–1944 гг. из республики

в Германию и другие европейские страны были вывезены 399 374 человека [14, л. 82]. Наступление советских войск позволило уже осенью 1944 года начать репатриацию граждан СССР на родину. Ее организационные основы были определены постановлением Государственного Комитета Обороны СССР «Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильственно уведенных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей» от 24 августа 1944 г. [15, с. 172–173]. Вдоль границ создавались проверочно-фильтрационные пункты НКВД. Специальные структуры были образованы и в местных органах власти. Так, в соответствии с постановлением ГКО от 24 августа 1944 г. в аппарате СНК БССР 29 августа был создан отдел по приему и трудоустройству советских граждан, возвратившихся из немецкого рабства, который начал работу с 5 сентября 1944 г. [14, л. 24]. Постановлением СНК БССР № 533/с от 29 августа 1944 г. предусматривалось создание к 10 сентября на территории республики находившихся в подчинении НКВД проверочно-фильтрационных пунктов с дислокацией в Бресте, Волковыске, Высоко-Литовске, Гродно, Пружанах [16, л. 7, 20].

В последующее время в каждой области Белорусской ССР были организованы приемно-распределительные пункты: в Барановичах, Бобруйске, Бресте, Витебске, Гомеле, Гродно, Могилеве, Мозыре, Молодечно, Пинске, Полоцке и Минске. Поскольку через территорию БССР проходил один из четырех основных потоков репатриантов, только в 1945 году через приемно-распределительные пункты, расположенные на территории нашей республики, прошли 578 354 человека [14, л. 25–26, 44].

Победа в войне закономерно привела к росту авторитета советского государства на международной арене. Это содействовало распространению возвращенческих настроений в среде эмигрантов, по различным причинам покинувших Родину, как правило, в период между Первой и Второй мировыми войнами, а также их детей и внуков. В частности, только в 1926–1938 гг. с территории Западной Беларуси, входившей в тот период в состав Польши, в страны Европы, Южной и Северной Америки легально эмигрировало около 120 тысяч человек [17, с. 4]. Отдельные из них после окончания войны выразили желание вернуться на историческую родину, в том числе в БССР. Организационные основы реэмиграции были заложены указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 года «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции» [18]. В развитие данного нормативного правового акта постановлением Совета Министров СССР № 1246-508с от 14 июня 1946 года разрешался въезд на территорию Бело-

русской ССР в упрощенном порядке всем белорусам, признавшим себя гражданами СССР. Для реализации этих решений постановлением Совета Министров БССР и ЦК КП(б)Б № 1309-343с для оказания помощи органам по репатриации в отправке белорусов на родину во Францию была направлена группа из 6 человек, в том числе заместитель начальника управления МГБ БССР К.И. Романенко [19, л. 15–16]. За 1946–1948 гг. из этой страны в БССР прибыло 1 208 человек [20, л. 36].

Основной целью участия органов государственной безопасности в репатриации и реэмиграции являлось выявление среди перемещаемых лиц агентов иностранных спецслужб, а также изменников родины, предателей и пособников немецких оккупантов. Это было обусловлено тем, что репатриация и реэмиграция с учетом массового характера происходивших перемещений использовались спецслужбами иностранных государств в качестве основного канала заброски в СССР своей агентуры. После окончания войны с целью обеспечения работы в новых геополитических условиях разведывательные и контрразведывательные органы ведущих мировых держав прошли стадию серьезной реорганизации. Так, в первые послевоенные годы трансформировались спецслужбы Великобритании, были созданы новые разведывательные органы США, ФРГ, Франции [21–23]. В связи с ростом напряженности между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции специальные службы и организации иностранных государств значительно активизировали свою деятельность на советском направлении. С конца 1940-х гг. спецслужбы иностранных государств стали динамично использовать легальные возможности по сбору информации. Основные усилия как военных, так и внешнеполитических разведывательных служб стран НАТО были нацелены на сбор информации о военном и экономическом потенциале Советского Союза, его мобилизационных возможностях. Разведывательный интерес проявлялся к предприятиям, научно-исследовательским институтам и их сотрудникам. Российский ученый В.А. Райкова отмечает, что прибывший в 1952 году в Москву американский посол Дж.Ф. Кеннан, изучив дела в посольстве, в докладе главе внешнеполитического ведомства США среди основных тревоживших его фактов выделял чрезмерное увлечение разведывательной деятельностью и активное вовлечение сотрудников посольства в шпионаж за военными ведомствами и спецслужбами [24, с. 52–53].

Значительные усилия отечественная контрразведка предпринимала для того, чтобы предупредить попытки разведчиков-дипломатов, особенно военных атташатов, вести разведку во время поездок по СССР. С этой целью задействовались контрразведывательные подразделения органов государственной безопасности на местах, в том

числе Белорусской ССР, на территории которой дислоцировалось большое количество воинских частей и других объектов, представляющих интерес для иностранных спецслужб.

Проведенный анализ архивных материалов показал, что со второй половины 1950-х гг. отдельные элементы обстановки по линии контрразведки в Белорусской ССР серьезно изменились. Так, в результате реализации комплекса мероприятий по восстановлению экономического потенциала республики на ее территории были созданы и функционировали важные промышленные предприятия союзного значения, сосредоточены крупные железнодорожные узлы, дислоцировались военные объекты, которые привлекали внимание сотрудников спецслужб западных государств, регулярно посещавших БССР под дипломатическим прикрытием, а также по туристическим каналам и в рамках внешнеэкономической деятельности.

В докладе на внеочередном XXI съезде КПСС Н. Хрущев декларировал курс на мирное сосуществование государств с различными социальными системами деятельности [25, с. 81]. Такой подход предусматривал и увеличение количества иностранцев, посещавших СССР. Рост иностранного присутствия на территории республики являлся благоприятным фактором для активизации в БССР разведывательной деятельности спецслужб иностранных государств. Открытие автостраты «Брест–Москва» привело к дальнейшему увеличению потока иностранцев, транзитом направлявшихся через БССР. Кроме того, через БССР следовали участники таких крупных международных форумов, проходивших в г. Москве, как VI (1957 г.) и XII (1985 г.) Всемирные фестивалю молодежи и студентов, а также XXII летние Олимпийские игры (1980 г.). В 1958 году БССР посетил первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии В. Гомулко, 1965 – президент Югославии И. Броз Тито, 1966 – председатель Государственного совета ГДР В. Ульбрихт, 1971 – глава Организации освобождения Палестины Я. Арафат, 1972 – лидер Кубы Ф. Кастро, 1973 – президент Франции Ж. Помпиду, 1974 – президент США Р. Никсон, 1976 – первый секретарь ЦК Коммунистической партии Болгарии Т. Живков, 1977 – президент Финляндии У. Кеннонен, 1983 – генеральный секретарь Коммунистической партии КНДР Ким Ир Сен, 1985 – премьер-министр Индии Р. Ганди. Прием иностранных делегаций такого высокого уровня потребовал совершенствования механизмов обеспечения их безопасности. Наряду с представителями центрального аппарата КГБ СССР, которые организовывали и координировали охранную деятельность высших должностных лиц, эту задачу в рамках своей компетенции решали и сотрудники органов государственной безопасности БССР.

На протяжении исследуемого периода одной из наиболее распространенных форм ненасильствен-

ного выражения населением протестных настроений оставались изготовление и распространение анонимных антисоветских документов. Однако в БССР даже такой вид антисоветской деятельности не получил широкого распространения. Вместе с тем протестные проявления в республике не ограничивались исключительно подготовкой и распространением антисоветских документов. Представители партийно-советского актива, работники милиции, председатели колхозов неоднократно становились объектами террора. В исследуемый период проходило интенсивное совершенствование организации и деятельности органов государственной безопасности БССР по нейтрализации антисоветских проявлений. В результате поиска действенного механизма организации работы органов государственной безопасности в системе отечественной спецслужбы были созданы специализированные подразделения. В 1960–1980-х гг. в системе органов государственной безопасности они являлись одними из важнейших и обеспечивали предупреждение, выявление и пресечение внутренних источников угроз. Главным итогом деятельности по этому направлению в БССР следует считать недопущение эскалации протестных настроений в обществе и дестабилизации обстановки. Имевшиеся недостатки в оперативной работе в значительной мере были связаны с событиями предшествующего периода, когда в результате репрессий погибли многие профессионалы-оперативники, а установки партийно-советского руководства привели к утрате ценных черт советской контрразведки.

Следует отметить, что на функционирование органов государственной безопасности БССР оказывали влияние и отдельные события, которые разворачивались за пределами не только республики, но и Советского Союза. В частности, протестные акции, произошедшие в 1956 году в Польше и Венгрии, «Пражская весна» 1968 года, массовые волнения и забастовки в Польше в 1970, 1976 и особенно 1980 гг. привели к реализации в БССР комплекса мероприятий, направленных на усиление контроля за политической лояльностью граждан, в том числе через использование возможностей органов государственной безопасности.

Заключение. Таким образом, до конца 1950-х гг. деятельность органов государственной безопасности была в значительной степени обусловлена совокупностью реальных и потенциальных внешних и внутренних угроз, связанных с длительным периодом оккупации, во время которой на территории республики была создана разветвленная сеть германских спецслужб, сложной социально-экономической обстановкой, сохранением репрессивного вектора во внутренней политике, а также историческими особенностями развития регионов БССР и геополитическим положением. При переходе от военного времени к мирному наибольшую опасность для государ-

ства представляла дестабилизация внутривойсковой политической ситуации. В качестве ее основных источников в БССР выделены терроризировавшее партийно-советский актив и местное население антисоветское вооруженное подполье; разведывательная и иная деятельность спецслужб иностранных государств, в которой были задействованы, в том числе граждане, причастные к сотрудничеству с оккупантами.

Преодоление последствий войны и стабилизация к началу 1960-х гг. обстановки не исключили появления новых вызовов и угроз государственной безопасности. Вплоть до 1991 года на фоне изменявшейся внутривойсковой и международной обстановки в условиях «холодной войны» с использованием новых форм и методов разворачивалось противоборство отечественной контрразведки и разведывательных служб иностранных государств. Однако, на наш взгляд, в целом на деятельность органов государственной безопасности БССР в 1944–1990 гг. в большей степени воздействовали процессы и события, происходившие в самой республике.

Литература

1. Валаханович, И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И.А. Валаханович. — Минск: Беларус. гос. ун-т, 2002. — 146 с.
2. На службе Отечеству: Комитет государственной безопасности Республики Беларусь / авт. концепции и текста А.М. Суворов. — Брест: Полиграфика, 2017. — 424 с.
3. Рыбак, Н.А. Деятельность Армии Крайовой и поставочских формирований в Западной Беларуси в 1944–1954 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.А. Рыбак. — Гродно, 2001. — 117 л.
4. Рыбак, Н.А. Ликвидация польского антисоветского подполья в Беларуси (1944–1954 гг.) / Н.А. Рыбак // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гуманітарныя навукі. — 2005. — № 1. — С. 22–30.
5. Рыбак, Н.А. Участие молодежи в антисоветских организациях и группах в послевоенное время / Н.А. Рыбак // Культура, наука, образование в современном мире: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 2009 г. / Гродн. гос. аграр. ун-т; редкол.: Л.Л. Мельникова [и др.]. — Гродно, 2009. — С. 159–164.
6. Ситкевич, С.А. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954 гг.) / С.А. Ситкевич. — Гродно: Гродн. гос. аграр. ун-т, 2004. — 344 с.
7. Краско, Г.Г. Борьба с антисоветским вооруженным подпольем (из опыта противодействия проявлениям терроризма) / Г.Г. Краско // Партнерство государства, общественного сектора и делового сообщества в борьбе с терроризмом — безопасность через диалог, согласие и взаимодействие: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30–31 окт. 2014 г.: в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь; редкол.: С.Н. Князев (гл. ред.) [и др.]. — Минск, 2014. — Т. 1. — С. 125–127.
8. Краско, Г.Г. Послевоенная репатриация: роль и место органов государственной безопасности / Г.Г. Краско // Первая мировая война: история, геополитика, уроки и современность (к 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений): материалы междунар. науч. конф., Витебск, 11–12 нояб. 2008 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. — Витебск, 2008. — С. 238–239.
9. Краско, Г.Г. Основные факторы, оказывавшие влияние на деятельность органов государственной безопасности на территории БССР в первые послевоенные годы / Г.Г. Краско // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. — 2016. — № 9. — С. 32–35.
10. Гісторыя Беларусі: падручнік: у 2 ч. / пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. — 3-е выд., дапрац. і дап. — Мінск: Выш. школа, 2007. — Ч. 2: Люты 1917 г. — 2006 г. / Я.К. Новік [і інш.]. — 2007. — 445 с.
11. Максимов, К.Н. Германская оккупационная политика в Калмыкии в августе-декабре 1942 г. и ее последствия / К.Н. Максимов // Вопросы истории. — 2017. — № 1. — С. 44–56.
12. Зданович, А.А. Контрразведывательное обеспечение подготовки и проведения стратегической наступательной операции «Багратион» / А.А. Зданович // Беларусь: памятное лето 1944 года: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от нем.-фашист. захватчиков, Минск, 19–20 июня 2014 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Мин-во обороны Респ. Беларусь; редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. — Минск: Беларуская навука, 2015. — С. 244–269.
13. Рыбак, Н.А. Агитационно-пропагандистская деятельность польского подполья на территории западных областей БССР в послевоенное время / Н.А. Рыбак // Шлях да ўзаемнасці = Droga k wzajemnosci: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 13–14 лістап. 2008 г. / Гродзен. дзярж. ун-т; рэдкал.: І. Крэнь [і інш.]. — Гродна, 2009. — 449 с.
14. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). — Ф. 787. — Оп. 1. — Д. 20.
15. Белорусские оstarбайтеры: историко-аналитическое исследование / Г.Д. Князько [и др.]; Нац. архив Респ. Беларусь, Белорус. респ. фонд «Взаимопонимание и примирение». — Минск: Нац. архив Респ. Беларусь, 2001. — 335 с.
16. НАРБ. — Ф. 787. — Оп. 1. — Д. 1.
17. Шабельцаў, С.В. Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рэміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.): зборнік дакументаў і ўспамінаў / С.В. Шабельцаў. — Мінск: Медысонт, 2009. — 368 с.
18. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции» от 14.06.1946 [Электронный ресурс] // Семерка. Российский правовой портал. — Режим доступа: <http://7law.info/ussr/act3t/g605.htm>. — Дата доступа: 06.06.2016.
19. НАРБ. — Ф. 787. — Оп. 1. — Д. 19.
20. НАРБ. — Ф. 787. — Оп. 1. — Д. 24.
21. Отдел 85. О том, как немецкая разведка боролась с нацистами в своих рядах [Электронный ресурс] // Lenta.ru. — Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2010/03/22/bnd>. — Дата доступа: 28.01.2016.
22. CentralIntelligenceAgency (CIA) [Электронный ресурс] // Британская энциклопедия. — Режим доступа: <http://www.britannica.com/topic/Central-Intelligence-Agency>. — Дата доступа: 28.01.2016.
23. Faligot, R. La Piscine: les services secrets français, 1944–1984 / R. Faligot, P. Krop. — Paris: Seuil, 1985. — 426 p.
24. Райкова, В.А. Московское посольство Джорджа Ф. Кеннана (май-сентябрь 1952 г.) / В.А. Райкова // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX — начало XXI в.): материалы междунар. науч. конф., Витебск, 25–26 апр. 2013 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А.П. Косов (отв. ред.) [и др.]. — Витебск, 2013. — С. 51–54.
25. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 янв. — 5 февр. 1959 г.: стеногр. отчет: в 2 т. — М.: Красный пролетарий, 1959. — Т. 1. — 592 с.

Поступила в редакцию 08.05.2018 г.

УДК 327(73)

Эволюция стратегии культурной дипломатии США

Кучмий Е.П.

*Институт международных отношений Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко, Киев (Украина)*

В современных условиях эффективная реализация стратегии внешней политики США предполагает использование преимущественно инструментов «умной силы», что позволяет достигать поставленных целей и задач в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества, при этом применяется весь спектр инновационных коммуникативных технологий, в том числе и культурная дипломатия.

Цель исследования — рассмотреть эволюционное развитие культурной дипломатии США в постбиполярный период.

***Материал и методы.** Статья написана на основе изученных источников и публикаций украинских, российских и американских авторов. В процессе работы использовались общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический) методы исследования.*

***Результаты и их обсуждение.** В представленной публикации рассмотрены этапы становления и развития стратегии культурной дипломатии США в контексте трансформации мировой политической системы. Проанализированы нынешние проблемы и приоритеты американской культурной дипломатии, ключевые элементы стратегии культурной дипломатии администрации Барака Обамы, охарактеризованы современные программы сотрудничества в сфере культуры, науки и образования.*

***Заключение.** Использование фактора культуры как составляющей «мягкой силы» государства в последнее время приобретает новое значение, серьезно возрастает его влияние на общемировые социально-экономические процессы и межгосударственные отношения.*

***Ключевые слова:** внешняя политика, культурная дипломатия, культурная экспансия, Барак Обама, США.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 48–53)

Evolution of the Strategy of the U.S. Cultural Diplomacy

Kuchmий O.P.

Institute of International Relations, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv (Ukraine)

In modern international relations the effective implementation of the U.S. foreign policy strategy mainly involves the use of instruments of «smart power» that allows to achieve the goals and objectives of the foreign policy in the multilateral and bilateral cooperation, using the whole spectrum of innovative communication technologies, including the cultural diplomacy.

The purpose of the article is to consider the evolutionary development of US cultural diplomacy in the post-bipolar period.

***Material and methods.** The article is written on the basis of the sources and publications of Ukrainian, Russian and American authors. General scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization) and special historical (historical-comparative, historical-typological historical-genetic) methods of research, which allowed to analyze the evolution of cultural diplomacy of the United States were used.*

***Findings and their discussion.** The main stages of formation and development of the strategy of cultural diplomacy of the United States in the context of the transformation of the world political system have been investigated in the article. Current challenges and priorities of American cultural diplomacy and the key elements of the strategy of cultural diplomacy of Obama administration are analyzed, modern programs of cooperation in culture, science and education are characterized.*

***Conclusion.** The use of the cultural factor as a component of the «soft power» of the state has recently acquired a new meaning, its influence on the global social and economic processes and interstate relations is seriously growing.*

***Key words:** foreign policy, cultural diplomacy, cultural expansion, Barack Obama, the United States.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 48–53)

Адрес для корреспонденции: e-mail: o_kuchmий@ukr.net — Е.П. Кучмий

В современных международных отношениях Соединенные Штаты Америки позиционируются как наиболее поликультурное государство в мире, что открывает перед ними уникальные возможности разработки и реализации стратегий культурной дипломатии как с целью укрепления международных культурных отношений, так и создания реальных долгосрочных перспектив международного сотрудничества в политической и экономической сферах [1]. Осознавая возможности культурной дипломатии, политическое руководство Америки активно применяет ее как один из ключевых приоритетов внешней политики.

Цель исследования – рассмотреть эволюционное развитие культурной дипломатии США в постбиполярный период.

Материал и методы. Статья написана на основе изученных источников и публикаций украинских, российских и американских авторов. В частности, были использованы материалы Госдепартамента, Консультативного комитета по культурной дипломатии, Бюро по вопросам образования и культуры. Кроме того, необходимая информация почерпнута из публикаций Г. Филимонова, С. Хоффман, З. Бжезинского, Дж. Ная младшего и других исследователей.

В процессе работы применялись как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-типологический историко-генетический) методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Политическое развитие США неоднократно подтверждало и тот факт, что культурный потенциал, поликультурное наследие государства играют не менее важную роль в процессе формирования статуса мирового лидера, чем иные составляющие глобального лидерства. Используя позитивный опыт культурной дипломатии Франции и Великобритании, которые заложили основы идеологии культурного доминирования и разработали культурные механизмы внешнеполитического давления, Соединенные Штаты определили культурную дипломатию как эффективное средство влияния на внешнюю и внутреннюю политику других государств [2, с. 86].

Первые практические шаги в реализации американской культурной дипломатии были предприняты в начале XX ст., когда в 1917 г. администрация президента В. Вильсона стала внедрять новые принципы внешней политики, в частности, принцип расширения американского присутствия в странах особенных политических интересов США [3]. До середины XX ст. стратегию и тактику американской культурной дипломатии на международной арене определяли три политические доктрины – доктрина изоляционизма (в Северной Америке и Западной Европе), «доктрина Монро» (в Латинской Америке), доктрина «открытых дверей» (в Азии), общей целью которых

являлось обеспечение интересов США в трех важных геополитических регионах мира. Именно в Европе и странах Азии культурные ценности Соединенных Штатов непосредственно начали влиять на образ жизни и цивилизационное развитие. Результатом интенсификации культурной экспансии США в условиях «быстрого роста их могущества и постепенного разрушения международной системы, в центре которой была Европа» стал рост протестных настроений даже в англоязычной Британии, где был создан специальный правительственный центр по противодействию деятельности Америки в культурной среде страны. Это заставило США создать государственные структуры – Ассоциацию внешней политики и Институт международного образования, в компетенцию которых входила реализация программ культурного сотрудничества со странами западного мира в контексте обеспечения национальных интересов [3].

Вторая мировая война стимулировала плюрализацию целей американской внешней политики, обновление ее доктрины, форм и методов обеспечения национальных интересов во всех сферах международного сотрудничества. В частности, это касается формирования доктрины «Рах Americana» и реализации глобальной американской модели мирового порядка. Внешняя культурная политика, целью которой стала преимущественно пропаганда американских ценностей и образа жизни, превратилась в эффективную и гибкую систему идеологического влияния институтов США в различных регионах мира. Это были первые активные попытки Государственного департамента использовать культурную дипломатию для американизации Западной Европы с целью преодоления экономических, политических и морально-психологических барьеров касательно американской экономической и политической экспансии, что, в свою очередь, приводило к нарушению традиционных исторических и культурных связей между европейскими странами (во многих случаях в ущерб развитию национальных культур) [3].

Реалии биполярного мира и идеологическое противостояние времен «холодной войны» определили основным инструментом американской культурной дипломатии программы культурных, научных и образовательных обменов для отстаивания и продвижения национальных интересов в приоритетных странах. Координаторами этих программ выступили Информационное агентство Соединенных Штатов (USIA), Программа образовательных обменов Фулбрайта, которая впоследствии интегрировалась в Международную программу образовательных обменов, Агентство по вопросам международного развития США (USAID) и т.д. [2, с. 85].

По окончании «холодной войны» во внешней политике Соединенных Штатов превалировала концепция «жесткой» гегемонии, которая спрово-

воцировала уход от концепции «войны идей» и уменьшение масштабов американского культурного присутствия. Это в свою очередь обусловило возникновение проблемы заполнения глобального культурного пространства идеями, кардинально противоположными американским политическим интересам. Такая ситуация была связана прежде всего с отказом от активной культурной дипломатии, что привело к увеличению масштабов культурных влияний со стороны государств «третьего мира» [4]. Функции идеологических структур США были переданы Бюро по вопросам образования и культуры (ныне – Бюро по образовательным и культурным программам) Государственного департамента, в которое было интегрировано ЮСИА, что трансформировало систему госконтроля политики направленного межкультурного сотрудничества и стратегию официального американского культурного присутствия за рубежом. Эта стратегия заключалась в реализации программ культурных мероприятий, которые бы способствовали взаимопониманию между народами США и других стран, усиливали внимание к открытости, свободе и демократичности американского общества, роли культурного разнообразия в достижениях Америки и одновременно готовность к восприятию самобытной культуры народов мира [5]. Культурные события стали символическими посредниками дипломатических инициатив. Реализуя стратегию культурной дипломатии США, Бюро по вопросам образования и культуры инициировало осуществление разнообразных проектов академических, профессиональных и студенческих обменов, а также поддержку образовательных, культурных и художественных акций. В частности, реализация программ в сфере культуры и академических обменов обеспечила определенную степень информационного и культурного присутствия государства в других странах, способствовала увеличению масштабов миграции интеллектуальных ресурсов в США, а также позволила Вашингтону привлечь к межкультурному и научно-образовательному сотрудничеству политическую, культурную и интеллектуальную элиту зарубежных стран для дальнейшего продвижения американских идей и ценностей [6].

На фоне снижения уровня заинтересованности со стороны государства в реализации стратегий культурной дипломатии активную позицию заняли неправительственные организации и ТНК. Подобная тенденция вызвала дискуссии среди политической элиты и специалистов по вопросам межкультурного сотрудничества касательно подходов к роли частного сектора во внешней культурной политике государства. С одной стороны, подчеркивалось, что Госдепартамент должен контролировать программы в рамках публичной и культурной дипломатии, поскольку государственная политика традиционной дипломатии использует культурный, образовательный

и информационный обмен в национальных интересах, а финансовый и правительственный контроль за осуществлением внешней культурной деятельности позволит избежать формирования одностороннего негативного имиджа Америки, который составляется на основе американской теле- и радиопродукции, акцентируя внимание на таких характеристиках, как примитивизм, пошлость, сексуальное и уголовное насилие. С другой стороны, сторонники разгосударствления культурной дипломатии и увеличения роли частного сектора США в международных культурных обменах считали, что государственный контроль в вопросах реализации программ культурного сотрудничества в эпоху глобализации, развития интернета, широкого распространения американской массовой культуры, англоязычных культурных продуктов и услуг является нецелесообразным [2, с. 92].

Несмотря на дискуссии, остается неопровержимым тот факт, что международная культурная деятельность США и сегодня осуществляется преимущественно частным сектором, а американская массовая культура является одним из самых мощных факторов влияния на мировое общество. В такой ситуации Бюро по вопросам образования и культуры выступает как координирующая структура, которая согласовывает принципы партнерства между частным и общественным секторами государства и играет важную роль в налаживании культурных связей в самой стране и за ее пределами [7, с. 32]. Более того, культурная индустрия США стала частью широкой системы взаимосвязанных структур, которые включают правительственные учреждения; группы промышленного лоббирования, поставщиков национальной и международной информации, в частности, телеграфные компании; компании и синдикаты по производству телевизионных программ, представителей музыкальной индустрии, владельцев радио-, телевизионных и кабельных сетей; рекламных компаний, независимых издательств, спутниковых систем; дистрибьюторов аудиовизуальной продукции, производителей компьютерной техники и программного обеспечения, провайдеров интернет-услуг, региональных телефонных компаний и др. Все эти институты непосредственно заинтересованы в поддержании политического, экономического и культурного доминирования США в мире путем культурной экспансии и обеспечения коммерческих интересов [2, с. 93].

Одним из основных негосударственных институтов в сфере внешней культурной политики США являются частные филантропические фонды, действующие как внутри страны, так и за ее пределами. Фонды и спонсорские учреждения стали своеобразной базой разветвленной сети различных организаций, которая включает независимые научно-исследовательские и общественные организации, определяющие условия и

соответствующие рамки для формирования долгосрочного внешнеполитического курса США на мировой арене. Частные фонды и спонсорские организации Америки, действуя во всемирном масштабе, выступают одним из наиболее действенных инструментов внешней культурной политики США и средством мощного американского влияния за пределами государства. К тому же деятельность этого института отражает прямые или косвенные интересы представителей деловой элиты, тесно связанные с национальными интересами государства [8, с. 125].

События 11 сентября 2001 г. и начало широкой антитеррористической кампании как составляющей политики «бушизма» негативно повлияли на реализацию стратегий культурной дипломатии. «Жесткий курс» администрации Дж. Буша младшего осложнил отношения США не только со странами исламского мира, но и со странами, традиционно выступающими союзниками Америки на международной арене. В этой ситуации пассивная роль правительственных структур обнаружила проблему неэффективности культурной составляющей внешней политики государства. Несмотря на экономическое давление и демонстрацию военной силы, перед правительством США встала проблема активизации культурной дипломатии, возвращения доверия к американской политике как идеологии глобальной демократии [2, с. 96]. Первоочередной задачей культурной дипломатии США была признана нейтрализация негативного восприятия американских идей и ценностей в мире.

Важным для дальнейшего развития культурной дипломатии стало принятие решения о создании в структуре Государственного департамента специального Консультативного комитета по вопросам культурной дипломатии, в обязанности которого входило предоставление консультаций государственному секретарю по программам и потенциальным возможностям использования инструмента культурной дипломатии во внешней политике США для продвижения национальных интересов государства за рубежом, а также по вопросам применения существующей практики партнерства государственного и частного секторов в сфере культурных и образовательных обменов [9]. Как отмечалось в докладе комитета «Культурная дипломатия как основа публичной дипломатии», средства культурной дипломатии являются важной составляющей «мягкой силы» США, которые могут быть использованы для влияния на мировую общественность наряду со средствами публичной и информационной дипломатии [10].

Однако инструменты влияния США на формирование мирового общественного мнения оказались недостаточно эффективными и привели к появлению противоположного эффекта в исламских странах. Поэтому большинство представителей дипкорпуса считали, что необходи-

мо активизировать культурную дипломатию для положительных изменений в отношении к США, улучшения образа страны и понимания базовых ценностей американской нации. Но такая дипломатия должна осуществляться на протяжении длительного времени, более глубоко и основательно, чтобы достичь положительного эффекта и мощного воздействия [2, с. 97].

Формирование основ культурной дипломатии администрации Б. Обамы происходило под влиянием целого ряда негативных факторов. В частности, кризиса доверия к руководству государства, финансово-экономического кризиса, потери поддержки многих традиционных союзников на международной арене на фоне роста антиамериканских настроений по всему миру, неудачи стратегии консолидации однополярного мира во главе с США как единственной сверхдержавой, истощения Америки вследствие затяжных войн в Ираке и Афганистане. В условиях роста недовольства внешней политикой США новая администрация была вынуждена искать альтернативные подходы и механизмы отстаивания национальных интересов государства на международной арене. Подобным концептом внешнеполитической деятельности стала «умная сила», которая определялась как оптимальное сочетание элементов «мягкой» и «жесткой» силы в международных отношениях для стратегического использования дипломатии, убеждения, развития потенциала, проекции силы и влияния таким образом, который является наиболее эффективным с точки зрения политической и социальной легитимности [11]. Концепция «умной силы», как отмечали эксперты, может стать самой удачной основой стратегии развития США как государства-лидера XXI в. Во-первых, ее безусловным плюсом является гибкий подход к применению ресурсов власти. Во-вторых, она устанавливает внешнеполитические ориентиры внутривнутриполитического развития, а одним из критериев эффективности американской политической системы становится удержание и расширение лидерских позиций США в мире. Особое внимание, по мнению экспертов и ученых, следует обратить на укрепление такого инструмента внешней политики, как культурная дипломатия. Например, в рамках реализации стратегии «умной силы» было предложено установить неформальные связи с важными политическими центрами – Китаем, Индией, странами Ближнего Востока. С этой целью было предложено создать образовательные фонды, способствующие улучшению взаимопонимания между США и этими странами, подготовке новых специалистов в США по различным аспектам взаимодействия с Китаем, Индией и странами Ближнего Востока и специалистов из США в этих странах. Следует подчеркнуть, что для правительства США также было рекомендовано усилить взаимодействие с иммигрантами, которых предлагалось как можно чаще привле-

к работе в Госдепартаменте, Министерстве внутренней безопасности и Министерстве обороны в качестве консультантов по вопросам сотрудничества с другими странами [12].

Период с 2009 г. можно назвать периодом возрождения эффективной и динамичной культурной дипломатии, приоритетными направлениями которой стали поддержка образования в сфере культуры и искусств, финансирование сферы и содействие более широким и сбалансированным культурным обменам. По мнению экспертов, Б. Обама, по сути, объявил о начале «новой эры американской культурной дипломатии». Основными направлениями реформы в сфере культурной дипломатии явились 1) принципиальный отказ от одностороннего порядка принятия решений в Белом доме, что дало возможность новой президентской администрации расширить диалог с международным сообществом путем поиска компромисса и сотрудничества для достижения общих целей; 2) внедрение концепта «умной силы» в сфере внешней политики, что существенно увеличило роль «мягких активов»; 3) повышение роли культуры в стратегиях внутреннего развития Соединенных Штатов, а также в отношениях с другими странами, которые должны базироваться на идее не одностороннего экспорта американских ценностей за границу, а подлинной приверженности толерантности, понимания и восприятия «другого» (особенно в отношениях с мусульманским миром) [13]. Особое место среди приоритетов культурной дипломатии было отведено восстановлению диалога и сотрудничества со странами Ближнего и Среднего Востока. Так, в своем выступлении в Каирском университете 4 июня 2009 г. Б. Обама призвал отойти от концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона и сосредоточиться на общей истории и общих стремлениях Востока и Запада. Американский президент призвал начать совместную борьбу против экстремизма и объединить усилия для укрепления экономического, научного и межкультурного сотрудничества. В речи были также обозначены базовые принципы культурной дипломатии – построение «нового диалога» между Соединенными Штатами и исламским миром, борьба с негативными культурными и религиозными стереотипами прошлого [12]. Несмотря на неоднозначные оценки речи в Каире, в политических и научных кругах преимущественно приветствовали намерения Б. Обамы использовать методы «мягкой силы», дипломатии и компромисса, а также уход от неоконсервативной политики экспорта демократии и поддержки бескомпромиссной позиции в отношении стран-оппонентов.

С 2009 г. Бюро по вопросам образования и культуры продолжает успешно реализовывать программы и проекты в сфере культурной дипломатии. Сейчас в состав Бюро входят несколько отделов, отвечающих за определенные направ-

ления деятельности: Отдел по вопросам академических обменов (вопросы международного образования и исследований), Отдел англоязычных программ (разработка и внедрение программ для изучения английского языка иностранцами), Отдел глобальных образовательных программ (вопросы обменов преподавателями, студентами и специалистами), Отдел обмена гражданами (профессиональные, молодежные, культурные и спортивные обмены) и т.д. [14]. В настоящее время в реализации программ Бюро привлечены студенты, преподаватели, ученые, художники и другие специалисты из более чем 160 стран мира. Программы, реализуемые Бюро, охватывают различные сферы культуры, образования, науки. Так, программа «American Arts Incubator» предусматривает широкое использование новых и традиционных медиа для привлечения молодежи, художников, общественных организаций, преимущественно стран Азии, для распространения основных идей и принципов внешней политики США по решению вопросов социального и гуманитарного характера, в частности, поддержка прав и возможностей женщин, социальная интеграция, предотвращение конфликтов и охрана окружающей среды; программа «American Film Showcase» направлена на распространение независимого взгляда документалистов на современное американское общество через средства современного киноискусства; программа «American Music Abroad» способствует установлению эффективного взаимодействия между музыкантами мира и США путем проведения различных музыкальных мероприятий; программа «Arts Envoy» предусматривает поддержку межкультурного диалога и взаимодействия благодаря распространению лучших образцов искусства США в мире; программа «Community Engagement through the Arts» направлена на продвижение интересов внешней политики США в вопросе гендерного равенства, социальной интеграции, предотвращения конфликтов и охраны окружающей среды путем привлечения молодежи, художников и представителей общественных организаций стран Южной и Центральной Америки, Африки; программа «Museums Connect» ориентирована на формирование эффективных механизмов сотрудничества в сфере музееведения через обмен специалистами в указанной сфере и т.д. [15]. Успешность мероприятий культурной дипломатии была отмечена в аналитическом исследовании Pew Research Center «Власть американских звезд по-прежнему управляет миром». В нем указывается, что вследствие изменения приоритетов и инструментов внешней политики администрации Б. Обамы американская культура стала более привлекательной для Европы, чем во времена Дж. Буша младшего [16].

Оценивая эффективность стратегии администрации Б. Обамы, З. Бжезинский, в частности, заявил, что наиболее значимым ее достижением

являются изменения в отношении США к внешнему миру, в результате чего государство «более органично» вписалось в формирующийся исторический контекст XXI в. Важную роль в этих достижениях сыграла эволюция базовых стратегических ориентиров культурной дипломатии, что позволило выработать иной концептуальный подход к решению значимых геополитических вопросов, например, пересмотреть стратегию в отношении стран Ближнего Востока, в основу которой было положено новое понимание ислама; модернизировать политику касательно латиноамериканских стран, что предусматривало изменение отношения к их культурной самобытности и историческому прошлому; углубить трансатлантическое сотрудничество на основе коллегиальности с целью преодоления недоразумений и противоречий, которые привели к деструктивному противостоянию [17].

Заключение. Таким образом, использование фактора культуры как составляющей «мягкой силы» государства в последнее время приобретает новое значение, серьезно возрастает его влияние на общемировые социально-экономические процессы и межгосударственные отношения. В связи с этим государства все больше уделяют внимание своей внешней культурной политике и культурной дипломатии, поскольку экспорт, распространение и популяризация национальной культуры или в обратном случае отторжение внешней культурной экспансии стали достаточно действенным инструментом внешней политики и эффективным средством продвижения национальных интересов на международной арене.

Литература

1. International Symposium on Cultural Diplomacy in the USA «US Cultural Diplomacy in Practice: Building Cultural Bridges to Strengthen the Relationships between America and the Global Community» (Washington D.C., June 23th – 24th; Baltimore, June 25th & New York City, June 26th – 27th, 2014). Symposium Overview [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.culturaldiplomacy.org/academy/index.php?en_iscd_usa_2014. – Date of access: 31.01.2016.
2. Кучмій, О.П. Міжкультурне співробітництво у системі міжнародних відносин: монографія / О.П. Кучмій. – К.: ІМБ, 2006. – 154 с.
3. Wyszomirski, M.J. International Cultural Relations: A Multi – Country Comparison [Electronic resource] / M.J. Wyszomirski. – Mode of access: <http://www.americansforthearts.org/by-program/reports-and-data/legislation-policy/naappd/international-cultural-relations-a-multi-country-comparison>. – Date of access: 31.01.2016.
4. Feigenbaum, H.B. Globalization and cultural diplomacy. Center for Arts and Culture. Art, Culture & National Agenda. Issue Paper [Electronic resource] / H.B. Feigenbaum. – Mode of access: http://www.americansforthearts.org/sites/default/files/globalization_0.pdf. – Date of access: 31.01.2016.
5. Cummings, M.C. Cultural Diplomacy and the United States Government: a Survey. Center for Arts and Culture [Electronic resource] / M.C. Cummings. – Mode of access: <http://www.americansforthearts.org/sites/default/files/MCCpaper.pdf>. – Date of access: 31.01.2016.
6. Sablosky, J.A. Recent Trends in Department of State Support for Cultural Diplomacy: 1993–2002 [Electronic resource] / J.A. Sablosky. – Mode of access: <http://www.americansforthearts.org/sites/default/files/JASpaper.pdf>. – Date of access: 31.01.2016.
7. Хоффман, С. Опасности империи / С. Хоффман // Internationale Politik. – 2004. – № 5. – С. 31–42.
8. Филимонов, Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: монография / Г. Филимонов. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.
9. Establishment of the Advisory Committee on Cultural Diplomacy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.federalregister.gov/articles/2003/08/27/03-21907/establishment-of-the-advisory-committee-on-cultural-diplomacy>. – Date of access: 31.01.2016.
10. Cultural diplomacy. The Linchpin of Public Diplomacy. Report of the Advisory Committee on Cultural Diplomacy. U.S. Department of State. September 2005 [Electronic resource]. – Mode of access: www.state.gov/documents/organization/54374.pdf. – Date of access: 31.01.2016.
11. Nye, J.S. A smarter, more secure America. Report of the CSIS Commission on Smart Power [Electronic resource] / J.S. Nye, R. Armitage. – Mode of access: http://csis.org/files/media/csis/pubs/071106_cssismartpowerreport.pdf. – Date of access: 31.01.2016.
12. Remarks by the President on a New Beginning (Cairo University, Cairo, Egypt, June 4, 2009) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>. – Date of access: 31.01.2016.
13. James, M.S. «Goodwill Ambassador»: Barack Obama as an agent of contemporary U.S. cultural diplomacy [Electronic resource] / M.S. James, J. Podaenko. – Mode of access: https://www.academia.edu/3307979/_GOODWILL_AMBASSADOR_BARACK_OBAMA_AS_AN_AGENT_OF_CONTEMPORARY_U.S._CULTURAL_DIPLOMACY_by_Mark_S._James_Julia_Podaenko. – Date of access: 31.01.2016.
14. The Bureau of Educational and Cultural Affairs: Organizational Structure [Electronic resource]. – Mode of access: <http://eca.state.gov/about-bureau-0/organizational-structure>. – Date of access: 31.01.2016.
15. The Bureau of Educational and Cultural Affairs: Cultural Diplomacy [Electronic resource]. – Mode of access: <http://eca.state.gov/programs-initiatives/cultural-diplomacy>. – Date of access: 31.01.2016.
16. Wike, R. American Star Power Still Rules the Globe [Electronic resource] / R. Wike. – Mode of access: <http://www.pewglobal.org/2013/02/22/american-star-power-still-rules-the-globe>. – Date of access: 31.01.2016.
17. Brzezinski, Z. From Hope to Audacity. Appraising Obama's Foreign Policy [Electronic resource] / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. – 2010. – № 1. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/65720/zbigniew-brzezinski/from-hope-to-audacity>. – Date of access: 31.01.2016.

Поступила в редакцию 10.04.2018 г.

Некоторые особенности положения татарских писарей в канцелярии Великого Княжества Литовского (XV–XVI веков)

Любая А.А.

Республиканский институт высшей школы, Минск

В современных исследованиях намечаются попытки включить писарей в контекст становления бюрократической системы государств Восточной Европы, хотя использование самого термина «бюрократия» применительно к восточноевропейским государствам рубежа Средневековья и раннего Нового времени является достаточно дискуссионным вопросом.

Цель статьи — на основании дошедших до нас источников проанализировать специфику положения татарских толмачей и писарей в деятельности центрального аппарата управления Великого Княжества Литовского, к которому относилась и господарская Канцелярия.

Материал и методы. *Представленная работа написана на базе единственного вида источников по данному вопросу, сохранившегося до наших дней, — материалам делопроизводства, то есть документам Метрики Великого Княжества Литовского, а также исследований отечественных, российских и польских авторов. При этом применялись специально-исторические методы.*

Результаты и их обсуждение. *По своему происхождению большинство писарей и толмачей татарского отдела были татарами, чьи предки во втором или третьем поколении эмигрировали во владения великих князей литовских. Их обязанности предусматривали исключительно обеспечение внешней политики Великого Княжества Литовского, в то время как остальные писари занимались, прежде всего, документооборотом органов государственного управления. Поэтому карьера татар в Канцелярии была ограничена должностью татарского писаря. Должности в татарском отделе Канцелярии концентрировались в руках одного клана — князей Юшинских, что в общем было нехарактерно для бюрократии того времени. Но поддержание двуязычной письменной культуры и сохранение религиозных исламских традиций в этой семье могли способствовать появлению переводов коранических текстов на старобелорусский язык.*

Заключение. *Положение татарских писарей Канцелярии Великого Княжества Литовского существенным образом отличалось от положения и функциональных обязанностей латинских и русских писарей.*

Ключевые слова: *Канцелярия Великого Княжества Литовского, татарские писари, татарские толмачи.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 54–58)

Some Peculiarities of the Tatar Clerks Position of at the Chancery of the Great Duchy of Lithuania (XV–XVI Centuries)

Liubaya A.A.

National Institute for Higher Education, Minsk

In contemporary studies there are attempts to include clerks and writers into the context of bureaucracy system creation in the states of Eastern Europe. The application of the term of bureaucracy, though, concerning the Eastern European states of the late Middle Ages and early New Age is a rather controversial issue.

The purpose of the article is analyzing, on the basis of the extant sources the status of the Tatar interpreters and clerks in the actions of the state organs of the administration of the Grand Duchy of Lithuania, to which the Chancery also belonged.

Material and methods. *The presented work is written on the basis of the only type of sources that have survived to our day — materials of record keeping, that is, documents of the Metric of the Grand Duchy of Lithuania, as well as studies of native, Russian, and Polish authors, with the application of special historical methods.*

Results and its discussion. According to their origin, most of the clerks and interpreters of the Tatar department were Tatars, whose ancestors in the second or third generation had emigrated to the possessions of the Grand Dukes of Lithuania. Their duties were providing the foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania, while the rest of the clerks primarily dealt with the document circulation of state administration bodies. Therefore, the career of the Tatars in the Chancellery was limited to the position of the Tatar clerk. Positions in the Tatar department of the Chancellery were concentrated in the hands of one clan – the Princes of Yushinsky, which in general was not typical for the bureaucracy of that time. But the maintenance of the bilingual written culture and the preservation of religious Islamic traditions in this family could facilitate the appearance of translations of the Koran texts into the Old Belorussian language.

Conclusions. The position of the Tatar clerks of the Chancery of the Grand Duchy of Lithuania differed significantly from the position and functional duties of the Latin and Russian clerks.

Key words: the Chancery of the Great Duchy of Lithuania, Tatar writers, Tatar interpreters.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 54–58)

Особенности положения татарских писарей в Канцелярии Великого Княжества Литовского никогда не становились предметом отдельного исторического изучения, хотя личный состав и функциональные обязанности писарей латинского и русского отделов неоднократно обсуждались в научной литературе. Более того, в исследованиях намечаются попытки включить писарей в контекст становления бюрократической системы, хотя использование самого термина «бюрократия» применительно к восточноевропейским государствам рубежа Средневековья и раннего Нового времени является достаточно дискуссионным вопросом. Среди причин подобного пренебрежения можно назвать малочисленность такой группы государственных служащих, их маргинальное положение в структуре Канцелярии, а также факт, что, с точки зрения современных историков, их деятельность, связанная с обеспечением внешней политики, не являлась магистральной для института, созданного с целью функционирования государственного документооборота.

Цель статьи – на основании дошедших до нас источников проанализировать специфику положения татарских толмачей и писарей в деятельности центрального аппарата управления Великого Княжества Литовского, к которому относилась и господарская Канцелярия.

Материал и методы. Представленная работа написана на базе единственного вида источников по данному вопросу, сохранившегося до наших дней, – материалам делопроизводства, то есть документам Метрики Великого Княжества Литовского, а также исследований отечественных, российских и польских авторов. При этом применялись специально-исторические методы.

Результаты и их обсуждение. Но для того, чтобы определить специфику положения и функций татарских писарей в Канцелярии Великого Княжества Литовского, в любом случае необходимо отталкиваться от актуальных представлений о деятельности писарей латинских и русских. С точки зрения методологической модели такого компаративного анализа нам представля-

ется удачным исследование польского историка Иеронима Грали, посвященное «сравнению двух групп чиновников [...] игравших важную роль в управлении как Московского, так и Литовского государств» [1, с. 148]: дьяков и писарей соответственно в XVI – начале XVII века.

Процесс централизации государства, запущенный в Великом Княжестве Литовском административными реформами великого князя Витовта, требовал большого аппарата управления: «чиновников нового типа – [...] профессиональных бюрократов, грамотных, хорошо обученных, имеющих хорошую правовую подготовку, компетентных как в вопросах внутренней жизни государства [...], так и в проблемах дипломатии» [1, с. 151]. Собственно, институт татарских писарей хотя и фиксируется в материалах делопроизводства несколько позже, в середине XV века, полностью соответствует «квалификационным требованиям», предъявляемым к подобного рода чиновникам «нового типа». Компетенции татарских писарей никогда не рассматривались как самостоятельная научная проблема (хотя такой вопрос заслуживает внимания), но самое беглое знакомство с источниками по дипломатии Великого Княжества Литовского позволяет сделать данный вывод. Татарские писари владели как письменной культурой старобелорусского языка или «мовы руськой», которая являлась официальным языком Великого Княжества Литовского, так и письменной культурой тюркского языка в его дешт-кыпчакской версии, использовавшейся в Канцелярии крымских ханов. Некоторые факты могут косвенно свидетельствовать о том, что в первой трети XVI века как минимум трое из татарских писарей – Ибрагим бен Тимер, Легуш бен Хаджи-бей и Кутлу-Зоман бен Хыдир из рода князей Юшинских – владели арабским языком как минимум на уровне чтения Корана. Первый из них в конце первого десятилетия XVI века стал имамом («мола» в документах Метрики Великого Княжества Литовского) [2, с. 174–175], второго источники именуют хафизом – человеком, который по памяти может воспроизвести весь текст Корана [3, с. 200], и, наконец, третьего сам крымский хан Менгли-Гирей называет своим

богомольцем, что само по себе предполагает некую вовлеченность в религиозную арабоязычную традицию [3, с. 85]. Их знание исламской правовой традиции, как и дипломатического этикета Великого Княжества Литовского, не подлежит также сомнению. Татарские писари, как и их «младшие» коллеги – татарские толмачи, принимали участие в шертвовании (принесении присяги) татарскими послами, правителями и знатью, чтобы подтвердить правовую значимость происходящей церемонии [4, с. 53–54].

Исходя из анализа биографий и антропонимики, можно сделать вполне обоснованный вывод о татарском происхождении подавляющего большинства татарских писарей и толмачей из Канцелярии. Даже тогда, когда личное имя чиновника нельзя идентифицировать однозначно или оно является традиционным для социума Великого Княжества Литовского, вероятность татарского происхождения его носителя все равно достаточно высока. Как, например, в случае с писарем Дедко, который в 1505 году был отправлен к крымскому хану для подготовки приезда нового посла от великого князя, после неожиданной смерти князя Дмитрия Путятича. Его происхождение, на основе документов Метрики, установил Кшыштоф Петкевич [5, с. 28]. Это существенно отличало татарских писарей и толмачей из Канцелярии не только от других писарей, но и от других татарских писарей. Дело в том, что в Киеве как месте первой встречи татарских посольств был свой «дежурный штат переводчиков» и их среда была столь однородна. Среди киевских татарских толмачей нередко можно было встретить армян. Например, Макар Ивашкович, киевский татарский толмач, получивший от великого князя в начале XVI века землю в Киевском повете, «которую ж он нам заслуговал пилне ездячи до Орды частокрот в делех наших и земских», имел армянское происхождение [6, с. 129, 169]. В 1533 году другой киевский армянин и татарский толмач Василий Солтанович получил лист на вольную корчму в Киеве. В этом же году он, как писарь татарский, получил «тры копы грошей а сукньо луньское [с] скарбу» [7, с. 208; 8, с. 332–333].

Собственно, никаких других административных или финансовых функций, кроме как реализации внешней политики Великого Княжества Литовского, татарские писари не выполняли. Это существенно отличало их от других писарей господарских, в том числе и в плане количества. Однако не на столько, насколько можно было бы этого ожидать. Польские историки Хенрик Люлевич и Анджей Рахуба подсчитали, что в Великом Княжестве Литовском в общем было всего 78 чиновников с титулом писаря и великого писаря [1, с. 151]. В то же время другой польский исследователь Кшыштоф Петкевич выявил, что в Канце-

лярии Великого Княжества Литовского в период правления великого князя литовского Александра работало 20 писарей: 15 русских, 3 латинских и 2 татарских [5, с. 18–28]. В результате работы над документами из книг Метрики Великого Княжества Литовского мы установили около десятка татарских и арабских писарей, что в общем сопоставимо с общим числом писарей в этом ведомстве.

Существенно отличалась модель социальной и политической мобильности татарских писарей в сравнении с остальными сотрудниками Канцелярии. Как отметил Иероним Граля, «модель идеальной чиновничьей карьеры в Литве можно представить в виде следующей схемы: дьяк или секретарь – писарь – державца – маршалок – подскарбий, а дальше, возможно, воевода» [1, с. 154]. Бюрократическая карьера татар в Великом Княжестве Литовском начиналась с должности толмача и заканчивалась на следующей должности – татарского писаря. Даже на дипломатической службе, в составе посольств великого князя, татарские писари очень редко получали статус посла. Безусловно, это связано с этноконфессиональным фактором. С одной стороны, при всей терпимости политической культуры Великого Княжества Литовского к татарам, их равное положение с христианами не было бесспорным и само собой разумеющимся. Достаточно вспомнить, какие ограничения их прав были введены Статутом 1566 года: по третьему артикулу девятого раздела татарам запрещалось свидетельствовать в судах («не мають у свѣдѣцтва припущоны быти жыдове ани Татарове») [9, с. 134], а по пятому артикулу двенадцатого раздела им запрещалось иметь невольников-христиан («Жидь, татаринь и кождыи бесурмянинь на врьдѣ преложонь и хрестіянъ въ неволи мѣти не маеть») [9, с. 167]. И хотя эти законодательные ограничения были отменены в скором времени великим князем литовским Жигимонтом Августом, правовое положение нобилитированных татар не было абсолютно тождественно остальной шляхте. С другой стороны, служба в Канцелярии Великого Княжества Литовского позволяла сделать карьеру или скорее упрочить свое положение внутри татарской общины.

Все господарские татары с точки зрения военной целесообразности и исходя из родоплеменного принципа были поделены на хоругви, которые одновременно являлись территориальными, налоговыми и административными единицами [10, с. 49]. В военном плане предводителем каждой хоругви был татарский хорунжий, а административные и хозяйственные вопросы решал маршалок. Иногда эти должности мог сосредотачивать в своих руках один и тот же человек. По крайней мере, в первой половине XVI века трем татарским писарям – Ибрагиму бен Тимеру, Кутлу-Зоману бен

Хыдиру и Мортуге бен Кутлу-Зоману — это удалось сделать в Юшинской трокской хоругви [10, с. 387–388, с. 399]. Причем, в случае с назначением в 1533 году Кутлу-Зомана бен Хыдира трокским юшинским хорунжим великий князь был вынужден забрать эту должность у его племянника Абдулы бен Ибрагима. Свое решение великий князь Жигимонт обосновал заслугами татарского писаря Кутлу-Зомана бен Хыдира на многолетней посольской службе в Орде [10, с. 388].

В историографии многократно обсуждался вопрос о судебных спорах между татарскими родами Великого Княжества Литовского за почетное старшинство. Для шляхетского сообщества, в котором принцип равенства всех членов «политического народа» был непреложной и абсолютной ценностью, подобные процессы были непонятны. В 20-е годы XVI века в этих тяжбах князя Юшинские, а именно князь Ибрагим с «братеем Хазбеевичи», смогли на время одержать верх над найманскими князьями Кадышевичами-Петровичами и ялоирскими князьями Кеньковичами [2, с. 176–179]. Но никто из исследователей, занимавшихся проблемой татарского «местничества», не обратил внимание на то особое положение, которое князья Юшинские занимали при великокняжеском дворе. В результате просопографического анализа татарского отдела Канцелярии (как татарских писарей, так и толмачей) нам удалось выявить, что по крайней мере пять поколений этого рода состояли на государственной службе. В общем, не менее 17 представителей князей Юшинских являлись татарскими писарями и толмачами. Такая профессиональная преемственность поколений не была характерной для других писарей господарских. Как утверждает Иероним Граля, «в Литве заинтересованность в карьере чиновника представителей одного рода не превышала, как правило, двух-трех лиц (чаще всего на протяжении одного-двух поколений)» [1, с. 152]. Этому явлению мы в самое ближайшее время посвятим отдельное исследование. А на данном этапе просто отметим, что одной из самых очевидных особенностей функционирования института татарских писарей и толмачей был кланово-семейный принцип комплектации кадрового состава. И это сближает татарский отдел не с русским и латинским отделами Канцелярии Великого Княжества Литовского, а с соответствующими институтами в Великом Княжестве Московском, затем в Русском государстве, — писарями различных Приказов, которые зачастую трудились в государственном управленческом аппарате на протяжении нескольких поколений. К таким династиям можно отнести Курицыных, работавших в Посольском приказе во второй половине XV — XVI веке, Цыплятевых, Карачаровых, Моклоковых и других [1, с. 152].

С точки зрения экономической целесообразности должность и работа в Канцелярии позволяла улучшить финансово-экономическое положение конкретного татарского писаря и его семьи в целом. Господарский писарь «кормился с отданного ему в пользование монаршего имения (и поэтому писарь обычно выступает с титулом “державцы”)), в отличие от господарских дяков, бюрократов более низкого ранга, которые получали за службу плату [1, с. 152]. Одновременно изученные нами материалы социально-экономического характера относительно собственности татар, служивших в Канцелярии, позволяют сделать вывод о том, что они вознаграждались за службу передачей земли в собственность.

Обычно татары, осевшие на землях Великого Княжества Литовского, получали земельные наделы — так называемые «татарщизны» — за свою военную службу в составе татарских или смешанных хоругвей. Отчуждение данной собственности (купля-продажа, обмен, дарение) были осложнены некоторыми условиями: разрешением великого князя на сделку и обязательной службой нового владельца вне зависимости от этнического происхождения в татарских хоругвях. Кроме прочего, эти наделы были совсем не большими. Исходя из данных Пописов (переписей) войска Великого Княжества Литовского, абсолютное большинство татар, включая мурз, выставляли одного всадника [см., например: 11, с. 104–110]. Процесс уменьшения доли собственности отдельного господарского татарина в первой трети XVI века привел к тому, что один всадник выставлялся от нескольких татарских семей — трех, четырех. Например, все татары из Крейвян (Kreywany) Троцкого воеводства, «которых домов есть восемь» (перевод с польского наш. — *А.Л.*), выставляли всего два коня [12, л. 15 об.], а вдова татарина Мустафы Туляшевича после смерти брата своего мужа выставляла треть коня [12, л. 17]. Встречались случаи, когда один конь выставлялся от десятка татар и даже больше.

В то же время, по сведениям Пописа войска 1528 года, писарь татарский, князь Ибрагим бен Тимер выставлял шесть всадников со своих владений, больше него — семь коней — выставлял только хорунжий князь Ахмат Улан Асанчукович, чей род по старшинству занимал первое место среди татар Великого Княжества Литовского. Двоюродный брат Ибрагима бен Тимера Кутлу-Зоман бен Хыдир — двоих. Общее число всадников, которые выставлялись из личных владений Юшинских, связанных на момент проведения переписи в 1528 году с Канцелярией, — не менее 17 [11, с. 105]. Относительное экономическое благополучие Юшинских определялось не только их высоким социальным статусом, как татарских князей и предводителей собственной хоругви, но и их работой в Канцелярии.

Отдельно остановимся на роли писарей в создании этнокультурной среды и сохранении культурной идентичности татар Великого Княжества Литовского. В Русском государстве, где возможности получения хорошего образования были ограничены, в том числе из-за культурной и религиозной изоляции, интеллектуальная среда естественным образом формировалась из профессиональных бюрократов, имевших доступ к книжной культуре и относительно открытых ко внешнему миру в силу специфики деятельности [1, с. 156]. В Великом Княжестве Литовском господарские писари – в первую очередь писарь русский Гальяш Пелигжимовский и писарь латинский Венцлав Николаевич – оставили заметный след в интеллектуальной истории государства. Достижения в этой сфере татарских писарей не столь очевидны. Тем не менее можно предположить, что именно татарские писари Канцелярии положили начало традиции перевода Корана на старобелорусский язык, а также способствовали формированию книжного письма и литературы белорусско-литовских татар. Этот достаточно радикальный тезис нуждается в подробной и основательной аргументации. Приведем здесь только самые очевидные факты, позволяющие сделать такой вывод.

Во-первых, источники свидетельствуют о том, что в начале XVI века некоторые татарские писари имели самое непосредственное отношение к исламскому духовенству. Князь Ибрагим бен Тимер был имамом – человеком, который непосредственно осуществляет религиозное служение в мечети. Князь Кутлу-Зоман бен Хыдир, также татарский писарь, называется молитвенником, и ему крымский хан Менгли-Гирей, не слишком щедрый в отношении посланников великого князя литовского, специально передает «белую деньгу» (возможно, некое ритуальное подаяние). Их родственник называется гафизом – профессиональным чтецом Корана, который способен воспроизводить его части по памяти.

Во-вторых, все они постоянно занимались переводческой деятельностью, в том числе осуществляли перевод (или свидетельствовали об истинности) отдельных сакральных текстов, которые содержались в письменных и устных клятвах крымских ханов, членов ханской семьи, придворных сановников и послов.

В-третьих, в татарском отделе Канцелярии Великого Княжества Литовского был свой собственный экземпляр Корана. Вполне вероятно, что его могли использовать для «обучения» новых татарских писарей чтению священных текстов и переводам с восточных языков.

Заключение. Таким образом, положение татарских писарей Канцелярии Великого Княжества Литовского существенным образом отличалось от положения и функциональных обязанностей латинских и русских писарей. По своему происхождению большинство писарей и толмачей

татарского отдела были татарами, чьи предки во втором или третьем поколении эмигрировали во владения великих князей литовских. Их обязанности предусматривали исключительно обеспечение внешней политики Великого Княжества Литовского, в то время как остальные писари занимались, прежде всего, документооборотом органов государственного управления. Поэтому карьера татар в Канцелярии была ограничена должностью татарского писаря. Должности в татарском отделе Канцелярии концентрировались в руках одного клана – князей Юшинских, что в общем было нехарактерно для бюрократии того времени. Но поддержание двуязычной письменной культуры и сохранение религиозных исламских традиций в этой семье могли способствовать появлению переводов коранических текстов на старобелорусский язык.

Литература

1. Граля, И. Дьяки и писари: аппарат управления в Московском государстве и Великом княжестве Литовском (XVI – начало XVII века) / И. Граля // От Древней Руси к России Нового времени. Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. – М., 2003. – С. 148–164.
2. Любая, А.А. Князь Ибрагим бен Тимер из рода князей Юшинских / А.А. Любая // *Alba Russia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.)*. – М.: Квадрига, 2015. – С. 153–184.
3. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 7 (1506–1539). Užrašymų knyga 7 / Lithuanian metrica: Book No. 7. Book of Inscriptions 7 / Литовская Метрика: Книга 7. Книга записей 7*. – Vilnius: LII leidykla, 2011. – XXIX, 1012 p.
4. Любая, А.А. Каран у дыпламатычнай практыцы Канцелярыі Вялікага Княства Літоўскага / А.А. Любая // *Журнал Белорус. гос. ун-та. Сер., История*. – 2018. – №1. – С. 51–59.
5. Pietkiewicz, K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. – Poznań: Wyd. nauk. UAM, 1995. – 256 s.
6. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9 / Metryka Litewska. Księga Nr 9 / 9 księga wpisów / Księga-kontynuacja (1508–1518)*. – Vilnius: Žara, 2002. – 615, [1] p.
7. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1538). Užrašymų knyga 15 [Литовская Метрика. Книга записей 15] / Parengė A. Dubonis*. – Vilnius: Žara, 2002. – 442 p.
8. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 17 (1530–1536). Užrašymų knyga 17 / Lithuanian Metrica: Book No. 17. Book of Inscriptions 17 / Литовская Метрика. Книга 17. Книга записей 17*. – Vilnius: LII leidykla, 2015. – XLVI, 706 p.
9. Статут Великого князства Литовского 1566 года и поправки статутные 1578 года // *Временник Московского о-ва истории и древностей российских*. – 1855. – Кн. 23. – С. 1–242.
10. Borawski, P. Ziemską służbę wojskową Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego w XV–XVII wieku / P. Borawski. – Zabrze: Wyd. Inforteditions, 2015. – 431 s.
11. Пераніс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. публічных спраў 1 / падрыхт. А.І. Груша, М.Ф. Спірыдо-наў, М.А. Вайтовіч. – Мінск: Бел. навука, 2003. – 444 с.
12. Национальный исторический архив Беларуси. – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. № 569: Книга 12 переписей. Ревизия татарских имений Великого княжества Литовского.

Поступила в редакцию 14.05.2018 г.

УДК 94(476.5):331.105.44

Старонкі гісторыі: узнікненне першых прафсаюзаў у Віцебскай губерні

Мандрык І.У.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле разглядаецца важнейшы этап у гістарычным шляху прафсаюзных арганізацый Віцебскай губерні. Сістэмна раскрываецца перыяд стварэння і станаўлення грамадскіх арганізацый працоўных, якія з часу свайго заснавання імкнуліся выконваць ахоўныя і прадстаўнічыя функцыі.

Мэта даследавання — выяўленне прычын вытокаў прафсаюзнага руху на Віцебшчыне ў кантэксце іншых тэрыторый Паўночна-Заходняга краю, адзнака дзейнасці яго структур у забеспячэнні абароны работнікаў наёмнай працы на дакастрычніцкім этапе свайго існавання.

Матэрыял і метады. У артыкуле ўжыты ўведзеныя раней у навуковы зварот выданні, у якіх раскрываецца гістарычны шлях прафсаюзнага руху Беларусі і Віцебскай губерні, дакументы Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, архіва Віцебскага абласнога аб'яднання прафсаюзаў. Пры даследаванні прымяняліся сістэмны, лагічны, параўнальны і праблемны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. У канцы XIX — пачатку XX ст. у Паўночна-Заходнім краі Расіі пачынаецца аб'яднанне рабочых у прафесійныя арганізацыі. Галоўнай задачай у іх дзейнасці на гэтым этапе з'яўляецца патрабаванне годных умоў працы, справядлівай аплаты за працу і своєчасовай яе выплаты. Лідзіруючае становішча ў стварэнні прафсаюзных арганізацый сярод беларускіх губерняў займала ў гэты час Віцебская губерня.

Заклучэнне. Гістарычны экскурс па дадзенай праблеме дазваляе сцвярджаць, што заснаванне прафсаюзаў у Віцебскай губерні, як і ўвогуле на беларускай тэрыторыі, пачынаецца ў час першых выступленняў рабочых супраць несправядлівых вытворчых адносін. Асэнсаванне свайго цяжкага становішча прывяло працоўны клас да неабходнасці сумеснай абароны сваіх законных правоў і інтарэсаў. Менавіта стачачныя камітэты, якія ўпарта вялі барацьбу з уладамі і работадаўцамі, з'яўляюцца папярэднікамі прафесійных саюзаў у Беларусі. Нягледзячы на складанасць умоў, адсутнасць вопыту, іх дзейнасць на гэтым этапе мела важкія дасягненні. Практычна ва ўсіх буйных гарадах Беларусі адбылося аб'яднанне рабочых, а разам з тым масавае фарміраванне прафсаюзаў на вытворчым прынцыпе. Віцебшчына ў гэтай справе займала лідзіруючыя пазіцыі. Прафсаюзныя арганізацыі прадпрыемстваў губерні сталі выкарыстоўваць сувымерныя з патрабаваннем часу формы і метады работы, не выключаючы палітычных патрабаванняў.

Ключавыя словы: ахоўныя функцыі, аб'яднанне рабочых, забастовачны рух, справядлівая аплата працы, фабрычна-заводская прамысловасць.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 59–65)

Pages of History: Emergence of First Trade Unions in Vitebsk Province

Mandrik I.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

A most important stage in the historical road of trade unions in Vitebsk Province is considered in the article. The period of the establishment and maturation of public organizations of working people, which from the time of their emergence strived to perform protection and representative functions, is revealed in a systematic way.

The purpose of the research is to reveal reasons of the sources of trade union movement in Vitebsk Province in the context of other territories of the North-Eastern Region, evaluation of its branches' activities in providing protection of employees on the pre-October stage of its existence.

Material and methods. Publications, which reveal the historical road of the trade union movement in Belarus and Vitebsk Province, are used in the article as well as documents of the State Archive of Vitebsk Region, Vitebsk Region Trade Union Association Archive in research circulation. The system, logical, comparative and problem methods were applied in the research.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: ivan_mandrik@mail.ru — І.У. Мандрык

Findings and their discussion. In the late XIX – early XX centuries in the North-Eastern Region of Russia workers started uniting in trade unions. The main task of their activities at that stage was demanding proper conditions of work, fair and timely wages. Vitebsk Province took the leading position in establishing trade unions among Belarusian Provinces at that time.

Conclusion. The historical overlook into the issue under consideration makes it possible to state that the foundation of trade unions in Vitebsk Province, as on the territory of Belarus in general, started during first demonstrations of workers against unjust job relations. Understanding of their own exploited state lead the working class to the necessity in joint defense of their legal rights and interests. Strike committees which fought with the authorities and employers were the predecessors of trade unions in Belarus. In spite of the complexity of conditions, absence of experience, their activities were successful at that stage. Practically in all big cities of Belarus consolidation of workers took place and, simultaneously, mass organization of trade unions according to job areas. Vitebsk Province took the leading position. Trade unions of the Province industries started using forms and methods of work which corresponded to the requirements of time, including political demands.

Key words: protection functions, unions of workers, strike movement, fair wages, factory industries.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 59–65)

Гістарыяграфія і крыніцы пра прафсаюзы Беларусі дазваляюць з высокай ступенню дакладнасці сцвярджаць, што іх стварэнне тут, як і ў іншых краінах свету, звязана з развіццём буржуазнага грамадства. У краінах, якія сталі на шлях індустрыялізацыі, адразу ж выразна праявіліся складанасці ва ўзаемаадносінах паміж класамі. Імкненне ўласнікаў да атрымання высокага прыбытку і мінімізацыі выдаткаў на працоўную сілу і на зарплату прыводзіла да высокай ступені эксплуатацыі наёмных работнікаў. Неверагодна цяжкія ўмовы працы, нізкая зароботная плата, да таго ж і адсутнасць дэмакратыі, спараджалі незадаволенасць і пратэсты працоўных. Гістарычна складалася так, што ў развітых краінах самымі структураванымі масавымі грамадскімі арганізацыямі, якія аб'ядналі намаганні наёмных работнікаў у патрабаванні годных умоў працы, кошту працы (адпаведна з намаганнямі на вытворчасці), своечасовай яе выплаты, з'яўляліся прафсаюзы.

У Англіі, якая ў ліку першых правяла прамысловы пераварот і дзе працоўны клас падвяргаўся высокай ступені эксплуатацыі, аб'яднанне рабочых у прафесійныя арганізацыі пачалося ўжо ў другой палове XVIII стагоддзя. У ЗША, Францыі, Расіі, іншых краінах станаўленне і развіццё прафсаюзнага руху адбывалася пазней, але ў цэлым па англійскім узоры.

У Беларусі на першапачатковым этапе ствараліся арганізацыі для падтрымкі працоўных у форме рабочых гурткоў, цэхавых сходак, стачачных кас, кас узаемадапамогі. У далейшым паступова складаліся прафсаюзныя ячэйкі для аб'яднання намаганняў у адстойванні патрабаванняў рабочых да ўласнікаў. У большасці іх дзеянні на сілі спарадычны характар і не выходзілі за рамкі аднаго прадпрыемства. Якасна новая старонка ў рабочым руху Беларусі, якая характарызавалася стварэннем прафсаюзаў па галіновым прыкметам, разгарнулася ў пачатку XX ст. Пераход да фабрычна-заводскай прамысловай вытворчасці склаў новую рэчаіснасць: узніклі істотныя супярэчнасці паміж гандлёва-прамысловай буржуазіяй і рабочым класам. З гэтага часу ў Віцебскай губерні пачынае афармляцца арганізаваны прафсаюзны рух, цесна звязаны з дзейнасцю рэвалюцыйных сацыял-дэмакратычных гурткоў і груп.

Мэта даследавання – выяўленне прычын вытокаў прафсаюзнага руху на Віцебшчыне ў кантэксце іншых тэрыторый Паўночна-Заходняга краю, адзнака дзейнасці яго структур у забеспячэнні абароны работнікаў наёмнай працы на дакастрычніцкім этапе свайго існавання.

Матэрыял і метады. Пры даследаванні праблемы выкарыстоўваліся ўведзеныя раней у навуковы зварот фундаментальныя выданні і артыкулы, у якіх высвятляецца гістарычны шлях прафсаюзнага руху на Беларусі. У якасці дакументальнай базы дадаткова прыцягнутыя архіўныя дакументы Нацыянальнага гістарычнага архіва, Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, архіва Віцебскага абласнога аб'яднання прафсаюзаў (пратаколы, стэнаграмы, рэзалюцыі прафсаюзных з'ездаў, канферэнцый). Вялікую каштоўнасць уяўлялі таксама літаратура па гісторыі Беларусі, шматлікія аўтарскія публікацыі апошняга дзесяцігоддзя, што асвятляюць гісторыю, тэорыю і практыку прафсаюзаў. Пры даследаванні прымяняліся сістэмны, лагічны, параўнальны і праблемны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Прафсаюзныя арганізацыі Беларусі ў 2014 г. адзначылі 110-ю гадавіну з дня свайго стварэння. Прычыны з'яўлення прафсаюзаў у Беларусі на раннім этапе, як і ў іншых краінах свету, абумоўлены ўсім ходам эканамічнага і палітычнага развіцця буржуазнага грамадства. Пры яго станаўленні адбываюцца канцэнтрацыя вытворчасці і капіталу, рост наёмных прамысловых рабочых. Сам па сабе такі ход падзей мае прагрэсіўны характар. Хуткімі тэмпамі ідзе індустрыялізацыя прамысловасці, наступае высокая ступень урбанізацыі, робяцца навішшы навуковыя адкрыцці, наглядаецца актыўны прырост насельніцтва.

У Расійскай дзяржаве імклівае развіццё буржуазных адносін адбылося пасля адмены прыгоннага права і буржуазных рэформ 60–80-х гг. У другой палове XIX ст. Расія за кароткі тэрмін увайшла ў пяцёрку найбольш эканамічна развітых краін свету.

У Паўночна-Заходняй частцы Расіі (беларускія землі) гэтыя ж самыя падзеі ствараюць перадумовы для інтэнсіўнага гаспадарчага развіцця. Рэзка павялічваецца аб'ём прамысловай, так і сельскагаспадарчай прадукцыі. Адбываецца

хуткі рост насельніцтва: за 1863–1897 гг. насельніцтва Беларусі павялічылася амаль у два разы і складала 6,5 млн чалавек, а колькасць жыхароў гарадоў за гэты час узрасла з 350 тыс. да 655 тыс. Такая ж тэндэнцыя наглядаецца на тэрыторыі Віцебскай губерні: у Віцебску ў 1860 г. налічвалася 29,5 тыс. чалавек, а ў 1897 г. насельніцтва горада павялічылася больш чым у два разы – да 65,9 тыс.

У губерні ўзводзяцца чыгуначныя шляхі, фарміруецца фабрычна-заводская прамысловасць. У 1866 г. праз тэрыторыю губерні пракладзена Рыга-Арлоўская чыгунка (участак Дзвінск–Полацк–Віцебск), праз два гады чыгуначныя лініі звязалі гарады Віцебскай губерні са Смаленскам, пазней – з Раслаўлем, Бранскам, Арлом, Масквой, Пецярбургам, Кіевам, Брэстам. У 1907 г. чыгунка прайшла праз Невель–Полацк–Круляўшчыну. У выніку ў межах Віцебскай губерні да 1917 г. было пабудавана амаль 800 км чыгункі, што складала на гэты час прыкладна трэцюю частку агульнай даўжыні чыгуначнага палатна Беларусі. Чыгуначная сетка звязала Віцебшчыну з важнейшымі індустрыяльнымі цэнтрамі краіны і аказала значны ўплыў на фарміраванне тут фабрычна-заводскай гаспадаркі [1, с. 4; 2, с. 150]. У 1877 г. у Віцебску заснаваны чыгуналіцейныя майстэрні, у 1883 г. – табачна-махарачная, у 1892 – акулярная, у 1898 – папярова-карданажная фабрыкі. У 1897 г. у горадзе працавала 102 фабрычна-заводскіх і больш за 1700 дробных саматужных прадпрыемстваў. Да буйнейшых прадпрыемстваў належала ільнопрадзільная фабрыка “Дзвіна”, створаная ў 1902 г. руска-бельгійскім замежным капіталам на 1000 рабочых месцаў. На фабрычна-заводскіх прадпрыемствах горада было занята 1500 рабочых, на дробных саматужных – 5000. З прыведзеных лічбаў па Віцебску (такія абставіны наглядаліся ў іншых гарадах і мястэчках) магчыма зрабіць выснову, што асаблівасцю прамысловай рэвалюцыі ў Віцебскай губерні стала разгортванне ў асноўным харчмакавай, тэкстыльнай і дрэваапрацоўчай галін. Акрамя тэкстыльнай (фабрыка “Дзвіна”) астатнія заставаліся пакуль параўнальна невялікімі прадпрыемствамі саматужнай рамеснай вытворчасці.

У канцы XIX ст. удзельная вага прадпрыемстваў саматужнай рамеснай вытворчасці ў Беларусі складала не меней за 70%, яны больш чым у пяць разоў пераўзыходзілі фабрычна-заводскую прамысловасць. Умовы працы і заробатная плата на іх была значна горшай, чым у сярэднім па Расійскай імперыі. Працягласць працоўнага дня наёмнага работніка на беларускіх прадпрыемствах замест прадугледжанага законам 11,5 гадзіны складала 12–14 гадзін, сярэдняя зарплата рабочых (Віцебская губерня не з’яўлялася выключэннем) была ў два разы ніжэй, чым у цэлым па Расіі. Шматлікія штрафы адбіралі больш за 30% заробку: у 1901 г. у пяці беларускіх губернях былі аштрафаваны 44% (!) усіх працоўных. Шырока выкарыстоўвалася дзіцячая праца і ў той жа час узрастала беспрацоўе: у 1907 г. толькі ў Віцебску было зарэгістравана 1200 беспрацоўных [3, с. 4].

Атрыманне высокага прыбытку, аб чым у першую чаргу клапаціліся ўласнікі, поўная адсутнасць дэмакратыі, у тым ліку і ў палітыцы, абумовілі незадаволенасць рабочага класа сваім становішчам, фарміравалі пратэстны настрой [14, с. 5; 5, с. 173].

У гэтых умовах рабочыя пачалі ўсведамляць, што яны, як уласнікі рабочай сілы, вельмі танна яе прадаюць. Каб паспяхова супрацьстаяць уладам і работадаўцам, ім неабходна цеснае згуртаванне [6, с. 6–7].

Ужо ў 1870–1880-я гг. на прадпрыемствах Беларусі сталі спарадычна ўзнікаць пярвічныя аб’яднаныя формы працоўных: стачачныя касы, рабочыя гурткі, бальнічныя і пахавальныя касы і інш. Іх асноўнай мэтай павінна было з’явіцца аказанне матэрыяльнай дапамогі сваім членам. На тэрыторыі Віцебскай губерні аб’яднанні рабочых і служачых для сумеснага адстойвання сваіх правоў у вышэйназваных формах узніклі ў гэты ж час спачатку на ўскраіне губерні – у Латгаліі, затым – у Віцебску, Оршы і Полацку [7, с. 10; 8, с. 336].

У канцы 90-х гадоў XIX ст. у гарадскіх цэнтрах Віцебскай губерні пачынае афармляцца арганізаваны працоўны рух, цесна звязаны з дзейнасцю рэвалюцыйных сацыял-дэмакратычных гурткоў і груп [7, с. 9–15; 9, с. 5; 10, с. 1]. Перш за ўсё гэта адносіцца да створанага па нацыянальным прынцыпе ў 1897 г. Усеагульнага яўрэйскага працоўнага саюзу ў Літве, Польшчы і Расіі (Бунд) і Расійскай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі большавікоў (РСДРП(б)) [11, с. 28]. Як адзначаюць даследчыкі і непасрэдныя ўдзельнікі тых падзей, прафсаюзныя арганізацыі на Беларусі з’яўляліся па сутнасці першаснымі ячэйкамі Бунда, яны карысталіся нават правам пэўнай аўтаноміі па абранні цэнтральных органаў гэтай палітычнай арганізацыі [12, с. 17].

Вядомы віцебскі большавік Б.Д. Пінсан, які стаў членам РСДРП у 1907 г. і пачаў сваю рэвалюцыйную дзейнасць у віцебскім прафсаюзе друкароў, ацэньваючы структуру бундаўскіх арганізацый, адзначаў, што ўвесь рэвалюцыйны рух тут, на мясцовым узроўні, развіваўся на глебе нелегальнай прафесійнай арганізацыі рабочых і арганізацыі стачачнай барацьбы. Фактычна прафсаюзы як першыя нелегальныя арганізацыі працоўных прадстаўлялі адначасова і сацыял-дэмакратычныя партыйныя арганізацыі [13, с. 4–8]. Рабочыя гурткі, касы ўзаемадапамогі, стачачныя фонды, цэховыя сходкі з’яўляліся самымі моцнымі і надзейнымі рэвалюцыйнымі цэнтрамі, дзе канцэнтравалася вялікая частка партыйнай працы [14, с. 10].

Разгортванне стачачных форм барацьбы за лепшыя ўмовы працы патрабавала далейшага згуртавання рабочых. Такое аб’яднанне ў гарадах Віцебскай губерні адбылося ў 1897–1900 гг. На думку вядомага беларускага гісторыка М. Біча, у гэты перыяд на тэрыторыі Беларусі найбольшай актыўнасцю выдзяляліся працоўныя Віцебска [15, с. 133].

Адна з першых забастовак рабочых адбылася на Віцебскай шчаціннай фабрыцы. Уласнікамі

былі пачуты і выкананы патрабаванні рабочых: працоўны дзень скараціўся з 16 да 12 гадзін.

У 1898–1900 гг. у забастоўках на прадпрыемствах Віцебскай губерні прынялі ўдзел да 3600 чалавек. У 1900 г. двойчы баставалі рабочыя тыгунёва-махорачнай фабрыкі. Вясной і летам 1900 г. адбыліся чатыры эканамічныя забастоўкі ў Оршы (у кравецкай, шавецкай, сталаярнай і тапачнай майстэрнях) [15, с. 131]. Страйкі на дробных прадпрыемствах праходзілі ў гэты час у Полацку, Дзвінску і іншых буйных цэнтрах губерні. У Віцебску эканамічная забастоўка з удзелам 15 рабочых гарбарнай майстэрні адбылася ў 1901 г.

На базе стачачных кас фарміруюцца падпольныя цэхавыя (прафесійныя) саюзы. Застрэльшчыкам тут выступілі рабочыя шчацінскіх майстэрняў. Услед за імі на пачатку новага стагоддзя на шлях прафесійнага аб'яднання ўступаюць гарбары.

У 1904 г. адбываецца масавае фарміраванне прафсаюзаў па вытворчым прынцыпе практычна ва ўсіх буйных гарадах Беларусі. На Віцебшчыне ў гэтым годзе стварылі прафсаюзную арганізацыю віцебскія гарбары. Менавіта ад 1904 г. вядзецца адлік стварэння арганізаванага прафсаюзнага руху на Беларусі.

На першапачатковым этапе дзейнасць прафсаюзаў па абароне правоў рабочых у асноўным абмяжоўвалася патрабаваннем больш бяспечных умоў працы і павелічэння аплаты за яе. Упартую барацьбу вялі прафсаюзныя арганізацыі з штрэйкбрэхерамі, якія ў вострыя моманты займалі пазіцыю работадаўцаў.

Якасна новы этап у станаўленні прафсаюзаў Віцебшчыны звязаны з пачаткам рэвалюцыі 1905–1907 гг. Царскі маніфест ад 17 кастрычніка 1905 г., які дэклараваў свабоду сходаў і саюзаў, па сутнасці, легалізаваў прафсаюзную дзейнасць. Разам з выступленнем пецябургскіх рабочых у Віцебскай губерні ўжо на пачатку рэвалюцыйных падзей адбыліся масавыя выступленні працоўных з эканамічнымі і палітычнымі патрабаваннямі. На прадпрыемствах дзейнічалі забастовачныя саветы і камітэты, ствараліся рабочыя дружыны. 18 кастрычніка 1905 г. у Віцебску адбылася 20-тысячная дэманстрацыя працоўных у падтрымку Кастрычніцкай Усерасійскай палітычнай стачкі.

Многія прафсаюзы ўзнікаюць пад прамым уплывам агульнарасійскіх галіновых арганізацый. Так, па закліку Усерасійскага саюза чыгуначнікаў рашэнне аб стварэнні сваёй прафесійнай арганізацыі было падтрымана і прынята чыгуначнікамі Оршы. Адначасова прадстаўнікі з Дзвінска і Оршы бралі ўдзел у працы з'ездку паштова-тэлеграфных служачых, які адбыўся ў лістападзе 1905 г. у Маскве. Развіццё рэвалюцыйных падзей прывяло да рэзкай палітызацыі даволі значнай часткі насельніцтва і фактычнага зліцця прафесійных арганізацый з партыйнымі [16].

Рэвалюцыя прымусіла кіруючыя дзяржаўныя колы пайсці на распрацоўку заканадаўчай базы

дзейнасці прафсаюзаў. 4 сакавіка 1906 года былі выдадзены “Часовыя правілы аб прафесійных таварыствах, што заснаваны для асоб, занятых у гандлёвых і прамысловых прадпрыемствах, або для ўладальнікаў гэтых прадпрыемстваў”. Правілы вызначалі прававое становішча прафесійных супольнасцяў, забаранялі іх удзел у палітычнай дзейнасці, прадугледжвалі стварэнне губернскіх асаблівых па справах аб таварыствах прысутнасцяў, дзе адбываліся зацвярджэнне статутаў і выдача дазвонаў на стварэнне прафсаюзаў, акрамя стварэння галіновых прафсаюзаў у рэгіянальным маштабе (іх стварэнне і дзейнасць забаранялася) [11; 17; 18].

Легалізацыя прафсаюзнай дзейнасці дазволіла выйсці з падполля ўжо створаным прафесійным арганізацыям. Адначасова ўзнікаюць новыя [19]. Сярод беларускіх губерняў лідзіруючае становішча ў фарміраванні прафсаюзных арганізацый займала ў гэты час Віцебская губерня [20]. На працягу двух гадоў (1906–1907 гг.) на тэрыторыі губерні было афіцыйна адкрыта 39 прафсаюзаў (для параўнання: у Мінскай губерні зарэгістравана 13 прафсаюзаў, Гродзенскай – 28, Магілёўскай – 2). Асабліва бурны рост прафсаюзных арганізацый прыпадае на лета 1906 г. Толькі ў жніўні 1906 г. у Віцебску было зарэгістравана больш за дзясятка новых прафсаюзаў, за ўвесь 1906 г. рэгістрацыю набыў 21 прафсаюз. Сярод іх – прафсаюзы слесараў, кавалёў, булачнікаў, будаўнікоў, чыгуначнікаў, рабочых півавараў прадпрыемстваў, зубных лекараў і дантыстаў, ювеліраў. У прафсаюзны рух на гэтым этапе ўключаецца інтэлігенцыя. 13 чэрвеня 1906 г. у Віцебску на губернскім з'ездзе настаўнікаў было прынята рашэнне аб стварэнні прафсаюзнай арганізацыі працаўнікоў адукацыйных устаноў.

Фарміруюцца прафсаюзы і ў іншых гарадах Віцебскай губерні: у Полацку пачынае працу прафсаюз гандлёва-прамысловых служачых і настаўнікаў; у Оршы – чыгуначнікаў і паштова-тэлеграфных работнікаў [13].

Тэндэнцыю пераходу ад эканамічных патрабаванняў да палітычнай дзейнасці выдатна ілюструе данясенне віцебскага губернатара. У 1907 годзе ён пісаў: “Моладзь, якая жыве ў гарадах Віцебскай губерні, арганізавалася ў прафесійныя супольнасці, і ў большасці, пад выглядам абароны эканамічных інтарэсаў сваіх членаў, стала на рэвалюцыйны шлях. Дзейнічаючы спачатку вельмі асцярожна, некаторыя прафсаюзныя супольнасці ў апошні час ... праявілі пагрозлівую дзяржаўнаму парадку і грамадскай бяспецы дзейнасць, якая выяўляецца ў арганізацыі забастовак служачых і рабочых у гандлёва-прамысловых установах і майстэрнях” [21, с. 32]. Адстойванне сваіх пазіцый рабочым класам у час першай буржуазна-дэмакратычнай рэвалюцыі толькі нарасталі. З мэтай больш згуртаванай каардынацыі прафсаюзных дзеянняў на рэгіянальным узроўні ў Віцебску і Полацку былі створаны цэнтральныя бюро прафсаюзаў, якія існавалі нелегальна.

Актывізацыя прафсаюзнай дзейнасці, палітызацыя патрабаванняў устрывожыла царскія ўлады, выклікала ў адказ карныя меры. У лютым 1907 г. у Віцебску паліцыя зрабіла ператрус дакументаў прафсаюза будаўнічых рабочых. На момант правядзення вобыску ў памяшканні знаходзілася каля паўсотні чалавек. Па данясенні прыстава пры з'яўленні паліцыі прысутныя тут людзі сталі хутка знішчаць пракламацыі з заклікамі звяржэння самадзяржаўя. У працоўных знойдзены ўлёткі РСДРП(б), забароненыя брашуры і кнігі. Па распаўсюджанні ўлад прафсаюз будаўнічых рабочых быў зачынены, а яго лідары арыштаваныя. У 1908 г. у Віцебску было ліквідавана 12 прафсаюзаў, у Полацку — 2, Дзвінску — 11. За арганізацыю стачкі ў гэтым годзе забаранілі дзейнасць самага буйнога ў губерні прафесійнага аб'яднання друкароў. Пад рознымі падставамі губернская адміністрацыя адмаўляла ў рэгістрацыі новых прафсаюзаў. За арганізацыю стачачнай барацьбы і цеснае ўзаемадзеянне з палітычнымі арганізацыямі многія кіраўнікі прафсаюзных супольнасцяў і актыўныя ўдзельнікі рэвалюцыйных падзей былі падвергнуты рэпрэсіям. Толькі за адзін 1906 г. паліцыя знайшла падставу для арышту больш за 1 тыс. жыхароў Віцебска [22, с. 19].

Аднак рэпрэсіі не спынілі працу прафсаюзаў. Перайшоўшы на нелегальнае становішча, яны ва ўмовах рэакцыі, па-ранейшаму ў самых актыўных формах працягвалі барацьбу за эканамічныя інтарэсы працоўных. У жніўні 1908 г. у Віцебску баставаў увесь калектыў льнопрадзільнай фабрыкі “Дзвіна” (1050 чалавек). Рабочыя патрабавалі павышэння зарплаты, звальнення тэхнічнага дырэктара, вызвалення арыштаваных арганізатараў забастоўкі. Гэта была адна з буйнейшых у Беларусі стачак перыяду палітычнай рэакцыі.

Ва ўмовах жорсткіх рэпрэсій эканамічная барацьба прафсаюзаў спалучалася, як і раней, з палітычнай дзейнасцю. Удзельнікі прафсаюзнага руху распаўсюджвалі нелегальную літаратуру, на прафсаюзных сходах разглядалася палітычная тэматыка. Прычым актыўны ўдзел у гэтым бралі члены не толькі падпольных, але і легальных прафсаюзаў.

У Віцебску, напрыклад, прафесійнае грамадства краўцоў, шаўцоў і прыказчыкаў арганізавала сумесны сход, на якім прынялі заяву-пратэст супраць суда над былымі членамі сацыял-дэмакратычнай фракцыі II Дзяржаўнай думы.

З паліцэйскіх данясенняў можна ўбачыць, што ў гэты перыяд прафсаюзныя арганізацыі губерні праяўлялі значную ўвагу да палітычнай літаратуры. У адным з данясенняў даводзіцца, што кіраўніцтва прафсаюза краўцоў на агульных сходах практыкуе правядзенне гутарак і чытанне лекцый на забароненыя тэмы. Тэматыка лекцый ахоплівала многія палажэнні марксізму, адна з іх — “К. Маркс аб кааператыўных таварыствах”. Пры вобыску памяшкання гэтага прафсаюза паліцыяй у маі 1908 г. былі выяўленыя брашуры, фатаграфіі думскіх сацыял-дэмакратаў у зале суда

на лаве падсудных і іншая літаратура з заклікамі палітычнага характару.

Пры вобыску паліцыяй будынка віцебскага прафсаюза шчаціншчыкаў было канфіскавана 14 брашур і некалькі іншых кніг “падрыўнога ўтрымання”. Не выпадкова ў паліцэйскіх рапартах значылася, што “члены (дадзенага. — *І.М.*) аб'яднання больш займаюцца чытаннем нелегальнай літаратуры і гутаркамі палітычнага характару”.

Нягледзячы на забарону стварэння прафсаюзаў па галіновым і тэрытарыяльным прынцыпах, разгром паліцыяй сфарміраваных у буйных цэнтрах Віцебскай губерні гарадскіх цэнтральных бюро, тэндэнцыя да тэрытарыяльнага аб'яднання прафсаюзных ячэек выяўлялася ўсё больш настойліва. У кастрычніку 1909 г. у Дзвінску адбыўся галіновы з'езд саюза шчаціншчыкаў, які адыграў вельмі важную ролю ў прафсаюзным руху Паўночна-Заходняга краю ў цэлым і Віцебскай губерні ў прыватнасці. У працы з'езда бралі ўдзел прадстаўнікі ад Віцебска, Оршы і Мінска. Ва ўмовах найвышэйшага росквіту рэакцыі, калі любая спроба супрацьстаяння з работадаўцам і нейкае падазрэнне ў прафсаюзнай дзейнасці вялі да залічэння ў “чорныя спісы”, што пагражала неадкладным звальненнем і беспрацоўем, дэлегаты з'езда прадэкларавалі рашучасць “стаяць на сваім, ні пад якім выглядам і ні пры якіх умовах не згаджацца з 10-гадзінным працоўным днём”. З'езд выказаў падзяку сацыял-дэмакратычнай фракцыі Дзяржаўнай думы за клопат пра інтарэсы працоўнага класа, а таксама братам па класе іншых нацый за салідарнасць і падтрымку. Узнімалася на з'ездзе і пытанне аб барацьбе з работадаўцамі за выдачу паліцыі рабочых, якія займаюцца прафсаюзнай дзейнасцю [23, с. 11].

Змрочны перыяд рэакцыі сур'ёзна падарваў сілы прафсаюзаў. У 1909–1910 гг. назіраецца рэзкі спад прафсаюзнага руху. Аднак гэты перыяд доўжыўся нядоўга. З 1911 па 1914 г. прафсаюзы, якія страцілі многіх сваіх самых актыўных членаў, павольна, але ўпэўнена аднаўлялі сілы. Да студзеня 1912 года ў Віцебску аднавілі сваю дзейнасць ужо 8 легальных прафсаюзаў. Функцыянавалі прафсаюзы ў Полацку, Дзвінску і Оршы. Пад іх уплывам у 1911 г. у Віцебску страйкавалі рабочыя фабрыкі “Дзвіна” (звыш за 1000 чал.), абутковых майстэрняў (432 чалавекі) з патрабаваннямі павышэння зароботнай платы. Распачатае ажыўленне прафсаюзнага руху выклікала трывогу ўладных структур. Яны робяць шэраг мер, накіраваных на ўзмацненне жорсткасці кантролю за прафсаюзнай дзейнасцю. У верасні 1912 г. Міністэрства ўнутраных спраў разаслала губернатарам і кіраўнікам гарадоў цыркуляр, дзе патрабавала звярнуць увагу “на шырокае развіццё ў Імперыі прафесійнага руху і на тое значэнне, якое надаюць гэтаму руху супрацьуродавыя партыі, якія паставілі на мэце аб'яднаць сваім уплывам прафесійныя структуры і саюзы і стварыць з іх палітычна арганізаваную сілу” [24, с. 43].

Цыркуляр прадпісваў мясцовым уладам весці энергічную барацьбу супраць прафсаюзаў. Іх дзейнасць была пастаўлена пад жорсткі кантроль паліцыі. У сувязі з гэтым рэзкага росту прафсаюзнага руху ў Віцебскай губерні на працягу 1913 і першай палове 1914 года не назіралася, наадварот, частка прафсаюзаў была ліквідавана.

З пачаткам Першай сусветнай вайны ўрад аб'явіў губерням Паўночна-Заходняга краю ваеннае становішча. Дзейнасць палітычных партый і прафесійных саюзаў была забаронена. Але і ў гэтых складаных умовах ваеннага часу і разгулу мілітарызму працоўны клас не заставаўся раз'яднаным у адстойванні сваіх правоў. Нягледзячы на забарону, прафсаюзы і ў нелегальных умовах працягвалі сваю ахоўную дзейнасць, падтрымлівалі працаўнікоў у іх патрабаваннях да ўладальнікаў праз забастовачны рух [25, с. 178]. Асабліва вылучаліся актыўнасцю прафсаюзныя камітэты Віцебска, які ў гэты час стаў буйнейшым прамысловым цэнтрам на Беларусі. Тут у 1914 г. дзейнічала 45 фабрык і заводаў, працавала каля 8 тыс. рабочых, з іх 40% было занята ў тэкстыльнай і каля 20% – у металаапрацоўчай галінах. На шасці прадпрыемствах налічвалася 100 і больш рабочых. На самым буйным прадпрыемстве – на фабрыцы “Дзвіна” – працавала 1200, а ў канцы 1914 г. – 1700 чалавек [22, с. 20]. У горад, які быў прыфрантавым, па мабілізацыі прыбыло шмат кваліфікаваных рабочых з Масквы, іншых прамысловых цэнтраў, аселяліся бежанцы ў акупіраваных кайзераўскімі войскамі рэгіёнах Прыбалтыкі. Усё гэта ўмацавала пазіцыю прафсаюзаў пры адстойванні інтарэсаў працоўных. Выкарыстоўваліся любыя легалізаваныя і нелегалізаваныя формы працы сярод рабочых. Ствараліся аб'яднанні ўзаемадапамогі, бальнічныя касы, рабочыя гурткі, працоўныя кааператывы, не адмаўляліся і забастовачныя выступленні. З удзелам прафсаюзаў у горадзе створана легальная бальнічная каса “Дапамога”, ва ўмовах дэфіцыту прадуктаў харчавання, продажу іх па спекулятыўным коштам, прафсаюзы праз працоўныя кааператывы дабіваліся нарміраванага забеспячэння насельніцтва прадуктамі харчавання. У студзені 1914 г. з патрабаваннямі эканамічнага характару баставаў калектыў шчаціннай фабрыкі (100 чалавек), а таксама двух заводаў сельгасінвентара (78 рабочых). Страйкавалі падчас вайны рабочыя Дуброўна, будаўнікі чыгуначнага ўчастка Орша–Варожба.

Лютаўская буржуазна-дэмакратычная рэвалюцыя 1917 г. дала для прафсаюзаў магчымасць легалізаваць сваю дзейнасць. Ужо ў сакавіку-красавіку гэтага года ў Віцебскай губерні аднавілі працу звыш за 50 прафесіянальных саюзаў. У ліку першых, хто арганізацыйна аформіў свае прафесійныя арганізацыі, былі чыгуначнікі. У сакавіку на станцыі Віцебск (тады гэта была структура Рыга-Арлоўскай чыгункі) створана прафсаюзная арганізацыя інжынерна-тэхнічных

работнікаў, сярэдніх і малодшых служачых. У Полацку ў прафсаюзную арганізацыю аб'ядналіся рабочыя паравознага дэпо, а таксама работнікі службы пуці, руху і тэлеграфа, пасля чаго ўсе яны прынялі ўдзел у выбарах вузлавога камітэта прафсаюзаў. 11 сакавіка 1917 г. аднавілася прафсаюзная дзейнасць у паравозным дэпо, на чыгуначнай станцыі і тэлеграфе ў Оршы.

Да канца сакавіка гэтага ж года аформіліся прафсаюзныя арганізацыі на прадпрыемствах гарбарнай, швейнай, металаапрацоўчай прамысловасці, у асобных рэгіёнах – спецыялістаў сельскай гаспадаркі. У часы двоеўладдзя прафсаюзы патрабавалі ад уласнікаў прадпрыемстваў паліпшэння эканамічнага становішча, павышэння заробтнай платы. Часцей за ўсё з-за меркавання асабістай бяспекі ўлады і буржуа імкнуліся гэтыя патрабаванні задаволіць. У выпадку адмовы прафсаюзы аб'яўлялі забастоўку. У “Известиях Витебского Совета” ад 13 ліпеня 1917 г. паведамлялася, што ўжо на працягу чатырох тыдняў працягваецца забастоўка членаў прафсаюза шчаціншчыкаў Віцебска. Зацяжны характар набыў страйк работнікаў па апрацоўцы скур. Завяршыўся ён толькі з поўным задавальненнем патрабаванняў удзельнікаў. Такі ж вынік мелі выступленні рабочых на лесапільным заводзе Мельцара і іншых прадпрыемствах. Безумоўна, стачачная барацьба рабочых прадпрыемстваў Віцебскай губерні летам 1917 г. згуртавала іх рады, дапамагла арганізацыйнаму афармленню прафсаюзных і фабрычна-заводскіх камітэтаў. У гэты час прафсаюзы найбольш блізка падыйшлі да практычнай рэалізацыі аднаго з найважнейшых палажэнняў сацыялістычнай тэорыі пра ажыццяўленне рабочага кантролю за вытворчасцю і размеркаваннем. Фабрычна-заводскі камітэт фабрыкі “Дзвіна” 2 жніўня 1917 г. сваім рашэннем зацвердзіў працоўны дзень для асоб, якія не дасягнулі ўзросту 20 год, у памерах не больш за 5 гадзін 30 хвілін (адмяніў распараджэнне адміністрацыі аб больш працяглым працоўным часе). Тут жа было прынята рашэнне аб арганізацыі вытворчага працэсу ў тры змены. Такім чынам, яшчэ за некалькі месяцаў да кастрычніка 1917 г. працоўныя Віцебшчыны праявілі сябе ў здольнасці кіраўніцтва прадпрыемствамі.

Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя прывяла да ўзнікнення новага тыпу прафсаюзаў. Як уяўлялася кіраўніцтву краіны, у грамадстве, дзе ў корані зменена становішча працоўных, адсутнічае прыватная ўласнасць на сродкі вытворчасці, прафсаюзы павінны падтрымліваць уладу, а цэнтр сваёй працы перанесці ў галіну арганізацыйна-гаспадарчай і выхаваўчай дзейнасці. Прафсаюзы аказаліся моцна ўключанымі ў дзяржаўную сістэму. Ім адводзілася роля школы выхавання, школы кіравання гаспадарчым і культурным будаўніцтвам.

Заклучэнне. Такім чынам, гістарычны вопыт падказвае, што найбольш эфектыўны шлях аба-

роны сваіх правоў і інтарэсаў, які працоўныя Англіі адшукалі яшчэ ў канцы XVIII ст., – гэта аб'яднанне ў прафесійныя арганізацыі. Стварэнне і станаўленне прафсаюзаў у Паўночна-Заходнім краі Расіі адбылося значна пазней (канец XIX ст. – пачатак XX ст.). З'яўленне прафесійных арганізацый тут выклікана, як і паўсюдна, аб'яднаннем рабочых у адстойванні сваіх патрабаванняў да наймальнікаў. На дробных прадпрыемствах, якія пераважалі ў той час у прамысловасці Беларусі, склаліся цяжкія ўмовы працы, не выконвалася працоўнае заканадаўства, не падтрымліваліся элементарныя нормы тэхнікі бяспекі і санітарнага стану, нізкай заставалася плата за вырабленую прадукцыю.

Прафсаюзны рух на Віцебшчыне, як і ўвогуле на Беларусі, насіў у пазначаныя гады рысы, характэрныя для еўрапейскага і сусветнага прафсаюзнага руху, а таксама меў і адметныя асаблівасці, якія былі абумоўленыя спецыфікай развіцця рэгіёна. Характэрным у пабудове тут прафсаюзных арганізацый, з першых крокаў станаўлення, была значная іх палітызацыя, надзвычайная актыўнасць пры параўнальнай малой колькасці членства, і, нарэшце, гэта – наяўнасць нацыянальнага фактару. Улічваючы колькасную перавагу на той момант у беларускіх гарадах яўрэйскага насельніцтва (што адносіцца і да Віцебшчыны), можна зрабіць выснову аб значнай пазітыўнай ролі бундаўскіх арганізацый і арганізацый РСДРП(б) у станаўленні прафсаюзнага руху.

Экскурс у мінулае і сучасная рэчаіснасць дазваляюць адзначыць: прафсаюзы паўсталі і існуюць у сувязі з аб'ектыўнай неабходнасцю. Гэта самая масавая і шматмэтавая з усіх грамадскіх арганізацый працоўных. З часу свайго стварэння прафсаюзы аказваюць пазітыўнае ўздзеянне на развіццё і захаванне працоўнага патэнцыялу грамадства. Там, дзе наёмныя работнікі змаглі стварыць і захаваць моцныя прафсаюзы, ім удалося выстаяць у супрацьстаянні з работадаўцамі і дасягнуць годнага ўзроўню аплаты працы і захавання сацыяльных ільгот.

Літаратура

- Мандрик, И.В. Белорусская железная дорога в 70–80-х годах XX столетия: исторический, социально-экономический и политический аспекты / И.В. Мандрик. – Витебск: УПП «Витебская областная типография», 2003. – 296 с.
- Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска: у 2 кн. Кн. 1 / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 2002. – 648 с.: іл.
- Мандрик, И.В. История профсоюзного движения Беларуси: история и современность / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2004. – № 1. – С. 4–11.
- История и современность профсоюзного движения: методические рекомендации для самостоятельной работы слушателей по повышению квалификации профсоюзных кадров. – Витебск: ВФ «МИТСО», 2007. – 32 с.
- История профсоюзов СССР. Ч. 1 (1905–1937 годы). Изд. 2-е / под ред. Г.В. Шарапова. – М.: Профиздат, 1977. – 343 с.
- Профсоюзное движение на Витебщине: история, опыт, уроки: пособие. – Витебск: ВФ МИТСО, 2000. – 102 с.: ил.
- Алексеев, П.В. К вопросу о зарождении профсоюзного движения на Витебщине / П.В. Алексеев // Профсоюзное движение: история и современность. – Витебск, 1996. – С. 9–15.
- Витебское областное объединение профсоюзов / Профессиональные союзы Беларуси. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / под ред. проф. Л.П. Козика. – Минск: ФПБ, 2011. – С. 336–337.
- Колосовский, С. Профсоюзы Беларуси: основные этапы пути / С. Колосовский // Беларускі час. – 1996. – 20–26 мая. – С. 5.
- Страницы истории: возникновение первых профсоюзов // Профсоюзное обозрение. Хроника. События. Факты. – 1996. – № 7(15). – С. 1.
- Дубовик, А. Профсоюзы Белоруссии: первые шаги / А. Дубовик // Человек и экономика. – 1990. – № 6. – С. 28.
- Дергунова, Э.М. К истории создания профсоюзов Белоруссии / Э.М. Дергунова // Профсоюзное движение: история и современность. – Витебск, 1996. – С. 17.
- Смирнов, Д.И. У истоков профсоюзного движения на Витебщине / Д.И. Смирнов // Профсоюзное движение: история и современность. – Витебск, 1996. – С. 16–20.
- Пинсон, Б. Большевики в Витебске / Б. Пинсон. – Витебск, 1922. – С. 10.
- Бич, М.О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. / М.О. Бич. – Минск: Наука и техника, 1973. – 280 с.
- Мандрык, И.У. Гісторыя Беларусі (у кантэксце сусветнай гісторыі) / И.У. Мандрык // Віцебск: УА ФПБ «МІПСА» ВФ, 2009. – 276 с.
- Давидюк, П.Г. Профессиональное движение: история, теория, практика / П.Г. Давидюк. – Минск: МИТСО, 1999. – 269 с.
- История профсоюзного движения Беларуси (под ред. Л.П. Козика). – Минск: ФУ Аинформ, 2005. – 416 с.
- Филяков, В.Г. Революционные связи рабочих Белоруссии и России в конце XIX – начале XX в. / В.Г. Филяков // под ред. М.О. Бича. – Минск: Наука и техника, 1987. – 142 с.
- Мандрик, И.В. Хроника профсоюзного движения / И.В. Мандрик, Л.А. Лагеева // Віцебскі рабочы. – 1998. – 23 кастр. – С. 2.
- Очерки истории профсоюзов Беларуси (1905–1969). – Минск: Наука и техника, 1970. – С. 16–20.
- Витебск: энцикл. справ. / Белорус. сов. энцикл.; редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БелСэ, 1988. – 408 с.: ил.
- Смирнов, Д.И. Истоки профсоюзного движения на Витебщине / Д.И. Смирнов // Профсоюзное движение на Витебщине: история, опыт, уроки. – Витебск: ВФ МИТСО, 2000. – С. 6–12.
- Первый съезд профсоюзов Витебской губернии / Профессиональные союзы Беларуси. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / под ред. проф. Л.П. Козика. – Минск: ФПБ, 2011. – С. 138.
- Мандрик, И.В. Профсоюзы как субъект социальной сплоченности общества / И.В. Мандрик // Совершенствование механизма регулирования социальных отношений в системе социального партнерства и диалога: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 15-летию Витебского филиала МИТСО, 26–27 нояб. 2009 г. – Витебск: ВФ УО ФПБ МИТСО, 2010. – С. 178–179.

Паступіў у рэдакцыю 01.06.2018 г.

УДК 930(476):614.255«1944/1991»

Красный Крест БССР в послевоенной советской историографии

Мандрик И.В., Бахир Ю.Н.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье анализируется историография о восстановлении, организационном укреплении и функционировании общественного объединения — Белорусского Общества Красного Креста в освобожденной от немецко-фашистских оккупантов республике. Отмечается, что до середины 1960-х гг. отечественная историография по данной проблеме была представлена в основном публикациями практических работников, носившими больше публицистический, чем научный характер. Со второй половины 60-х гг. XX столетия до 1991 г. историография по тематике, раскрывающей деятельность Красного Креста в Беларуси, пополнилась незначительным количеством реферативных и диссертационных работ, но целостной концепции по данной проблеме в послевоенной советской историографии не сложилось.

Цель статьи — выявить сформировавшуюся историографию о послевоенном восстановлении и развитии Красного Креста БССР, провести анализ наиболее значимой в ней литературы и дать обоснование необходимости научных исследований его многогранной деятельности в период 1944–1991 гг.

Материал и методы. Проанализированы наиболее известные издания и публикации российских и белорусских авторов, где отражена деятельность Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и Общества Красного Креста БССР в период 1944–1991 гг. При написании работы авторы опирались на принципы объективности и историзма. Применялись также историко-сравнительный, историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. Анализ исторической литературы подтверждает, что освещение данной темы имело изменчивую интерпретацию. Деятельность организаций Красного Креста в проведении традиционных гуманитарных мероприятий по сохранению и восстановлению здоровья населения страны рассматривалась учеными в пределах официальной идеологии. Со временем, удаляясь от завершения Великой Отечественной войны, происходило смягчение господствующего режима, а вместе с этим менялось авторское определение места и роли данного субъекта в общественно-политической системе. В то же время многие аспекты непосредственного участия центральных, местных и первичных организаций Общества Красного Креста республики в решении государственных задач по созданию и совершенствованию санитарной составляющей страны, охраны здоровья ее населения остаются слабо изученной страницей в белорусской истории.

Заключение. Исследование историографии об участии Общества Красного Креста Белорусской ССР в решении медико-социальных проблем (1944–1991 гг.) позволяет сделать вывод о том, что пока данная тема не нашла достаточного научного осмысления. В период 1940-х — 1960-е гг. работы носили в большей мере публицистический характер. Деятельность, чаще всего, рассматривалась в контексте союзной структуры — Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Работы этого периода ограничивались социальным заказом и дозированной информацией. Начиная со второй половины 1960-х гг., история развития Общества Красного Креста БССР вошла в круг интересов отечественных авторов. Сформированная к этому времени историографическая основа об организационном становлении и развитии Общества Красного Креста БССР пополнилась отдельными трудами, которые имеют определенное научное значение и могут стать материалом для дальнейшего объективного исследования проблемы.

Ключевые слова: гуманитарное право, Красный Крест в советской историографии, милосердие, социальная помощь.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 66–72)

The Red Cross of the BSSR in the Post-War Soviet Historiography

Mandrik I.V., Bakhir Yu.N.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Historiography on the restoration, organizational strengthening and functioning of the public union Belarusian Red Cross Organization in the liberated from German fascist occupants Republic is analyzed in the article. It is pointed out that up to

Адрес для корреспонденции: e-mail: yu.bahir@yandex.ru — Ю.Н. Бахир

the mid 1960-s national historiography on the issue was represented mainly by publications by practical workers which were mainly of publicist rather than scientific character. From the late 1960-s to 1991 historiography on the topic of Red Cross in Belarus was complemented by an insignificant number of reviews and dissertation works but there was no wholesome concept of the issue in the post-War Soviet historiography.

The purpose of the article is to identify the shaped historiography of the post-War rehabilitation and development of Red Cross in the BSSR, to analyze most significant literature on the issue and give grounds for the necessity in the research of its manifold activities between 1944 and 1991.

Material and methods. Most outstanding publications by Russian and Belarusian authors which reflect the activities of the USSR Red Cross and Red Crescent Organization and the BSSR Red Cross Organization between 1944 and 1991 are analyzed in the article. The authors relied on the principles of objectivity and historicism. The historical comparative and the historical system methods were used.

Findings and their discussion. Analysis of historical literature confirms that this topic was differently interpreted. The activities of the Red Cross in traditional humanitarian events on preservation and restoration of public health was considered by authors within the limits of official ideology. Gradually, following the end of the Great Patriotic War, the ruling regime was getting milder; consequently, the authors' definition of the place and the role of the subject in the social and political system was transformed. At the same time, a lot of aspects of the direct participation of central, local and primary sections of the Red Cross Organization of the Republic in solving state problems on creating and improving the sanitary component of the country, health protection of its population are still little studied in Belarusian history.

Conclusion. The analysis of the historiography on the participation of the BSSR Red Cross Organization in solving medical and social problems (1944–1991) makes it possible to conclude that this topic isn't still sufficiently considered. Between 1940-s and 1960-s papers were mostly of publicist character. Their activities were most often seen in the context of the Union structure, the USSR Red Cross and Red Crescent Organization. Works of that period were limited by the social order and portioned information. In the late 1960-s the history of the development of the BSSR Red Cross Organization interested native authors. The historiography base on organizational maturation and development of the BSSR Red Cross Organization, which had been shaped by then, was completed by some papers which are of some scientific significance and can become the material for further objective study of the issue.

Key words: humanitarian law, the Red Cross in the Soviet historiography, mercy, social aid.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 66–72)

На протяжении длительного времени Красный Крест БССР, не требуя больших материальных и финансовых государственных затрат, укреплял свои позиции и вырос в многомиллионную общественную организацию. Республиканское объединение Белорусского Общества Красного Креста являлось органичной частью международного движения и составной частью Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, осуществляло деятельность в этот период в соответствии с законодательством страны и международного гуманитарного права. Санитарно-оздоровительная, санитарно-профилактическая, иная деятельность этого массового общественного объединения в послевоенные годы привлекала внимание отдельных авторов, но аналитических комплексных работ, раскрывающих многогранную полезную деятельность структур, образующих Общество Красного Креста, до середины 1960-х гг. в БССР не появилось. В последующие годы были попытки научного осмысления роли этой организации по вовлечению трудящихся в укрепление санитарной обороны страны, развитию деятельности самих членов общества по укреплению здоровья населения и оказанию помощи населению, пострадавшему от военных действий и стихийных бедствий. Российскими и белорусскими авторами был подготовлен ряд работ по данной проблеме. Однако целостной научно обоснованной концепции исторического развития рассматриваемого общественного объединения пока не сформировалось.

Цель статьи – выявить историографическую составляющую, в рамках которой раскрывается проблема послевоенного восстановления и развития Общества Красного Креста БССР, провести анализ литературы и дать обоснование необходимости научных исследований его многогранной деятельности в период 1944–1991 гг.

Материал и методы. Проанализированы наиболее известные издания и публикации российских и белорусских авторов, где отражена деятельность Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и Общества Красного Креста БССР в период 1944–1991 гг. При написании работы опирались на принципы объективности и историзма. Применялись также историко-сравнительный, историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. После освобождения территории советской Беларуси от фашистских оккупантов и завершения Великой Отечественной войны встала задача перевода экономики республики на мирные рельсы. Сложности в реализации этой задачи заключались в том, что в республике за годы войны резко изменилась демографическая ситуация. БССР не досчиталась почти третьей части своего довоенного населения. Распались многие предприятия, общественные институты, медицинские учреждения, пришло в упадок городское хозяйство. Неблагополучной оставалась в республике эпидемиологическая обстановка. Люди ютились в землянках, дощатых бараках и сараях. Постоянное недоедание, психологическое напряжение

и болезни были причиной высокой преждевременной смертности населения. Серьезного повседневного внимания требовали десятки тысяч инвалидов войны, безнадзорность, беспризорность и сиротство детей. К концу 1945 г. в БССР на учет состояло 64000 детей-сирот [1, л. 2]. В Витебской области в сентябре 1944 г. взято на учет 5102 несовершеннолетних. Неблагополучной здесь была эпидемиологическая обстановка: зарегистрировано 3294 случая сыпного тифа [2, л. 205].

Руководство страны понимало, что успешное восстановление и развитие народнохозяйственного комплекса возможно осуществить только при активном участии самих трудящихся. Мощное движение и готовность к активной работе по восстановлению отраслей промышленности, сельскохозяйственного производства и объектов социальной сферы имелось и в народной среде. Основная масса людей жила надеждой на улучшение материального положения и формирование здоровой духовно-нравственной атмосферы. На освобожденных территориях республики в первые же дни приступали к восстановлению руководящих структур, составляющих политическую систему советского общества, – государственных и общественных формирований. В ряду общественных организаций особое место в тех крайне сложных условиях отводилось республиканскому Обществу Красного Креста, его местным и первичным организациям.

Восстановление Общества Красного Креста БССР осуществлялось по мере освобождения ее территории, в отдельных регионах – еще в условиях войны, на планомерной основе и в короткие сроки. Возрождая общественные формирования, в том числе и Общество Красного Креста, власти имели намерение вовлечь население страны в общественное самоуправление, что позволило бы поднять энтузиазм масс на преодоление последствий войны. С началом работы ЦК КК БССР, его местных организаций появилась необходимость в освещении их деятельности. С этого времени начинает формироваться послевоенная источниковедческая база Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, составной частью которого была белорусская республиканская организация. Тон и направление исследований задавала союзная историография. Именно она конкретизировала партийные указания о состоянии и оценках основных событий в стране.

Первыми к вопросам возрождения и послевоенного становления Советского Красного Креста обратились российские авторы В.А. Миловидов, М.И. Барсуков, Г.А. Митерев, Я.И. Акодус, М.С. Ветров. В работе В.А. Миловидова «Общества Красного Креста стран народной демократии в борьбе за мир» отражена возрастающая роль Коммунистической партии Советского Союза в советском обществе, показан ее вклад в восстановление ОКК и КП СССР, приводятся

итоговые результаты о состоянии структур Общества в регионах страны, в том числе и в БССР, относительно той ситуации, которая наблюдалась в первый год после освобождения. Обобщенный материал данной брошюры предназначался для докладчиков и пропагандистов трудовых коллективов, в которых имелись организации Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Вторая его работа «Краткий обзор деятельности Советского Красного Креста» дополняет первую. В ней рассматривались формы и методы по увеличению численности членов Общества за счет вновь привлеченных, сложившаяся на то время практика по подготовке кадров санитарных дружин и постов, других санитарных формирований. Здесь же указывалось на необходимость усиления пропагандистской и массово-политической работы по укреплению организаций Красного Креста [3].

В 1946 г. советская историография пополнилась книгой «Красный Крест и Красный Полумесяц СССР. Краткий исторический очерк». Она была подготовлена видным организатором советского здравоохранения и ученым М.И. Барсуковым (с 1924 по 1930 г. работал наркомом здравоохранения БССР). Это серьезное научное издание имеет конкретно-историческое содержание, анализ событий и оценку деятельности Советского Красного Креста. В дополненном виде и в новой редакции книга напечатана еще раз в 1955 г. [4]. Во втором издании обобщен опыт совместной деятельности органов здравоохранения и Красного Креста по профилактике заболеваемости и сокращению смертности населения, оказанию помощи на дому и скорой медицинской помощи. При бесспорном преувеличении линии коммунистической партии и советской власти, что наблюдается в содержании книг (без чего в то время обойтись было невозможно), автор декларирует верную концепцию о том, что достичь более полного удовлетворения потребностей населения в обеспечении медицинскими услугами и профилактическими мероприятиями в государстве можно при продуманной координации и тесной работе медицинских учреждений и организаций Красного Креста. Следует отметить полезность для науки этих изданий. Они характеризуются достоверностью и идейностью, представляют научную и практическую ценность для нынешних исследователей.

В работах широко известного гигиениста, доктора медицинских наук, профессора Георгия Андреевича Митерёва «Советский Красный Крест и народное здравоохранение», «Советский Красный Крест в борьбе за санитарную культуру народа», которые вышли из печати в середине 1950-х гг., так же, как и у предыдущего автора, проводится мысль о том, что медицинская область является главным направлением в работе Красного Креста всех союзных республик [5]. В основу его работ положены отчеты руководи-

телей республиканских Обществ. Издания наполнены большим фактическим материалом о численности членов организации, раскрытием форм и методов в подготовке кадров в союзных республиках. Автор, занимавший высокую должность (с 1954 по 1971 г. он избирался председателем исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР), не мог быть «отклонен» от официального социального заказа. В освещении положения дел здесь превалирует позитивный смысл и назидательные нотки в отношении нижестоящих структур. В содержании его работ имеются многочисленные призывы к руководителям национальных структур Общества и непосредственно к его членам о необходимости активизировать работу среди населения. Работы этого, как и других российских авторов, важны для белорусской историографии тем, что в них анализируются реальные процессы, наблюдающиеся в рассматриваемое время в советском обществе в целом и в общественных формированиях в частности.

Важный фактический и статистический материал, свидетельствующий об усилении заботы государства о здоровье человека с привлечением организаций Красного Креста, имеется в книге Я.И. Акодуса «Советский Красный Крест в борьбе за народное здоровье» [6]. Автор обращается к партийным директивам об улучшении медицинского обслуживания населения, отмечает значительную роль организаций Красного Креста в проведении государственной социальной политики, приводит массу примеров об обеспечении трудящихся бесплатным здравоохранением.

На этом же отрезке времени выпущен еще целый ряд работ, в которых раскрывается деятельность Красного Креста в первые послевоенные годы. В исследовании Е.Д. Ашуркова «В борьбе за народное здоровье: Участие трудящихся в строительстве советского здравоохранения и роль Советского Красного Креста» анализируется состояние медицинского обслуживания в стране. Положительной стороной данной работы является обобщение опыта участия формирований общества Красного Креста в выполнении присущих ему задач, а также необходимости привлечения широких слоев населения для содействия в проведении мероприятий, направленных на улучшение ситуации в здравоохранении [7]. Естественно, что автору приходилось учитывать установки господствующего режима, который до 1953 г. характеризовался чрезмерной строгостью.

Положительное влияние на оживление общественно-политической жизни в стране и содержание научных работ оказал XX съезд КПСС. Принятый на съезде курс на демократизацию общества стал благоприятной почвой для обновления науки. Заметно это проявилось и при освещении вопросов участия Общества Красного Креста в восстановлении народного хозяйства страны, его социально-медицинской сферы. Из-

менение общественно-политической ситуации в стране (после осуждения культа И. Сталина) позволило ученым отойти от одностороннего раскрытия исторического пути Общества Красного Креста. Авторы А.И. Лукьянов, А.Н. Костаков и А.Г. Егорова приводят обширный материал о предпосылках создания и функционирования Международного Красного Креста, обращаются к истокам и традициям, которые были присущи дореволюционным структурам местных управлений Российского общества попечения о раненых и больных воинах на территории Беларуси [8]. Из истории дореволюционного российского Общества Креста здесь устранены искажения, допущенные в прежних советских работах, восстановлены забытые факты об участии российского общества в бескорыстной помощи нуждающимся. Исследованы малоизвестные сведения о благотворительных учреждениях Российской империи. Обоснована преемственность в деятельности дореволюционных и советских пролетарских организаций Красного Креста.

В последние годы правления Н.С. Хрущева появился еще целый ряд работ, в которых внимание концентрируется на международной деятельности Общества. В издании М.С. Ветрова «Советский Красный Крест в борьбе за мир и дружбу между народами» обобщена работа исполнительного комитета Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР по осуществлению мероприятий, вытекающих из международных конвенций, налаживанию связей с международными организациями зарубежных стран. Автор подвергает сомнению дату основания Красного Креста в России, но делает вывод о том, что ключевая благотворительная функция Красного Креста присуща ему с момента создания [9].

На острие общественного и научного интереса оказалась история Красного Креста в юбилейном для советской власти 1967 году. 50-летие Октябрьской социалистической революции совпало с годом создания общества Красного Креста. Авторский коллектив подготовил и выпустил (под редакцией Г.А. Митерёва) книгу «100 лет Красного Креста в нашей стране». В данном издании и последовавшей за ним публикации Я.И. Акодуса и М.И. Барсукова «СОКК — детище Великой Октябрьской социалистической революции» [10] подведены итоги исторического пути добровольной общественной организации, много позитивного сказано о ее роли и значении в выполнении задач, обозначенных партийными решениями. Поскольку работы готовились для рубричной для страны даты, в ней внимание обращалось, прежде всего, на роль Октябрьской революции в судьбах страны, утверждалось, что именно она пробудила и подняла к самостоятельной политической жизни широкие народные массы. По привычным в то время взглядам в содержании раскрывается ход установления советской власти. Указывается, что при ликвидации старых органов власти

в стране создавались советские государственные учреждения и общественные организации, в числе которых было Общество Красного Креста. Отмечается большой вклад в укрепление советского социалистического строя и объединение трудящихся, который внесли за прошедшие 50 лет организации Общества.

Во второй половине 1960-х гг. в историографии появляются научные исследования, в которых рассмотрен исторический путь развития Общества Красного Креста на территории Беларуси. Вышли достаточно обстоятельные и обширные работы на уровне монографической литературы, печатные издания аналитического характера. В числе авторов первых фундаментальных трудов по данной теме необходимо назвать А.Ф. Петрову. В диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук она представила конкретный материал о создании Общества Красного Креста в дореволюционный период с переходом к истории его становления в советское время. Дооктябрьский период автор характеризует как нелегкую историческую полосу в жизни этой организации, подвергает критическому анализу его деятельность. Раскрывая советский период, автор акцентированно сосредоточилась на положительных процессах, протекающих в организациях Красного Креста республики. В работе отражены такие важные позитивные изменения в социальной сфере страны при участии в этом деле членских организаций Красного Креста, как благоустройство населенных пунктов, улучшение санитарной обстановки, ликвидация инфекционных заболеваний. В научное обращение автором введен обширный фактический материал, подтверждающий значительную роль СКК в санитарно-массовой работе в межвоенное время [11].

К сожалению, исследование А.Ф. Петровой должного развития в работах белорусских историков в последующее время не получило. Аналитических исследований, где более обстоятельно с критическим уклоном отражена роль организаций Красного Креста как одной из составляющих общественно-политической системы, как выясняется, отечественными историками не подготовлено. Хотя обстановка этого времени позволяла вместе с позитивными результатами показать существующие противоречия и слабые места в работе Красного Креста БССР, к более детальному подходу к изучению истории Общества Красного Креста, к объективной и глубокой оценке его деятельности белорусские историки оказались не готовы. Причиной этому является драматичный путь в развитии исторической науки в целом. И в годы, которые мы называем сегодня «хрущевской оттепелью», отпечаток культа личности не был стерт до конца. Концепция «выгодной» и «невыгодной» правды еще оставалась на вооружении историков и политиков.

О том, что и в конце 60-х гг. историки нуждались в раскрепощении сознания и способности

критически оценивать происходящее, свидетельствуют выступления участников научной конференции, посвященной 100-летию Красного Креста СССР в 1967 г. [12]. Из материалов научного форума видно, что вместо глубокого изучения и осмысления происходящих процессов авторы ограничились разъяснением и оправданием действий партии и руководящих звеньев Общества, перечислением данных официальной статистики о количественном росте первичных организаций, состоящих в них членов, подготовленных кадров для санитарно-оборонной работы, значкистов ГСО и БГСО. Авторы приводили примеры участия советских ученых и практических работников Красного Креста в международных конференциях, передового отечественного опыта, оказания материальной помощи другим странам. В то же время обходили стороной проблемы во взаимоотношениях с Международным Комитетом Красного Креста, Лигой Красного Креста, не замечали имеющийся формализм и другие серьезные проблемы в работе Общества.

Такой схематизм был отмечен зарубежными исследователями. В 1970-е гг. эксперт Всемирной организации здравоохранения англичанин Дж. Фрай и Х. Гордон, проведя сравнительный анализ охраны здоровья и медицинского обеспечения населения в СССР и в развитых капиталистических странах, пришли к выводу, что общественные объединения СССР (в первую очередь, Общество Красного Креста) зачастую выполняют не характерные для них функции. Об этом, по их мнению, свидетельствует отсутствие в Советском Союзе четко разработанной законодательной базы в сфере здравоохранения и невысокий уровень развития здесь медицины. Такого же мнения придерживался испанский социолог В. Наварро [13].

В 1970–1990-е гг. историография, связанная с деятельностью Красного Креста, стала пополняться. По сравнению с предыдущим этапом значительно увеличился тираж справочной и научно-популярной литературы. Это связано с приближавшимися знаменательными датами – 50-летием (1971–1972 гг.) и 60-летием Общества Красного Креста БССР (1981 г.). Накануне юбилейных дат были подготовлены брошюры об истоках, этапах развития Общества, направлениях его деятельности и достижениях, названы имена активных деятелей и участников движения [14]. В энциклопедических изданиях опубликованы краткие, но, по сути, емкие статьи с изложением структуры и направлений деятельности КК БССР в контексте международного и российского движения. Здесь указывается, что национальное белорусское Общество является составной и неотъемлемой частью российского Красного Креста и Красного Полумесяца. Широко освещается опыт, приобретенный Обществом в годы Великой Отечественной войны. Заслуженная оценка дана многим членам Общества, участникам боевых действий, в том числе З. Туснолобо-

вой-Марченко, которая лично вынесла с поля боя 128 раненых бойцов [15].

Изучению истории общественных организаций, где затрагивается деятельность Общества Красного Креста как элемента политической системы государства, посвящены работы Ц.А. Ямпольской, Н.И. Данченко и А.И. Щиглик, Г.И. Наливайко, Н.И. Чикаленко [16]. Главное место в своих исследованиях авторы отводят послевоенному периоду, находят закономерным становление и развитие ОКК как важной общественной организации в советском государстве, которая во взаимодействии и в тесном сотрудничестве с органами здравоохранения способствует формированию здорового образа жизни трудящихся, оказывает благотворное влияние на повышение работоспособности и производительности труда в государственной системе. Освещая важную на то время проблему высокого травматизма на производстве, авторы обращают внимание на роль первичных организаций Красного Креста в совершенствовании системы охраны труда и техники безопасности в трудовых коллективах. Довольно широко эти вопросы раскрыты в научно-популярном издании молдавского ученого Н.Р. Цырфы [17].

В ряде изданий особое место отводилось показу перемен в обществе, увеличению продолжительности жизни человека; происходящее тесно связывалось с укреплением здоровья населения, в том числе и с теми мероприятиями, которые проводились организациями Красного Креста по утверждению в обществе принципов гуманизма и широкому участию молодежи в краснокрестной работе [18]. В 1980-х гг. отдельных научных исследований по проблеме функционирования Общества Красного Креста БССР не осуществлялось. Но опосредованно она в ряде работ затрагивалась. Так, в диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук «Медицинские общества Белоруссии и их роль в развитии здравоохранения и науки» [19] (защита в 1981 г.) А.П. Молчанов, анализируя деятельность медицинских обществ Беларуси с учетом их местных особенностей, охарактеризовал взаимодействие организации Красного Креста с органами здравоохранения и медицинскими учреждениями в положительном ключе. Необходимо признать, что данная работа актуальна и в наше время. Ее актуальность состоит в том, что становление в республике социально ориентированного государства во многом сопряжено с активным участием всех общественных формирований страны, в системе которых важное место занимает Красный Крест.

В 80-е – 90-е XX века и начале XXI столетия имело место издание статей и брошюр, где авторы фрагментарно освещали вопросы, касающиеся роли Красного Креста в системе благотворительных организаций. Но широкого анализа с раскрытием полной картины генезиса и эволю-

ции Белорусского Красного Креста как составляющего элемента социальной истории Беларуси 1944–1991 гг. на сегодня не существует. Это дает основание ставить вопрос о проведении специального объективного и полного исследования с учетом современной методики.

Заключение. Анализ историографии об участии Общества Красного Креста Белорусской ССР в решении медико-социальных проблем (конец 1943–1991 гг.) позволяет сделать вывод, что в историческом плане тема является малоизученной. В период 1940-х – 1960-е гг. подавляющее число публикаций о деятельности Красного Креста БССР принадлежало работникам практического звена. Их содержание несло на себе идеологический отпечаток того времени. Деятельность ЦК Красного Креста и его местных организаций освещалась авторами преимущественно в положительном плане, недостатки и просчеты, как правило, не замечались либо не подвергались критическому осмыслению. В изданной в это время литературе в большей степени присутствует описательность, и поэтому их только с малой вероятностью можно отнести к работам научного характера. Во время «оттепели» литература о Красном Кресте стала издаваться большими тиражами, однако подходы к отражению исторического пути данного общественного формирования существенно не изменились. По-прежнему декларировались цифры об увеличении численности рядов Красного Креста, о расширении направлений деятельности, замалчивались проблемы в сфере международных отношений. В то же время, несмотря на поверхностный характер большинства исследований этого периода, нельзя не отметить их значительную историографическую значимость. Они подготовлены непосредственными участниками событий.

Только в конце 1960-х гг. появляется первая и пока единственная диссертация, где Белорусское Общество Красного Креста является объектом исследования, в ней на основе архивных материалов наиболее объективно отражается участие членов данной организации в решении медико-социальных проблем белорусского населения на этапе 1872–1965 гг.

В 70–80-х гг. в ряде брошюр и статей вместе с анализом функционирования общественных формирований БССР, и в большей мере медицинских учреждений, благотворительных организаций, приводятся сведения о некоторых сторонах деятельности организаций Красного Креста. Но отдельных научных работ, выражающих диалектику исторического процесса Общества Красного Креста республики, до настоящего времени пока еще не появилось. Все это подтверждает востребованность и настоятельную необходимость расширить направление научного поиска в исследовании данной проблемы.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4. – Оп. 51. – Д. 1а.
2. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1966. – Оп. 10. – Д. 3.
3. Миловидов, В.А. Общества Красного Креста стран народной демократии в борьбе за мир: (Материал для докладчиков в организациях Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР) / В.А. Миловидов // Испол. ком. Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. – М., 1952. – 24 с.; Миловидов, В.А. Краткий обзор деятельности Советского Красного Креста / В.А. Миловидов. – М.: Медгиз, 1955. – 48 с.
4. Барсуков, М.И. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР: Краткий ист. очерк / М.И. Барсуков. – М.: Медгиз, Образцовая тип. 6-я тип. треста «Полиграфкнига», 1946. – 156 с.; Барсуков, М.И. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР: (Ист. очерк) / М.И. Барсуков. – М.: Медгиз, 1955. – 156 с.
5. Митерёв, Г.А. Материал к лекции на тему «Советский Красный Крест на службе народного здравоохранения» / Г.А. Митерёв // Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний. – М., 1954. – 29 с.; Митерёв, Г.А. Советский Красный Крест и народное здравоохранение / Г.А. Митерёв // Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний. Сер. 3. – № 81. – М.: Знание, 1955. – 24 с.; Митерёв, Г.А. Советский Красный Крест в борьбе за санитарную культуру народа / Г.А. Митерёв // Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний. – М.: Знание, 1956. – 24 с.
6. Акодус, Я.И. Советский Красный Крест в борьбе за народное здоровье: (По материалам IV пленума исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР) / Я.И. Акодус // Испол. ком. Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. – М.: Медгиз, 1959. – 39 с.
7. Ашурков, Е.Д. В борьбе за народное здоровье: Участие трудящихся в строительстве советского здравоохранения и роль Советского Красного Креста / Е.Д. Ашурков // Исполн. ком. Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. – М.: Медгиз, 1958. – 75 с.
8. Лукьянов, А.И. Советское государство и общественные организации / А.И. Лукьянов. – М.: Госюриздат, 1960. – 232 с.; Костаков, А.Н. О возрастании роли общественных организаций / А.Н. Костаков. – М.: Госполитиздат, 1960. – 72 с.; Егорова, А.Г. Роль общественных организаций в строительстве коммунизма / А.Г. Егорова. – М.: Знание, 1965.
9. Ветров, М.С. Советский Красный Крест в борьбе за мир и дружбу между народами / М.С. Ветров. – Испол. ком. Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. – М.: Медицина, 1965. – 56 с.
10. 100 лет Красного Креста в нашей стране / под ред. проф. Г.А. Митерёва; Испол. ком. Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. – М.: Медицина, 1967. – 298 с.; Акодус, Я.И. СОКК – детище Великой Октябрьской социалистической революции / Я.И. Акодус, М.И. Барсуков // 100 лет Красного Креста в нашей стране. – М.: Медицина, 1967. – С. 53–77.
11. Петрова, А.Ф. История развития Общества Красного Креста в Белоруссии (1872–1965 гг.): автореф. дис ... канд. ист. наук: 07.571 / А.Ф. Петрова; АН БССР. – Минск, 1970. – 70 с.
12. Васильев, Л.Г. Красный Крест и здоровье советского народа / Л.Г. Васильев // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Красного Креста в СССР, состоявшейся 8 июня 1967 г. – Л.: Медицина, 1968. – С. 57–71; Богоявленский, Н.А. Организация Обществ Красного Полумесяца в борьбе с малярией / Н.А. Богоявленский // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Красного Креста в СССР, состоявшейся 8 июня 1967 г. – Л.: Медицина, 1968. – С. 104–107.
13. Fry, J. Medicine in three societies: a comparison of medical care in the USSR, USA and UK / J. Fry. – American Elsevier Pub. Co., 1970. – 249 p.; Hyde, G. The Soviet health service; a historical and comparative study / G. Hyde. – Published/Created London, Lawrence & Wishart, 1974; Navarro, V. Social security and medicine in the USSR: a Marxist critique / V. Navarro. – Published/Created Lexington, Mass.: Lexington Books, 1977.
14. Пятьдесят (50) лет Обществу Красного Креста БССР / Центральный комитет Общества Красного Креста БССР. – Минск, 1972. – 48 с.; На страже здоровья, гуманизма, мира: к 60-летию О-ва Красного Креста БССР / Центр. ком. Об-ва Красного Креста БССР. – Минск: Беларусь, 1981. – 45 с.
15. Красный Крест, Красный Полумесяц // Краткая медицинская энциклопедия: для среднего мед. персонала / отв. ред. А.Н. Шабанов. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – Т. 2: Корь–Ртуть. – 1973. – С. 15; Петрова, А.Ф. Чырвоны Крыж / А.Ф. Петрова // Беларуская савецкая энцыклапедыя: у 12 т. / рэдкал.: П.У. Броўка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1974. – Т. 11: Футбол–Яя; – С. 252.
16. Ямпольская, Ц.А. Общественные организации в СССР: Некоторые полит. и орг.-правовые аспекты / Ц.А. Ямпольская / АН СССР. Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1972. – 216 с.; Данченко, Н.И. Общественные организации СССР в условиях развитого социализма / Н.И. Данченко. – К.: Наук. думка, 1978. – 235 с.; Щиглик, А.И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР: Полит.-правовое исследование / А.И. Щиглик; АН СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1977. – 253 с.; Наливайко, Г.И. Партия и массовые организации трудящихся / Г.И. Наливайко. – Минск: Беларусь, 1977. – 47 с.; Чикаленко, Н.И. Советский Красный Крест на страже здоровья и мира / Н.И. Чикаленко; Исполком Союза о-в Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. – М.: Медицина, 1977. – 120 с.
17. Цырфа, Н.Р. Общественность в борьбе за здоровье трудящихся / Н.Р. Цырфа; ЦК Общества Красного Креста МССР. – Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1972. – 19 с.
18. Прошина, Л.В. Советский Красный Крест и молодежь / Л.В. Прошина, И.П. Старостин. – М.: Б.и., 1984. – 23 с.
19. Молчанов, А.П. Медицинские общества Белоруссии и их роль в развитии здравоохранения и науки: автореф. дис. ... канд. мед. наук / А.П. Молчанов. – М., 1981. – 22 с.

Поступила в редакцию 23.05.2018 г.

УДК 327(4+510)«19/20»

Формирование украинской национальной общины в Португалии в конце XX — начале XXI в.

Марцинюк М.П.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев (Украина)

В конце XX — начале XXI века начался стремительный процесс роста количества украинцев в Португальской Республике. Как украинские, так и португальские исследователи, в силу данных обстоятельств, обратились к поиску причин появления украинцев в Португалии, а также факторов формирования украинской национальной общины в стране, с которой ее не объединяли ни исторические, ни культурные связи. Совокупность неблагоприятных политических, социальных, институциональных и психологических причин общественной жизни в Украине «стимулировала» украинцев к иммиграции. Потребности португальской экономики и более лояльные, в сравнении с другими странами Европейского союза, законодательство и принимающее общество создали условия, при которых Португалия стала для украинцев конечным пунктом назначения. Весомым аргументом для эмиграции украинцев в Португалию (перед другими европейскими странами) стали процессы легализации и двусторонние договоренности между государствами, способствующие трудоустройству, адаптации, интеграции и реинтеграции украинских иммигрантов.

Цель статьи — проанализировать исторические особенности формирования украинской национальной общины в Португалии в конце XX — начале XXI в.

Материал и методы. Теоретико-методологическую основу составляют принципы историзма, целостности и объективности. Применялись также общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение. Кроме того, были использованы методы сравнительно-исторического и сравнительно-политического анализа.

Результаты и их обсуждение. В конце XX — начале XXI века в Украине сложился целый ряд неблагоприятных условий, которые «вытолкнули» граждан государства в международные миграционные процессы. Внутри этих международных процессов такие факторы, как миграционные амнистии и введение нового трудового законодательства, которое расширило возможности легального трудоустройства, весьма привлекали украинских эмигрантов. Особенно в Португалию, где вышеизложенные факторы совмещались с потребностями португальской экономики и рынка труда, вследствие чего сформировалась обширная украинская национальная община в Португалии, деятельность и пребывание которой потребовали регулирования на межгосударственном законодательном уровне. В этой связи в начале 2000-х гг. были подписаны и внедрены ряд двусторонних договоров между Португалией и Украиной, направленных на усиление социального обеспечения, надлежащей правовой защиты и интеграции в принимающее общество мигрантов из обеих стран.

Заключение. Таким образом, в конце XX — начале XXI в. началось формирование украинской национальной общины в Португалии. Украинцев к эмиграции провоцировали ряд внутриэкономических факторов и общеевропейских миграционных тенденций, которые благотворно повлияли на решение к эмиграции в Португалию. Это совпадало с португальскими внутриэкономическими потребностями, а впоследствии привело к заключению определенных двусторонних договоров между Португалией и Украиной в миграционной сфере.

Ключевые слова: Европейский союз, Португалия, Украина, миграционная политика, миграционное соглашение, украинская национальная община в Португалии, эмиграция, иммиграция, легализация мигрантов, законодательные аспекты легализации.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 73–78)

The formation of the Ukrainian national community in Portugal at the late 20's — the beginning of the 21st century

Martsyniuk M.P.

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv (Ukraine)

At the beginning of the 21st century the number of Ukrainians in Portugal began to increase rapidly. Therefore, both Ukrainian and Portuguese researchers started to search the genesis of Ukrainians in Portugal, as well as the factors of the formation of the Ukrainian national community in this country. Neither historical nor cultural ties united Ukraine and Portugal.

Адрес для корреспонденции: e-mail: martsyniuk_m@ukr.net — М.П. Марцинюк

Even so the combination of unfavorable political, social and psychological causes of social life in Ukraine «stimulated» Ukrainians to immigration to Portugal. On the other hand the needs of the Portuguese economy and the loyalty of the Portuguese legislation and the host society created favorable conditions under which Portugal became the ultimate destination for Ukrainians. Powerful arguments for the Ukrainian emigration to Portugal, in front of other European countries, were the simplified legalization procedure and bilateral agreements between both countries that promote employment, adaptation, integration and reintegration of Ukrainian immigrants.

The purpose of the article is to study the formation of the Ukrainian national community in Portugal at the late 20's — the beginning of the 21'st century.

Material and methods. *This research is based on the totality of the scientific principles such as historicism, integrity and objectivity. The general scientific methods were also used: analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, and generalization. In addition, methods of comparative historical and comparative political analysis were applied.*

Findings and their discussion. *At the beginning of the 21'st century a number of unfavorable conditions pushed the citizens of Ukraine into international migration processes. Within these international processes, such factors as migration amnesties and the introduction of the new labor laws, which increased the opportunities for legal employment, attracted a lot of Ukrainian emigrants. Particularly to Portugal where these factors combined with the Portuguese economy and the labor market needs. As a result, Ukrainian national community in Portugal was formed and its activities required regulation at the interstate legislative level. In this regard, in the early 2000's a number of bilateral treaties between Portugal and Ukraine were signed and implemented, aimed at strengthening social security, proper legal protection and integration of migrants from both countries into the host society.*

Conclusion. *Thus, the formation of the Ukrainian national community in Portugal began in the early 200's. Ukrainians were encouraged to emigrate by a number of economic factors and pan-European migration trends, which had a beneficial effect on the decision of Ukrainians to immigrate to Portugal. It coincided with Portuguese domestic economic needs, and led to the conclusion of certain bilateral treaties between Portugal and Ukraine in the migration sphere.*

Key words: *European Union, Portugal, Ukraine, migration policy, agreement on migration, Ukrainian national community in Portugal, emigration, immigration, legalization of migrants, legislative aspects of legalization.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 73–78)

В конце XX — начале XXI в. количество украинцев в Португалии существенно увеличилось. Во многом данный факт объясняется совокупностью неблагоприятных политических, социальных, институциональных и психологических причин общественной жизни в Украине, что «стимулировало» украинцев к иммиграции. Потребности португальской экономики в квалифицированной рабочей силе, а также более лояльные, в сравнении с другими странами ЕС, законодательство и принимающее общество создали условия, при которых Португалия стала для украинцев конечным пунктом назначения. Весомым аргументом для эмиграции украинцев в эту страну стали процессы легализации и двусторонние договоренности между Лиссабоном и Киевом, способствующие трудоустройству, адаптации, интеграции и реинтеграции украинских иммигрантов.

Цель статьи — проанализировать исторические особенности формирования украинской национальной общины в Португалии в конце XX — начале XXI в.

Материал и методы. Настоящее исследование написано на основе доступных источников и научных публикаций украинских и португальских авторов. История формирования и развития иммиграционной политики Португалии в контексте непосредственно украинского вопроса недостаточно освещена в научной литературе, украинская историография темы практически отсутствует. Поэтому, рассматривая тему формирования украинской национальной общины в Пор-

тугалии, целесообразно осуществить краткий анализ взглядов ученых на причины, побудившие украинцев к эмиграции конца XX — начала XXI века.

Исследователь в области государственного управления А. Надточий, выделяя общие причины эмиграции украинцев в первые годы независимости, обращает внимание на уменьшение населения отдельных регионов Украины вследствие его выезда за границу, ссылаясь на совокупность неблагоприятных условий внутри страны, которые «выталкивали» граждан государства в международные миграционные процессы. Одним из факторов такого «выталкивания» трудовых ресурсов за границу являлся экономический: низкий уровень оплаты труда. Среди других факторов — совокупность политических, социальных, институциональных и психологических явлений общественной жизни, среди которых политическая нестабильность, коррумпированность всех ветвей власти, отсутствие культуры (традиции) выполнения законов, безответственность высших должностных лиц органов государственной власти, недействующие юридические механизмы защиты прав собственности и т.д. [1, с. 1–3].

Это мнение разделяет и А. Зубик, который считает главными причинами эмиграции украинцев в Португалию (пик активности данного явления пришелся на 1999–2003 гг.) низкий уровень экономического развития, высокий уровень безработицы, несвоевременную выплату заработной платы и несоответствие прожиточного минимума уровню жизни [2, с. 180].

Отечественный исследователь Е. Малиновская в своем аналитическом докладе «Трудовая миграция: социальные последствия и пути реагирования» акцентирует внимание на внешних факторах, побудивших к увеличению трудовой эмиграции из Украины в 1990-х гг. Такими факторами, на взгляд ученого, являются миграционные амнистии, которые проводили правительства Португалии, Италии, Испании и Греции, а также введение нового трудового законодательства, которое расширило возможности легального трудоустройства и т.д. [3].

Целесообразным в данном контексте будет и приведение португальской точки зрения касательно причин, побудивших выходцев из стран Восточной Европы к иммиграции. Так, одна из самых известных исследовательниц украинской иммиграции в Португалии М.Л. Фонсека в своем докладе «Иммигранты с Востока в сельских районах Португалии: ситуация в центральном Алтежу», представленном на конференции «Восточная иммиграция — новая реальность: возможности и вызовы» в 2003 г., отметила, что основной причиной активизации иммиграционных процессов из восточноевропейских стран стало существование нелегальных сетей снабжения рабочей силой, поддерживающих тесные связи с потенциальными работодателями в Португалии. По словам автора доклада, процессу увеличения количества иммигрантов из Восточной Европы способствовали легализация иммигрантов 2001 г. и массовое предоставление вида на жительство в Португалии. Еще одной из причин расширения потоков иммигрантов из восточноевропейских стран стал дефицит национальной рабочей силы в сферах производства и услуг.

С одной стороны, подобный дефицит объяснялся быстрыми темпами старения местного населения и увеличением занятости молодежи в более высокооплачиваемых сферах экономики, а также массовым выездом молодежи за границу (в другие страны Европейского союза. — М.М.). С другой стороны, расширению иммиграции способствовало создание португальским правительством новых рабочих мест в сфере строительства, что обуславливалось необходимостью быстрого развития спортивной инфраструктуры к чемпионату Европы по футболу в 2004 г.

Теоретико-методологическую основу настоящей статьи составляют принципы историзма, целостности и объективности. Применялись также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение. Кроме того, были использованы методы сравнительно-исторического и сравнительно-политического анализа.

Результаты и их обсуждение. Итак, ссылаясь на анализ выводов отечественных и европейских ученых о причинах, побудивших украинцев и выходцев из других стран Восточной Европы к переезду в Португалию, мы можем выделить ряд внутренних факторов, к которым принадлежали нестабильная экономическая и политическая ситуация, высокий уровень безработицы и коррумпированности всех ветвей власти, недействующие механизмы защиты прав физических и юридических лиц, и внешних, среди которых благоприятное трудовое законодательство, проведение миграционных амнистий, наличие дефицита рабочей силы в сфере производства и услуг. По нашему мнению, если опираться на слова наших соотечественников-иммигрантов, к причинам начала массовой иммиграции украинцев в Португалию необходимо добавить желание иметь лучшие условия жизни и достойные условия труда, желание обеспечить себе безопасность и соответствующий уровень жизни.

Показательными для освещения темы формирования украинской национальной общины являются данные Национального института статистики Португалии касательно количества украинцев, зарегистрированных в Португалии в 1999–2006 гг. Если в 1999 г. органами португальской власти было зарегистрировано 123 вновь прибывших украинца, то уже через шесть лет эта цифра составила 66 281 человек. В последующие годы можем наблюдать уменьшение их количества. В 2006 г. в Португалии было зарегистрировано 41 530 украинцев, которые въехали в страну. Анализ статистических данных позволяет нам подтвердить тезис о том, что формирование украинской национальной общины в Португалии происходило чрезвычайно быстро.

В свою очередь, и новые миграционные тенденции в Европе повлияли на Португалию, традиционно принадлежащую к странам, которые поставляли рабочую силу в Европу. Она сама начала принимать иммигрантов. В начале 1990-х гг. когда большинство стран Центральной и Северной Европы ввели серьезные ограничения по отношению к иммигрантам из третьих стран, условия, которые предоставлялись иммигрантам в Португалии, стали для них поощрительным стимулом. Повышение спроса на рабочую силу в сфере строительства, туризма и других секторах экономики Португалии во второй половине 1990-х гг. вызвало увеличение потока иммигрантов из стран, которые не имели никаких исторических и культурных связей с Португалией. Среди таких стран была и Украина. В то же время считаем целесообразным отметить, что в соответствии с принципами португальской иммиграционной политики

выходцы из Украины и представители других стран въезжали на постоянное жительство в Португалию, получая статус национальной общины. Статус национального меньшинства в Португалии получали ромы, что подтверждается документами Посольства Украины в Португальской Республике начала 2000-х гг. [4].

Анализируя данные Национального института статистики Португалии по количеству трудовых договоров, заключенных с иностранцами, которые не являются гражданами стран-членов Европейского союза, есть основания подтвердить общепризнанный факт, что отраслью, в которой было задействовано наибольшее количество выходцев из стран Восточной Европы, в том числе из Украины, была сфера строительства (49,8%). Другими сферами португальской экономики, в которых активно трудились украинцы, стали гостинично-ресторанный бизнес (19%), промышленное производство (10,3%), торговля (10%). Наименьшее количество рабочих-выходцев из Восточной Европы наблюдалось в металлургической отрасли (0,7%).

Одним из факторов, повлиявших на изменения на рынке труда Португалии, мы можем назвать проведение в Лиссабоне строительной выставки ЭКСПО-98. Данный тезис подтверждают результаты исследований португальского социолога Ф.Л. Мачадо, который определяет одной из причин роста численности иммигрантов, желающих осваивать строительный сектор, начало работ, связанных с ЭКСПО-98 [5]. Для подготовки и проведения выставки было задействовано значительное количество рабочих, в том числе украинцев, которые отличались своей высокой квалификацией и чей труд оплачивался дешевле, чем труд местного населения. Однако по ее завершении правительству Португалии необходимо было решать проблему их дальнейшего трудоустройства.

Следовательно, основной отраслью португальской экономики, которая была наиболее привлекательной для украинцев и спрос в которой на украинскую рабочую силу был самым высоким, в конце XX – начале XXI в. являлась отрасль строительства.

В то же время, как мы уже упоминали ранее, фактором, качественно отличавшим украинцев от других трудовых мигрантов, был их высокий уровень квалификации в этой сфере. Согласно характеристике португальского ученого Е.Ф.К.М. да Сильва, украинцы, несмотря на существование большого лингвистического и культурного разрыва между страной их происхождения и принимающей страной, демонстрировали позитивный процесс к интеграции в португальское общество, о чем свидетельствовали их способность и интерес к самостоятельному изуче-

нию языка, который является важным фактором социальной интеграции. Такая их способность, по словам исследователя, как и высокая профессиональная квалификация, могут быть определены положительными особенностями, которые обеспечивали возможность лучше адаптироваться в обществе, в частности в ситуациях поиска работы, подчеркивая способность к выполнению сроков работы, удовлетворенность более низкой заработной платой, быстрое обучение и высокую производительность труда. С учетом сказанного выше, в основном среди португальцев преобладало благосклонное отношение к украинским иммигрантам [6].

Достаточно показательным, с нашей точки зрения, был и тот факт, что среди украинских граждан, которые выезжали в Португалию в поисках работы, было немало опытных специалистов. В информационной справке Посольства Украины в Португалии к директору Департамента Европейского союза МИД Украины от 23 октября 2004 г. содержится информация, что по социальному признаку украинская национальная община в Португалии состояла из квалифицированных рабочих, врачей, музыкантов, инженеров, бывших военных, учителей и т.д. При этом выходцы из Украины не боялись работы. Мужчины устраивались в сфере строительства, водителями, слесарями или электриками, а женщины – уборщицами, домашними работницами, в больницах и на фабриках [4, л. 1–4]. Документы подтверждают выводы о том, что представители украинской национальной общины демонстрировали достаточно высокую способность к социальной адаптации и интеграции в принимающем португальском обществе.

Стремительное увеличение потока иммигрантов, желающих найти работу в Португалии, имело и обратную сторону – рост нелегальной миграции. Под давлением подобных обстоятельств правительство Португалии было вынуждено заключить с рядом постсоветских стран соглашения о предупреждении нелегальной миграции. Между Украиной и Португалией было подписано несколько документов, которые имели своей целью предупредить нелегальную миграцию между странами. Обратимся к более детальному рассмотрению этих договоренностей.

Впервые вопрос о возможности подписания такого соглашения между Португалией и Украиной был поднят во время визита Президента Португальской Республики Жоржи Сампайо в Украину 14–16 апреля 1998 г. [7]. Полноценное соглашение было заключено 12 февраля 2003 г. в Киеве и ратифицировано португальским парламентом путем принятия Закона-декрета № 3/2005 от 14 февраля 2003 г. [8]. Соглашение касалось

установления правил и принципов иммиграции граждан Украины в Португалию временного характера с целью профессиональной деятельности. Содержание договора имело общие черты с содержанием Протокола, подписанного в 1997 году между Португалией и Кабо-Верде. В соответствии с соглашением от португальской и украинской стороны определялись субъекты, ответственные за процесс временной иммиграции. Определенные учреждения/институты должны были способствовать обмену информацией о возможностях трудоустройства в тех отраслях экономики Португалии, в которых возникала потребность в рабочей силе, помогать улучшению координации между спросом и предложением в квалифицированной рабочей силе. Соглашение четко определяло функции, процедуры и сроки для каждого из субъектов, задействованных в процессе трудоустройства иммигрантов из Украины, поэтому в целом он был достаточно открытым и прозрачным.

Другим документом в области борьбы с нелегальной миграцией между правительствами Украины и Португалии стало Соглашение от 14 февраля 2005 года [9]. Его проект был создан по инициативе Пограничной службы Португалии в сотрудничестве с Международной организацией миграции и финансировался Европейской комиссией (тематическая программа сотрудничества с третьими странами в области миграции и предоставления убежища) совместно со Всемирным банком. На практике проект предусматривал отбор 50 кандидатов из Украины для работы в течение шести месяцев в сфере малого и среднего бизнеса, сельском хозяйстве, промышленности, сфере услуг и строительстве. В связи с этим украинским кандидатам предоставлялись визы для временного пребывания и разрешение на работу в Португалии. Международная организация миграции брала на себя финансирование переезда кандидатов в обе стороны и поддерживала процесс реинтеграции мигрантов по возвращении их на родину. Цель проекта заключалась в том, чтобы, получив новые знания и навыки при работе в Португалии, украинцы могли вернуться и реализовывать проекты по созданию рабочих мест в Украине с учетом полученного опыта. Кроме того, согласно первичным целям, эта программа была предназначена для помощи в установлении критериев для последующих проектов, призванных способствовать обратной миграции, легкому возвращению и адаптации мигрантов в стране происхождения.

Впоследствии между правительствами обоих государств были подписаны Соглашение о социальном обеспечении между Португальской Республикой и Украиной (7 июля 2009 г.) и Кон-

венция о социальном обеспечении между Португалией и Украиной, утвержденная Законом 8/2010 от 27 апреля 2010 г. [10]. Эти международные соглашения были направлены на усиление социального обеспечения, надлежащей правовой защиты и интеграции в принимающее общество мигрантов из обеих стран.

Заключение. Итак, исходя из анализа содержания двусторонних соглашений между правительствами Украины и Португалии в сфере предупреждения нелегальной миграции, можно прийти к выводу, что меры, примененные в соответствии с достигнутыми договоренностями, были достаточно эффективными и оправданными.

В то же время больше всего проблем, которые возникали с украинцами в Португалии, было связано со сферой трудовых отношений (невыплата заработной платы работодателями, увольнение с работы без предоставления объяснений), а также с решением разного рода судебных дел (необеспечение квалифицированными переводчиками во время судебных процессов, легкомысленное отношение местных адвокатов к проблемам подзащитных украинцев из-за их низкой платежеспособности). Долго нерешенным оставался и вопрос взаимного признания Украиной и Португалией документов об образовании. В начале 2000-х гг. данный вопрос решался путем индивидуального рассмотрения дипломов португальскими высшими учебными заведениями. Однако с португальской стороны поступила инициатива решения подобной проблемы в рамках работы Совместной двусторонней комиссии по гуманитарному сотрудничеству (первый этап переговоров состоялся в 2002–2003 гг.).

Подытоживая рассмотрение темы формирования украинской национальной общины в Португалии в конце XX – начале XXI в., необходимо отметить, что иммиграции украинцев в эту страну способствовал ряд как внутренних (в основном, проблемы, связанные с экономическим развитием страны), так и внешних (значительная потребность португальского рынка труда в дешевой рабочей силе, благоприятные условия, созданные португальским законодательством, и т.д.) причин. В то же время следует констатировать, что появлению украинской национальной общины в Португалии в конце XX – начале XXI в. помогал и позитивный имидж, который украинцам достаточно быстро удалось создать. Именно благодаря их быстрой способности к адаптации, изучению языков, умению сосуществовать вместе с представителями других национальных общин украинцы получили статус трудолюбивых, неконфликтных мигрантов, которые могут легко проходить процесс интеграции в принимающем их обществе. В целом двусторонние соглашения

между правительствами Украины и Португалии в сфере предупреждения нелегальной миграции были достаточно эффективными.

Литература

1. Надточій, А.А. Причини зовнішньої трудової міграції та оцінка її наслідків для економіки України [Електронний ресурс] / А.А. Надточій. — Харків: ХарРі НАДУ, 2015. — Режим доступа: <http://www.kbuapa.kharkov.ua/e-book/tpdu/2015-1/doc/2/06.pdf>. — Дата доступа: 16.04.2018.
2. Зубик, А. Історико-географічні особливості формування середовищ зарубіжних українців / А. Зубик // Часопис соціально-економічної географії. — 2015. — № 18(1). — С. 178–183.
3. Малиновська, О.А. Трудова міграція: соціальні наслідки та шляхи реагування [Електронний ресурс] / О.А. Малиновська. — К.: НІСД, 2011. — 40 с. — Режим доступа: http://www.niss.gov.ua/content/articles/files/Malin_migraziya-dace3.pdf. — Дата доступа: 13.05.2018.
4. Фонд. Материалы Посольства Украины в Португалии, которые передаются на постоянное хранение в УГА МИД Украины (2004). — Д. 73. — Л. 82.
5. Machado, F.L. Imigrantes e estrutura social / F.L. Machado // Sociologia. Problemas e Práticas. — 1999. — P. 51–76.
6. Da Silva, E.F.C.M. Competências Linguísticas e Trajetórias Profissionais dos Imigrantes Ucrânicos e Moldavos na AML / E.F.C.M. da Silva // Mestrado em População, Sociedade e Território, 2010. — 151 p. — Mode of access: http://repositorio.ul.pt/bitstream/10451/5449/1/igotul001139_tm.pdf. — Date of access: 13.04.2018.
7. Фонд. Материалы Посольства Украины в Португалии (в составе Посольства Украины во Французской Республике), которые передаются на постоянное хранение в УГА МИД Украины (1998–1999). — Д. 110. — Оп. 2. — Л. 15.
8. Соглашение об установлении правил и принципов иммиграции граждан Украины в Португалию. Закон-декрет № 3/2005 от 14 февраля 2003 г. [Электронный ресурс] // Diário da República, 1.a série. — № 13–14 de Fevereiro de 2005. — Режим доступа: <https://dre.pt/application/dir/pdf1sdp/2005/02/031A00/10141017.PDF>. — Дата доступа: 06.03.2018.
9. Соглашение между Украиной и Португалией по вопросам миграции от 14 февраля 2005 г., Лиссабон: Aviso. — № 114/2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.leideportugal.com/primeira-serie/aviso-n-o-114-2005-fevereiro-acordo-ucrania-portugal-166093>. — Дата доступа: 13.04.2018.
10. Соглашение о социальном обеспечении между Португальской Республикой и Украиной от 7 июля 2009 г., Лиссабон: Diário da República, 1.a série- № 81-27 de Abril de 2010 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://spilka.pt/index.php/novyny/dara/72-2009-10-20-15-42-03/2009-10-20-15-49-33/1266-2010-05-02-23-58-49>. — Дата доступа: 19.04.2018.

Поступила в редакцию 04.06.2018 г.

УДК 94(476)«18/19»:364.694-056.262

Организация помощи слепым на территории белорусских губерний во второй половине XIX — начале XX в.

Моторова Н.С.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В пореформенный период в социальной политике Российской империи получило развитие новое направление — оказание помощи слепым.

Цель статьи — проследить эволюцию организации помощи слепым жителям на территории белорусских губерний во второй половине XIX — начале XX в.

***Материал и методы.** Исследование подготовлено на основе анализа законодательных актов, статистических источников, делопроизводственных материалов. Для достижения поставленной цели использовались анализ, синтез, сравнение, историко-генетический и историко-сравнительный методы.*

***Результаты и их обсуждение.** В первые десятилетия пореформенного периода организация помощи слепым в Российской империи не имела систематизированного характера. Качественные изменения в данной сфере начались после создания Попечительства о слепых в 1881 г. С середины 1890-х гг. оно развернуло масштабную деятельность, направленную не только на призрение слепых, но и на организацию доступной медицинской помощи для предупреждения слепоты. На территории белорусских губерний при финансировании Попечительства работали глазные отряды, оказывалась бесплатная медицинская помощь в условиях стационара. С начала XX в. содействие им стали оказывать управления по делам земского хозяйства, а затем и земства.*

***Заключение.** На территории белорусских губерний помощь слепым осуществлялась силами Попечительства о слепых и органов местного самоуправления. Основным приоритет был отдан организации квалифицированной и доступной медицинской помощи, направленной на предупреждение распространения слепоты.*

***Ключевые слова:** помощь слепым, глазные отряды, глазные лечебницы, Попечительство о слепых, органы местного самоуправления, белорусские губернии.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 79–84)

Organization of Assistance to the Blind on the Territory of the Belarusian Provinces in the Late XIX — Early XX Centuries

Motorova N.S.

Educational establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

In the post-reform period in the social policy of the Russian Empire a new direction was developed. It was assistance to the blind.

The purpose of the article is to analyze the evolution of the assistance to the blind people on the territory of Belarusian provinces in the late XIX — early XX centuries.

***Material and methods.** The study was prepared on the basis of an analysis of legislative acts, statistical sources and clerical materials. The analysis, synthesis, comparison, historical and genetic, historical and comparative methods were used to achieve this purpose.*

***Findings and their discussion.** In the first decades of the post-reform period the organization of assistance to the blind in the Russian Empire did not have a systematized character. Qualitative changes in this area began after the creation of the Guardianship of the Blind in 1881. Since the middle of the 1890s it launched a large-scale activity aimed not only at the charity of the blind, but also in the organization of accessible medical assistance to prevent blindness. On the territory of the Belarusian provinces, with the funding of the Guardianship, eye detachments worked, and free medical care was provided in hospitals. Since the beginning of XX century they were assisted by the institutions of the local economy and later by the zemstvos.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: n.s.motorova@yandex.ru — Н.С. Моторова

Conclusion. *On the territory of the Belarusian provinces blind people were assisted by the Guardianship of the Blind and local self-government bodies. The main priority was given to the organization of qualified and accessible medical assistance aimed at preventing the spread of blindness.*

Key words: *assistance to the blind, eye detachments, eye clinics, Guardianship of the Blind, local self-government bodies, Belarusian provinces.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 79–84)

В пореформенный период в социальной политике Российской империи постепенно оформляется новое направление – организация помощи слепым. Данная категория населения находилась в особо уязвимом положении, нуждалась в дополнительной поддержке со стороны общества и государства. Кроме того, требовалось предотвращать заболевания, вызывавшие слепоту, особенно среди крестьян. Государство не могло оставаться в стороне от этих проблем, однако не обладало достаточными финансовыми и организационными ресурсами для их решения, а потому начало привлекать общественность к их разрешению.

На сегодняшний день тема организации помощи слепым на территории белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX в. остается малоизученной. В монографиях по истории здравоохранения Беларуси Г.Р. Крючка и Е.М. Тищенко рассматриваются исключительно медицинские аспекты данной проблемы. В обобщающих работах по истории Беларуси и в специальных исследованиях, посвященных отдельным аспектам социально-экономического развития белорусских земель после отмены крепостного права, организационные и финансовые условия оказания помощи слепым не затрагиваются.

Цель статьи – проследить эволюцию организации помощи слепым жителям на территории белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX в.

Материал и методы. Работа подготовлена на основе анализа законодательных актов, представленных в «Полном собрании законов Российской империи», статистических данных, а также опубликованных делопроизводственных материалов органов местного самоуправления. Методологической базой исследования являются как общенаучные (анализ, синтез, сравнение), так и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный) методы.

Результаты и их обсуждение. Первые шаги по организации помощи слепым в Российской империи были предприняты еще в эпоху правления Александра I, по инициативе которого в 1806 г. в Санкт-Петербурге открылся Институт слепых, ориентированный на их подготовку к самостоятельной жизни. Затем в 1817 г. был основан Институт для глухонемых и слепых в Варша-

ве. По инициативе благотворительных обществ создавались специализированные заведения для оказания помощи нетрудоспособным слепым. Так, в Москве в 1846 г. открылась богадельня для слепых женщин, а в 1880 г. – приют для слепых детей [1, с. 183]. В целом в Российской империи помощь слепым была ориентирована на решение двух основных задач: обучение слепых для их последующей интеграции в трудовую деятельность и призрение нетрудоспособных слепых. Соответствующие заведения располагались преимущественно в столицах, а сама помощь слепым не носила систематизированного характера. В регионах она практически отсутствовала. Весьма слабо была представлена и квалифицированная помощь, направленная на предупреждение слепоты. Так, на территории белорусских губерний в первые десятилетия пореформенного периода существовало только одно специализированное медицинское заведение – частная лечебница графа Пржездецкого в Вильно. Она была открыта в 1861 г. и находилась в ведении Министерства внутренних дел [2, с. 35]. Лечение в ней было платным, а потому она была недоступна для широких слоев населения.

В социальной политике Российской империи оказание квалифицированной помощи слепым было связано с началом деятельности Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых. Его возникновению способствовала Русско-турецкая война 1878–1879 гг., а своеобразной предтечей стало Главное попечительство о призрении нуждающихся семейств воинов в Санкт-Петербурге под председательством известного общественного и государственного деятеля К.К. Грота. Главное попечительство обратило внимание на то, что среди раненых солдат, вернувшихся с фронта, очень много молодых людей, потерявших зрение. По распоряжению императрицы Марии Александровны в Санкт-Петербурге и Киеве были открыты убежища для обучения их ремеслам. Однако за помощью в эти заведения начали обращаться и гражданские лица. Стало очевидным существование проблемы подготовки слепых к трудовой деятельности и их последующей интеграции в общество [1, с. 184].

Для ее решения в 1881 г. было создано Попечительство для призрения слепых. В честь умершей императрицы Марии Александровны ему присвоили наименование «Мариинского». В положении

подчеркивалось, что это частное учреждение, которое находится под покровительством правительства и подчиняется Министерству внутренних дел. Его главная задача заключалась в приржении, воспитании и обучении слепых детей для подготовки их к самостоятельной жизни, а также взрослых, для которых в специальных заведениях организовывалось обучение ремеслам. Предусматривалась поддержка тех семей и лиц, на иждивении которых находились слепые. Нетрудоспособные слепые помещались в богадельни [3, с. 913–912]. 10 марта 1883 г. Попечительство было передано в ведение Ведомства учреждений императрицы Марии [4, с. 76]. Постепенно его структура усложнялась, что выразилось в создании губернских отделений. На территории белорусских губерний они были открыты в Минске в 1897 г., в Гродно в 1898 г. и в Вильно в 1899 г. [5, Минская губерния, с. 4; Гродненская губерния, с. 2; Виленская губерния, с. 6].

С деятельностью Попечительства связаны первые попытки выяснить истинное количество слепых в Российской империи. За счет его средств на территории европейских губерний и Кавказа в 1886 г. была проведена перепись, которая показала, что по самым скромным подсчетам число слепых составляло 189 872 человека, из которых 86% приходилось на крестьян [6]. Более подробные сведения о количестве слепых в государстве были получены в ходе проведения Первой Всероссийской переписи 1897 г. Статистические данные подтвердили тенденцию к увеличению числа слепых, которое достигло 247 900 человек, или 0,19% от общего числа жителей. При этом большую часть слепых составляли крестьяне и лица, принадлежавшие к сельскому населению, — 208 243 человека (84% от общего числа слепых). На территории пяти белорусских губерний слепых насчитывалось 15 191 человек, или 0,18% населения. Среди них крестьяне составляли 12 353 человека, или 81% [подсчитано по: 7, с. 1–2; 8, с. 208, 211, 214, 216–217].

Статистические данные 1897 г. подтвердили, что для Российской империи актуальной являлась проблема предупреждения слепоты. В целом по государству из 247 700 слепых только 71 734 человека (или 29%) являлись таковыми от рождения, остальные 176 466 (71%) ослепли в результате различных неблагоприятных обстоятельств, в первую очередь, болезней. Для белорусских губерний соотношение слепых от рождения и ослепших в течение жизни составляло, соответственно, 28% и 72% [подсчитано по: 8, с. 210–211, 216, 217]. Как позже отмечал Я.Н. Колубовский, среди причин, вызывавших слепоту, преобладали различные болезни (трахома, глаукома, оспа и пр.). При этом в 60% случаев слепоту можно было бы предупредить

своевременным предоставлением медицинской помощи [9, с. 286].

Материалы переписей определили главное направление развития помощи слепым. Ее следовало сконцентрировать на оказании квалифицированного лечения, ориентированного на предупреждение слепоты и доступного для основной категории населения — крестьян, а значит, бесплатного. Необходимо было организовывать помощь в сельской местности, да и вообще в пунктах, отдаленных от крупных центров и путей коммуникации. В данном направлении Попечительство сконцентрировало основные усилия.

Для организации квалифицированной офтальмологической помощи крестьянам оно приступило к созданию так называемых «летучих» отрядов. В их состав входил как минимум один квалифицированный врач, а также вспомогательный медицинский персонал, в том числе и студенты-медики. Отряды направлялись в отдаленные местности для оказания помощи населению. Первый опыт их организации пришелся на 1893 г. Было создано 7 отрядов, принявших в общей сложности 7 691 человека и провели 1 466 операций. Этот опыт оказался удачным и получил дальнейшее развитие. В 1897 г. на территории Российской империи работало уже 33 отряда, которые приняли 53 828 человек и провели 16 029 операций [10, с. 10].

Естественно, их деятельность охватила и белорусские губернии. В 1897 г. здесь работало 4 отряда, которые приняли 11 830 больных и провели 1 781 операцию. В Минской и Витебской губерниях их деятельность была организована по приглашению губернского начальства. Практически везде отряды встречали содействие и помощь как со стороны местной администрации, так и населения. Например, в Кореличах за счет еврейского общества была устроена небольшая больница на 10 мест. В Витебской губернии по распоряжению губернатора В.А. Левашова отряд получал бесплатно перевязочные материалы и медикаменты. Приемы организовывались как в городах (Могилеве, Себеже, Невеле), так и в крупных местечках, например, в Дрогичине Кобринского уезда, Кореличах Новогрудского уезда, Телеханах Пинского уезда и пр. Помимо оказания собственно медицинской помощи отряды организовывали своеобразное повышение квалификации местных врачей. Так, на территории Витебской губернии часть операций проводилась местными врачами под контролем руководителя «летучего» отряда доктора М.Л. Крымгольца [11, с. 7–8, 10–11, 15, 17–18].

Работа отрядов продолжилась и в последующие годы. Резкое сокращение их деятельности произошло в 1904 г. По сравнению с предшествующим годом их количество уменьшилось почти

вдвое и составило всего 16. Соответственно сократилось число принятых больных и проведенных операций [10, с. 10–11]. Это было связано с началом Русско-японской войны и мобилизацией квалифицированного медицинского персонала. Но даже в это сложное время на территории белорусских губерний работало 4 летучих отряда, которые приняли 8 791 больного и провели 1 794 операции [10, с. 5–6, 9–10].

Кроме организации «летучих» отрядов, Попечительство о слепых приступило к созданию собственных глазных пунктов и лечебниц, а также осуществляло финансирование уже работавших медицинских учреждений, частных и общественных. Оно практиковало выделение пособий на содержание бесплатных мест в таких лечебницах.

Открытие глазных пунктов Попечительства началось с 1895 г. Было создано 22 пункта, которые в течение года приняли 10 785 больных и провели 1 998 операций. В 1904 г. их количество уже составляло 125 [10, с. 61]. На территории белорусских губерний пункты функционировали в Витебске, Могилеве, Полоцке, Бобруйске, Гомеле, а также в местечках Пропойск и Бельнич. Они приняли 8 503 больных и провели 3 232 операции [10, с. 39–41, 45, 47, 56–57]. В то же время из-за мобилизации врачей прекратили свою деятельность глазные пункты в Двинске, Витебске, Гродно и Рогачеве [10, с. 32–33, 37].

Собственных лечебниц Попечительства о слепых на территории белорусских губерний было немного. Первая открылась в Вильно и была рассчитана на 6 бесплатных и 1 платное место (позже количество коек увеличили). При лечебнице организовали амбулаторный прием: для бедных больных – бесплатный, а плата с состоятельных жителей составляла 10 коп. Лекарства и перевязочные материалы предоставлялись безвозмездно [5, Виленская губерния, с. 6]. Вторая лечебница открылась в Гомеле. Она была создана на базе частной лечебницы доктора А.Я. Брука, который на протяжении 9 лет активно сотрудничал с Попечительством и получал от него субсидию в размере 600 руб. [10, с. 39]. Открытие его лечебницы явилось результатом частной благотворительности. Сначала доктор А.Я. Брук принимал больных у себя на квартире и в местной сельской лечебнице, не имея при этом возможности проводить операции из-за отсутствия помещений для операционной и палаты для больных. Благодаря пожертвованиям княгини И.И. Паскевич эту проблему удалось решить [11, с. 55]. Затем глазной пункт был преобразован в полноценную лечебницу, которая начала прием больных с 12 ноября 1904 г. [10, с. 39–40].

Содержание стационарных медицинских заведений в основном осуществлялось за счет средств Попечительства о слепых. В то же время органы

самоуправления старались оказать им посильную материальную помощь. Например, Виленская городская дума в конце 1900 г. выделила 200 руб. на содержание местной глазной лечебницы [12, с. 121, 135].

Значительный вклад в расширение доступной квалифицированной помощи широким слоям населения сделали органы управления по делам земского хозяйства, созданные на территории Витебской, Минской и Могилевской губерний в 1903 г., и сменившие их в 1911 г. земства.

Они принимали участие в финансировании заведений, подчинявшихся Попечительству о слепых. Например, Могилевский губернский комитет по делам земского хозяйства в 1904 г. назначил пособие в размере 1 500 руб. глазной лечебнице в Гомеле [13, с. 24, 30], Минский губернский комитет в 1906 г. выделил этому заведению 300 руб. [14, с. 74, 79–80]. Практика назначения пособий продолжилась и после преобразования управлений по делам земского хозяйства в полноценные земства. На том основании, что жители Минской губернии получали амбулаторную и стационарную помощь в Гомельской глазной лечебнице, Минское губернское земство выделяло ей на протяжении 1912–1913 гг. пособия по 400 руб., в 1914 г. – 500 руб. [15, с. 69].

Управления по делам земского хозяйства и земства приглашали «летучие» отряды. Так, Витебский губернский комитет в 1904 г. просил Попечительство о слепых направить на территорию губернии отряд, выразив готовность выделить 350 руб. на оплату фельдшера и сестры милосердия [16, с. 9, 14–15]. Борисовское уездное земство на вознаграждение главному отряду выделило 200 руб. в 1913 г. и 400 руб. в 1914 г. Мозырское уездное земство на эти же цели затратило по 100 руб. в 1913–1914 гг. [15, с. 72, 73].

Кроме сотрудничества с Попечительством о слепых, органы местного самоуправления предпринимали самостоятельные шаги по организации квалифицированной офтальмологической помощи населению. В этом направлении особенно активная работа велась на территории Могилевской губернии. В 1906 г. Могилевский губернский комитет выделил 6 800 руб. на открытие в Орше глазного пункта. Причем было высказано пожелание, чтобы врач-окулист в течение летних месяцев обязательно посещал уезды губернии и оказывал помощь местному населению [17, с. 28, 36]. В 1908 г. глазной пункт был переведен из Орши в Могилев и преобразован в глазное отделение при Губернской больнице [18, с. 14]. В 1909 г. на его оборудование выделили 3 000 руб. [19, с. 51, 65–66]. Затем на заседании 18 декабря 1913 г. третье очередное Могилевское губернское земское собрание приняло постановление о преобразовании существующей си-

стемы офтальмологической помощи населению. Было решено вместо глазного отделения при Губернской больнице открыть 4 районные глазные лечебницы – в Могилеве, Орше, Кричеве и Гомеле. Строительство зданий для их размещения и расходы по содержанию медицинского персонала планировалось принять на счет губернского земства. Предполагалось, что каждая лечебница будет оборудована на 20–25 мест [20, с. 77, 118]. Однако полностью реализовать этот проект не удалось из-за начала Первой мировой войны.

В целом на территории белорусских губерний основные усилия были направлены на организацию квалифицированной медицинской помощи населению для предотвращения распространения слепоты. В то же время в области поддержки слепых и их последующей интеграции в общество делалось очень мало. В источниках отсутствуют упоминания о специализированных приютах или богадельнях для слепых на территории региона. Что касается обучения слепых детей и их дальнейшей подготовки к трудовой жизни, то это направление деятельности было развито слабо. Единственное училище для слепых детей существовало в Минске и находилось в ведении Попечительства о слепых. Оно открылось в 1897 г. и первоначально было рассчитано на 20 человек. В учебном заведении дети бедных родителей воспитывались бесплатно, их обучали грамоте и пению, а также плетению корзин. Училище содержалось за счет средств Попечительства [5, Минская губерния, с. 6]. Кроме того, оно получало финансирование со стороны органов местного самоуправления. Так, в 1906 г. Минский губернский комитет по делам земского хозяйства назначил на его содержание 1 000 руб. [14, с. 1, 7].

Заключение. На протяжении первых десятилетий после отмены крепостного права помощь слепым в Российской империи не имела систематизированного характера и практически не была представлена в регионах. Ситуация начала меняться после создания Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, которому были переданы обязанности по воспитанию слепых детей, профессиональному обучению взрослых и призрению нетрудоспособных слепых. Однако вскоре выяснилось, что необходимо предпринимать меры для предупреждения слепоты, особенно среди крестьянского населения, лишенного квалифицированной медицинской помощи. Попечительство начало активно работать в этом направлении примерно с середины 1890-х гг., командируя в отдаленные регионы глазные отряды, открывая глазные пункты и лечебницы, финансируя частные заведения. При реализации своих медицинских и благотворительных проектов оно вступало во взаимодействие с мест-

ной администрацией, органами самоуправления, частными лицами. Это в полной мере проявилось и на территории белорусских губерний. В регионе наиболее широкое развитие с конца XIX в. получила организация доступной медицинской помощи, ориентированной на предупреждение слепоты преимущественно в сельской местности. Она осуществлялась при участии органов местного самоуправления. Особенно активно в этом направлении работало могилевское губернное земство, которое накануне Первой мировой войны создало проект коренного преобразования системы офтальмологической помощи на территории губернии. Что касается призрения слепых, их воспитания и обучения, то данные аспекты деятельности были представлены слабо. Единственное специализированное училище для детей находилось в Минске и состояло в ведении местного отделения Попечительства о слепых.

Литература

1. Швиттау, Г.Г. Трудовая помощь в России: [в 2 ч.] / Г.Г. Швиттау. – Петроград: Тип. А.Э. Коллинс, 1915. – Ч. I. – X, 216, [3] с.
2. Благотворительные учреждения Российской империи: [в 3 т.] / сост. по Высочайшему повелению Собств. Его Имп. Величества Канцелярию по учреждениям императрицы Марии. – СПб.: Тип. СПб. акц. об. печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. – Т. II. – 633 с. разд. паг.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе. Том LV: 19 февраля 1880 – 28 февраля 1881. Отделение первое. От № 60541–61928 и дополнения. – СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1884. – 966, 49, [3] с.
4. ПСЗ РИ. Собрание третье. Том III: 1883. От № 1293–1933 и дополнения. – СПб.: Гос. тип., 1886. – 979 с. разд. паг.; 27 л. ил.
5. Благотворительность в России: сост. по Высочайшему повелению Собств. Его Имп. Величества Канцелярию по учреждениям Императрицы Марии: [в 2 т.]. – СПб.: [Типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1907]. – Т. 2: [в 2 ч.]. Ч. 1: Губернии: Архангельская–Новгородская. – 747 с. разд. паг.
6. Колубовский, Я. Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых / Я.Н. Колубовский // Энциклопедический словарь: [в 82 т., 4 доп. т.] / издатели: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. – СПб.: Семеновская типо-лит. (И.А. Ефрона): Тип. Акц. об-ва Брокгауз–Ефрон, 1890–1907. – Т. XXIVa. – 1898. – С. 550.
7. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: [в 2 ч.]. – СПб.: Паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – Т. I. – [4], XXII, 268, 89 с.
8. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: [в 2 ч.]. – СПб.: Паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – Т. II. – [6], LX, 417 с.
9. Колубовский, Н.Я. Задачи общественного призрения по отношению к слепым / Н.Я. Колубовский // Труды Съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г.:

- [в 2 т.]. – Петроград: Тип. В. Безобразова и К^о, 1914. – Т. I: Доклады и материалы заседаний. – С. 285–297.
10. Отчет Особого отдела по предупреждению слепоты за 1904 год / Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых; сост. В.Н. Долганов. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. – 143 с.
 11. Отчет Особого отдела по предупреждению слепоты за 1897 год / Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых; под ред. Л.Г. Беллярминова, сост. В.Н. Долганов. – СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1898. – 99 с.
 12. Протоколы Виленской городской думы за второе полугодие 1900 года. – Вильно: Тип. бр. Д. и Х. Яловцер, 1902. – 8, 169 с.
 13. Журналы годичного собрания Могилевского губернского комитета по делам земского хозяйства 1–9 сентября 1904 года. – Могилев: Тип. Губ. правления, 1904. – 145 с.
 14. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства за 1906 год. – Минск: Паровая типо-лит. И. и В. Тасьман, 1907. – 160 с. разд. паг.
 15. Краткий обзор деятельности земств Минской губернии в первом трехлетии. – Б/м, б/г. – 105 с.
 16. Журналы обыкновенного собрания Витебского губернского комитета по делам земского хозяйства заседаний 29 и 30 апреля 1904 года. – Витебск: Типо-лит. насл. М.Б. Неймана, 1904. – 19 с.
 17. Журналы годичного собрания Могилевского губернского комитета по делам земского хозяйства 1–11 сентября 1906 года. – Могилев губ.: Тип. Губ. правления, 1906. – XXIII, 214 с.
 18. Краткий обзор деятельности земского управления Могилевской губернии за 1903–1911 годы. – Могилев губ.: Губ. тип., 1911. – 31 с.
 19. Журналы обыкновенного собрания Могилевского губернского комитета по делам земского хозяйства мартовской сессии 1909 года. – Могилев губ.: Типо-лит. Подземского, 1909. – [10], 94 с.
 20. Третье очередное [Могилевское] Губернское земское собрание (сессия 12–19 декабря 1913 г.). Журналы заседаний Земского собрания / Могилевское губернское земство. – Могилев-на-Днепре: Типо-лит. Я.Н. Подземского, б/г. – 138, 4, 9 с.

Поступила в редакцию 01.06.2018 г.

УДК 327(476+485)«1991/2017»

Периодизация белорусско-шведских отношений (1991–2017 гг.)

Навощик Е.В.

Белорусский государственный университет, Минск

История межгосударственных связей между Беларусью и Швецией насчитывает более двух десятилетий. После установления дипломатических отношений в начале 1992 г. белорусско-шведское взаимодействие прошло три периода развития, активно осуществлялось в политической, экономической, социокультурной и других сферах.

Цель статьи — проанализировать историю становления и развития двусторонних отношений и выделить этапы их эволюции.

Материал и методы. В основу разработки критериев периодизации положены изменения в политике Европейского союза (ЕС) и Швеции относительно Беларуси, обусловленные общими подходами и проектами Евросоюза, а также белорусскими внутривнутриполитическими процессами.

Следует подчеркнуть, что автор ранее уже предприняла несколько попыток выделения периодов белорусско-шведских отношений, исходя из понимания необходимости определения трех крупных исторических периодов, основанных на важных событиях белорусско-европейских политических отношений. Вместе с тем исследователь допускает, что данная периодизация не является идеальной. Однако она наиболее приемлема, поскольку соответствует логике исторического процесса и основана на принципах историко-генетического и историко-системного анализа.

Результаты и их обсуждение. Первый период (декабрь 1991 — сентябрь 1997) характеризовался медленной, но все же положительной динамикой развития, связанной с установлением и постепенным налаживанием двустороннего политического взаимодействия между Беларусью и Швецией и установлением экономических и культурных контактов.

Во втором периоде (сентябрь 1997 — весна 2008) политический диалог Беларуси и Швеции оказался затруднен в связи с решением ЕС приостановить сотрудничество с Беларусью. Политические и экономические отношения носили характер «ограниченного взаимодействия». На передний план в двусторонних отношениях вышли культурные связи.

Третий период (весна 2008 — ноябрь 2017) установил значительное улучшение двусторонних отношений, характеризуясь включением Беларуси в европейский диалог и программу «Восточное партнерство». Период стал временем «прагматичного диалога», в котором стороны нашли формулу взаимовыгодного и взаимоуважительного сотрудничества. При этом получили развитие экономические отношения и углубилось культурное взаимодействие.

Заключение. Главной сферой совместной работы Беларуси и Швеции стала политическая, оказавшая влияние на состояние экономических и культурных контактов. Периоды экономических и социокультурных отношений совпадали с этапами развития политического взаимодействия.

Ключевые слова: Беларусь, Швеция, Европейский союз, ЕС, двусторонние отношения, внешняя политика, Восточное партнерство, экономическое сотрудничество, социокультурное взаимодействие.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 85–93)

Periodization of the Belarusian-Swedish Relations (1991–2017)

Navoschik E.V.

Belarusian State University, Minsk

The history of bilateral relations between Belarus and Sweden has more than two decades. After the establishment of the diplomatic relations in early 1992, the Belarusian-Swedish cooperation has undergone three periods of development, actively carried out in the political, economic, social and cultural as well as other spheres.

The purpose of the article is to analyse the history of the establishment and development of bilateral relations and define the stages in the development of these relations.

Material and methods. The development of the criteria for periodization is based on changes in the policy of the European Union (EU) and Sweden in relation to Belarus, which have been determined by the common approaches and projects of the European Union and internal political processes in Belarus.

Адрес для корреспонденции: e-mail: liza.navoschik@gmail.com — Е.В. Навощик

It should be mentioned that the author has already attempted to identify the periods of the Belarusian-Swedish relations. During the discussion, the author has come to an understanding of the necessity to identify three major historical periods based on the important events of the Belarusian-European political relations. At the same time, the author admits that this periodization is not ideal. However, it is the most acceptable, given it corresponds to the logic of the historical process and is based on the principles of historical-genetic and historical-system analysis.

Findings and their discussion. *The first period (December 1991 – September 1997) was associated with a slow but still positive development dynamics related to the establishment and gradual formation of bilateral political interaction between Belarus and Sweden and the foundation of economic and cultural contacts.*

In the second period (September 1997 – spring 2008), the political dialogue between Belarus and Sweden was hampered by the EU decision to suspend cooperation with Belarus. Political and economic relations could be described as «limited interaction». Cultural collaboration came to the fore in the bilateral relations.

The third period (spring 2008 – November 2017) was a period of significant improvement in the bilateral relations, connected with the inclusion of Belarus in the European dialogue and the Eastern Partnership program. The period was the time of a «pragmatic dialogue» in which the parties found a formula for mutually beneficial and mutually respectful cooperation. In this period, economic relations developed and cultural interaction deepened.

Conclusion. *The author came to the conclusion that the main area of bilateral interaction was the political sphere, which influenced the economic and cultural contacts. The periods of economic and social and cultural relations coincided with the stages of the development of political interaction.*

Key words: Belarus, Sweden, European Union, EU, bilateral relations, foreign policy, Eastern Partnership, economic cooperation, social and cultural interaction.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 85–93)

История межгосударственных связей между Беларусью и Швецией насчитывает более двух десятилетий. После установления дипломатических отношений в начале 1992 г. белорусско-шведское взаимодействие прошло три периода развития, активно осуществлялось в политической, экономической, социокультурной и других сферах.

Цель статьи – проанализировать историю становления и развития двусторонних отношений и выделить этапы их эволюции.

Материал и методы. В основу разработки критериев периодизации положены изменения в политике Европейского союза (ЕС) и Швеции относительно Беларуси, обусловленные общими подходами и проектами Евросоюза, а также белорусскими внутриполитическими процессами.

Видится закономерным, что ЕС стал оказывать непосредственное влияние на внешнюю политику Швеции после ее официального присоединения к союзу в 1995 г. Однако белорусско-шведские отношения в период 1991–1995 гг. также были обусловлены общеевропейским подходом, поскольку Швеция в то время готовилась к вступлению в Евросоюз и координировала с ним свою внешнеполитическую линию.

Следует подчеркнуть, что ранее нами уже предпринималось несколько попыток выделения периодов белорусско-шведских отношений, исходя из понимания необходимости определения трех крупных исторических периодов, основанных на важных событиях белорусско-европейских политических отношений. Вместе с тем, на наш взгляд, данная периодизация не является идеальной. Однако она наиболее приемлема, поскольку соответствует логике исторического процесса и основана на принципах историко-генетического и историко-системного анализа.

Результаты и их обсуждение. *Первый период (декабрь 1991 – сентябрь 1997 г.)* стал временем

становления и поступательного развития межгосударственных связей в условиях спокойной и в целом нейтральной политики ЕС в отношении Беларуси. По причине вступления Швеции в ЕС в 1995 г. белорусско-шведские контакты были обусловлены внешнеполитической линией Евросоюза в отношении Беларуси. В целом в период с декабря 1991 г. по сентябрь 1997 г. белорусско-шведское взаимодействие развивалось по нарастающей; отношения по линии Беларусь–ЕС также не имели серьезных ограничений. Беларусь воспринималась как полноправное государство восточноевропейского региона, тесно связанное с Россией и заинтересованное в налаживании важного сотрудничества с ЕС.

В качестве отправной точки первого периода была принята дата официального признания Швецией Республики Беларусь, которое состоялось 19 декабря 1991 г. Верхней границей периода явилось сентябрьское решение Совета министров иностранных дел ЕС (1997 г.), которое ограничило двустороннее взаимодействие между Беларусью и странами Евросоюза.

Факт официального признания Беларуси нашел отражение во многих ведущих шведских СМИ, где особо подчеркивалось, что Швеция стала первой страной в мире, признавшей Беларусь как свободное и независимое государство. Так, в шведском издании «Дагенс Нюхетер» не без гордости было сказано, что Швеция явилась первой страной, признавшей Беларусь. Турция, которая 16 декабря 1991 г. единовременно признала независимость всех бывших советских республик, не бралась в расчет [1]. Следует отметить, что одновременно с Беларусью Швеция признала независимость России и Украины.

Спустя месяц после процедуры признания были установлены дипломатические отношения. Соответствующее соглашение подписали 14 января 1992 г. министры иностранных дел Беларуси

и Швеции П. Кравченко и М. аф Угглас в Минске в ходе официального визита шведской делегации. Необходимо отметить, что данный визит стал первым и единственным визитом подобного уровня (министров иностранных дел) за всю историю белорусско-шведских отношений. По итогам поездки МИД Швеции принял решение не открывать отдельное посольство в Беларуси, а послом в Минске по совместительству назначить посла Швеции в Москве О. Бернера [2].

На практике это решение было реализовано лишь спустя почти три года. Тогда уже не О. Бернер, а сменивший его в 1994 г. С. Хирдман – Чрезвычайный и Полномочный Посол Швеции в Российской Федерации и Республике Беларусь по совместительству – в декабре 1994 г. вручил верительные грамоты Президенту Беларуси А. Лукашенко. Пауза в развитии дипломатических отношений могла быть связана с ограниченностью двустороннего взаимодействия, определением невысокого значения Беларуси в региональной политике Швеции.

Присоединение Швеции к ЕС в 1995 г. оказало заметное влияние на дальнейшее развитие двустороннего взаимодействия с Беларусью. С того времени белорусско-шведские политические отношения стали обуславливаться общеевропейским подходом и программами сотрудничества с восточноевропейским регионом.

Необходимо отметить, что Беларусь с оптимизмом восприняла возможности контактов, которые в тот момент предлагал ЕС. Важным событием данного периода явилось подписание Президентом А. Лукашенко в Брюсселе 6 марта 1995 г. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) с ЕС. Тогда белорусский Президент заявил, что Беларусь сделала «первый важный шаг в направлении к главной цели – вступлению в Европейский союз» [3]. Документ ратифицировали Беларусь и восемь государств ЕС, в том числе Швеция (1996 г.).

Однако с конца 1996 г. политические отношения между Беларусью и ЕС – и соответственно между Беларусью и Швецией – стали ухудшаться. Это было связано с негативной оценкой странами-членами ЕС результатов проведенного в Беларуси в ноябре 1996 г. общенационального референдума.

15 сентября 1997 г. Совет министров иностранных дел ЕС привел в действие ограничения на двустороннее взаимодействие, включая приостановление политических контактов на высшем уровне и остановку процедуры заключения СПС. В итоговом заявлении отмечалось, что страны-члены ЕС не будут заключать с Беларусью ни временного соглашения, ни соглашения о партнерстве и сотрудничестве и намерены осуществлять двусторонние отношения исключительно через руководство ЕС [4].

Данное событие ознаменовало собой окончание первого периода, связанного с установлени-

ем и постепенным налаживанием двустороннего политического взаимодействия между Беларусью и Швецией.

Первый этап сотрудничества в *экономической сфере* проходил в благоприятной политической обстановке и характеризовался положительной динамикой развития. Соглашение о торговых отношениях между правительствами Республики Беларусь и Королевства Швеция было подписано 10 марта 1994 г. в Минске (вступило в силу 1 июля 1994 г.). От имени Правительства Беларуси подписать соглашение был уполномочен заместитель председателя Государственного комитета по внешним экономическим связям С. Атрощенко. Наряду с торговым 20 декабря 1994 г. было подписано Соглашение об инвестициях, которое вступило в силу в ноябре 1996 г. Стороны договорились о содействии и взаимной защите прав инвесторов на территории своих государств [5].

В марте 1997 г. в шведском городе Кристианстад было открыто первое торговое представительство Беларуси в Швеции, деятельность которого распространялась на всю Скандинавию.

Товарооборот имел возрастающую тенденцию, и на протяжении 1992–1996 гг. его показатели ежегодно увеличивались (табл.). В 1992 г. белорусский экспорт в Швецию составил 2.6 млн крон, импорт – 20.5 млн крон. В 1996 г. показатель экспорта вырос до 47.3 млн крон, импорта – 117 млн крон.

Период 1991–1997 гг. стал временем установления и поступательного развития двусторонних *культурных* связей, узнавания странами друг друга, создания сети творческих контактов.

Именно тогда начала формироваться одна из основных сфер культурного взаимодействия – *литературная*. По мнению белорусско-шведского писателя и публициста Д. Плакса, культурное сотрудничество получило импульс к развитию в 1990-е гг. благодаря случайности. Когда шведского молодого дипломата Э. Хастад направили на работу в представительство ООН в Минске, с ней приехал ее супруг – шведский поэт и писатель К. Леандоер. Он лично познакомился с белорусским поэтом Р. Бородулиным и молодыми литераторами из группы «Бум-Бам-Лит». К. Леандоер стал членом белорусского ПЕН-центра. Благодаря усилиям этого шведского литератора стал реализовываться проект по изданию совместной книги под названием «4+4+4», где были представлены произведения белорусских и шведских авторов (в том числе Р. Бородулина, А. Розанова, А. Плейсела, С. Науманна и др.). Над переводом книги на белорусский язык работали А. Розанов и Р. Бородулин. На шведский произведения перевела К. Оберг Линдстэн, супруга Ю. Оберга, который занимал пост атташе по культурным вопросам в Посольстве Швеции в Москве. Книга «4+4+4» вышла в 1999 г. при содействии Шведского института.

В первом периоде также начало развиваться *сотрудничество в сфере образования и науки*. К основным событиям следует отнести учрежде-

Торговля Беларуси со Швецией в 1992–2017 гг.

Год	Экспорт в Швецию, тыс. кр.	Импорт из Швеции, тыс. кр.
1992	2594	20520
1993	20749	46488
1994	38083	80036
1995	24958	123802
1996	47280	116985
1997	36959	142209
1998	53447	204419
1999	52546	101567
2000	72831	139276
2001	201003	238491
2002	162619	309465
2003	179258	349416
2004	262578	336418
2005	297030	459844
2006	839296	673180
2007	397869	933957
2008	668888	920305
2009	475554	763717
2010	549556	947249
2011	2178505	1047625
2012	495465	997599
2013	432473	982787
2014	370909	630814
2015	435974	476293
2016	309603	344653
2017	230763	550942

Источник: [6].

ние в Минске института шведских преподавателей. Главной организационной структурой «Шведского лектората» в Беларуси выступил Шведский институт, благодаря чему в Минском государственном лингвистическом университете (МГЛУ) шведский язык стали преподавать специалисты из Швеции. Первый лектор – В. Генниус – начал преподавать в МГЛУ в 1995 г.

Второй период (сентябрь 1997 – весна 2008 г.) – время развития белорусско-шведских контактов в условиях ограничительных решений Европейского союза. Швеция, поддерживая общеевропейскую линию, тем не менее проявляла определенную активность на уровне двустороннего взаимодействия. Поэтому отношения между двумя государствами в данный период можно охарактери-

зовать как «ограниченное взаимодействие». Ограниченность отношений сказывалась на развитии экономического взаимодействия, в то время как культурные связи вышли на передний план.

Нижней границей данного периода стало сентябрьское решение ЕС (1997 г.) приостановить сотрудничество с Беларусью, верхней – качественное улучшение отношений между Беларусью и ЕС, происходившее весной 2008 г. После сентября 1997 г. *политический диалог* Беларуси и Швеции оказался затруднен. С этого момента Беларусь выпала из общеевропейского диалогового пространства, Евросоюз по политическим причинам в одностороннем порядке приостановил ратификацию СПС и ввел против Республики Беларусь ряд ограничительных мер.

Тем не менее белорусско-шведские отношения продолжали поступательное развитие. Так, в рамках второго периода правительства Беларуси и Швеции открыли свои дипломатические представительства в Стокгольме и Минске. Белорусское посольство в Швеции заработало в ноябре 1999 г. Первым белорусским послом в Швеции стал О. Ермолович, который вручил верительные грамоты королю Швеции Карлу XVI Густаву. Следует отметить, что посольство открылось спустя семь лет после установления дипотношений. Такая пауза, очевидно, была связана с затянувшимся определением внешнеполитических приоритетов белорусской стороной на скандинавском направлении, ухудшившимися отношениями с ЕС и проблемами финансирования.

Первым дипломатическим представителем Швеции в Беларуси стал Офис Почетного консула Королевства Швеция в Минске, начавший свою работу в мае 2000 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол Швеции в России С. Хирдман приехал в Беларусь, чтобы представить белорусской общественности и дипкорпусу Почетного консула. На эту должность был назначен шведский бизнесмен, управляющий директор первого белорусско-шведского совместного предприятия «Сандвик Бисов» Л. Карман.

В сентябре 2003 г. МИД Беларуси была получена нота из Посольства Королевства Швеция в Российской Федерации о решении учредить отделение посольства Швеции в Беларуси. В связи с открытием отделения в Минске с 11 по 13 ноября 2003 г. состоялся визит Чрезвычайного и Полномочного Посла Швеции в Российской Федерации и Республике Беларусь по совместительству С. Хирдмана. С ноября 2003 г. отделение Посольства Швеции в Минске возглавлял Я. Шадек. В сентябре 2005 г. главой шведского диппредставительства стал С. Эрикссон.

Во второй половине 2000-х гг. наметилось потепление отношений по линии Беларусь–ЕС, начался диалог о поиске путей нормализации контактов. Белорусский вопрос вернулся в повестку дня ЕС, где по инициативе Швеции и Польши стала разрабатываться программа по взаимодействию со странами к востоку от границ ЕС. События весны 2008 г., связанные с подготовкой инициативы «Восточное партнерство» (ВП), улучшением дипломатических отношений с ЕС и открытием представительства ЕС в Минске, ознаменовали завершение кризисного периода. С этого момента Беларусь перестала быть политическим аутсайдером и была приглашена к участию в переговорах по многостороннему межгосударственному сотрудничеству.

Подход белорусского руководства в вопросах внешнеэкономического взаимодействия заключался в том, чтобы наращивать темпы экономического развития, при этом в условиях неблагоприятной политической ситуации стараться не смешивать политические и экономические отно-

шения. Показатели белорусского экспорта в Швецию в посткризисные 1998–2000 гг. говорят о том, что эта задача была выполнена: белорусский экспорт в Швецию остался на прежнем уровне, а затем начал расти (1998 г. – 53.4 млн крон, 1999 г. – 52.5 млн крон, 2000 г. – 72.8 млн крон) [6].

Политика Швеции по отношению к Беларуси в данный период в большей степени стала обуславливаться политическим контекстом. Шведское правительство разработало специальные программы сотрудничества с Беларусью под названием «Стратегия развития отношений с Беларусью на 2002–2004 гг.» и «Стратегия развития отношений с Беларусью на 2007–2010 гг.» [5]. Так, согласно задачам *экономической политики*, изложенным в концепциях сотрудничества, многие шведские инициативы в экономической сфере были направлены на развитие в Беларуси частных предприятий (например, программа «Turn Around Management» и «StartEast»).

Помимо экономической политики, существовал частный интерес шведского бизнеса к Беларуси. Это явилось особенностью белорусско-шведского экономического сотрудничества. В Беларуси государство, как правило, оказывает существенное воздействие на частный бизнес, определяет и указывает допустимые векторы возможных контактов. В Швеции же частные структуры – это автономные субъекты, развивающиеся вне зависимости от политической обстановки. Так, в рамках данного периода в Беларусь начали поступать шведские инвестиции. Крупная шведская компания ИКЕЯ также сделала попытку прийти на белорусский рынок, но безуспешно.

На фоне ухудшившихся политических отношений *культурное взаимодействие* вышло на передний план. Это стало возможным, поскольку большую роль в социокультурном взаимодействии играли неформальные структуры, нежели государственные.

Первой официальной инициативой в культурных отношениях между Швецией и Беларусью стал проект «Партнерство для культуры», инициированный шведскими министерствами иностранных дел и культуры в сотрудничестве со Шведским институтом. Проект осуществлялся на протяжении четырех лет (1998–2001 гг.), его главной задачей являлось привлечение Беларуси (и Украины) к диалогу и культурному обмену в регионе Балтийского моря.

В рассматриваемый период продолжали расширяться контакты в области литературы и научного взаимодействия, а также сформировались другие сферы культурного сотрудничества. Основными из них:

– *выставки и презентации (включая ярмарки)*. Например, выставки шведского фотографа и журналиста М. Сёдэрберг, посвященные Беларуси. В 2000 г. сообщество «Ассоциация поддержки Коллегиум Беларуси», Шведский институт и общественная организация «Форум Сюд»

на ежегодной книжной ярмарке в Гётеборге презентовали стенд «Беларусь – свобода слова». В ходе работы стенда организовывались различные мероприятия, одно из которых – выступление В. Быкова, ставшего первым белорусским писателем, произведения которого были переведены на шведский язык;

– *официальные визиты и мероприятия, организованные дипломатами.* Открытие и повышение статуса дипломатических миссий в Стокгольме (1999 г.) и Минске (2000 г., 2005 г. и 2008 г.) усилило социокультурное взаимодействие Беларуси и Швеции. В среднем за год на территории Беларуси проходило около десяти крупных мероприятий в различных культурных областях, однако, можно сказать, что уже сложились традиционные формы подобного сотрудничества. Так, ежегодно проводились Дни культуры Швеции в Беларуси, Фестиваль кино в рамках дней культуры, шведско-белорусские литературные чтения. Постоянным стало празднование Дня шведского национального флага (июнь) и Дня святой Люсии (декабрь).

Необходимо отметить, что развитию белорусско-шведских творческих контактов содействовал посол С. Эрикссон, который отмечал, что культура важна, потому что именно таким способом белорусов можно познакомить со Швецией, а шведов с Беларусью. Оценивая свою деятельность в Беларуси, С. Эрикссон подчеркнул, что вопросу культуры «мы уделяли действительно много внимания», добавив, что «когда в политической сфере есть некоторые недоразумения, то тогда можно пробовать делать что-то хотя бы в культурной плоскости» [7].

Третий период (весна 2008 – ноябрь 2017 г.) установил качественное улучшение и налаживание связей, характеризуюсь потеплением отношений ЕС–Беларусь и реализацией руководством Беларуси курса на прагматичное сотрудничество со Швецией («прагматичный диалог»). Включение Беларуси в программу «Восточное партнерство» стало важным моментом в развитии отношений между Беларусью и Евросоюзом, и, следовательно, повлияло на эволюцию белорусско-шведского взаимодействия. Невзирая на то, что развитие было подвержено ряду политических кризисов, стороны смогли прийти к взаимопониманию. Швеция приняла и поддержала позицию Беларуси, направленную на прагматизацию отношений. В этот период шведские дипломаты установили хорошие контакты с белорусским правительством и МИД, вели активную работу по улучшению экономического и культурного взаимодействия. Главным достижением периода стало установление продуктивного диалога между правительствами и возобновление работы дипмиссий в столицах Беларуси и Швеции.

Нижней границей периода явилась череда событий весны 2008 г. (обсуждение проекта ВП, открытие представительства ЕС в Минске, от-

крытие Посольства Швеции в Минске), которая привела к новому формату отношений. Верхняя граница – саммит в Брюсселе в ноябре 2017 г.

Начиная с 2008 г. велся активный диалог между Беларусью и Евросоюзом по поиску путей нормализации *политических* отношений. В результате ЕС частично приостановил введенные ограничения. В Минске в марте 2008 г. было открыто Представительство Комиссии Европейских сообществ (с декабря 2009 г. – Представительство ЕС).

В июне 2008 г. С. Эрикссон был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Королевства Швеция в Республике Беларусь. В сентябре 2008 г. он вручил верительные грамоты Президенту Беларуси А. Лукашенко.

В 2008 г. между странами-членами Евросоюза началось активное обсуждение программы «Восточное партнерство», представлявшей собой попытку сформировать единую восточную политику ЕС. Данная программа была совместной инициативой Польши и Швеции, которые представили идею проекта 26 мая 2008 г. на Совете ЕС по общим вопросам и внешним отношениям. 3 декабря 2008 г. Европейская Комиссия издала Сообщение для Европейского Парламента и Европейского Совета – «Восточное партнерство», оно являлось предложением нового формата сотрудничества с Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной. Необходимо отметить, что в отношении Беларуси имелась оговорка о том, что «уровень участия Беларуси в ВП будет зависеть от общего развития отношений Беларусь–ЕС». Документ учитывал, что страны имели разный уровень отношений с ЕС и преследовали различные задачи в реализации своего сотрудничества. Общим должно было стать желание углубить взаимодействие с Евросоюзом. Официальный старт программе был дан 7 мая 2009 г. на саммите ЕС в Праге.

Беларусь и Швеция с энтузиазмом восприняли возможности, которые открылись благодаря ВП. Так, накануне принятия Швецией председательства в ЕС в 2009 г. шведский посол в Беларуси С. Эрикссон заявил, что его страна будет делать так, чтобы осуществлялись реальные действия на пользу сотрудничества Беларуси с Евросоюзом: «Вероятно, во время нашего старшинства будут политические контакты, встречи с белорусской стороной» [8].

Однако в конце 2010 г. отношения между Беларусью и ЕС – и конкретно между Минском и Стокгольмом – ухудшились. Причиной эскалации напряженности послужили прошедшие в Беларуси 19 декабря 2010 г. президентские выборы, признанные Западом «недемократическими». Глава МИД Швеции К. Бильдт являлся одним из самых убежденных сторонников введения жестких санкций против официального Минска.

Необходимо отметить, что, несмотря на политический кризис, формат отношений Бела-

русь–ЕС существенно формально не поменялся. Беларусь продолжала участвовать в ВП и была приглашена на Варшавский форум в 2011 г.

Летом 2012 г. между Беларусью и Швецией разразился дипломатический конфликт. Его началу послужила акция шведского пиар-агентства «Студио Тотал». 4 июля 2012 г. мягкие игрушки с лозунгами в защиту демократии были сброшены над городским поселком Ивенец Минской области и над окраиной Минска с борта легкомотормоторного самолета, нарушившего воздушное пространство Беларуси [9]. Министерство иностранных дел Швеции опровергло какое-либо участие государства в данной акции.

1 августа 2012 г. МИД Беларуси объявил о непродлении аккредитации С. Эрикссона. Глава МИД Швеции К. Бильдт в социальной сети сообщил, что посла Швеции якобы выслали из страны. В ответ на это в белорусском МИД заявили, что шведского посла не выдворяли, было лишь принято решение о непродлении его аккредитации. А. Лукашенко лично дал обширный комментарий по этому поводу. По словам Президента, существовала договоренность между сторонами о том, что посол Швеции С. Эрикссон прекратит работу в Беларуси по истечении своей предыдущей аккредитации. Однако, как подчеркнул белорусский Президент, шведская сторона вначале пошла на нарушение этой договоренности, а потом и вовсе взяла курс на эскалацию конфликта [9].

В министерстве добавили, что МИД Швеции «предпочел пойти на обострение и дополнительно принял решение о выдворении из страны двух старших дипломатов посольства Беларуси, включая временного поверенного в делах, и отказе во въезде в Швецию нового посла Беларуси, имеющего агреман правительства Швеции». В подобных условиях обеспечение нормальных функций загранучреждения стало невозможным, и белорусская сторона была вынуждена принять решение об отзыве своего посольства в Швеции и возвращении всех сотрудников в Республику Беларусь [9]. Посольства обоих государств полностью прекратили работу в конце августа. Интересы Швеции в Минске стало представлять посольство Эстонии, а Беларуси в Стокгольме — посольство Латвии.

Первые шаги к нормализации дипломатических отношений были сделаны в начале 2013 г. Так, 22 января 2013 г. заместитель Министра иностранных дел Республики Беларусь Е. Купчина приняла делегацию Министерства иностранных дел Королевства Швеция во главе с заместителем генерального директора, директором департамента Восточной Европы и Центральной Азии МИД Швеции М. Морд. В начале июля 2013 г. в Минск прибыл временный поверенный в делах Швеции в Беларуси М. Оберг [10], который с 2008 г. работал в Посольстве Швеции в Москве, где курировал вопросы экономического сотрудничества.

На наш взгляд, тот факт, что после дипломатического кризиса 2012 г. шведское правительство направило в Минск специалиста по экономическим вопросам, действительно говорит о том, что акцент в двусторонних отношениях сместился на налаживание конструктивного диалога, прежде всего, в экономике.

Изменившаяся в 2014 г. геополитическая обстановка в восточноевропейском регионе и особая роль Беларуси, связанная с организацией диалога в целях урегулирования ситуации в Украине, оказали влияние на участие Беларуси в Рижском саммите ВП, проходившем в мае 2015 г. Беларусь подписала декларацию, где содержится формулировка о незаконной аннексии Крыма, но не поддержала пункт декларации, связанный с Крымом, используя отсылку к резолюции ООН о территориальной целостности Украины.

Беларусь продолжала наращивать свое взаимодействие с ЕС и Швецией. В конце апреля 2015 г. М. Оберг был назначен послом Швеции в Беларуси. 25 июня 2015 г. состоялось вручение верительных грамот, на котором белорусский лидер выразил желание вернуться к полноформатному сотрудничеству со Швецией.

Согласно информации, размещенной на официальном сайте МИД Беларуси, 16 ноября 2016 г. в Стокгольм прибыл и приступил к выполнению своих обязанностей белорусский дипломат в качестве Временного Поверенного в делах Республики Беларусь в Швеции. Было также отмечено, что 18 ноября 2016 г. Министр иностранных дел Республики Беларусь В. Макей принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Швеции в Республике Беларусь М. Оберга для того, чтобы проинформировать посла о возобновлении Беларусью дипломатического присутствия в Швеции [11].

М. Оберг руководил посольством до сентября 2017 г., после чего новым послом была назначена К. Йоханнессон, которая до этого работала в Постоянном представительстве Швеции в ЕС, в Генеральном консульстве Швеции в Санкт-Петербурге и в Посольстве Швеции в Москве.

В ноябре 2017 г. в Брюсселе состоялся 5-й Саммит Восточного партнерства. Итогами сотрудничества в рамках ВП для Беларуси стало взаимодействие с ЕС по трем направлениям: работа в координационной группе ЕС–Беларусь, диалог по торговле и диалог по правам человека. Упрощение визового режима и реадмиссия были указаны как планы до 2020 г. Примечательно, что впервые на этот саммит был официально приглашен лично А. Лукашенко, однако вместо него Беларусь, как и на предыдущих встречах, представлял министр иностранных дел В. Макей.

Брюссельский саммит в ноябре 2017 г. стал верхней границей третьего периода. Таким образом, потепление отношений Беларусь–ЕС, произошедшее на фоне участия Беларуси в ВП, положительно сказалось на развитии белорусско-шведского взаимодействия.

В рамках третьего периода происходило дальнейшее наращивание *экономического* взаимодействия. Тем не менее отношения зачастую развивались нестабильно и были политически опосредованы. Взаимодействие переходной экономики Беларуси с развитой рыночной экономической системой Швеции объективно было подвержено кризисным явлениям, обусловленным различными подходами, принципами и интересами государств.

Торговля. Период начался со значительного увеличения показателей белорусского экспорта в Швецию: в 2008 г. он составил 668.9 млн крон. В 2011 г. этот показатель достиг рекордной отметки – 2.2. млрд крон. Белорусский экспорт в 2012 г. снизился и составил 495.5 млн крон. Основными статьями белорусского экспорта в Швецию за 2009–2011 гг. являлись удобрения калийные, торф, шины, лесоматериалы необработанные, проволока из легированной стали, ткани льняные [5]. Импорт из Швеции (в основном высокотехнологичный) в 2012 г. составил 997.6 млн крон. В 2011 г. этот показатель равнялся 1.05 млрд крон. Основа импорта: электрогенераторные установки; тракторы и седельные тягачи; легковые автомобили; аппаратура связи и комплектующие к ней; прокат плоский; котлы паровые; насосы жидкостные; полимеры этилена; воски искусственные и готовые; нефтепродукты; кислоты, масла и спирты промышленные; арматура для трубопроводов и пр. [5]. В последующие годы (2013–2017 гг.) белорусский экспорт отличался нестабильностью, в то время как объем импорта из Швеции падал до 2017 г., после чего увеличился (в 2016 г. – 344.7 млн крон, в 2017 г. – 550.9 млн крон) [6].

Инвестиции, совместные предприятия и частный бизнес. Шведские инвестиции в Беларусь реагировали на изменение политических взаимоотношений. Улучшение отношений по линии Беларусь–ЕС сказалось на ППИ в 2011 г. (5,77 млн долл. США), показатель вырос с 0,43 млн долл. США в 2009 г. [5]. В 2011–2013 гг. ППИ росли, однако в последующие годы наблюдался спад, показатели инвестиций отличались нестабильностью.

Успешно развивалось сотрудничество в области внедрения биогазовых установок. Главным инвестором являлась шведская компания «Вирео Энерджи», имеющая большой опыт создания и эксплуатации электро- и тепловых установок, работающих на биогазе, а также объектов по утилизации твердой биомассы. В течение 2011–2016 гг. «Вирео Энерджи» построила и успешно эксплуатирует биогазовые установки на полигонах ТБО в Витебске, Орше, Гомеле и Новополоцке.

В рамках третьего периода происходило дальнейшее наращивание *культурного* взаимодействия. Необходимо отметить, что политический кризис 2012 г. и приостановление деятельности дипмиссий отразились на развитии социокультурной сферы. Так, в 2013 г. не проводились ставшие традиционными Дни культуры Швеции в Минске

(прошли на выезде в украинском Львове с участием С. Эрикссона), Фестиваль шведского кино и др. Последний возобновил работу лишь в 2014 г.

Социокультурное взаимодействие в данном периоде проходило в рамках сложившихся сфер:

– продолжались контакты в *литературной сфере*. Главным событием стало присуждение Нобелевской премии белорусскому автору. По представлению шведского ПЕН-центра С. Алексиевич номинировалась на Нобелевскую премию по литературе с 2002 г. за цикл произведений «Голоса Утопии» (цикл завершился в 2013 г. книгой «Время секонд-хенд»). 8 октября 2015 г. в Стокгольме секретарь Нобелевского комитета по литературе Шведской академии С. Даниус объявила, что белорусская писательница С. Алексиевич получила самую престижную мировую награду по литературе «за ее многоголосное творчество – памятник страданию и мужеству в наше время» [12]. Награждение прошло в Стокгольме 10 декабря 2015 г.;

– *образовательная сфера*. Возросший интерес к изучению шведского языка в Беларуси способствовал расширению интереса к Швеции в целом, к ее культуре, истории, современному развитию, образованию. В Центре шведских исследований, на факультете международных отношений БГУ и в МГЛУ постоянно проводились встречи со шведскими дипломатами, научными работниками, журналистами, деятелями литературы и искусства, представителями шведских образовательных программ. Так, к примеру, посол Швеции в Минске М. Оберг неоднократно выступал с лекциями для белорусских студентов в 2014–2015 гг. В мае 2015 г. Посольством Швеции и Шведским институтом было организовано одно из крупнейших мероприятий, на котором присутствовало более 300 человек. В рамках кампании «Узнай Швецию!» (Lär känna Sverige!), которая стартовала в 2016 г., студенты, изучающие шведский язык, имели возможность сделать презентации на различные темы о Швеции для школьников по всей стране.

Количество студентов, изучающих шведский язык, с каждым годом (2013–2016 гг.) возрастало в БГУ (от 50 до 80 чел.) и Центре шведских исследований (от 130 до 180 чел.), в то время как количество студентов в МГЛУ уменьшилось (от 170 до 114 чел.). Обеспеченность учебных учреждения научно-преподавательскими кадрами была неравномерной и различалась для каждого отдельного учреждения. Так, к примеру, за 2013–2014 учебный год на 170 обучающихся МГЛУ приходилось пять преподавателей, в то время как в Шведском центре преподавало 12 человек. Похожая тенденция сохранялась и в последующие годы.

Значительным достижением шведского языка в Беларуси стал его выход на региональный уровень. В Полоцком государственном университете шведский язык стали преподавать в 2006 г., тогда количество студентов насчитывало 33 человека. Всего за 2006–2016 гг. обучение прошли

297 человек (из них факультативно 40, обязательно 257); количество преподавателей за весь период составило 5 человек.

В целом социокультурное взаимодействие явилось самой продуктивной из трех рассмотренных сфер белорусско-шведских контактов. Следует отметить, что общественно-культурное взаимодействие между Республикой Беларусь и Королевством Швеция имело ряд особенностей, связанных с концентрацией сил и средств на определенных мероприятиях (Дни культуры Швеции в Беларуси, Фестиваль кино в рамках дней культуры, шведско-белорусские литературные чтения и пр.), особым местом литературной и научно-образовательной сфер.

Первый период (декабрь 1991 – сентябрь 1997) характеризовался медленной, но все же положительной динамикой развития, связанной с постепенным налаживанием двустороннего политического взаимодействия между Беларусью и Швецией и установлением экономических и культурных контактов.

Во втором периоде (сентябрь 1997 – весна 2008) политический диалог Беларуси и Швеции оказался затруднен в связи с решением ЕС приостановить сотрудничество с Беларусью. Политические и экономические отношения носили характер «ограниченного взаимодействия». На передний план в двусторонних контактах вышли культурные.

Третий период (весна 2008 – ноябрь 2017) стал периодом значительного улучшения двусторонних отношений, что было связано с включением Беларуси в европейский диалог и программу «Восточное партнерство». Период явился временем «прагматичного диалога», в котором стороны нашли формулу взаимовыгодного и взаимоважительного сотрудничества. В данном периоде получили развитие экономические отношения и углубилось культурное взаимодействие.

Заключение. Таким образом, белорусско-шведские отношения на протяжении 1991–2017 гг. прошли три периода развития. Периодизация основных сфер взаимодействия была обусловлена развитием политических связей между Беларусью и ЕС.

Главной сферой совместной работы Беларуси и Швеции стала политическая, оказавшая влияние на состояние экономических и культурных контактов. Периоды экономических и социокультурных отношений совпадали с этапами развития политического взаимодействия.

Литература

1. Steinvall, A. Rysk glädje efter svenskt besked / A. Steinvall // Dagens Nyheter. – 1991. – 20 Dec. – P. 6.
2. Hård tysk kritik mot Vitryssland [Electronic resource] // Aftonbladet. – 2011. – 17 Jan. – Mode of access: <http://www.aftonbladet.se/senastenytt/tnyheter/utrikes/article8424458.ab>. – Date of access: 21.01.2011.
3. Федоров, А. Беларусь–ЕС. Один шаг вперед, все остальные – на месте [Электронный ресурс] / А. Федоров // Интернет-газета «Белорусские новости». – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/eu/2015/12/03/ic_articles_627_190398. – Дата доступа: 14.11.2013.
4. Шадурский, В.Г. Отношения Республики Беларусь и Европейского союза: внутренний и внешний контекст / В.Г. Шадурский // Белорус. журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2003. – № 1. – С. 45–48.
5. Навошик, Е. Белорусско-шведские экономические отношения (1992–2012 гг.) / Е. Навошик // Журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2013. – № 3. – С. 48–55.
6. Statistics Sweden (Statistiska centralbyrån) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.scb.se/en/>. – Date of access: 08.03.2018.
7. Сенатовский, В. Экс-посол Стефан Эрикссон: В улучшении отношений Швеции и Беларуси заинтересованы обе стороны / В. Сенатовский [Электронный ресурс] // Телеканал новостей «24». – Режим доступа: https://24tv.ua/ru/ekspostol_stefan_erikson_v_uluchshenii_otnosheniy_shvetsii_i_bielarusi_zainteresovani_obe_storonu_n337406. – Дата доступа: 30.04.2018.
8. Кольченко, И. Шведская модель [Электронный ресурс] / И. Кольченко // Совет. Белоруссия. – 2009. – 2 июня. – Режим доступа: <http://www.sb.by/post/86048/>. – Дата доступа: 23.11.2011.
9. Белорусский внешнеполитический индекс [Электронный ресурс] // Белорус. ин-т стратегических исслед.: БИСС. Июль-август 2012 г. – Режим доступа: <http://belinstitute.eu/ru/node/458>. – Дата доступа: 01.03.2014.
10. Швеция готовится прислать в Беларусь временно-го поверенного [Электронный ресурс] // Белорус. новости. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2013/04/10/ic_news_112_414451/. – Дата доступа: 17.09.2013.
11. О встрече Министра иностранных дел Беларуси В. Макея с Послом Швеции [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f92a05864dd515ee.html. – Дата доступа: 01.08.2017.
12. Рак, Ю. Алексиевич стала лауреатом Нобелевской премии по литературе [Электронный ресурс] / Ю. Рак // Совет. Белоруссия. – 2015. – 8 окт. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/svetlana-aleksievich-stala-laureatom-nobelevskoy-premii-po-literature-za-2015-god.html>. – Дата доступа: 23.10.2015.

Поступила в редакцию: 16.05.2018 г.

УДК 94(476)

Формирование системы управления Западным фронтом российской армии в 1915 г.

Петренко А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В исследовании рассматривается вопрос организации Западного фронта российской армии в августе 1915 г., оказавшего огромное влияние на ход боевых действий Первой мировой войны.

Цель статьи — выяснить целесообразность формирования Западного фронта российской армии и особенности системы управления.

Материал и методы. На основе широкого круга архивных и мемуарных источников анализируется создание системы управления Западным фронтом российской армии. Используются общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-исторические (историко-генетический, историко-системный) методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Изучение системы управления фронтом позволяет оценить возможности оперативного и стратегического управления фронтом, отдельными армиями и корпусами при планировании боевых операций. В статье анализируется система формирования полевых управлений армий фронта на основе штабов военных округов, созданных в предвоенный период. Охарактеризована деятельность управлений штаба фронта, взаимодействие с местной администрацией в вопросах снабжения армий.

Заключение. Сжатые сроки, отводимые на организацию системы управления Западным фронтом, привели к созданию штабной структуры на основе штабов Северо-Западного фронта. Полевые управления армий фронта формировались на основе штабной структуры военных округов, появившейся в предвоенный период. Исследование задач управлений штабов фронта, армий и корпусов позволяет сделать вывод о выстраивании четкой вертикали штабного управления фронтом в соответствии с военным законодательством Российской империи.

Ключевые слова: Западный фронт, структура управления фронтом, штаб Западного фронта, полевое управление.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 94–98)

Shaping the System of the Russian Army Western Frontline Management in 1915

Petrenko A.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The issue of shaping Russian Army Western Frontline in August 1915 which greatly influenced the military activities of the First World War is considered in the article.

The purpose of the article is to find out the expediency of shaping Russian Army Western Frontline as well as features of its management system.

Material and methods. On the basis of a vast number of archive and memoir sources, setting up the system of the Russian Army Western Frontline management is analyzed in the article. General scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) as well as special historical methods (the historical genetic and the historical system) are used in the research.

Findings and their discussion. The study of the management system of frontlines makes it possible to assess the possibilities of the operation and strategic management of the frontline, separate armies and military buildings while planning combat operations. The system of shaping field management sections of the frontline armies on the basis of pre-war Military Area Headquarters is analyzed in the article. The activities of the management sections of the Frontline Headquarters are characterized, as well as their interaction with local administrations concerning the Army provision.

Conclusion. The limited time for setting up the system of the Western Frontline management resulted in creating the Headquarters on the basis of the North-Western Frontline Headquarters. Field management sections of the Frontline armies were created on the basis of the headquarter structure of the pre-war military areas. The study of the tasks of the Frontline headquarter, armies and military buildings management makes it possible to conclude that a clear system of the Frontline headquarter management in accordance with the Military legislation of the Russian Empire was constructed.

Key words: Western Frontline, Frontline Management system, Western Frontline Headquarters, Field Management section.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 94–98)

Западный фронт российской армии, созданный в 1915 г., оказал огромное влияние на ход боевых действий Первой мировой войны. Вопрос формирования структур управления Западным фронтом российской армии не получил достаточного изучения в историографии. В советский период основное внимание историками уделялось морально-боевому состоянию солдат и офицеров, революционной деятельности на фронте и в прифронтовой зоне, боевым действиям и крупным стратегическим операциям командования. В постсоветский период отдельные попытки рассмотрения структур управления Западным фронтом носят схематичный характер, комплексное исследование отсутствует. В этой связи введение в научный оборот новых документов, прежде всего из Российского государственного военно-исторического архива и Национального исторического архива Республики Беларусь, позволяет объективно изучить обозначенную проблему.

Цель статьи — выяснить целесообразность формирования Западного фронта российской армии и особенности системы управления.

Материал и методы. При написании исследования использовались архивные материалы военного делопроизводства Национально-исторического архива Республики Беларусь и Российского государственного военно-исторического архива. Для характеристики особенностей системы управления Западным фронтом применялась также мемуарная литература, написанная представителями командного состава фронта, армий и корпусов: А.И. Деникиным и П.К. Кондзеровским.

В статье использовались общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция) и специально-исторические (историко-генетический, историко-системный) методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Тяжелая ситуация, сложившаяся в результате немецкого наступления в ходе Виленской операции германского командования, вынудила Ставку Верховного Главнокомандующего российской армии разделить Северо-Западный фронт на два фронта: Северный и Западный. В директиве Верховного Главнокомандующего № 3274 от 4 августа 1915 г. указывалось: «Общее положение на с.-з. фронте, обширность района, охватываемого этим фронтом, сложность задач, лежащих на нем, а также значительное число войск, составляющих этот фронт, вызывают необходимость разделения его на два новых фронта — северный и западный с непосредственным подчинением каждого из них мне» [1, л. 99]. Формирование структур управления Западным фронтом было возложено на генерала М.В. Алексева, временно возглавившего Северо-Западный фронт.

Целью создания нового фронта было прежде всего повышение эффективности управления при планировании стратегических операций. Для координации действий Северного и Западного фронтов крайне важно было разграничить территории их размещения на театре военных действий. В соответствии с директивой Верховного Главнокомандующего № 3274 от 4 августа 1915 г. линией разграничения между Западным и Северным фронтами определялась «разграничительная линия г. Августов, Августовский канал до с. Горчица и далее на с. Копцово, Лейпуны, Вороново, Сурвелишки, Лоск, Молодечно, Сенно и ст. Заболотника — все по Западному фронту» [2, л. 71].

Создание строгой соподчиненной системы управления фронтом стало ключевой проблемой нового командования. На основе управлений и штаба Северо-Западного фронта предстояло в кратчайшие сроки сформировать управления двух новообразованных фронтов.

11 августа 1915 г. главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта и его штаб были переименованы в главнокомандующего армиями Западного фронта и его штаб. Главный начальник снабжений армий Северо-Западного фронта, переименованный в главного начальника снабжений армий Северного и Западного фронтов, осуществлял руководство и распределение средств снабжения между армиями двух фронтов до 6 сентября 1915 г., когда был переименован в главного начальника снабжений Западного фронта.

Полевое управление главнокомандующего армиями фронта в соответствии с «Положением о полевом управлении войск в военное время» (1914) состояло из штаба, через который главнокомандующий осуществлял свои распоряжения оперативного характера, и управлений, подчиненных главному начальнику снабжений армий фронта, которые выполняли распоряжения административно-хозяйственного характера. В итоге штаб Западного фронта составили два управления: генерал-квартирмейстера и дежурного генерала штаба армий фронта [3, с. 41].

Следует отметить важность задач, стоявших перед образованными управлениями. Управление дежурного генерала отслеживало состав всех армейских соединений, входящих в состав фронта, устанавливая целесообразность распределения поступающих пополнений солдатского и офицерского состава. Важнейшей функцией отдела был контроль за соблюдением командующими отдельных армий и корпусов их организационной структуры, определенной командующим фронтом. В частности, в фондах 2048 и 2049 РГВИА содержатся документы, характеризующие эту работу. Показателен в этой связи приказ командующего фронтом, созданный на основе

обращений начальника отдела по укомплектованию войск и опубликованный 9 января 2016 г.: «В одной из армий вверенного мне фронта был случай, что командир корпуса для усиления одной дивизии выделил из состава другой по две роты от каждого полка. Безусловно воспрещаю подобное увеличение одной дивизии за счет другой с нарушением организации частей. В случае надобности в этом усилении следовало временно подчинить более слабой дивизии целый полк, а не ослаблять кадра всех полков дивизии» [2, л. 63]. Подобный контроль был обусловлен необходимостью сохранять целостность линии фронта, не допуская ее ослабления на отдельных участках.

Анализируя работу отдела генерал-квартирмейстера, можно выделить основные задачи, стоявшие перед ним: формирование управленческих связей между главнокомандующим фронтом и штабами армий и корпусов, сбор и анализ разведывательных данных, контрразведывательные функции. Отчеты, составленные отделом генерал-квартирмейстера на основе поступающих штабных сводок, позволяли расширить стратегическое представление командования о ситуации на театре боевых действий.

В соответствии с «Положением о полевом управлении войск в военное время» (1914) главнокомандующий армиями фронта определялся как «начальник армий, крепостей и флота, предназначенного для совместных действий с армиями данного фронта». «Распоряжения главнокомандующего армиями фронта исполняются в пределах подчиненного ему района, всеми правительственными местами, общественными управлениями, должностными лицами всех ведомств и всем населением» [4, с. 71]. Соответственно, главнокомандующий фронтом наделялся не только широкими военными полномочиями, но и функциями гражданского управления на территориях, занятых фронтом и тыловыми частями в прифронтовой зоне.

К числу важнейших вопросов формирования Западного фронта относится вопрос о разграничении территорий, относящихся непосредственно к ведению фронтового командования и района общего армейского тыла. Необходимость точного определения границ фронтовой и прифронтовой территорий была связана с важностью тесного взаимодействия управления начальника снабжений фронта с местной администрацией минского губернатора для повышения эффективности обеспечения армий продуктами питания, фуражом и бытовыми товарами. В фонде 299 Национального исторического архива Республики Беларусь содержится обширная переписка минского губернатора А.Ф. Гирса и начальника снабжений фронта о реквизициях скота у населения,

уточнении сроков оплаты населению за изъятые продукты питания, уточнении районов действия армий фронта [5]. Организацией работ по сбору продовольствия на местах занимались предводители уездного дворянства, однако контроль за отпуском средств оставался в руках военных чиновников штабных структур фронта.

К 17 августа 1915 г. приказом Верховного Главнокомандующего № 387 были определены границы территорий, подведомственные фронтовым управлениям и тылу. В приказе отмечалось: «В изменение приказов моих № 347 и № 359 войсковые районы армий фронта в хозяйственном и административном отношении считать отделенными от района, подчиненного Главному Начальнику снабжений, следующей условной линией: Валк, Ржица, Друя, Молодечно, Несвиж, Луинец, Сарны» [1, л. 294].

Впоследствии уже приказом назначенного Главнокомандующим Западным фронтом генерала А.Е. Эверта границы районов фронта и тыла были уточнены в соответствии со складывающейся боевой обстановкой. В приказе по фронту № 405 от 23 августа 1915 г. указывалось: «...войсковые районы армий фронта считать отделенными от района, подчиненного Главному Начальнику снабжений армий Северного и Западного фронтов, следующей линией: Дриса, Докшицы, Минск, Старые Дороги, Мозырь. Все пункты, находящиеся на указанной линии, относятся к району общего тыла» [1, л. 305].

Тяжелая обстановка на фронте в 1915 г., связанная с немецким наступлением в ходе Виленской операции, вынудила командование создать отдельное управление запасных частей. В его ведении были сосредоточены вопросы комплектования резервных армейских единиц. Формирование управления инспектора запасных частей происходило на основе кадрового состава штаба Верховного Главнокомандующего. Затем управление инспектора запасных частей было передано в подчинение Главнокомандующему Западным фронтом, поскольку его комплектование в 1915 г. имело приоритетное значение для решения поставленной задачи – удержания линии фронта. Об этом, в частности, свидетельствует приказ № 739 Верховного Главнокомандующего, в котором отмечалось: «В соответствии с приказом моим сего года № 687 в ведении управления инспектора запасных войск, сформированных приказом № 635, оставить только запасные части Западного фронта, присвоив означенному управлению наименование управления инспектора запасных частей войск Западного фронта» [1, л. 348]. Анализ архивных материалов фондов Российского государственного военно-исторического архива позволяет выделить две основные функции управления: формирование резервных батальонов

и подготовка младшего командного состава из унтер-офицеров, имевших боевой опыт, и выпускников ускоренных курсов прапорщиков.

Значительные потери среди личного состава на фронте после летней кампании 1915 г. вынуждали высшее военное командование определять дополнительные источники для комплектования офицерского корпуса. В отдельных частях нехватка командиров достигала 50% от военного штатного расписания. Например, Главнокомандующий Западным фронтом генерал от инфантерии М.В. Алексеев в докладной записке военному министру, датированной 9 августом 1915 г., писал о необходимости «дать армии непрерывный поток новых офицеров, обеспечив со стороны государства все меры к этому» [6, л. 91].

В связи с этим ряд управлений и отделов фронта комплектовался военными чиновниками, которые были призваны заместить офицерские кадры. Именно эта особенность отразилась при комплектовании этапно-хозяйственного отдела Западного фронта. Приказ начальника штаба Верховного Главнокомандующего № 178 разъяснял: «...допустить замещение должностей правителя канцелярии этапно-хозяйственного отдела штаба армии, входящей в состав армий фронта (штат № 13), военными чиновниками» [7, л. 403].

В соответствии со штатными расписаниями военным чиновникам полагались выплаты, равные выплатам членам администрации генерал-губернатора и офицерам штаба Минского военного округа. Соответственно, подобная мера позволяла решать вопросы комплектования строевых частей кадровыми офицерами и в то же время задействовать опытных штабных чиновников для работы в канцелярии управления.

Целый ряд управлений остались общими для двух новообразованных фронтов — Северного и Западного. В частности, управление начальника военных сообщений, в ведении которого находилось железнодорожное сообщение в прифронтовой зоне. Приказом № 301 от 29 ноября 1915 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал М.В. Алексеев учредил при управлении канцелярии двух инспекторов — этапов и транспортов [1, л. 412]. Стоит отметить, что выделение отдельных структур управления армейскими сообщениями для каждого из фронтов было нецелесообразным — это привело бы к излишней бюрократизации военного аппарата и нарушило коммуникацию в рамках единой системы железнодорожных сообщений Российской империи. В рамках решения боевых задач управление начальника военных сообщений находилось в постоянной связи с управлением начальника снабжений Западного фронта, что объясняется необходимостью постоянного контроля поставок оружия и боеприпасов и переброски армейских частей

из тыловой зоны на фронт. Штаб и управления, подчиненные напрямую главному начальнику снабжений армий фронта, располагались и перемещались независимо друг от друга, ориентируясь на изменяющуюся оперативно-тактическую обстановку в районе действий Западного фронта.

Важнейшие задачи по руководству снабжением армии осуществляло управление главного полевого контролера армий Западного фронта, которое было сформировано в сентябре 1915 г. согласно приказу начальника штаба Верховного Главнокомандующего № 2 от 06.09.1915 г. [2, л. 109].

В управлении сосредотачивались функции делопроизводства по учету личного состава армий, отчетности о закупочных ценах на продовольственную продукцию у населения, установлению тарифов и условий реквизиции. Управление полевого контролера определяло размеры и порядок выплат посуточных окладов для больных и раненых, занималось составлением заключений о сверхштатных расходах и отпусках. Следует отметить, что нормативной базой деятельности полевого контролера служило Положение о полевом управлении в военное время.

В то же время ряд задач управления штаба Западного фронта зачастую дублировали друг друга, что вело к увеличению состава полевых управлений. Эту тенденцию отмечали С.Н. Красильников в работе «Организация крупных общевойсковых соединений» [8] и А.И. Деникин в воспоминаниях «Путь русского офицера» [9], который объяснял это отсутствием системности и запутанностью «Положения о полевом управлении армий в военное время».

На основе исследования документов фонда 2049 Российского государственного военно-исторического архива можно отметить важную особенность формирования полевых управлений армий Западного фронта — они создавались на основе кадрового состава штабов военных округов в июле 1914 г. В частности, полевое управление 1-й армии было сформировано при штабе Виленского военного округа, полевое управление 2-й армии — при штабе Варшавского военного округа. Штаб Киевского военного округа сформировал полевое управление 3-й армии. 2 августа 1914 г. при штабе Казанского военного округа было сформировано полевое управление 4-й армии [10, л. 201]. Особенности боевой деятельности Западного фронта в первые дни называет в документах генерал В.Н. Горбатовский: недостаток сил, слабый состав корпусов и просьбы направить новые укомплектованные корпуса для выполнения поставленных боевых задач. В то же время С.Н. Красильников отмечал слаженную работу штабов армий по выработке новых стратегических и оперативных задач управления [5]. Фор-

мирование Западного фронта было закончено в отведенные сроки, что, в частности, объясняется созданием штабной структуры на основе готовой системы полевого управления Северо-Западным фронтом.

Заключение. Стратегическая важность создания Западного фронта в 1915 г. была обусловлена необходимостью укрепления обороноспособности на протяженном участке российско-германского фронта и повышением эффективности управления армиями при планировании боевых операций. Поэтому организация структур управления Западным фронтом российской армии в 1915 проходила в сложной боевой обстановке в самые короткие сроки. Штаб Западного фронта был укомплектован кадровыми офицерами штаба Северо-Западного фронта, обладавшими опытом участия в планировании боевых операций и штабном руководстве, что позволяет сделать вывод о значимости новообразованного фронта. В то же время ряд управлений – начальника военных сообщений, начальника снабжений – остался общим для Западного и Северного фронтов, что объясняется необходимостью координации поставок резервов, боеприпасов и продуктов между командованием двух фронтов. Полевые управления армий фронта создавались на основе штаб-

ной структуры военных округов, появившейся в предвоенный период. В связи с нехваткой офицерского состава в строевых частях фронта ряд должностей вновь формируемых управлений замещались военными чиновниками вместо кадровых офицеров.

Литература

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2057. – Оп. 1. – Д. 1.
2. РГВИА. – Ф. 2048. – Оп. 3. – Д. 1.
3. Кондзеровский, П.К. В Ставке Верховного: воспоминания дежурного генерала / П.К. Кондзеровский. – Париж, 1967. – 132 с.
4. Военное законодательство Российской империи / Российский военный сборник; редкол.: А.Е. Савинкин (отв. ред.) [и др.]. – М., 1996. – 410 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 299. – Оп. 2. – Д. 15778.
6. РГВИА. – Ф. 2048. – Оп. 2. – Д. 3.
7. РГВИА. – Ф. 2048. – Оп. 1. – Д. 1.
8. Красильников, С.Н. Организация крупных общевойсковых соединений / С.Н. Красильников. – М.: Воениздат, 1933. – 87 с.
9. Деникин, А.И. Путь русского офицера / А.И. Деникин. – М.: Вече, 2016. – 320 с.
10. РГВИА. – Ф. 2049. – Оп. 1. – Д. 6.

Поступила в редакцию 30.05.2018 г.

УДК 338.23:334.72.012.32(476)(091)«1921/1929»

Витебское общество взаимного кредита в 1925—1930 гг.

Полетаева Н.И., Поваляхина Т.И.

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск

Исследование посвящено рассмотрению социального состава и основных направлений работы частного Витебского общества взаимного кредита в условиях новой экономической политики.

Цель статьи — обобщение опыта деятельности Витебского ОВК в условиях переходной экономики 1920-х гг., выявление преемственности в формах и методах работы предпринимателей.

Материал и методы. Для написания использовались опубликованные материалы и архивные источники, выявленные в Национальном архиве Республики Беларусь. Методы: историко-генетический, историко-типологический, историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Содержится информация о создании Витебского ОВК, его руководящих органах, социальном составе участников и вкладчиков. Рассмотрен вопрос о структуре капиталов общества, проанализированы основные виды операций. Приведены факты, подтверждающие эволюцию государственной политики по отношению к частным предпринимателям от временного сотрудничества к тотальному вытеснению из экономики.

Заключение. Необходимость насыщения рынка потребительскими товарами привела, с одной стороны, к допущению деятельности частных кредитных учреждений под надзором государства. С другой стороны, именно через институт ОВК предприниматели пытались адаптироваться к нэповским реалиям. Ведущими операциями были учетно-ссудные, основными клиентами — мелкие торговцы и промышленники. Вытеснение частника из торговли и промышленности лишило общества их основной клиентуры, а их деятельность — всякого смысла.

Ключевые слова: взаимное кредитование, новая экономическая политика, частные предприниматели.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 99—103)

Vitebsk Mutual Loan Society in 1925—1930

Poletaeva N.I., Povalikhina T.I.

Educational Establishment «Belarusian State Economic University», Minsk

The study focuses on social structure and main activities of the private Vitebsk Mutual Loan Society under the New Economic Policy.

The purpose of the article is to generalize the experience of Vitebsk Mutual Loan Society in the transitional economy of the 1920s, as well as to identify continuity in the forms and methods of entrepreneurial activities.

Material and methods. The article is based on published materials, as well as the archival records stored in the National Archives of the Republic of Belarus. Historical-genetic, historical-typological and historical-system methods were applied.

Findings and their discussion. The authors consider the establishment of Vitebsk Mutual Loan Society, its governing bodies, as well as the social status of its members and depositors. The capital structure of Vitebsk Mutual Loan Society and its main operations are analyzed in detail. Facts are provided to confirm the evolution of state policy regarding private entrepreneurs from temporary cooperation to their total exclusion from the economy.

Conclusion. The need to saturate the market with consumer goods led, on the one hand, to the admission of private credit institutions under the state supervision. On the other hand, acting through Vitebsk Mutual Loan Society, businessmen tried to adapt their activities to the New Economic Policy. The leading operations of the Society were accounting and lending ones; the main clientele was represented by small traders and entrepreneurs. The state policy aimed at exclusion of private entrepreneurs from trade and industry deprived Vitebsk Mutual Loan Society of its clientele and made its activity completely unprofitable.

Key words: mutual lending, New Economic Policy, private entrepreneurs.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 99—103)

Советская власть в 1920-е гг. заимствовала некоторые формы экономической деятельности, апробированные и показавшие свою эффективность еще в период су-

ществования Российской империи (биржи, банки, ссудо-сберегательные товарищества, аренда и др.), пытаясь, с одной стороны, наполнить их социалистическим содержанием, с другой — стре-

Адрес для корреспонденции: e-mail: poletaeva@bseu.by — Н.И. Полетаева

мья использовать частный капитал в восстановлении разрушенной в годы войн и революций экономики, а также в начавшемся социалистическом строительстве, наполнении рынка необходимыми товарами. Одной из таких форм в сфере кредитования частного сектора в годы нэпа были общества взаимного кредита (ОВК).

Цель статьи – рассмотрение и обобщение опыта деятельности Витебского ОВК в условиях новой экономической политики, выявление преимущественности в формах и методах работы предпринимателей.

Материал и методы. В историографии 1920-х гг. деятельность обществ взаимного кредита была отражена в работах руководителей Народного комиссариата финансов (далее Наркомфин) [1], которые непосредственно их контролировали. В 1970-е гг. были опубликованы обобщающие научные труды по истории финансов и кредита БССР, о развитии экономики республики в годы нэпа [2], которые содержали сведения только о численности ОВК в городах Беларуси, об их балансах. В начале XXI в. проблему развития кредитно-денежной системы Беларуси стал разрабатывать Ю.Л. Грузицкий [3], который не ставил задачи специального изучения финансов и кредита в годы нэпа и в основном опирался на результаты исследований 1970-х гг. В 2000-х гг. была опубликована обобщающая статья Н.И. Полетаевой [4], но в ней о Витебском обществе сказано лишь фрагментарно.

Источниками явились материалы фонда 93 (Наркомфин БССР) Национального архива Республики Беларусь. Здесь протоколы общих собраний, доклады правления, совета и отчеты ревизионной комиссии, протоколы заседаний правления, годовые балансы, в которых содержится фактическая и статистическая информация об основных направлениях деятельности. Значительный интерес представляют материалы ревизий общества, которые проводили сотрудники валютного отдела Наркомфина БССР. Все архивные материалы выявлены и введены в научный оборот впервые. Для достижения поставленной цели использовались историко-генетический, историко-типологический, историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. В условиях разрушенной экономики и, как следствие, развала потребительского рынка в 1920-е гг. (нехватка, низкое качество и узкий ассортимент товаров и др.) советская власть была вынуждена восстанавливать товарооборот между городом и деревней, возрождать кредитно-банковскую систему. Торговля остро нуждалась в краткосрочном кредите. Частные предприниматели были заинтересованы в собственных кредитных учреждениях, так как почти вся денежная эмиссия шла на финансирование промышленности. В 1922 г. Наркомфина

РСФСР принял постановление «О порядке образования кредитных учреждений» [5], в сентябре 1922 г. Совет труда и обороны одобрил нормальный устав обществ взаимного кредита [6], которые должны были предоставлять своим членам необходимые для их деятельности средства. Кредитовать можно было только тех, кто состоял в обществе, причем сумма кредита не должна была превышать десятую часть оборотного капитала ОВК. Вклады на текущие счета могли вносить все желающие.

Всего на территории БССР в 1920-е гг. действовали 12 частных обществ взаимного кредита, причем все – в городах. Витебское ОВК было образовано 17 марта 1925 г. [7, л. 24]. Имевшийся положительный дореволюционный опыт, появившиеся в годы нэпа возможности по развитию мелкого частного бизнеса, рост товарооборота, незначительное на первых порах административное давление привлекали предпринимателей в данную структуру. Численность членов Витебского ОВК менялась: в момент создания их насчитывалось 398 [7, л. 24], на 01.10.1927 г. – 367 [8, л. 2], на 01.01.1928 г. – 442 [9, л. 4], на 01.06.1929 г. – 445 [8, л. 85]. Витебское общество было четвертым из 12 по численности пайщиков и считалось достаточно крупным среди аналогичных учреждений в БССР. На него приходилось почти 10% от общего числа членов ОВК республики. Персональный состав общества оставался стабильным до осени 1929 г.

Возможности ОВК привлекали, прежде всего, частных торговцев и промышленников. На 01.01.1928 г. по социальному составу члены общества состояли из владельцев промышленных заведений – 43 человека (10,2%), кустарей и ремесленников – 73 (16,5%), владельцев оптово-розничных торговых заведений – 9 (2,0%), розничных торговых – 247 (55,9%), сельских хозяев – 7 (1,6%), рабочих, служащих, лиц свободных профессий – 18 (4,0%), прочих – 45 человек (9,8%) [9, л. 4].

В 1923–1926 гг. среди участников были даже государственные и кооперативные организации, которым по уставу это не разрешалось: государственная типография «Заря запада», Витебское пожарное общество, кооперативная артель «Колос». Кроме того, практиковалось т.н. «двойное членство», когда некоторые члены ОВК состояли одновременно и в ссудо-сберегательных товариществах (ССТ), получая в них кредиты: таких в начале 1927 г. было 24 человека [8, л. 2].

С 1926 г. государство стало требовать исключения общественных и кооперативных организаций, а также прекращения двойного членства в ОВК и ССТ [9, л. 25]. Кроме того, в ОВК было запрещено состоять рабочим и служащим. Но даже в 1928 г. Витебский ОВК продолжал кредитовать эти категории клиентов. Поэтому Нар-

комфин БССР настаивал на том, что руководство общества должно «...немедленно исключать из состава членов всех лиц, не занимающихся никакой торговой, производственной или иной промышленной деятельностью, пересматривать состав своих членов. Если такие клиенты имели задолженность, немедленно исключать их после ее погашения» [9, л. 107]. Вслед за этим стали поступать распоряжения об исключении из состава общества кустарей и ремесленников. В целом политика ограничения категорий лиц, имевших право состоять в ОВК, выступила одним из рычагов государственного давления на частный капитал и его вытеснения.

Высшим руководящим органом Витебского ОВК было общее собрание, которое избирало совет, правление, учетную, ревизионную и приемную комиссии. В состав совета входили 15 человек. Председателем являлся С.С. Керлин – бывший витебский купец 1-й гильдии, возглавлявший до революции 1917 г. Витебское купеческое общество взаимного кредита. Правление состояло из трех человек с большим опытом работы в финансовой сфере. Председателем правления являлся В.М. Гликман, работавший с 1900 г. в Витебском отделении Соединенного банка, а с 1912 г. – заместителем управляющего этим отделением. До того момента, как прийти в Витебское ОВК, он был главным бухгалтером в Лынторме. Членом правления являлся М.В. Зак, который работал в этом же банке в 1904–1911 гг. счетоводом, а с 1911 г. по 1917 г. – председателем Бешенковичского общества взаимного кредита [8, л. 13]. Эти факты весьма красноречивы. Занимаясь привычным видом деятельности, представители «бывших» непролетарских слоев таким образом пытались адаптироваться к новым советским реалиям.

Капиталы общества формировались в основном за счет вкладов его членов и привлечения в текущие вклады средств физических лиц. На 01.04.1927 г. паевой капитал общества достигал 26,5 тыс. руб., что составляло почти 12% от аналогичных капиталов всех ОВК республики [7, л. 26]. К осени 1928 г. он вырос

до 33,7 тыс. руб. [8, л. 5]. Определенное значение имели государственные заемные средства, без которых развернуть операции было достаточно сложно. Витебское ОВК кредитовалось в филиале Государственного банка в форме специальных текущих счетов под векселя. Государственные средства составляли примерно пятую часть в сумме баланса и более 50% ко всем капиталам и вкладам [7, л. 33]. Помимо этого Витебское ОВК кредитовалось в Промышленном банке. Госбанк взимал за свои средства 10–11%, Промбанк – 13,5%. Кредитная политика банков отмечалась обществом как благожелательная [10, л. 172]. Лишь в 1928 г. белорусские отделения Госбанка сократили кредитование ОВК БССР, а затем вообще его прекратили.

Постепенно росли суммы вкладов. В апреле 1927 г. они составляли 39,6 тыс. руб. (20,1% к сумме баланса) [7, л. 27], в октябре 1928 г. – 95,6 тыс. руб. Более трети суммы приходилось на краткосрочные вклады (на срок до трех месяцев) под 15% годовых [8, л. 7, 12]. Приток вкладов свидетельствовал, с одной стороны, о доверии граждан к обществу, а с другой – о попытках предпринимателей сохранить свои капиталы. Многие владельцы денежных средств даже считали, что наиболее выгодно помещать средства в частное ОВК в виде вкладов из-за довольно высоких процентов, которые превышали среднюю рентабельность государственных займов. Меняясь во времени, процент по вкладам, к примеру, в мае 1926 г. составлял: на вклады – 9%, простые текущие счета – 10%, условные – 12–18%, частный дисконт – 4,5–6% [10, л. 127]. В конце 1920-х гг. Наркомфин республики обязал все ОВК не превышать процент по вкладам более 12% годовых. Но и после этого продолжился рост общей суммы вкладов, хотя их средний размер стал сокращаться. Более половины вкладчиков являлись членами ОВК.

Сведения о составе вкладчиков по группам и о размерах их вкладов приведены в табл.

Из общей суммы вкладов свыше половины приходилось на промышленников, 30% – на ра-

Таблица

Состав вкладчиков Витебского ОВК и размер их вкладов на 1 апреля 1927 г.

Группа	Розничные торговцы	Кооперативные организации	Промышленники	Рабочие, служащие и лица свободных профессий	Всего
Сумма вкладов (руб.)	4558	486	14191	8244	27497
%	16,6	1,8	51,6	30,0	100,0

Примечание. Табл. составлена авторами по данным источника [7, л. 37 об.].

бочих, служащих и лиц свободных профессий, на розничных торговцев – 16,6%. В отличие от других ОВК республики, в которых преобладали вклады торговцев и была достаточно большой доля группы «прочие», здесь доминировали вклады промышленников. Учитывая, что группа «прочие» подавалась контролирующими органами как отражение денег, выводимых мелкими предпринимателями из легального оборота, можно полагать, что в Витебском ОВК понимали опасность подобных шагов и лишней раз не рисковали капиталом.

Основным видом операций являлись учетно-ссудные. Главными получателями ссуд на 01.04.1927 г. были розничные торговцы (47,6%), кустари и ремесленники (31,2%). На долю оптовых и полуоптовых торговцев приходилось 6,4% учетно-ссудных операций, общественных организаций – 8,8%, служащих – 1,6%, прочих – 4,4% [9, л. 36]. По всем учетно-ссудным операциям общество взимало 24% годовых. Преобладали мелкие ссуды до 200 руб. Из всех учетно-ссудных операций самой востребованной был учет векселей с двумя и более подписями. Большинство заемщиков представляли мелкий частный капитал. Осенью 1928 г. кустари и розничные торговцы составляли 80% от общего количества кредитовавшихся [8, л. 9, 12]. В документах ревизий, проведенных в 1926–1927 гг., отмечалось, что при отсутствии, как правило, нарушений уставных норм в обществе имелись случаи кредитования членов правления, сотрудников обществ, а также приема к учету «дружеских векселей», которые доходили до 80% вексельного портфеля и очень часто были нетоварными. Имели место случаи учета обществом векселей своим членам в размере выше установленного для них размера кредита, в результате сумма задолженности превышала паевой взнос более, чем в десять раз [8, л. 10]. Нередко стоимость кредитов была велика. В таких случаях Народный комиссариат финансов БССР требовал понизить ставки. ОВК эти предписания выполняло. Но кустари и ремесленники, особенно в периоды заготовки сырья, в связи с ограниченностью ресурсов ОВК, прибегали к частным займам под еще более высокий процент [10, л. 171].

Почти все годы деятельности Витебское ОВК работало с прибылью. Так, за 1925/1926 хозяйственный год она составила 2093 руб. [7, л. 41]. Средства направлялись на увеличение собственных капиталов, дивиденды не выплачивались. Средняя скорость оборачиваемости капитала составляла 46,8 дня [7, л. 29].

Помимо названных, Витебское ОВК занималось товарно-комиссионными операциями – сделками по покупке и продаже товаров по поручениям. Размеры сделок были небольшими, однако клиенты пользовались такими услугами ОВК, так как последние были учреждениями подконтрольными, обязанными публиковать собственную

отчетность. Поэтому государственные предприятия охотнее продавали свои товары ОВК, нежели частным лицам. Общество участвовало в заготовке семян подсолнечника и зерновых культур по поручениям. Подобные операции велись за счет клиентов и приносили некоторую прибыль. Однако контролирующие органы расценивали такие операции как «ширму, скрывающую сделки государственных предприятий с частными лицами» [7, л. 29]. В связи с хлебозаготовительным кризисом 1927/1928 гг. Народный комиссариат финансов БССР в феврале 1928 г. потребовал «...прекратить кредитование во всех формах операций частных лиц и фирм по продаже и покупке хлеба в зерне, маслосемян, продуктов переработанного зерна, гороха, бобов, чечевицы, круп всех сортов и подсолнуха». В виде исключения разрешалось кредитование операций с сеном [9, л. 105]. Затем последовало требование полностью прекратить товарно-комиссионные операции.

С 1928 г. контроль над обществами взаимного кредита со стороны государственных органов ужесточился. В вину им вменялись превышение размеров кредитов установленной уставом части основного капитала, систематическая переписка векселей, фактически превращавшая краткосрочный кредит в кредит на длительный срок. Очень высокими были себестоимость капиталов, доходившая до 30,7% к действующему капиталу, накладные расходы. Значительными являлись расходы на содержание штата. Зарплата председателя правления составляла 200 руб., двух членов правления – по 175 руб. в месяц. В аппарате общества работали 6 человек, на зарплату которых уходило 642 руб. в месяц, в том числе главному бухгалтеру – 165, его заместителю – 130 руб. Всего Витебское ОВК на административные цели израсходовало 10,4% суммы годового баланса 1926/1927 г. [8, л. 12–13]. Понятно, что в духе классового подхода при средней зарплате рабочего цензового предприятия Витебского округа в 75 руб. [11, с. 239] такие зарплаты воспринимались как незаслуженно большие. Достаточно часто указывалось на необоснованно широкую выдачу гарантийных писем, не обеспеченных надлежащими ценностями клиентов. Эта операция, несмотря на высокие риски, позволяла в условиях дефицита средств получать прибыль без затрат капитала.

28 марта 1929 г. состоялось заседание коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции БССР по вопросу о характере дальнейшей работы обществ взаимного кредита. В постановлении предлагалось «в связи со сворачиванием частной торговли ...большую часть средств направить на кредитование ремонтно-строительных нужд частника и частной промышленности. ...Предложить передать прокуратуре дело Витебского ОВК для привлечения его к ответственности за невыполнение постановлений о прекращении “дружеских векселей” и кре-

дитования членов профсоюзов, ремесленников, артелей, которые являются членами кооперации». В деятельности руководства, как было заявлено, присутствуют «признаки злостных преступлений» [8, л. 124, 135–136]. Вскоре руководители и многие рядовые члены общества были арестованы и преданы суду.

Тем не менее общество все-таки пыталось приспособиться и к таким сложным условиям. 22 июня 1929 г. прошло общее собрание членов общества, обсудившее и принявшее новый Устав. 20 августа 1929 г. валютный отдел Наркомфина даже зарегистрировал новый документ [8, л. 123]. Еще в ноябре 1929 г. Витебский ОВК пытался заняться реализацией продукции Витебской махорочной фабрики [8, л. 142]. Но в январе 1930 г. во всех обществах взаимного кредита БССР прошли чрезвычайные собрания, которые констатировали катастрофическое положение дел. Обсуждались вопросы о ликвидации обществ, большинство высказывалось о нецелесообразности их дальнейшего существования. Привлеченные средства изымались из оборота, наблюдался массовый выход и исключение из обществ лиц, потерявших право кредитоваться. Было очевидно, что и у оставшихся в недалеком будущем не будет возможности получать кредиты: сельских хозяев стали принудительно объединять в колхозы, домовладельцы лишались своей собственности в результате муниципализации частного жилого фонда.

В марте 1930 г. СНК БССР направил в СНК СССР письмо, в котором сообщалось, что частные общества взаимного кредита в республике «пошли по пути скрытого финансирования подпольного торгового оборота и спекулятивных фондовых операций. Это подтверждает то, что экономическая база для их дальнейшего существования в значительной степени уже утрачена. ...В силу этих соображений деятельность ОВК должна быть признана вредной, подлежащей безусловной ликвидации. ...СНК БССР ходатайствует о ликвидации в СССР обществ взаимного кредита» [12, л. 127].

В конце 1920 – начале 1930-х гг. в стране осуществлялся поворот к тотальному директивному планированию. В 1930–1932 гг. была проведена кредитная реформа, которая ликвидировала взаимное кредитование. Краткосрочный кредит был сосредоточен в Госбанке. В такой системе частным кредитным учреждениям не было места. Как и по всему СССР, в Белорусской ССР все общества взаимного кредита, среди них и Витебское, были ликвидированы.

Заключение. Таким образом, необходимость насыщения рынка потребительскими товарами, важность краткосрочного кредитования для мелких предпринимателей привели, с одной стороны, к допущению деятельности частных кредитных учреждений под надзором государства. С другой стороны, очевидно, что через институт

ОВК предприниматели пытались адаптироваться к нэповским реалиям. Витебское ОВК на начальном этапе поддерживалось кредитными ресурсами Госбанка. Затем общество стало наращивать свои оборотные средства для усиления самостоятельности. Ведущими операциями являлись учетно-ссудные, основными клиентами – мелкие торговцы и промышленники. Постепенно государство вводило ограничения на круг лиц, которые могли быть членами ОВК, сокращало перечень товаров, под которые можно было получать кредиты. Вытеснение частного из торговли и промышленности лишило общества их основной клиентуры, а их деятельность – всякого смысла. Тем не менее опыт работы Витебского общества взаимного кредита в 1925–1930 гг. может оказаться востребованным в условиях переходной экономики как одна из приемлемых форм удовлетворения потребностей предпринимателей в мелком краткосрочном кредите.

Литература

1. Сокольский, А. Банковское кредитование частной торговли / А. Сокольский // Частная торговля Союза ССР / под ред. Л.Б. Залкинда. – М.: Изд-во Наркомторга СССР, 1927. – С. 83–109; Деревицкий, В.А. Общества взаимного кредита / В.А. Деревицкий. – М.: Финансовое издательство НКФ, 1928.
2. Очерки развития финансов и кредита в Белоруссии. – Минск: «Наука и техника», 1970; Развитие экономики Беларуси в 1921–1927 гг. – Минск: «Наука и техника», 1973.
3. Грузицкий, Ю.Л. История развития денежно-кредитной системы Беларуси / Ю.Л. Грузицкий. – Минск: «Экоперспектива», 2002; Он же. История развития денежно-кредитной системы Беларуси. – Минск: «Экоперспектива», 2008.
4. Полетаева, Н.И. Частные кредитные учреждения в городах Беларуси в годы нэпа / Н.И. Полетаева // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XX ст. – Гродна: ГрДУ, 2010. – С. 170–178.
5. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1922–1923 гг. – М., 1922. – № 17.
6. Утвержденный СТО 2 сентября 1922 г. нормальный устав Обществ взаимного кредита // Вестник финансов. – 1922. – 28 сент. – С. 106–116.
7. Обзор работы обществ взаимного кредита БССР на 1 июня 1927 г. и приложения к нему // Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 5462.
8. Устав и балансы Витебского общества взаимного кредита 1 ноября 1928 г. – 1 сентября 1929 г. // Там же. – Д. 6709.
9. Положение об обществах взаимного кредита 1927 г., сведения об ОВК БССР на 1 сентября 1927 г. // Там же. – Д. 6336.
10. Обзор работы кредитных учреждений БССР за 1924–1925 г. и сводные балансы ОВК на 1 ноября 1925, 1 января – 1 сентября 1926 г. // Там же. – Д. 5464.
11. Статистический ежегодник БССР. 1924–1925 г. Вып. 1. – Минск: Изд-во ЦСУ БССР, 1926.
12. Инструкции и переписка о кредитной реформе 1930 г. // НАРБ. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 6967.

Поступила в редакцию 05.01.2018 г.

УДК 94(47+57)«09/10»

Владимир и престол: об институционализации власти «крестителя Руси»

Риер Я.А.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

Власть является одним из важнейших критериев уровня политического развития общества. Механизмы ее институционализации представляют значительный интерес в ходе изучения государствообразующих процессов на тех или иных территориях. Одним из крупнейших государственных образований на территории Восточной Европы в эпоху раннего средневековья явилась Древняя Русь, оказавшая значительное влияние на процесс политогенеза на белорусских землях. Интереснейшей фигурой для изучения институционализации и сакрализации власти является Владимир, более известный как «креститель Руси». Его политика упрочения власти повлияла не только на развитие самой Древней Руси, но и нашла отражение в последующих государственных образованиях, возникших на прилегающих территориях, в частности ВКЛ.

Цель статьи — анализ механизмов институционализации власти Владимира Святославовича, или Владимира Святого.

Материал и методы. В ходе работы использованы материалы летописей, а также обобщающих трудов по данной проблематике. Привлечены иллюстративные данные из Радзивилловской летописи и нумизматические источники. При подготовке публикации автор руководствовалась базовыми принципами научного исследования: историзма, объективности, системности, а также комплексным подходом.

Результаты и их обсуждение. Владимир Святославович прошел долгий путь от узурпатора престола к сильно-му и могущественному правителю, «крестителю Руси». Несомненно, что условия для его правления были благоприятными, и Русь переживала период относительной стабильности, что не могло не сказаться на успехе политики Владимира. Тем не менее, очевидно, что великий князь применял всевозможные способы для упрочения и поддержания своей власти и ее авторитета.

Заключение. Образ Владимира как богоизбранного монарха влиял на идею сакральности монархов на белорусских землях, в частности, на правителей Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Древняя Русь, Владимир, власть, институционализация, сакрализация, легитимность.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 104–110)

Vladimir and his Throne: about Power Institutionalization of «The Baptist of Russia»

Ryier Y.A.

Educational Establishment «Mogilev State A. Kuleshov University», Mogilev

Power is one of the most important criteria of a society political development. Mechanisms of its institutionalization are of great importance during the process of state formation investigation. Ancient Russia (Rus) was one of the biggest state formations in Eastern Europe in the epoch of the early Middle Ages. It influenced state formation process in Belarusian lands very much. One of the most interesting political figures for the study of institutionalization and sacralization of power in its history was Vladimir the Great, who is also known as «The Baptist of Russia». His policy of power legitimization influenced not only the development of Ancient Russia itself. It can be also traced in further political unions on neighbor lands, including the Grand Duchy of Lithuania.

The purpose of the article is to analyze mechanisms of institutionalization of St. Vladimir's power.

Material and method. During the research the author used materials of chronicles, general works on the topic. Also illustrations from Radziwill Chronicle and numismatic data were used. The author used such general methods of scientific investigation as historical, objective systematic principle and complex approach.

Findings and their discussion. Vladimir the Great went a long way to become a powerful and strong ruler, the Baptist of Russia. The historical background of his reign was favorable and the state itself was quite stable which led to Vladimir's

political success. However, it is also obvious that Vladimir used different ways or sources to make his power legitimate and strong.

Conclusion. *The image of Vladimir as a monarch, chosen by God, influenced the idea of sacral ruler in Belarusian lands, including the rulers of the Grand Duchy of Lithuania.*

Key words: *Ancient Russia (Rus), Vladimir, power, institutionalization, sacralization, legitimacy.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 104–110)

Зачастую история тех или иных государств ассоциируется, прежде всего, с наиболее яркими ее правителями, оказавшими влияние на социальное и политическое развитие общества. Причем многие ученые в ходе анализа процесса государствообразования уделяют особое внимание именно вопросам власти, опираясь на изучение жизнедеятельности и политики отдельных правителей.

Необходимо отметить, что подобное акцентирование неслучайно. Ведь власть является одним из важнейших механизмов, обуславливающих как уровень развития общества в целом, так и особенности политического, социального и правового развития общества в конкретном государственном образовании на определенном этапе его эволюции.

Цель статьи – анализ механизмов институционализации власти на примере Древней Руси и одного из знаковых ее правителей – Владимира Святославовича, или Владимира Святого.

Материал и методы. В ходе работы использованы материалы летописей, а также обобщающих трудов по данной проблематике. Привлечены иллюстративные данные из Радзивилловской летописи и нумизматические источники. При подготовке публикации мы руководствовались базовыми принципами научного исследования: историзма, объективности, системности, а также комплексным подходом.

Результаты и их обсуждение. Начиная с теоретического аспекта данной проблемы необходимо отметить, что в исследовании вопросов, связанных с властью и ее влиянием на государствообразующие процессы, особое внимание принято уделять механизмам ее легитимизации [1, с. 78]. Этот термин ввел в науку немецкий ученый начала XX века Макс Вебер. Он отмечал, что власть является своеобразными отношениями между людьми, основывающимися на авторитете традиций, закрепленных в обществе и рассматриваемых как необходимые к соблюдению. Кроме того, внимание уделялось харизме и таким личным качествам правителя, как мудрость, храбрость, героизм и др., а также «легальности» – совокупности отдельных правил, зачастую закрепленных законом, благодаря которым мог поддерживаться особый, высший статус управленческих административных структур [2, с. 154].

Следует отметить, что сам правитель также выполнял определенные функции в обществе, например, дипломатического представителя своего социума, военного защитника или организатора хозяйственной жизни. Таким образом создавалась обратная связь между правителем и населением, которое было также заинтересовано в ее сохранении как залого стабильности [3, с. 94–98].

Разумеется, что и функции правителя, и пределы самой власти различались от региона к региону, а также в зависимости от конкретного промежутка времени. Тем не менее власть в любом случае нуждалась в своеобразном культурном обрамлении собственных притязаний на особый статус в обществе. Политической элите необходимо было найти символические формы, которые могли бы оправдать сам факт ее существования, соответствовать ожиданиям населения, а также защитить от возможных посягательств в будущем. С этой целью использовались разнообразные церемонии, ритуалы, легенды и т.д. Именно с помощью данных механизмов власть приобретала ауру чего-то «особого», «сакрального», а сам процесс легитимизации власти правителя носил в первую очередь идеологическую и символическую природу. Более того, идеология сама по себе являлась одним из важнейшим средств, служащих для сохранения власти и ее упрочения. Легитимизация же роли правителя согласно закону появилась гораздо позднее, как и принципы наследования власти.

Еще одним важным механизмом институционализации власти являлась религия. Она оказалась способной консолидировать общество и придать правителю сакральное значение, что, в свою очередь, играло немаловажную роль в процессе упрочения его статуса. Издавна люди верили, что некоторые из них были наделены особыми силами, обладали способностями к общению с духами, божествами, являясь, по сути, связующим звеном между высшими силами и людьми, а значит, способны лучше справиться с административными функциями, которые на первых этапах государствообразующих процессов в первую очередь сводились к хозяйственному обеспечению и защите территории от врагов [1, с. 74].

Христианство внесло огромный вклад в усиление роли правителя, придав ему не только значимую социальную роль, но наделив его огромным сакральным значением, еще большим, чем во вре-

мена языческих верований. По сути, правитель объявлялся посланником Единого Бога. Кроме того, именно с появлением христианства стала известна фраза, применимая к правителям: «Единый Бог на небе, единый правитель на земле». И несмотря на то, что это высказывание обычно приписывают первому причисленному к лику святых французскому королю Людовику IX (1214–1270), даже в более ранний период времени можно говорить о подобных тенденциях, характерных для европейских государств средневековой эпохи. С появлением христианства правители концентрировали в своих руках власть, гораздо более сильную, чем ранее, так как в ней соединялись легитимность и сакральность правления.

В Западной Европе в средние века можно даже говорить о феномене королевской святости, черты которой можно найти во многих ранних государствах того времени. Согласно европейской исторической традиции модель королевской сакральности появилась в эпоху раннего средневековья, соединив в себе элементы нескольких традиций – от античной до византийской. Известные династии того времени (например, Каролинги, Оттоны) взяли имперские традиции святости монарха, добавив к ним христианские обычаи сакрализации правителя, например, такие как присяга и коронация. Последняя являлась особенно важным механизмом институционализации власти, так как создавала новую персону – короля, который был освящен в ходе данного ритуала Самим Богом, а значит, и сам становился фигурой священной. В свою очередь монарх, желая подтвердить и подчеркнуть собственный высокий статус посланника Господа, использовал всевозможные символические и литургические средства, которые могли включать коронацию (с одеванием короны или прохождением под ней), церковные ритуалы, повторение особых псалмов, а также воспевание литургических «представлений взошедшего на престол правителя» [4, с. 49]. Более того, изобретение сакральных символов и сакрализационных ритуалов привело к созданию образа правителя «vicarious dei», объявлению его носителем двух тел или сущностей – одной телесной, личной, и второй сакральной, святой [5, с. 82]. Все это впоследствии обрамлялось правящей династией ореолом принадлежности к высшему, духовному благодаря коллекционированию святынь, реликвий, которые также могли объяснить сверхъестественную силу правителей.

В Западной Европе королевская святость достигла своего апогея в XIII веке. Интересное описание подобных процессов можно найти в трудах известного французского историка-медиевиста Жорджа Дюби (1919–1996), который отмечал, что в данный период времени французским королям удалось сконцентрировать власть в своих руках и

стать по-настоящему сакральными правителями. В доказательство он приводит ритуалы, которые имели место в эпоху средневековья. Надгробия королей позволяли различить все черты правителей – красивых, мудрых и благородных. Их изображения характеризовались наличием всех необходимых атрибутов власти, которые они получали во время коронации: меча, который помогал им бороться со Злом, скипетра – символа правосудия, короны как олицетворения власти, дарованной им Богом [5, с. 147]. Все это придавало европейским правителям огромную силу в глазах общества.

Но, разумеется, необходимы были особые средства передачи подобной традиции сакральности и легитимности правителя и его высшей силы последующим поколениям. В этом отношении огромную роль начинали играть хроники, жизнеописания правителей и их восхваления, создатели которых зачастую создавали образ идеального монарха, одаренного Божьей милостью, заботящегося о собственных владениях и о своем населении и т.п.

Конечно, схожие тенденции в процессе институционализации власти имели место и на территории Восточной Европы, правда, с некоторыми особенностями, обусловленными географическими и историческими условиями развития региона. Главная же роль в процессе легитимизации власти на первых этапах государствообразования принадлежала личному авторитету правителя и его сакрализации.

Попробуем рассмотреть данные явления на примере одной из самых ярких фигур в средневековой восточноевропейской истории – Владимира Святославовича, или Владимира Великого (около 960 – 1015).

Его фигуре уделено огромное внимание в подавляющем количестве источников, упоминающих историю Киевской Руси домонгольского периода, создающих его личность особой и значимой для политического развития этого региона. Каким же образом «сын рабыни» смог достичь такого величия и какими способами он добился прочной власти и огромного авторитета?

Здесь необходимо отметить, что источники по Киевской Руси, в частности, касающиеся жизнедеятельности «крестителя Руси», по сравнению с жизнеописанием западноевропейских монархов крайне скудны. И наши знания о данном периоде существования Древней Руси базируются в основном на более поздних летописях, историях, содержащих переписку ранних записей, или упоминаниях о происходивших в конце X века событиях. Кроме того, отдельную информацию можно получить в скандинавских сагах и иностранных, в частности, западноевропейских или арабских источниках (договоры, записи послов и т.д.).

Самым известным источником по восточноевропейской, и в частности древнерусской, истории принято считать «Повесть временных лет...», написанную предположительно в начале XII века Нестором и дошедшую до нас в нескольких, более поздних списках. Что касается вопросов власти и личности правителя в эпоху Владимира, то особо значимую роль может сыграть именно Радзивилловская (или Кёнингсбергская) летопись (список) — один из ценнейших старославянских иллюстрированных источников. Созданная в XV веке, она является копией ранее написанной летописи (вероятнее всего XIII века) и доводит события, рассмотренные в «Повести временных лет» до 1206 года. Что еще более важно и примечательно в контексте изучения вопросов власти и личности правителя, в том числе Владимира Святославовича, это то, что она содержит более 600 иллюстраций, многие из которых, по мнению специалистов, могли быть скопированы с оригинальных источников XI–XIII вв., а значит, вызывают огромный интерес с точки зрения материального отображения личности правителя и его восприятия современниками [6].

Невозможно также представить анализ процесса легитимизации власти Владимира Святославовича без рассмотрения одного из самых важных источников по данной проблематике — «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, написанного между 1037 и 1050 гг., в котором можно найти не только идеи о характере или объеме княжеской власти, ее сакральных основах, но также познакомиться с идеалом правителя, созданным автором. Несмотря на то, что произведение посвящено одному конкретному правителю, образ которого намеренно идеализирован, анализ «Слова» представляется неоценимым вкладом в изучении образа идеального князя как отражения определенной концепции власти в целом. Кроме того, источник содержит подробное освещение событий, связанных с крещением Руси, а также подчеркивает важность данного события в укреплении власти правителя [7, с. 38].

Необходимо отметить и «Память и похвалу», написанную монахом Иаковом в XI веке и представляющую собой похвальное слово князю Владимиру, а также сохранившую ценнейшие сведения о событиях указанного отрезка времени [8].

Что касается западноевропейских и греческих источников, то они уделяют не так много внимания восточнославянским землям, и в частности, Древней Руси. Тем не менее можно отметить арабские тексты, в которых упоминается Владимир в связи с помощью византийскому императору Василию II в 988 г., а также греческие тексты, свидетельствующие о крещении правителя [7, с. 44–45].

Как бы то ни было, Владимир Святославович является одной из самых неоднозначных и ярких

фигур в древнерусской истории, приход к власти которого, а также способы ее сохранения, однозначно вызывают значительный интерес.

Владимир был сыном Святослава из династии Рюриковичей, рожденным, согласно легендам и сведениям летописей, от ключницы Малуши, по сути рабыни. После смерти своего отца в 972 году Владимир, являвшийся в то время новгородским князем, выждал некоторое время, пока междоусобная борьба между Ярополком, оставшимся править в Киеве, и его братом Олегом не закончилась гибелью последнего. Бежав в Скандинавию, Владимир набрал там войско и вернулся с большими силами в Новгород, в котором к тому времени княжил посадник Ярополка, выгнал его, а затем двинулся на Киев, убил великого князя и по сути захватил власть.

В чем же был секрет его успеха? Возможно, одним из факторов, благоприятно сказавшихся на его правлении, явилась военная мощь, не знавшая сильных противников как внутри, так и вне государства. Это обусловило относительно спокойное становление Киевской Руси на данном этапе политического развития. Однако Владимир, убивший своего брата и по сути узурпировавший власть, страдал от дефицита легальности собственного правления. Примечательным событием, имевшим место во время его так называемого пути к престолу, стал захват Полоцка, показавший всю слабость позиций князя. Посватавшись к дочери полоцкого князя Рогволода Рогнеде в 980 году, он получил категорический отказ от княжны, ответившей, что не хочет она «розувати робичича, Ярополка хочу» [9, с. 32]. Таким образом было проявлено своеобразное презрение по отношению к князю, родившемуся от рабыни, и, кроме того, продемонстрирована неустойчивость его статуса в обществе. Убив Рогволода и его сыновей, он все-таки взял Рогнеду силой в жены, правда, до сих пор остается дискуссионным вопрос об официальности их брака и о том, был ли он заключен. Но ясно одно. Наверное, уже тогда Владимир мог осознать необходимость определенных действий в направлении упрочения своей власти, ее легитимизации в случае успешного захвата. В то же время он понимал недовольство некоторых представителей знати, которые составляли пусть неопасную, но довольно значимую оппозицию его правлению.

Несмотря на то, что тогда Русь еще не знала четкого принципа наследования власти, убийство брата и захват престола не могли рассматриваться иначе, как своеобразное преступление, пусть и случалось такое не единожды. То есть он, как узурпатор и «сын рабыни», несомненно имел все причины искать способы для объяснения своего прихода к власти, а также упрочения режима. Нужно было прикрыть случившееся ореолом

востребованности, объяснить приход Владимира благими намерениями защиты земли и ее населения. Наверное, поэтому автор «Повести временных лет» приложил столько усилий к аргументации событий, указывая на то, что Ярополк убил Олега, а значит, Владимир защищал его честь и свою жизнь. Кроме того, сам Владимир не убивал Ярополка, это совершил слуга его брата, а значит, он мог просто воспользоваться сложившейся ситуацией и взять освободившийся престол [7, с. 91].

Еще одним фактором, но уже более наглядным именно для его современников, в частности, рядового населения, стала религия, которая могла объединить общество, а также возвысить Владимира в глазах социума. Правда, первоначально князь решил обратиться к господствовавшим внутри общества языческим верованиям, объявив о реформировании языческого культа [10, с. 381]. В «Повести временных лет» описано, как капище с шестью главными богами славянского пантеона было воздвигнуто прямо у княжеской резиденции в Киеве: «И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь» [10, с. 381]. Без сомнений, это было попыткой Владимира получить поддержку населения, а заодно и поднять свой престиж.

Правда, время для реформирования и поощрения язычества было выбрано не совсем удачное. Ведь это был этап, на котором многие европейские правители обращались в христианскую веру. Правитель Польши Мешко I принял христианство в 960-х гг., а к середине 970-х его примеру последовал и венгерский вождь Геза, принявший новую религию от немецких миссионеров и крестивший своего сына под именем Стефан (к слову, последний стал святым покровителем Венгрии). Даже король Дании Харальд I был крещен примерно в середине 960-х гг., а с середины 970-х начал выпуск собственных монет с изображением креста [11, с. 159].

Сейчас трудно сказать, какое обстоятельство повлияло больше на Владимира, но уже вскоре после установления идолопоклонничества он начал интересоваться религиями, господствовавшими в других регионах. Согласно «Повести временных лет», в 986 году Владимир встретился с представителями различных вероисповеданий.

Следует подчеркнуть, что даже в выборе религии Владимир наверняка опирался не только на свои личные предпочтения. Вполне вероятно, что он стремился найти то вероисповедание, которого помогло бы ему не только укрепить личный авторитет, но и найти поддержку у местных жителей. Именно поэтому он мог обращать внимание на историческое прошлое религии, ее соответствие

традициям, существовавшим к тому времени на Руси, а также материальное выражение (храмы, обрядность, представительность). Немаловажное значение придавалось и концептуальным догмам новой веры. Необходимо заметить, что все религии, которые рассматривал Владимир, являлись монотеистическими, признающими Единого Бога, а значит, и единого Его посланника на Земле, то есть правителя. Кроме того, все данные вероисповедания имели выражение в книжных источниках, основные догмы были записаны, а значит, могли быть легко усвоены, их было легко передавать от поколения к поколению.

Ну и разумеется, для Владимира это был не только вопрос престижа, но и политики. Неслучайно сразу после событий выбора религии в летописях идет рассказ о взятии Херсонеса и о «политической сделке», которую князь Руси заключает с правителем Византии. Он принимает христианство, берет в жены сестру Василия Анну и заключает мир, сохраняя Херсонес. Точной даты, правда, а также однозначного места крещения Владимира нет. Зато подробно описано в летописи крещение населения Руси: свержение языческого капища в столице, массовое крещение жителей Киева в Днепре, строительство храмов и т.п. [10, с. 383]. Таким образом, Владимир становится не только христианином, но «крестителем Руси», обернувшимся в истинную веру свое население и ставшим их защитником и авторитетом.

И с этого момента образ правителя в источниках кардинально меняется. Если ранее он изображается как жестокий, своенравный правитель, узурпатор престола, то после принятия христианства он выступает спасителем Руси, могущественным правителем народа. Разумеется, мы понимаем, что монахи, писавшие летописи, являлись христианами, и в их интересах было создать образ идеального христианского правителя, спасшего свою землю и свой народ от язычества. Кроме того, источники, которыми мы располагаем, являются не оригиналами, а более поздними компиляциями, возможно, подвергшимися определенным изменениям [12, с. 12–13]. Тем не менее нельзя не согласиться, что именно принятие христианства и крещение Руси стало показательным и важным событием в политике Владимира, позволившим ему повысить собственный авторитет и укрепить власть.

Абсолютно очевидны различия в обращении и написании имени и титула Владимира в источниках, относящихся к тому времени. Если до 988 года Владимир в большинстве случаев упоминается просто как «Владимир» или «князь», то после этого рубежа хронисты величают его «великим князем», «единственным», «святым». Таким образом, подчеркивался его особый статус и выражалось стремление подчеркнуть его роль в истории Руси для последующих поколений.

Дополнить картину может изучение иллюстраций Радзивилловской летописи, которая наглядно показывает изменившееся отношение к великому князю.

Еще до 988 г. он ничем не отличается от изображений своих предшественников. Одетый в княжескую шапку, Владимир сидит на «столице». Но он не находится выше по положению, чем его бояре или советники, он занимает примерно одинаковую с ними позицию на иллюстрации. Так, при принятии греческих послов, рассказывающих о своей вере, Владимир и вовсе заметно меньше их. Кроме того, само изображение князя схематично и повторяет очертания правителей предыдущего периода (рис. 1).

Рис. 1. Владимир и греки, рассказывающие о своей вере. Радзивилловская летопись.

Но после принятия Владимиром христианства изображение его как правителя заметно меняется. Он приобретает черты святого, его голову опоясывает золотистый ареол. Кроме того, авторы стараются подчеркнуть его авторитет, делая князя заметно выше своих спутников, а также показывая благоговение и уважение на лицах людей, смотрящих на него (рис. 2).

Рис. 2. Владимир основывает город Белгород. Радзивилловская летопись.

В то же время он, как истинный христианский, сакральный лидер, изображается не только в связи с политическими событиями, но и показывается вовлеченным в дела своего народа, являясь

настоящим его защитником. Так, он раздает милостыню или излечивает больных, строит храмы и т.п. [6, мин. 149, 150]. Это кардинально отличается от предыдущих иллюстраций, которые изображают князей в первую очередь как военных или политических лидеров в связи с дипломатическими переговорами, захватом престола или военными событиями.

Конечно, трудно сказать, насколько точно соответствовали представления летописцев воззрениям рядового населения периода правления Владимира. Но нельзя не согласиться, что подобные изображения хотя бы отчасти отражают возросший авторитет «нового, христианского» правителя по сравнению со «старым, язычником-узурпатором».

Разумеется, принятие христианства не явилось единственным механизмом, способствующим укреплению власти Владимира. Его внутренняя и внешняя политика также была направлена на концентрацию и удержание силы. Успешные военные походы прибавляли ему авторитета в глазах подданных, стабильное экономическое положение Руси в данный период времени не могло не сказаться на благоприятном окружении великого князя. И еще одной значимой, но скорее символической, попыткой легитимизировать свою власть Владимиром явился выпуск собственных монет, которые фактически не являлись предметом острой экономической необходимости, а, скорее, являлись вопросом престижа и авторитета. Так, на серебряных («сребреники») или золотых («златники») монетах, появившихся в период его правления, можно обнаружить портрет самого Владимира Святославовича с одной стороны и трезубец как символ правящей династии с другой, а также надпись в легенде: «Владимир на престоле, а это его серебро (золото)» (рис. 3).

Рис. 3. Сребреник Владимира Святославовича.

Отчеканенная по византийскому образцу монета являлась символическим отражением авторитета и суверенитета правителя, подчеркивающим его высокий статус и прочное положение в государстве. Примечательно и то, что изображен

Владимир в византийской императорской тоге, не просто как князь, но как император, базилевс. Этот момент является очень интересным с точки зрения вопроса самоидентификации Владимира, а также свидетельствует об авторитете византийской традиции среди правителей Руси.

Заключение. Таким образом, Владимир Святославович, или Владимир Великий, прошел долгий путь от узурпатора и «сына рабыни» к сильному и могущественному правителю, «крестителю Руси». Несомненно, условия для его правления были благоприятными: Русь переживала период относительной стабильности, что не могло не сказаться на успехе политики Владимира. Тем не менее великий князь использовал всевозможные способы для упрочения и поддержания своей власти и ее авторитета. От письменного и, наверняка, устного оправдания захвата престола, представления событий 980 года и последующего периода как спасения Руси и ее народа до продуманной религиозной стратегии, выраженной в принятии христианства, обозначении себя единственным посланником Бога на земле. Естественно, что определенную роль сыграли здесь и личные качества Владимира: харизма, убеждающая сторонников и противников режима в его правоте и мудрости; способности военного вождя и достаточно мудрого политика, позволившие ему войти в историю и стать одним из самых известных, пусть и неоднозначных, правителей Древней Руси.

Образ Владимира как богоизбранного монарха влиял на идею сакральности правителей на белорусских землях. Особенно показателен в этом отношении панегирик Владимиру в летописце русских князей. Кроме того, прослеживается апелляция к Владимиру и в церковном праве Великого княжества Литовского. Так, образ Владимира как идеального руководителя, избранного Богом на престолонаследие, был перенесен позднее на Витовта — одного из могущественнейших правителей раннего этапа существования ВКЛ. Это характерно и для структуры «Похвалы Ви-

товту», созданной в белорусско-литовском летописании и демонстрирующей преемственность древнерусской традиции сакрализации власти литовских монархов.

Литература

1. Классен, Х.Дж.М. Было ли неизбежным появление государства? / Х.Дж.М. Классен // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. — Волгоград: Учитель, 2006. — С. 71–84.
2. Вебер, М. О цивилизационных основаниях власти / М. Вебер // Ерасов, В.Б. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / В.Б. Ерасов. — М.: Аспект-Пресс, 1998. — 556 с.
3. Kurtz, D.V. Political Power and Government: Negating the Anthropomorphized State / D.V. Kurtz // Social Evolution and History. — 2006. — Vol. 5, № 2. — P. 91–111.
4. Bernhardt, J.W. Itinerant kingship and royal monasteries in early medieval Germany (936–1075) / J.W. Bernhardt. — New York: Cambridge University Press, 1993. — 378 p.
5. Дюби, Ж. Европа в средние века / Ж. Дюби. — Смоленск: ТОО «Полиграмма»; Минск: ООО «Алфавит», 1994. — 319 с.
6. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38 / Академия наук СССР, Институт истории. — М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962; Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. — 177 с.
7. Korpella, J. Prince, Saint and Apostle. Prince Vladimir Svjatoslavic of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power / J. Korpella. — Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. — 267 p.
8. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. — Т. 1: (XI–XII вв.). — СПб.: Наука, 2000. — С. 316–327.
9. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. — 296 с.
10. Shepard, J. Rus' / J. Shepard // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — P. 369–417.
11. Franklin, S. The Emergence of Rus 750–1200 / S. Franklin, J. Shepard. — London: Longman, 1996. — P. 139–180.
12. Косман, М. 3 гісторії і культури ВКЛ / М. Косман; уклад. Г. Сагановіча, пер. з пол. мови С. Ішчанкі. — Мінск: Медысонт, 2010. — 448 с.

Поступила в редакцию 20.04.2018 г.

УДК 069:7.036(476.5-25)«1918–1922»

Витебский музей современного искусства в полемике и практике художественных течений 1918–1922 гг.

Шишанов В.А.

Учреждение культуры «Витебский областной краеведческий музей», Витебск

XX век изменил отношение к музею как хранилищу древностей, «законсервированному» прошлому. Динамика развития общества потребовала осмысления происходящего, а не только ушедшего. И в этом процессе музеи современного искусства стали важнейшими элементами самоосознания культуры, воплощением новейших достижений строительных и художественных технологий.

Цель исследования — проследить влияние на процесс создания Витебского музея современного искусства полемики и практики приверженцев различных течений в изобразительном искусстве.

***Материал и методы.** Работа выполнена на основе материалов периодической печати 1918–1920-х годов, документов Отдела рукописей Государственного Русского музея (Санкт-Петербург), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (Москва), Российского государственного архива литературы и искусства (Москва). При этом использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические (сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический) методы исследования, а также описательный.*

***Результаты и их обсуждение.** Организация художественных музеев приобрела в послереволюционной России на протяжении 1919–1920 гг. широкий размах. Создание Музея современного искусства стало одним из проявлений процесса, получившего название «витебский ренессанс», сделавшего Витебск одним из признанных центров авангарда начала XX века. К формированию и судьбе коллекции причастны знаковые фигуры в мире искусства — М. Шагал и К. Малевич.*

Несмотря на то, что Шагал относил себя к «левым» художникам, первоначально его программа формирования коллекции музея не выходила за рамки «истории русского искусства» и «художественных предметов местной старины». Весной 1920 г. тенденция создания самостоятельного музея современного искусства усиливается, что, вероятно, было связано с деятельностью Уновиса. В практике Уновиса витебская коллекция стала использоваться активно. Учащиеся изучали и копировали работы мастеров авангарда, выставляли их во время лекций и митингов. Значительную роль в основании музея и сохранении коллекции сыграл А.Г. Ромм, который, отмечая качество собранной коллекции, терпимо относился к различным направлениям, в чем проявился его «академический» подход в образовании музея. Занявший в августе 1922 г. должность ректора Витебского художественно-практического института И.Т. Гаврис предпринял последнюю попытку создания музея. В сентябре-октябре 1925 г. остатки коллекции были переданы в фонды Витебского отделения Белорусского государственного музея.

***Заключение.** Замысел создания Музея современного искусства в Витебске во многом так и остался не реализованным. Сформированная коллекция не получила необходимых административных атрибутов: помещения, штата сотрудников. Само существование ее было недолгим (август 1919 — февраль 1925 г.), что выявило слабость культурных кругов, сознававших важность начинания, и незаинтересованность властных структур.*

***Ключевые слова:** Музей современного искусства, Витебск, русский авангард, К. Малевич, М. Шагал.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 111–119)

Vitebsk Museum of Contemporary Art in the Polemics and Practice of the Artistic Movements of 1918–1922

Shishanov V.A.

Cultural Institution «Vitebsk Regional Museum of Local Lore», Vitebsk

The twentieth century changed the attitude towards the museum as a repository of antiquities, a «preserved» past. The dynamics of the development of society demanded a comprehension of what is happening, but not what departed. In this process, museums of contemporary art have become the most important elements of self-awareness of culture, the embodiment of the latest achievements of building and artistic technologies.

Адрес для корреспонденции: e-mail: valshish2010@mail.ru — В.А. Шишанов

The aim of the research is to trace the influence of controversy and practice of adherents of various trends in the visual arts on the process of the creation of Vitebsk Museum of Contemporary Art.

Material and methods. *The work is based on the materials of the periodical press of 1918–1920, the documents of the Department of Manuscripts of the State Russian Museum (St. Petersburg), the Department of Written Sources of the State Historical Museum (Moscow), the Russian State Archive of Literature and Art (Moscow). The article used both general scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization), as well as special historical methods of research (comparative-historical, historical-genetic, historical-typological), as well as the descriptive method.*

Findings and their discussion. *The creation of art museums acquired in post-revolutionary Russia during 1919–1920 a wide swing. The creation of the Museum of Contemporary Art became one of the manifestations of the process called «Vitebsk Renaissance» and made Vitebsk one of the recognized avant-garde centers of the early 20th century. The outstanding figures in the world of art – M. Chagall and K. Malevich participated in setting up and the fate of the collection.*

Despite the fact that Chagall attributed himself to the «left» artists, initially his program for the formation of the collection of the art museum did not go beyond the «history of Russian art» and «art objects of local antiquity». In the spring of 1920, the trend of creating an independent museum of contemporary art intensified, which probably was due to the activities of Unovis. In the practice of Unovis, the Vitebsk collection was actively used. The students studied and copied the works of the avant-garde masters, exhibited them during lectures and rallies. A significant role in the creation of the museum and the preservation of the collection was played by A. Romm, who, noting the quality of the collection gathered in Vitebsk, tolerated different directions, in which his «academic» approach to the creation of the museum manifested itself. I.T. Gavris, who became Rector of Vitebsk Art and Practical Institute in August 1922, made his last attempt to create a museum. In September – October 1925 the remains of the collection were transferred to the funds of the Vitebsk Branch of the Belarusian State Museum.

Conclusion. *The idea of creating the Museum of Contemporary Art in Vitebsk to a great extent remained unimplemented. The accumulated collection did not receive the necessary administrative attributes (premises, staff). The very existence of it was short-term (August 1919 – February 1925), which revealed the weakness of cultural circles, aware of the importance of the undertaking, and disinterestedness of the power structures.*

The concept of the Museum and the principles of its replenishment were also not strictly delineated. Thus, the name given in the title, although widely disseminated in the works of the researchers, is still largely conditional. It reflects the direction of the created museum, not being, in fact, the name of the institution. In understanding the functions of the Museum differences between supporters of the classical approach and futuristic nihilistic one appeared.

Key words: *Museum of Contemporary Art, Vitebsk, Russian Avant-Garde, K. Malevich, M. Chagall.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 111–119)

Двадцатый век изменил отношение к музею как хранилищу древностей, «законсервированному» прошлому. Динамика развития общества потребовала осмысления происходящего, а не только ушедшего. И в этом процессе музеи современного искусства стали важнейшими элементами самоосознания культуры, воплощением новейших достижений строительных и художественных технологий.

В обозначенном контексте Музей современного искусства в Витебске, казалось бы, незначительный объект в пространстве борьбы новаторских идей и взглядов художественной жизни начала века. Тем не менее история музея – не только эпизод в реализации программы организации подобных провинциальных музеев в послереволюционной России. Создание музея стало одним из проявлений процесса, получившего название «витебский ренессанс», сделавшего Витебск одним из признанных центров авангарда.

Это определило неослабевающий интерес к музею со стороны ученых, внимание которых привлекает история создания музея, формирование и судьба коллекции [1; 2; 3, с. 158–161; 4]. Но, несмотря на значительное число публикаций, малоисследованным остается влияние различ-

ных тенденций в подходах к организации музея. Отчасти эта тема получила отражение в статье Л.В. Хмельницкой, которая попыталась проанализировать эволюцию «шагаловской идеи» музея [5].

Цель исследования – проследить влияние на процесс создания музея полемики и практики приверженцев различных течений в изобразительном искусстве.

Материал и методы. Работа выполнена на основе материалов периодической печати 1918–1920-х годов, документов Отдела рукописей Государственного Русского музея (Санкт-Петербург), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (Москва), Российского государственного архива литературы и искусства (Москва).

Методологической основой являются научные принципы историзма, достоверности и объективности. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические (сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический) методы исследования, а также описательный.

Результаты и их обсуждение. Русский авангард до 1917 г. не успел приобрести состоятельных поклонников, способных создать коллекции

музейного уровня, но и у него были почитатели. Определенные шаги в этом направлении предпринимались объединением «Союз молодежи» и его председателем и меценатом Л.И. Жевержеевым, коллекция которого могла стать ядром будущего музея.

Замыслы «Союза молодежи» не назовешь новаторскими. Схема организации музея вполне традиционна — на основе собранных экспонатов показать эволюцию искусства. Изменяется только вектор приложения сил — музей должен пополняться произведениями «новейшей живописи», несмотря на степень признания авторов, для того, чтобы сохранить их для будущего¹.

В условиях официального неприятия искусства «левых» создание музея современного искусства на государственном уровне представлялось утопией, но в первые годы после Октябрьской революции появилась возможность ее осуществления.

Организация художественных музеев приобрела в послереволюционной России на протяжении 1919–1920 гг. широкий размах.

В это же время разгораются жаркие споры о принципах построения новых музеев и, прежде всего, Музея художественной культуры (МХК) в Петрограде и Музея живописной культуры (МЖК) в Москве. В дискуссиях и организационной работе участвовали ведущие фигуры русского авангарда — Татлин, Малевич, Кандинский, Родченко, Пунин, Штеренберг, Древин и многие другие [6, с. 218–259].

До революции в Витебске не существовало государственных музеев. Музейное дело развивалось главным образом благодаря усилиям местных краеведов и коллекционеров. Создаваемые во второй половине XIX — начале XX века музеи имели историческую направленность, где изобразительное искусство было представлено иконописью, пейзажами, портретами, предметами декоративно-прикладного искусства².

Город, ставший родиной или этапом в жизни многих ярких представителей искусства XX века, оставался в стороне от бушевавших в столицах споров о новом искусстве. Почитателям искус-

ства приходилось довольствоваться лишь редкими выставками произведений из частных собраний и выставками местных художников.

Но через год после Октябрьской революции — и не без усилий Марка Шагала — все изменилось. Вернувшийся в Витебск из Петрограда в ноябре 1917 г. художник недолго оставался равнодушным к открывавшимся, как тогда казалось, широким возможностям преобразования культурной жизни города. 23 августа 1918 г. витебские «Известия» сообщили: «Секция искусств Отд<ела> Нар<одного> Обр<азования> рассматривает проект организации в Витебске художественной школы, представленный художником М. Шагалом. Проект этот уже в Комиссариате Нар<одного> Просв<ещения> и получил принципиальное одобрение т. Луначарского. Согласно проекту, школа ставит своею целью художественное воспитание путем изучения в теории и на практике живописи, скульптуры и прикладных искусств»³.

Машинопись докладной записки Марка Шагала сохранилась в ОР ГРМ в фонде А.Н. Бенуа [7]. Доказывая необходимость создания художественного училища как «исключительно революционного и подлинно художественного гнезда» в провинции, свободного от «косности и рутины» ранее существовавших училищ, художник считает важным организацию «городского художественного музея». Предполагалось, что музей временно будет находиться в одном помещении с училищем и будет служить «как для учащихся показателем художественности, так и вообще знакомить город в том или ином порядке с Историей Русского Искусства».

Для формирования коллекции предполагалось «предложить» столичным отделам искусств, художественным обществам и организациям выслать в Витебск «определенное количество истинно-художественных картин, скульптур и других ценных в смысле историчности произведений искусств». Планировалось, что на месте также будет производиться ежегодная закупка «художественных предметов местной старины, носящих не только художественный характер, но и характеризующих этнографические и характерные местные условия жизни города и всего западного края».

Еще один предлагаемый источник пополнения коллекции по существу являлся реквизицией: «В Витебске и во всей губернии необходимо обратиться с настойчивым предложением — передать ценные предметы искусства в городской художе-

¹ Школьник, И. Музей современной русской живописи / И. Школьник // Общество художников «Союз молодежи». — 1912. — № 1. — Апрель. — С. 20.

² В 1868 г. предпринимается первая попытка создания музея при Витебском губернском статистическом комитете. В середине 1880-х гг. В.П. Федоровичем открыт частный Музей древностей. По инициативе историков-краеведов Е.Р. Романова и А.П. Сапунова в 1893 г. создается Витебское церковно-археологическое древлехранилище. В 1910 г. образовался музей при Витебской ученой архивной комиссии. В 1915 г. из Вильно в Витебск вывез часть собрания своего частного музея А.Р. Бродовский.

³ Художественная школа // Изв. Витеб. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. — 1918. — № 178. — 23 авг. — С. 4.

ственный Музей, а не прятать их в частных квартирах и особняках, или продавать их в каких-то аукционных залах».

Как можно заключить, несмотря на то, что Шагал относил себя к «левым» художникам и не был чужд революционной фразеологии, первоначально его программа формирования коллекции художественного музея не выходила за рамки «истории русского искусства» и «художественных предметов местной старины».

Постановлением Коллегии по делам искусств и художественной промышленности при Комиссариате народного просвещения от 12 сентября 1918 г. Шагал был назначен уполномоченным коллегии в Витебской губернии с предоставлением ему широких полномочий по «организации художественных школ, музеев, выставок, лекций».

8 октября в «Витебском листке» появилось сообщение о передаче под художественное училище и городской музей особняка банкира И.В. Вишняка и приглашении на место хранителя музея художника А.Ф. Гауша⁴.

Через три дня публикуется постановление подотдела изобразительных искусств при губоно о немедленной и обязательной регистрации в подотделе, взятии под охрану на местах «всех произведений искусства» и «сосредоточении их в государственных хранилищах и в первую очередь в организуемом Витебском губернском музее при Народном художественном училище». Действия оправдывались «выселением буржуазии», «бегством имущих классов», бросающих произведения искусства на произвол судьбы⁵.

Показательна фраза об организации «губернского музея» при «художественном училище». Как музей, так и училище находились в стадии создания и территориально и вскоре разделились. Училище разместилось в доме И. Вишняка, а музей – в здании бывшей Духовной семинарии, где был открыт для посещения с июня 1919 г. Основой его стало собрание А.Р. Бродовского, который передал свои коллекции в распоряжение губоно и был назначен директором музея.

Однако статус планируемой коллекции произведений современного искусства по-прежнему был не определен.

В документах и прессе можно обнаружить противоречивые сведения. Так, 14 ноября 1918 г. петроградская газета «Жизнь искусства» сообщала, что в Витебске «орга-

низуется музей русского искусства под руководством художника Шагала»⁶, 21 ноября – что «приступлено к организации музея современного искусства»⁷.

6 февраля 1919 г. в статье «Революционному народу – революционное искусство» в витебских «Известиях» писалось о том, что утвержден доклад об организации Губернского народного музея, в художественный отдел которого войдут «произведения старых и современных мастеров»⁸.

5 марта 1919 г. в «Витебском листке» появилась информация об утверждении Коллегией по делам искусства и художественной промышленности Наркомпроса доклада М. Шагала «об организации в Витебске губерн<ского> художественного музея» и отпуске центром 60 тысяч рублей на приобретение для него картин местных художников⁹.

Тем не менее в «Плане деятельности подотдела изобразительных искусств», опубликованном в журнале «Революционное искусство» в конце марта 1919 г., сообщается о планируемом художественном отделе в Витебском губернском музее, который «должен состояться»:

1) «из ряда работ старых мастеров русской школы до “Мира Искусств”»;

2) «Музея современного искусства, куда должны войти наиболее характерные представители русского искусства от “Мира Искусств” до последних течений. Пополняться Музей современного искусства будет как покупкой картин на выставках, так и из мастерских художников. В состав Музея современного искусства должны войти работы художников Западного края, приобретаемые на местных выставках»¹⁰.

Некоторые усилия к организации «музея искусств» были предприняты и первым директором художественного училища Мстиславом Добужинским, который уделил много внимания проблемам музейной работы в своем докладе на заседании Коллегии по делам искусства 27 февраля 1919 г.:

⁶ Музей Русского искусства в Витебске // Жизнь искусства. – 1918. – № 13. – 14 нояб. – С. 4.

⁷ Музей современного искусства в Костроме // Жизнь искусства. – 1918. – № 19. – 21 нояб. – С. 5.

⁸ Революционному народу – революционное искусство // Изв. Витеб. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 28. – 6 февр. – С. 3.

⁹ Губерн<ский> музей // Витебский листок. – 1919. – № 1147. – 5 марта. – С. 4; Картины местных художников // Витебский листок. – 1919. – № 1147. – 5 марта. – С. 4.

¹⁰ План деятельности подотдела изобразительных искусств губ. отдела народного образования // Революционное искусство. – 1919. – № 1. – С. 9–10.

⁴ К открытию худож. училища // Витебский листок. – 1918. – № 1000. – 8 окт. – С. 3. Приезд А.Ф. Гауша не состоялся.

⁵ От подотдела искусств // Изв. Витеб. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1918. – № 219. – 11 окт. – С. 2.

«Добужинский. Затем, относительно сметы по приобретению картин.

Председатель [Д. П. Штеренберг]. Вам отпущена определенная сумма на приобретение картин живого творчества.

Добужинский. Да, у нас намечается отдел иконный (читает). Предположительно на 100 икон 25 тыс. (читает).

Председатель. Вы думаете, что достанете?

Добужинский. Это наше пожелание. Относительно произведений современного творчества, то мы перечислили художников, у которых предполагаем приобрести, но, вероятно, список этот неполный, надо пополнить. Я скажу только о той части нашей деятельности, которая имеет целью охрану памятников...

Председатель. Вы можете с этим обратиться непосредственно в Зимний дворец¹¹, чтобы вас ассигновали» [8].

Упомянутый М.В. Добужинским список художников не выявлен, но недавно нами было обнаружено обращение внешкольного подотдела губоно в музейный отдел Наркомпроса от 30 июня 1919 г., подписанное также А.Г. Роммом, занимавшим в то время должность губернского уполномоченного по делам искусств. Как сообщалось в документе, в Витебске уже подготовлено помещение для музея, открыто «археологическое отделение» и музейная секция приступила к подготовке «художественного отделения», для которого приобретены «несколько картин местных художников: М. Шагала, Пэна и друг.

Однако просители отметили, что путем самостоятельных закупок осуществить создание художественного отдела будет невозможно, и далее изложили предполагаемый состав отдела из «трех главных отделений», наполнение которых планировалось за счет поступлений из центра:

«I. Западноевропейской живописи. Для этого отделения крайне желательно получить хотя бы небольшое количество произведений старинных мастеров, ввиду полного отсутствия в крае знакомства с образцами старинной европейской живописи.

II. Русской живописи и иконописи до эпохи передвижничества (не менее 20 икон и 10 картин).

III. Современной русской живописи и скульптуры (не менее 50 произведений). Преимущественно из числа следующих мастеров: Серова, Левитана, Борисова-Мусатова, Коровина, Рябушкина, Н. Крымова, Юона, Кардовского, Билибина, Лансере, Сомова, Чехонина, Гауша, Головина, Петрова-Водкина, Сарьяна, Уткина, П. Кузнецова,

Судейкина, Сапунова, Кончаловского, Рождественского, Фалька, Пуни, Гончаровой, Ларионова, Коненкова, Голубкиной, Матвеева, Рауша, Карева, Альтмана, Ле-Дантю, Куприна, Малевича, Татлина, Розановой, Экстер, Моргунова, Шагала, Россине и других» [9, л. 40 и об.].

Отметим, что среди авторов этого обращения не было приверженцев «левого» искусства и этим можно объяснить включение первых двух отделений, но тем не менее спектр перечисленных современных мастеров был весьма широк.

Однако только в июне 1919 г. при отделе ИЗО Наркомпроса была создана музейная комиссия, которая возобновила закупки работ современных художников для Государственного художественного фонда и начала работу по распределению произведений по музеям. По витебской заявке инструктором художественной секции внешкольного подотдела А.М. Бразером 14 августа было принято 29 работ 12 художников [4, с. 14, 87–88].

В витебской прессе сообщалось об этом следующее: «По ходатайству губ. уполномоченного по делам искусств А. Ромма музейным фондом отдела изобразительных искусств Наркомпроса предоставлено безвозмездно для Витеб. губ. музея 30 картин современных русских мастеров: Кончаловского, Лентулова, Фалька, Розановой, Ле-Дантю, П. Кузнецова, Рождественского, Экстер, Шевченко, Малевича и других. Закупочной комиссией губотдела просвещения приобретены для музея: 2 картины и рисунок Марка Шагала, «Автопортрет» и «Старуха» Ю.М. Пэна, пейзажи Н. Альтмана, Д. Бурлюка и А. Ромма, рисунок натурщицы К. Сомова и графические работы А. Бразера и С. Юдовина»¹².

При формировании коллекций для провинциальных музеев Музейная комиссия отдела ИЗО Наркомпроса руководствовалась двумя принципами: 1) «по принципу живописной культуры» («Музей живописной культуры имеет своей целью представить этапы чисто живописных достижений, живописных методов и средств во всем их объеме, насколько они выразились в живописи всех времен и народов»); 2) «по принципу исторического развития искусства» («При организации музеев по II принципу комиссия, по мере возможности, старалась представить все художественные течения в возможно полном объеме, а также считалась с запросами каждой провинции») [8, ф. 665, оп. 1, д. 25, л. 50].

«Музеи по принципу культуры» организовывались лишь в тех городах, где уже были созданы Го-

¹¹ Имеется в виду Петроградская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса (председатель Г.С. Ятманов).

¹² Организация музея современного искусства // Изв. Витеб. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. — 1919. — № 188. — 23 авг. — С. 4.

сударственные свободные художественные мастерские, и Витебск попадал именно в эту категорию.

В своем исследовании Л. Хмельницкая пытается найти в ситуации вокруг музея в Витебске отзвуки противостояния между музейными деятелями и художниками [5, с. 110]. Оно, в частности, выразилось в выступлениях на коллегии по делам искусства и художественной промышленности 14 января 1919 г.: О.М. Брик: «Необходимо разрушить обожествление единичных художественных произведений. Музеи должны быть организованы так, чтобы можно было пользоваться картинами, как книгами в публичной библиотеке»; Н.Н. Пунин: «Не обновлять музеи следует, их следует до конца убить, сделать их только хранилищем ряда наглядных пособий при научном изучении истории искусств»¹³.

На наш взгляд, нет достаточных оснований относить М. Добужинского к сторонникам «музейщиков» и превращать М. Шагала в его оппонента из лагеря «художников». Ни Добужинский, ни Шагал не обозначили четко своей позиции в отношении комплектования и концепции витебского музея. Скорее и тот и другой пытались найти любые пути для пополнения его фондов. И для этого Государственный музейный фонд отдела ИЗО Наркомпроса предоставлял больше возможностей, поскольку в отличие от музейного отдела распределял произведения «живых» художников.

В конце декабря 1919 г. Шагал предпринимает вторую попытку, обращаясь уже и в музейный отдел и в отдел ИЗО. Автограф художника с обращением в музейный отдел был выявлен недавно, и он несколько отличается от ранее опубликованного текста письма в отдел ИЗО [4, с. 90]: «Ввиду организации в Витебске губернского музея прошу Музейный отдел об отпуске серий произведений иск<усства> для означенного музея.

Ввиду существования в Витебске и уездных городах художествен<ых> школ, учащимся коих необходимы образцы иск<усства>, а также в целях просвещения масс организация в Витебске музея крайне необходима.

В музее в настоящее время живописи, кроме десятка картин, присланных случайно Отд<ела> из<образительного> иск<усства>, нет. Имеется лишь коллекция предметов старины (гр. Бродовского – из Вильны)» [9, л. 38 и об.].

Текст дописан на машинописном «Списке художников, произведения которых желательно иметь в Витебском губмузее», который не отличается от ранее известного [4, с. 90–92], и в него в отличие

¹³ В коллегии по делам искусства и художественной промышленности // Искусство коммуны. – 1919. – № 8. – 19 янв. – С. 4.

от «списка Ромма» вошли фамилии 37 авторов «после “Мира искусства”», разделенные по объединениям: «Мир искусства», «Союз русских художников», «“Бубновый валет” и современники».

Отметим, что опять-таки говорится о пополнении «губмузея».

Но весной 1920 г. тенденция создания самостоятельного музея современного искусства усиливается, что, вероятно, было связано с деятельностью Уновиса. С 27 февраля по 2 марта 1920 г. на заседаниях комиссии в составе В. Ермолаевой, Л. Лисицкого, К. Малевича, Н. Коган был выработан проект организации в Витебске «Совета утверждения новых форм искусства» при Витгубоно, в плане работы которого значилось «1) Музей новой живописи; 2) Музей нового приклада»¹⁴. 2 апреля Марк Шагал упоминает о «музее современного искусства» и присылке картин непосредственно «секции изо» в письме П.Д. Эттингеру [10, с. 194].

В апреле в витебской прессе выходит ряд публикаций, в которых вновь появляются названия «Музей современного искусства» и «Губернский художественный музей» как названия самостоятельного учреждения¹⁵. Речь идет о приобретении картин местных художников для музея¹⁶ и создания для этого комиссии в составе М. Шагала, К. Малевича, В. Ермолаевой и «представителей от комиссии по охране памятников старины и от госконтроля»¹⁷.

23 мая витебские «Известия» сообщили о получении новой партии картин: «Т. Шагалом привезена из Москвы коллекция из 26 картин современных русских художников для Витебского губ. художественного музея. Коллекция содержит картины следующих художников: Гончаровой, Ларионова, Машкова, Коровина, Альтмана, Крымова и др. По развеске их будет устроена выставка»¹⁸. Однако в начале июня Шагал навсегда покидает Витебск.

Между тем в прессе муссируется вопрос об устройстве выставки полученных картин в зда-

¹⁴ Доклад собранию художников гор. Витебска об организации Совета утверждения новых форм искусства при Витебском губернском отделе народного образования // Уновис № 1 (Факсимильное издание). – 1920. – С. 48–49.

¹⁵ Приобретение картин местных художников для Губ. худ. музея // Изв. Витгубревкома и Губкома РКП. – 1920. – № 84. – 20 апр. – С. 4.

¹⁶ Музей современного искусства // Изв. Витгубревкома и Губкома РКП. – 1920. – № 73. – 3 апр. – С. 2.

¹⁷ Организация музея современного искусства // Изв. Витгубревкома и Губкома РКП. – 1920. – № 78. – 9 апр. – С. 2.

¹⁸ Художественная хроника // Изв. Витгубревкома и Губкома РКП. – 1920. – № 112. – 23 мая. – С. 4.

нии художественного училища и отсутствии помещения для музея¹⁹ и, наконец, появляется сообщение: «В воскресенье 18 июля в 7 ч. вечера состоится открытие выставки картин, приобретенных для музея современ<ного> иск<усства>. Состоится свободная дискуссия на тему “Современное искусство”. Начало дискуссии в 9 час. вечера»²⁰.

Но период с 18 июля до начала сентября является тем небольшим временным отрезком, который дает зыбкие основания говорить о существовании Музея современного искусства. Далее, как сообщает А. Ромм, «музей был свернут, ибо помещение должно было быть использовано для открытия новой живописной мастерской»²¹.

В отличие от А.Г. Ромма, который много усилий приложил для поиска помещения под Музей современного искусства [4, с. 21–24], Казимир Малевич в соответствии с доктриной «левых» больше беспокоился о сохранности произведений. В письме А.В. Луначарскому он так описывал ситуацию в Витебске: «Ввиду варварского отношения Современной культуры с произведениями Нового искусства, в том числе и моими работами, которые находятся в одинаковом почете как [в] центре, так и в провинции, напр<имер>, в Витебске я нашел работы художников свалены вместе со всевозможным хламом в незавидной комнате, представляющей мусорный ящик, но не музей, между тем в Витебске есть небольшой музей, в котором хранятся маски Наполеона, Пушкина и несколько киргизских ожерельев, перстней и обеденная посуда, сушеная тыква для воды, в чем представители местной власти еще видят некоторую ценность <...>» [11, с. 149–150].

Отметим, что в 1918–1919 гг. К. Малевич, являясь заведующим отделом художественно-строительного подотдела и заведующим музейной секции Московского отдела ИЗО Наркомпроса, активно занимался вопросами создания Музея современного искусства.

В своих выступлениях в прессе Казимир Северинович неоднократно крайне нигилистически высказывался в отношении традиционных музеев

и наследия прошлого: «Устройство Современного Музея есть собрание проектов современности, и только те проекты, которые смогут быть применены к остову жизни или в которых возникнет остов новых форм ее, — могут быть хранимы для времени»²².

В Витебске Малевич почти никак не проявил себя в области музейного строительства, но, после того как покинул город, принимал меры к вывозу работ современных художников для пополнения Музея художественной культуры в Ленинграде [4, с. 30–39].

Но именно в практике Уновиса витебская коллекция стала активно использоваться. Учащиеся изучали и копировали работы мастеров авангарда, выставляли их во время лекций и митингов. В дневниковых записях Л.А. Юдина за 1921–1922 гг. находим упоминания о произведениях К. Малевича («Клюн и Корова на скрипке»), О. Розановой («Дети рисовали вещи Розановой, Паина, натюрморт и вазоны с цветами»), М. Ле-Дантю («Развесил картины: одну стенку очень удачно. Вещи удивительно выиграли. Особенно в Ле-Дантю открылось много нового и живого»). Описывает Юдин и негодование Малевича, вызванное небрежным отношением к работам: «[25 февраля 1922 г.] Митинг сошел хорошо. Будем продолжать и действовать в том же направлении. Сегодня страшно досталось за то, что вещи не повесили на место. (Вполне заслуженно)» [12, л. 9, 60, 62, 68].

В мае 1921 г. в своей статье в витебском журнале «Искусство» А.Г. Ромм в очередной раз пытался привлечь внимание к положению музея и изложил общие принципы построения музеев живописной культуры. Он подчеркивал, что развитие искусства XX века определило «повышенный интерес к самой конструкции произведения, техническим приемам и методам, вызывающим его к жизни как явление эстетического порядка», и создание музеев живописной культуры призвано «выявлять, прежде всего, разнородные методы и приемы живописного творчества», причем, не только в картинах художников, но «и во всяком живописном произведении, поучительном по своим цветовым или фактурным достижениям, как то разнородные худ<ожественные> промышленные росписи, иконы и пр.». Им были высказаны критические замечания в адрес московского МЖК, который «пока производит впечатление обычной выставки».

¹⁹ Открытие художественного музея // Изв. Витгубревкома и Губкома РКП. — 1920. — № 123. — 6 июня. — С. 4; Художественная жизнь // Изв. Витгубревкома и Губкома РКП. — 1920. — № 126. — 10 июня. — С. 4; Музей современного искусства // Изв. Витгубревкома и Губкома РКП. — 1920. — № 157. — 15 июля. — С. 4.

²⁰ [Извещения] // Изв. Витгубревкома и Губкома РКП. — 1920. — № 158. — 16 июля. — С. 4.

²¹ Ромм, А. О Витебском музее современного искусства / А. Ромм // Изв. Витгубисполкома и губкома РКП(б). — 1921. — № 108. — 17 мая. — С. 4.

²² Малевич, К.С. О музее / К.С. Малевич // Искусство коммуны. — 1919. — № 12. — 23 февр. — С. 2.

Сознавал Ромм и ограниченность возможностей провинциальных музеев, но при этом считал, «что при умелом подборе их, эти музеи, бесспорно, могут сыграть видную роль в пробуждении внимания к живописи вообще и ознакомлении с основными течениями современного искусства».

В то же время Александр Георгиевич, отмечая качество собранной в Витебске коллекции, терпимо относится к различным направлениям, в чем проявляется его «академический» подход: «В настоящее время в музее имеется 120 произведений. В музее представлены все основные течения современной живописи от академического реализма и импрессионизма до супрематизма. Почти все современные мастера представлены в музее и притом вещами достаточно серьезными и характерными для их творчества»²³.

К концу 1921 г. в культурной жизни Витебска уже со всей определенностью наметился спад. Причиной тому был не только отъезд видных фигур и талантливой молодежи, обусловивших столь яркий всплеск, но и обстоятельства, связанные с нэпом.

Учреждения культуры с переходом от государственного распределения к хозрасчету и жесткой финансовой политике оказались в очень трудном положении.

Занявший в августе 1922 г. должность ректора Витебского художественно-практического института И.Т. Гаврис предпринимает последнюю попытку сохранения коллекции и создания музея. В статье «Музей живописной культуры» он излагает свою программу, которая не отличается новаторством: «Музей будет открыт в первых числах сентября в особом помещении художественно-практического института на средства последнего.

В нем достаточно полно будет освещен период революционных исканий в русской живописи, сменивший собою дни передвижничества. Выставлены будут около 70 полотен лучших русских художников и премированные работы студентов института.

Музей открывается главным образом для обслуживания института как художественного учебного заведения, а также и для посещения частной публики и экскурсантами.

Ввиду отсутствия средств для приобретения большого количества художественных произведений музей пока будет пополняться добровольными пожертвованиями.

Осуществляется заветная мечта, хотя и

в меньшем масштабе, план создания ИЗО губернообразца, который давно скончался от эпидемии «сокращения», оставив институту ценное наследство для музея»²⁴.

Благим намерениям не суждено было осуществиться. В сентябре-октябре 1925 г. остатки коллекции (32 произведения) были переданы в фонды Витебского отделения Белорусского государственного музея [4, с. 39–50].

Заключение. Замысел создания Музея современного искусства в Витебске во многом так и остался не реализованным.

Сформированная коллекция не получила необходимых административных атрибутов: помещения, штата сотрудников. Само существование ее было недолгим – с момента поступления первых экспонатов до утраты самостоятельности прошло менее 6 лет (август 1919 – февраль 1925 г.), что выявило слабость культурных кругов, создававших важность начинания, и незаинтересованность властных структур.

Концепция музея и принципы его пополнения также не были строго очерчены. Отсюда и простота названий музея в документах и прессе.

Таким образом, вынесенное в заголовок наименование хотя и получило распространение в работах исследователей, все же в значительной степени условно. Оно отражает направленность создававшегося музея, не являясь, по сути, названием учреждения. В понимании функций музея обнаружились различия между сторонниками классического подхода и футуристически-нигилистического.

В то же время события, связанные с Музеем современного искусства, стали ярким проявлением художественной практики и полемики между различными направлениями в искусстве и музейном строительстве в период «витебского ренессанса».

Сокращения

губоно – губернский отдел народного образования;
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва);
ОР ГРМ – Отдел рукописей Государственного Русского музея (Санкт-Петербург);
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург);
Отдел ИЗО Наркомпроса – Отдел изобразительных искусств Народного комиссариата просвещения;
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

²³ Ромм, А. О музейном строительстве и витебском музее современного искусства / А.Г. Ромм // Искусство. – 1921. – № 2–3. – Апр.-май. – С. 6–7.

²⁴ Гаврис, И. Музей живописной культуры / И. Гаврис // Изв. Витгубревкома и губкома РКП. – 1922. – № 198. – 31 авг. – С. 3.

Литература

1. Исаков, Г.П. Из истории коллекции Витебского музея современного искусства (1919–1941 гг.) / Г.П. Исаков // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. — 2001. — № 1. — С. 53–58.
2. Михневич, Л.В. История витебского Музея современного (левого) искусства / Л.В. Михневич // Мастацкі музей у кантэксце нацыянальнай культуры на мяжы тысячагоддзяў. Стан. Праблемы. Развіццё: матэрыялы навук. канф. — Мінск: ТАА «Белпрынт», 2004. — С. 52–66.
3. Шатских, А.С. Витебск. Жизнь искусства 1917–1922 / А.С. Шатских. — М.: Языки русской культуры, 2001. — 256 с.
4. Шишанов, В.А. Витебский музей современного искусства: история создания и коллекции (1918–1941) / В.А. Шишанов. — Минск: Медисонт, 2007. — 144 с.
5. Хмельницкая, Л. К истории одной идеи Марка Шагала: от городского художественного музея к Музею современного искусства в Витебске / Л. Хмельницкая // Бюллетень Музея Марка Шагала. — 2009. — Вып. 16–17. — С. 102–114.
6. Крусанов, А.В. Русский авангард, 1907–1932: исторический обзор: в 3 т. / А.В. Крусанов. — М.: Новое литературное обозрение, 2003. — Т. 2: Футуристическая революция (1917–1921). Кн. 1. — 808 с.
7. ОР ГРМ. — Ф. 137. — Ед. хр. 2403.
8. РГАЛИ. — Ф. 336. — Оп. 5. — Д. 10. — Л. 192–193.
9. ОПИ ГИМ. — Ф. 54. — Оп. 1. — Ед. хр. 502. — Л. 40 и об.
10. Письма Марка Шагала Павлу Этингеру (1920–1948). Публ. и прим. А.С. Шатских // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. — М., 1980. — Вып. 6. — С. 191–218.
11. Малевич о себе. Современники о Малевиче: Письма. Документы. Воспоминания. Критика: в 2 т. / авт.-сост.: И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. — М.: РА, 2004. — Т. 1. — 2004. — 582, [1] с.
12. ОР РНБ. — Ф. 1000 (соп 1978). — Ед. хр. 59.

Поступила в редакцию 26.03.2018 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.1:62

Предмет и проблемное поле современной онтологии техники

Верещако А.И.

Белорусский государственный университет, Минск

Невозможно представить себе современный мир без техники и технологии. Однако еще сложнее осознать, насколько сам этот мир является технизированным. Мы не задумываемся о том, что давно проживаем в реальности, состоящей из технических объектов, существующих как результат промышленного производства (технологий), базирующихся на научном знании. Само «неорганическое тело цивилизации» (К. Маркс) предопределяет матрицу взаимодействий с человеком, культурой, обществом и, являясь обособленным феноменом, уникальным образом взаимодействует с природой и наукой.

Цель статьи — изучение специфики отношений техники с целым рядом других феноменов бытия: природой, человеком, социумом, наукой и культурой в целом, которые позволяют выявить проблемное поле онтологии техники.

Материал и методы. Предлагаемое исследование основывается на обширной базе авторских концепций (М. Мак-Люэн, Б. Латур, О. Шпенглер, М. Шеллер, Л. Мамфорд, Ф. Рапп, К. Маркс, Е.В. Хомич и др.), предметное поле которых относится не только к области философии техники, но также к онтологии, философской антропологии и социальной философии. В работе был применен метод системного анализа, а также целый ряд общелогических (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование) методов.

Результаты и их обсуждение. Техника рассматривается как не самостоятельный, но весьма специфичный феномен бытия, включенный в тесные взаимосвязи с другими его аспектами. Встроенность техники в структуру универсума выявляется в ее тесных взаимосвязях с природной и социальной реальностями, человеком, наукой и культурой в целом.

Совокупность взаимодействий техники с природой, человеком, социумом, наукой и культурой обнаружила свое сложное синтетическое и в то же время необходимое единство. Феномен техники, с одной стороны, детерминирован природным, человеческим и социальным факторами, с другой стороны, активно участвует в их формировании и преобразовании. Эквивалентная связь прослеживается на уровне взаимодействий технического с наукой и культурой в целом. В ходе экспликации тесной взаимосвязи техники с самим человеком и другими специфичными феноменами проявляются «чтойность» техники и тот способ, которым она существует в мире. Фундаментальная встроенность техники в универсум указывает на ее особый онтологический статус, открывая тем самым новые горизонты в исследовании бытия как такового.

Заключение. Принимая во внимание различные аспекты существования техники, можно установить, что техника не существует как самодостаточный феномен, а включена в целостную систему бытия.

Ключевые слова: философия техники, онтология техники, научно-технический прогресс, техническое знание, акторно-сетевая теория.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 121–127)

The Subject and Problematic Field of the Modern Ontology of Technology

Verashchaka A.I.

Educational Establishment «Belarusian State University», Minsk

It is impossible to imagine a contemporary world without machinery and technology. However, it is even more difficult to understand that the world is technolized. We do not reflect on the fact that we have been living in a reality for a long time, which consists of technical objects existing as a result of industrial production (technology) based on scientific knowledge. The very «inorganic body of civilization» (K. Marx) predetermines the matrix of interactions with man, culture, society, and, being a separate phenomenon, interacts with nature and science in a unique way.

The purpose of the article is to study the specifics of the relations between technology and a whole number of phenomena of being: nature, man, society, science, culture, which enables us to identify the problem field of the ontology of technology.

Адрес для корреспонденции: e-mail: aleshaverashchaka@yandex.ru — А.И. Верещако

Material and methods. The proposed article is based on an extensive area of author's concepts, the subject field of which applies not only to the ground of philosophy of technology, but also to ontology, philosophical anthropology and social philosophy. The system analysis method was applied as well as a number of general logical (analysis, synthesis, generalization, abstraction) methods.

Findings and their discussion. Technology is regarded as not an independent, but a very specific phenomenon of being included in close interrelations with its other aspects. The integration of technology into the structure of the universe is revealed in its close interrelations with the natural and social realities, man, science and culture as a whole.

A set of interactions between technology, nature, man, society, science and culture revealed its complex synthetic and, at the same time, the unity of it. The phenomenon of technology, on the one hand, is determined by natural, human and social factors, on the other hand, it actively participates in their formation and transformation. An equivalent connection can be traced at the level of interactions between technology and science and culture in general. In the explication of the closest relationships between technology and person himself (or other phenomena specific for him), the «whatt» of technology is manifested, and at the same time, the way in which it (technology) exists in the world. The fundamental integration of technology into the universe indicates its special ontological status, thus opening up new horizons in the study of being itself.

Conclusion. Taking into account various aspects of the existence of technology, one can conclude that technology does not exist as a self-sufficient phenomenon, but it is included in the integral system of being.

Key words: philosophy of technology, ontology of technology, scientific and technical progress, technical knowledge, actor-network theory.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 121–127)

Невозможно представить себе современный мир без техники и технологии. Однако еще сложнее осознать, насколько сам этот мир является технизированным. Мы не задумываемся о том, что давно проживаем в реальности, состоящей из технических объектов, существующих как результат промышленного производства (технологий), базирующихся на научном знании. Само «неорганическое тело цивилизации» (К. Маркс) предопределяет матрицу интеракций с человеком, культурой, обществом и, являясь обособленным феноменом, уникальным образом взаимодействует с природой и наукой.

Цель статьи – изучение специфики отношений техники с целым рядом других феноменов бытия: природой, человеком, социумом, наукой и культурой в целом, которые позволяют выявить проблемное поле онтологии техники.

Материал и методы. Предлагаемое исследование основывается на обширной базе авторских концепций (М. Мак-Люэн, Б. Латур, О. Шпенглер, М. Шеллер, Л. Мамфорд, Ф. Рапп, К. Маркс, Е.В. Хомич и др.), предметное поле которых относится не только к области философии техники, но также к онтологии, философской антропологии и социальной философии. В работе был применен метод системного анализа, а также целый ряд общелогических (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование) методов.

Результаты и их обсуждение. Техника рассматривается как не самостоятельный, но весьма специфичный феномен бытия, включенный в тесные взаимосвязи с другими его аспектами. Встроенность техники в структуру универсума выявляется в ее тесных взаимосвязях с природной и социальной реальностями, человеком, наукой и культурой в целом.

В философии рефлексия над техникой появляется достаточно поздно. Несмотря на то, что в некоторых источниках [1] основателем данного направления значится Фрэнсис Бэкон («Новая Атлантида»), его реальными первопроходцами были мыслители рубежа XIX и XX веков. Начало этой предметной области обычно связывают с именами философа и географа Эрнста Каппа и инженера П.К. Энгелмейера. Сегодня философия техники является динамично развивающейся и востребованной областью исследований, которая за более чем столетнюю историю выработала целый ряд авторских концепций. Тем не менее проблематика онтологии техники во всем богатстве философского дискурса выделяется не явным образом. Более того, современные тенденции внутри указанной области, испытывающей на себе огромное влияние аналитической традиции, нарочито избегают порой даже методологически важных дискуссий на эту тему, считая их бесполезными в решении конкретных задач и чересчур метафизичными, а значит и ненужными.

В попытке очертить специфику онтологии техники считаем необходимым дать несколько рабочих дефиниций терминам, входящим в ее название. Традиционно под онтологией (от греч. *on* – род. падеж *ontos* – сущее, *logos* – знание, учение) понимается учение о бытии в целом, его сущности и законах организации. В отличие от классической онтологии, акцентировавшей проблему «абсолютного бытия» или «сущего как такового», современные онтологии занимаются вопросами о специфике существования, структуре и законах конкретных сфер реальности (природной, человеческой, социальной, технической и т.д.). Переходя непосредственно к «технике», стоит отметить, что существует множество ее определений. Под ней понимается и «совокуп-

ность рационально выработанных методов, обладающих безусловной эффективностью» [2, с. 30], и «совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания непродовственных процессов общества [3, с. 310], а также она трактуется более широко как «организация знания, которое контролируется научными методами и может быть использовано для контроля, преобразования или создания природных или социальных или каких-либо практических целей, вещей и процессов, которые считаются ценными» [2, с. 33]. Следовательно, дефиниция указанного понятия зависит от решаемых автором целей и задач и направлена на акцентирование отдельных характеристик техники. Тема определения уже сама по себе является проблемной точкой в рамках философии техники. Не вдаваясь в терминологические перипетии, перейдем к выявлению проблемного поля непосредственно самой онтологии техники. Под техникой (от греческого *technē* – искусство, мастерство, ремесло) мы будем понимать исторически развивающуюся совокупность создаваемых людьми средств (орудий, устройств, знаний, навыков), которые позволяют людям преобразовывать и использовать естественные и искусственные материалы, явления и процессы для удовлетворения своих потребностей.

Центральная проблема онтологии техники – специфика технической реальности, экспликация которой предполагает конкретизацию ее взаимосвязей с природой, обществом, человеком, культурой и наукой. Как будет показано далее, техническая реальность, в свою очередь, во многом обуславливает весь спектр перечисленных феноменов бытия, являясь одним из конституирующих факторов их генезиса и динамики. Соответственно, можно выделить несколько базовых проблемных блоков онтологии техники: 1) специфика технической в отличие от природной реальности; 2) особенности бытия человека и техники; 3) статус техники в структуре социума и их взаимосвязь; 4) характер и коллизии взаимодействия техники и культуры; 5) техника как фактор онтологизации научных знаний.

Исходя из вышесказанного, в первую очередь необходимо обратить внимание на взаимодействие техники и природы. Можно сказать совершенно точно, что техника возникла вместе с возникновением *Homo sapiens* и долгое время развивалась независимо от науки. Приоритетной задачей для человека любой исторической эпохи было и до сих пор остается выживание. В выживании человека как вида техника впервые обнаруживает себя в роли неотъемлемого атрибута человеческой жизни. В то время как другие живые организмы биологически адаптируются

к природной среде, люди «сделали ставку» на ее преобразование с помощью самих природных средств. Стоянки первобытных людей или места погребения немыслимы без таких артефактов, как наконечники копий, стрел, рыболовных крючков, топоров или костяных игл.

Перечисленные инструменты являлись результатом человеческого гения и способности ставить себе на службу природные объекты, предварительно изменяя их своим трудом. Так, из камней и палок получались копья, служившие инструментом заготовки припасов, камни обрабатывались таким образом, чтобы из них получались топоры, служащие самым разнообразным целям, и т.д. В ходе исторического развития техника постепенно эволюционировала от простых форм к более сложным и совершенным артефактам. Отметим, что революционный поворот в технико-технологическом развитии произошел с появлением институциональной науки XVII века. Техническое знание стало активно включать в себя наработки фундаментальных наук, что в конечном итоге вылилось в промышленную революцию XVIII–XIX веков.

Это событие привело к изменению мировоззренческой установки с поиска путей оптимального выживания в мире на стремление к покорению природы и постановки ее на службу человеку. Новое понимание природы и человека достаточно репрезентативно сформулировано в известной цитате Тургенева: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» [4, с. 43]. Здесь отмечается способность человека не просто успешно существовать в мире, но также изменять его с целью большей оптимизации исходной онтологической установки.

В чем заключается специфика технической реальности по отношению к природной? Для ответа на этот вопрос нам необходимо найти основание для описанной выше установки, найти ее предпосылку. На наш взгляд, такой причиной является способность человека к творчеству и познанию. Наряду с этим через когнитивные практики человек осмысливает природу. Проникая в суть природных процессов, он стремится приспособить окружающую среду собственным целям. Таким образом, способность к познанию мира и интенция к его изменению объективируется (пользуясь терминологией Маркса – «опредмечивается») в технике. Поэтому техника фокусирует в себе знания о природе и первоначально ориентирована на ее преобразование. Кроме «идейной» составляющей техники, существует другая необходимая ее сторона – материальная. Еще Аристотель в своем учении о причинности описал материальную причину как одну из 4-х составляющих каждой вещи. Материальная, то есть природная, компонента является важным (хотя и недостаточным) основанием всякой техники.

Нам раскрывается амбивалентный характер технического, фундируемый, с одной стороны, природным происхождением техники (как сырья, материала, энергии) и, с другой стороны, человеческим актом (технического) творчества, использующим технику в качестве инструмента дальнейшего преобразования не только природного материала, но и (естественно) самое себя. Иными словами, техника – это природное и неприродное бытие одновременно, так как преобразованный человеком материальный мир природным в полном смысле этого слова уже не является. Отмеченная взаимообусловленность техники и природы значима в понимании бытия техники как таковой.

Следующей парной категорией, высвечивающей проблематику онтологии техники, является «человек». «Человек – это в известном смысле – все» [5, с. 21], – утверждает Макс Шеллер, постулируя тот факт, что все философские проблемы сводятся к проблеме человека. Техника как философская проблема (и не только) невозможна без созидающего ее творца. Если обратиться к уже упомянутому учению о причинности Аристотеля, то мы ясно увидим, что три остальные причины технического (формальная, движущая и целевая) сводятся к человеку. Феномен техники неразрывно связан с *Homo sapiens* как необходимой и достаточной причиной ее существования. Мы уже говорили о том, что техника как мир артефактов (орудий, устройств, вещей, технических объектов) невозможна без материальной составляющей, на примере человека данный тезис становится вполне очевидным, ведь под техникой мы понимаем также знания и умения (например, техника боя, техника дипломатии, техника живописи и техника управления самолетом и т.д.).

Человек здесь не просто преобразовывает природную реальность, поскольку он сущее, способное к собственному преобразованию. Нам привычнее рассматривать технику как совокупность артефактов или устройств, но если обратиться к этимологии, то термин станет более понятным: греческое *techne* происходит от основы *tekton* (строитель, плотник). «Но к *tekton* принадлежит важное слово “*techne*”, которое означает искусство или мастерство плотника и строителя, а в более общем плане – искусство во всякого рода производстве» [6, с. 97]. Какова специфика бытия человека по отношению к технике?

Человек обладает сознанием и разумом, но в данном случае особое значение приобретает его способность к творчеству. Как отчетливо следует из этимологии, техника не просто изобретение, она тесно связана с искусством и интенцией создавать. Мир людей – дело рук человеческих. Первоначально понятие акцентировало внимание на совершенствовании и развитии навыков самого человека. Л. Мамфорд, в частности, полагает, что

поступательное движение к самосовершенству и постановка амбициозных задач еще в древности выступали предпосылкой к массовому объединению людей в мегамашины. «Мегамашина не просто явилась моделью для всех последующих сложных машин, но и позволила привнести необходимый порядок, преемственность и предсказуемость в сумбур повседневной жизни, когда запасы продовольствия и система водных каналов вышли за пределы масштаба неолитической деревушки» [7, с. 272]. Сама мегамашина стала прообразом машинной техники, узлы и механизмы которой стали приводиться в движение не людьми, а другими источниками энергии.

Тем не менее техника прошла длительный этап эволюции, начиная с развития руки, появления речи (как ее продолжения) и заканчивая ее обнаружением в орудиях и инструментах как продолжении человеческого тела. Освальд Шпенглер первым рассматривает онтологический характер техники по отношению к человеку. Более того, уровень ее развития служит индикатором перехода к цивилизационной стадии развития обществ. «Со времен Коперника и Галилея один за другим следуют новые технические методы. Имеющие один и тот же смысл: найти неорганические силы окружающего мира и приспособить их к работе вместо животных и людей» [8, с. 484]. «Творение», в конечном счете, превосходит своего творца. Творческая интенция человека оборачивается против него, объективируясь в превосходящей его технике, с которой приходится рано или поздно конкурировать или сосуществовать на равных. Более того, на современном этапе развития техника стала частью человека как биологического организма.

Онтология техники неизменно связана с человеком, тесно переплетаясь с ним во множественных отношениях, направленных на человека и технику. Мир людей невозможен без техники, впрочем, обратное утверждение в полной мере тоже истинно. На наш взгляд, каждый из феноменов нельзя рассматривать вне их сущностной взаимосвязи. Всякая попытка аналитического обособления этих категорий необходимым образом редуцирует сущностную корреляцию явлений, уводя в сторону от понимания «как-существования» техники и человека.

Существование техники невозможно без человека, в свою очередь, человеческое существование невообразимо без социума. Обратим внимание на специфику взаимосвязей между технической и социальной реальностями. Социальная реальность представляется как объективно существующие явления и процессы, возникающие вследствие взаимодействия индивидов, социальных групп или социальных институтов. Данное взаимодействие происходит не в некоем

вакууме, а прочно покоится в мире артефактов, которые также можно называть материальными благами. Элвин Тоффлер, описывая структуру социальной реальности, наряду с людьми, организациями, местами и информацией, выделяет вещи, значительные не только благодаря своей функциональности, но также их психологическим воздействиям, задающим отношение человека к самой социальной реальности. Включенные в систему производительных сил техника и технология во многом определяют развитие социума. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [9, с. 491]. Хотя в марксистской трактовке надстройка все же оказывает воздействие на материальный базис, последний играет ключевую роль. В подобной оптике технико-технологический уклад общества становится инструментом контроля и подавления человека.

Представители Франкфуртской школы неомарксизма активно разрабатывали эту проблематику, заявив о появлении одномерного человека как особого типа личности, отличающейся инертностью, безынициативностью и легко поддающейся манипуляции. Человек и социум индустриального и постиндустриального общества не тождественные понятия. «В отличие от механических конвейеров прошлого, которые объективировали личность, превращая ее в деперсонализированный элемент производства, компьютер “субъективизирует” человека» [10, с. 319]. В классической трактовке акцент делается на зависимости социальной реальности от ее материально-технического базиса. На наш взгляд, марксистское понимание процессов технической детерминированности социального применимо только для описания вертикальных социальных связей, которое не подходит к изучению более сложных горизонтально ориентированных социотехнических систем. Более эвристическое описание указанных связей, учитывающих процессы глобализации, появления, распространения и развития современных средств коммуникации, развитие транспорта и здравоохранения, предлагают апологеты акторно-сетевой теории. Особую роль здесь играет не поиск основания социальной реальности, а попытка подробного рассмотрения феномена социального действия.

Более широкая трактовка «действия» не как традиционной причинно-следственной связи, в том числе как допущений, позволений, влияний, делания возможным или невозможным, препятствования и т.д., трансформирует само понятие «социального». Технические объекты становятся акторами, которые также вписаны в социальные сети и совершенно не выделяются из общего целого, их действия хоть не всегда заметны, но постоянно присутствуют в сложной системе соци-

альных интеракций. «Основная причина, почему у объектов раньше не было возможности играть какую-то роль, кроется не только в определении социального, которого придерживаются социологи, но и в самой трактовке акторов и действий» [11, с. 102]. При рассмотрении техники в системе социальных связей (совокупность технических объектов) как равноценно действующего актора, постулируется равнозначность человеческого и технического действий как таковых.

Социальное не просто зависит от технико-технического уклада, само его тело соткано из многочисленных связей разнообразных актантов, тесно сплетающихся в сложную, разветвленную многоуровневую человеко-техническую сеть под названием «социальное». Холистическое понимание социума отчетливо экспонирует онтологическую ангажированность социального в технике и наоборот. На основании такого подхода можно предположить, что социальные или технические трансформации взаимообусловлены их тесной онтологической связностью и выделяются как единичные только в силу аналитического деления изучаемого феномена. Неклассическая интерпретация техники как действующего субъекта открывает новое видение на ее «чтойность» и задает новую систему координат социальной реальности в целом.

Рассмотрим взаимоотношение науки и техники. С момента своего появления в XVII веке наука была ориентирована на практическое применение знания. Хотя история техники гораздо дольше, чем история науки, на современном этапе техническое знание базируется на открытиях, в первую очередь, естественных наук. Техническая реальность, такая, какой мы ее знаем, возможна только благодаря научному познанию. Генная инженерия, лечение стволовыми клетками, беспроводная передача информации, солнечные батареи, искусственный интеллект, биотопливо, экзоскелет, виртуальная реальность, 3-D принтер и многие другие технические объекты являются следствием разнообразных научных изысканий, зачастую сочетающих в себе открытия разных научных областей.

Мир человека современности можно рассматривать как мир технических объектов, созданных промышленным путем, на основе технологий полученных в результате обретения научных знаний о мире. Где бы мы ни находились, мы всегда найдем следы технического. Если мы находимся в городе, в помещении, то устройства, мебель, наши вещи и даже еда произведены промышленным путем. Если же среди множества прочих вещей мы найдем какую-нибудь керамическую чашку, которую сделал гончар своими руками из самостоятельно добытой глины, окажется, что глазурь, которой покрыто изделие,

произведена промышленным способом и является результатом научных открытий как минимум в химии. Отыскать непромышленное изделие в современном быту представляется крайне сложным занятием. Даже если мы окажемся в лесу, вдали от городской суеты, очевидным предстанет лес, который был посажен для производства древесины и т.д. Общеупотребимое выражение «где не ступала нога человека» может быть перефразировано в «куда не проникают технические сети». Таким образом, современная техника представляется сферой онтологизации научного знания, которое объективируется, материализуется в ней.

Однако во взаимоотношениях науки и техники не следует строить линейных зависимостей. Еще Ф. Энгельс говорил, что если «...техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от состояния и потребностей техники» [12, с. 174]. Социальный запрос, то есть потребность общества в технических инновациях, как бы принуждает науку совершать открытия, осуществляя прирост научного знания о мире.

Не принимая во внимание акценты, расставленные классиком, отметим, что изучение тел размером больше или меньше десяти в шестой степени изначально требовало применения конкретных технических средств, что задавало определенный способ исследования объектов. Данный тезис одновременно справедлив и для тел макромира.

Постнеклассическая философия науки фиксирует зависимость изучаемого объекта от познающего субъекта, основывающуюся на многообразии инструментов познания. Через процесс познания используемый инструментальный репрезентирует объект и, как итог, непосредственно обуславливает результат – знание. Весьма яркой экспликацией зависимости научного знания от инструмента познания служит телескоп. Существуют оптические и радиотелескопы. Каждый из них дает различное представление об одном и том же космическом теле. Кроме того, радиотелескопы работают в микроволновом, инфракрасном, рентгеновском и иных диапазонах. Выбранный познающим субъектом инструмент формирует свой уникальный взгляд на изучаемый объект и формирует знание о нем. Стоит подчеркнуть, что на данном этапе НТП, научные открытия как таковые невозможны без техники. Категоричность этого суждения служит целью подчеркнуть онтологическое первенство техники по отношению к науке в современном мире.

Действительно, сегодня наука невообразима без измерительных приборов, научных лабораторий и вычислительной техники. Исследователи с помощью технических средств обеспечивают приращение научных знаний о мире, которые

в перспективе послужат для создания новых инструментов, измерительных приборов и т.д. Отсюда следует тесная онтологическая взаимосвязь науки и современной техники. Можно сказать, что оба феномена «симбиотически» сосуществуют и равнозначно участвуют в создании современной картины мира.

Комплексное рассмотрение онтологии техники предполагает выявление особенностей культурной и технической реальностей. Апеллируя к этимологии слова, мы понимаем под «культурой» (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – совокупность материальных и идеальных (духовных) ценностей. Из этого определения выявляются два ракурса взаимосвязи культуры и техники: а) культура как деятельность по созданию материальных ценностей; б) культура как сфера духовной жизни общества.

В ракурсе рассмотрения культуры и техники как деятельности по преобразованию материального мира их тесная взаимосвязь кажется очевидной и само собой разумеющейся. Выше нами были артикулированы основные точки бифуркации данных феноменов. Ввиду этого представляется необходимым сделать акцент на связи культуры и техники через духовную компоненту.

В древние времена эта связь была достаточно слаба и неочевидна. Однако технико-технологическая «прививка», произошедшая в середине XV века, совершила революцию в процессе производства духовных ценностей. Маршал Мак-Люэн пишет: «Книгопечатание – это не только технология, это – такой же природный ресурс или продукт производства, как хлопок, лес или радио, и как любой продукт производства оно формирует не только чувственность частного человека, но также и формы взаимозависимости людей в обществе» [13, с. 115]. Философ усматривает взаимосвязь эволюций локальных культур и технических изобретений. Если дописьменные культуры характеризуются как аудиальные, то начиная с изобретения печатного станка и появления «Галактики Гуттенберга» европейская локальная культура переходит в фазу визуальной культуры. При этом процессы производства духовных ценностей ускоряются до невиданных прежде масштабов.

Таким образом, относительная автономность архаичной духовной культуры была разрушена созданием и дальнейшим распространением по миру книгопечатания. Оно не только перестроило древние уклады людей, но предоставило инструментальный для нового культуротворчества. С этого момента феномен техники становится осязаемым культурообразующим звеном, стоящим между человеком и миром.

О. Шпенглер несколько предвосхищал интуиции Мак-Люэна, касающиеся зависимости степе-

ни прогресса техники и дифференциации уровня развития локальных культур. «Машинная техника для него служит индикатором перехода культуры на стадию цивилизации, характеризующуюся упадком политики, искусств, морали и так далее» [14, с. 42]. Отсутствие машинной техники в конкретной локальной культуре означает ее доцивилизационный этап развития.

В теории модернизации, заключающейся в переходе от традиционных к обществам модерна, в сущности, тоже заложен данный критерий. Переход от аграрного общества к индустриальному напрямую связан с уровнем развития науки, технического знания и техники в целом. Детерминируя возможность такой трансформации уровнем развития техники и технологий, заметим, что неолитический переход от охоты и собирательства к ведению сельского хозяйства также фундирован развитием техники, что эксплицирует глубинную связь техники и культуры в исторической перспективе.

Возвращаясь к вопросу производства духовных ценностей, следует отметить транзитивный характер культуры. Не последнюю роль в этих изменениях сыграло изобретение телевидения и, конечно, сети Интернет. В данном случае техника опять становится причиной пертурбаций в духовной жизни человека и общества. Особенностью новой культурной ситуации является ее синтетический, аудио-визуальный характер и наряду с этим распространение горизонтальных социальных связей. В этой связи техника становится неким алгоритмом взаимодействия людей, особым способом организуя их кооперацию.

Параллельно с предыдущими сопоставлениями нам открывается фундаментальная взаимосвязь культуры и техники. Не исключая предопределяющую роль техники в развитии культуры, отметим, что культура, в свою очередь, служит неким ядром, предпосылкой для дальнейшего развития техники и технологии. В онтологическом плане нами фиксируется историческое единство культуры и техники как неотъемлемых, специфических только для человека феноменов.

Заключение. Принимая во внимание различные аспекты существования техники, можно установить, что техника не существует как самодостаточный феномен, а включена в целостную систему бытия. Совокупность интеракций техники с природой, человеком, социумом, наукой и культурой обнаружила свое сложное синтетическое и в то же время необходимое единство. Феномен техники, с одной стороны, детерминирован природным, человеческим и социальным факторами, с другой стороны, активно участвует в их формировании и преобразовании. Эквивалентная связь прослеживается на уровне взаимодействий технического с наукой и культурой

в целом. В ходе экспликации тесной взаимосвязи техники с самим человеком и другими специфичными феноменами проявляются «чтойность» техники и тот способ, которым она существует в мире. Фундаментальная встроенность техники в универсум указывает на ее особый онтологический статус, открывая тем самым новые горизонты в исследовании бытия как такового.

Литература

1. Franssen, M. Philosophy of Technology [Электронный ресурс] / M. Franssen, G.J. Lokhorst // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/technology>. – Дата доступа: 11.10.17.
2. Рапп, Ф. Философия техники: обзор / Ф. Рапп // Философия техники в ФРГ: [сб. ст.] / сост. и предисл. [с. 3–23] Ц.Г. Арзаканяна, В.Г. Горохова; пер. с нем. и англ. Ц.Г. Арзаканяна [и др.] – М.: Прогресс, 1989. – С. 24–54.
3. Твердынин, Н.М. Технознание и техносциум: взаимодействие в образовательном пространстве: монография / Н.М. Твердынин. – М.: Агентство «Социальный проект», 2008. – 320 с.
4. Тургенев, И.С. Отцы и дети / И.С. Тургенев. – СПб.: «Наука», 2008. – 620 с.
5. Шелер, М. Формы знания и образование / М. Шелер // Избранные произведения: пер. с нем. / пер. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова; под ред. А.В. Денежкина. – М.: Изд-во Гнозис, 1994. – С. 15–56.
6. Шадевальд, В. Понятия «природа» и «техника» у греков / Ф. Шадевальд // Философия техники в ФРГ: [сб. ст.] / сост. и предисл. [с. 3–23] Ц.Г. Арзаканяна, В.Г. Горохова; пер. с нем. и англ. Ц.Г. Арзаканяна [и др.]. – М.: Прогресс, 1989. – С. 90–103.
7. Мамфорд, Л. Миф машины: техника и развитие человечества / Л. Мамфорд. – М.: Логос, 2001. – 404 с.
8. Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер // Культурология. XX век: антология / пер. с нем. А. М. Руткевича. – М.: Юрист, 1995. – С. 454–494.
9. Энгельс, Ф. К. Маркс «К критике политической экономии». Предисловие // Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс; редкол.: Н.Б. Тер-Акопян [и др.]. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955–1974. – Т. 13. – 1954. – С. 489–499.
10. Хомич, Е.В. Постантропологический кризис как ирония истории / Е.В. Хомич // Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина / редкол.: А.Н. Данилов [и др.]. – Минск: БГУ, 2014. – С. 312–321.
11. Латур, Б. Переборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
12. Энгельс, Ф. В. Боргиусу в Реславль // Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс и Ф. Энгельс; редкол.: Н.Б. Тер-Акопян [и др.]. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955–1974. – Т. 39. – 1966. – С. 174–177.
13. Мак-Люэн, М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего / М. Мак-Люэн. – Киев: «Ника-Центр», 2003. – 431 с.
14. Верещако, А.И. Проблема онтологического статуса техники в концепциях О. Шпенглера и Ж. Симондона / А.И. Верещако // Журн. Белорус. гос. ун-та. Сер., Философия. Психология. – 2017. – № 3. – С. 40–44.

Поступила в редакцию 29.03.2018 г.

УДК 316.3:004

Трансформация системы потребностей личности в контексте информатизации современного социума

Каскенов П.П.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

Все большее проникновение виртуальной среды в жизнь человека обусловлено погружением в нее последнего. Изобретение и распространение интернета и другие технологические усовершенствования внедрены настолько фундаментально, что откат к прежнему технологическому укладу невозможен или, как минимум, фатален. Исходя из предпосылки симулятивности виртуального пространства, можно прийти к выводу о том, что формируется потребность в доступе к виртуальной среде, а также виртуализация существовавших ранее потребностей.

Цель статьи — раскрыть сущность и выявить основные векторы трансформации системы потребностей личности в процессе развития современного киберпространства.

Материал и методы. Представленное исследование написано исходя из работ таких авторов, как Абрахам Маслоу, Жан Бодрийяр, Карл Роджерс, Е.Н. Шапинская, Л.П. Шиповская и др. В его основе лежат принципы научности, системности и достоверности. В процессе написания публикации использовались общенаучные методы исследования.

Результаты и их обсуждение. При ближайшем рассмотрении потребностей человека, осуществляемом на основе иерархической системы потребностей Абрахама Маслоу, можно заметить, что все потребности, за исключением базовых физиологических, тем или иным образом виртуализированы посредством замещения их удовлетворения виртуальными аналогами (симулякрами).

Заключение. Потребность в информационном пространстве, с учетом социальной природы человека, превращается в объективную, т.к. современная социализация предполагает некоторую степень виртуализации индивида. Однако необходим социальный контроль виртуальной среды для недопущения коммодификации, дегуманизации, обезличивания и принижения потенциала человека.

Ключевые слова: виртуальное пространство, потребность, иерархия потребностей, симуляция.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 128–132)

Transformation of the Personality Needs System in the Context of the Informatization of Modern Society

Kaskenau P.P.

Educational Establishment «Yanka Kupala State University of Grodno», Grodno

Increasing penetration of the virtual environment into the life of a person is due to immersion in it of the person. The invention and dissemination of the Internet and other technological improvements are implemented so fundamentally, that a rollback to the old technological order is impossible, or at least fatal. Based on the premise of simulation-based nature of virtual space, we can conclude that there is a need for access to a virtual environment, as well as virtualization of previously existed needs.

Material and methods. The article is written on the basis of works by such authors as Abraham Maslow, Jean Baudrillard, Carl Rogers, E.N. Shapinskaya, L.P. Shipovskaya, etc. The article is based on the scientific principles, principles of consistency and authenticity. In the process of writing the work, general scientific methods of research were used.

Findings and their discussion. On closer human needs examination, carried out on the basis of the Maslow's hierarchy of needs, it can be seen that all needs, with the exception of basic physiological needs, are virtualized in one way or another by replacing them with virtual analogs (simulacras).

Conclusion. The need for information space, taking into account the social nature of a person, turns into an objective one, since modern socialization involves some degree of virtualization of the individual. However, social control of the virtual environment is necessary to prevent commodification, dehumanization, depersonalization and diminishing human potential.

Key words: virtual space, need, hierarchy of needs, simulation.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 128–132)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kaskenau.pavel@gmail.com — П.П. Каскенов

Виртуальная среда активно проникает в жизнь человека по причине все большего погружения человека в последнюю. Важную роль в информатизации и виртуализации индивида сыграло изобретение и распространение интернета, что стало возможно благодаря персональным компьютерам, а впоследствии мобильным устройствам коммуникации.

Информационные технологии способны значительно облегчить жизнь человека как в бытовой сфере (расширение доступа к информации любого рода, «умные дома» и т.д.), так и в профессиональной среде (возможности для разработки сложных моделей, что особенно полезно в области естественных наук и инженерном деле). Более того, за счет самих информационных технологий характер функционирования самого мира настолько изменился, что его работа не представляется возможной без этих технологий, т.е. откат технологического уклада невозможен или максимально затруднен и обречен на фатальные последствия. Одновременно виртуальный мир способен заставить человека чувствовать, наблюдать и самостоятельно воздействовать на происходящее. Раньше у индивида также были возможности попасть в мир виртуальной реальности (например, при помощи музыки или книг), однако новые информационные технологии дают совершенно иные способы [1]. Среди примеров подобных возможностей влияния на виртуальные действия, которые зачастую воспринимаются как реальные из-за симулятивной природы виртуального [2], можно назвать общение в социальных сетях, компьютерные игры или, например, виртуальные экскурсии. В конце концов, через образы телевидения, кино и вообще любого вида искусства, которое ввиду развития современных технологий стало настолько высокотехнологичным и всепроникающим, что теперь «образ не может более вообразить реальность, поскольку он сам становится реальностью, не может ее превзойти, трансфигурировать, увидеть в мечтах, так как сам образ есть виртуальная подкладка реальности» [3]. Очевидно, что в таких условиях всепроникающей информатизации и виртуализации вполне естественным образом формируется естественная потребность в электронных устройствах и самой информационной среде, часто перерастающая в зависимость.

Цель статьи – раскрыть сущность и выявить основные векторы трансформации системы потребностей личности в процессе развития современного киберпространства.

Материал и методы. Представленное исследование написано исходя из работ таких авторов, как Абрахам Маслоу, Жан Бодрийяр, Карл Роджерс, Е.Н. Шапинская, Л.П. Шиповская и др. В его основе лежат принципы научности, систем-

ности и достоверности. В процессе написания публикации использовались общенаучные методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Ныне встает вопрос о том, каким образом информационные технологии вписываются в систему уже сложившихся ценностей, на какие уровни иерархии потребностей информационное способно повлиять и в какие уровни проникнуть. Как известно, Абрахам Маслоу, разработавший наиболее известную иерархическую систему человеческих потребностей (пирамида Маслоу), считал, что «все потребности человека *врожденные*, или *инстинктоидные*» [4, с. 487]. Если принять это утверждение как верное, то становится самоочевидным, что потребность в информационной среде не может существовать как нечто отдельно стоящее, как самостоятельная ступень пирамиды потребностей, а должна вписываться в рамки других потребностей. Для того чтобы понять, каким образом происходит это взаимопроникновение информационной среды в потребности и потребностей в информационную среду, проанализируем классическую пирамиду Маслоу сверху вниз, т.е. от высших к низшим потребностям.

Согласно Маслоу, на вершине пирамиды находится потребность в *самоактуализации*, как наиболее отвечающей признакам высших потребностей. К этим признакам он относил, например, то, что высшие потребности являются более поздними с филогенетической и эволюционной точек зрения (чем выше потребность, тем более она присуща именно человеку), то, что высшие потребности являются более поздними с онтогенетической точки зрения (чем выше потребность, тем более поздно она формируется у каждой конкретной личности), или то, что высшие потребности являются субъективно менее насущными [5, с. 109]. Поскольку согласно данной теории «достижения вторичны по отношению к самоактуализирующейся личности» [5, с. 230], то очевидным фактом будет то, что наиболее важным для личности является ее самовосприятие как самоактуализирующейся. В данном контексте, а также исходя из реалий формирующегося общества информации, можно утверждать, что самоактуализация стала доступна для гораздо большего количества человек. Ярким примером могут служить компьютерные игры в жанре RPG (многопользовательская ролевая онлайн игра), где существует определенный набор опциональных параметров для персонажа. Если, к примеру, присутствует 10 опциональных параметров, для которых возможны 10 вариантов выбора, то по сути есть 1010 потенциальных различных и уникальных разновидностей персонажей. С учетом того, что из-за особенностей виртуальной среды человек способен самореализовываться и самоактуализи-

роваться через персонаж, то можно утверждать, что индивид и будет воспринимать себя как самоактуализирующуюся личность через деятельность по созданию и развитию своего виртуального альтер эго (даже если с реальной жизнью ни внешних, ни социальных совпадений не будет), что по сути будет являться развитием не своего потенциала, а статистического потенциала игры. Подобного рода тенденции опасны тем, что несамоактуализировавшаяся в реальной жизни и самоактуализировавшаяся в виртуальной среде личность (особенно с учетом того, что возможностей для подобного рода может быть несколько) в один момент может стать просто неспособна следовать нескольким моделям поведения одновременно (диссонанс). Тем не менее следует отличать самоактуализацию через самовыражение (т.е. через выражение себя по причине достижения некоторого уровня развития личности, когда становится невозможным ее существование без самоактуализации путем, например, написания книг или песен) и самоактуализацию через самоутверждение (т.е. через достижение преимуществ над другими людьми). К последним относится в том числе и самоактуализация путем создания персонажа компьютерной игры (поскольку игры строятся на соревновательном принципе), блоггинга и стриминга (ведь решающее значение для повышения статуса имеет количество подписчиков) и пр. Количество людей самоактуализирующихся (или думающих так, т.к. стереотип о подобного рода самоактуализациях навязан масс медиа с целью отвлечь человека от проблем, связанных со все большим отчуждением от результатов труда и публичным одиночеством), очевидно, растет во времени, в то время как количество самоактуализирующихся таким образом, как это понимал Маслоу, скорее всего остается неизменным или умеренно снижается.

На ступень ниже в пирамиде потребностей находится потребность в *самоуважении*, принимающая в информационном пространстве совершенно новые черты. Здесь Маслоу разделяет данный вид потребности на подклассы, к первому из которых относятся «сила, достижения, адекватность, мастерство и компетентность, уверенность перед лицом внешнего мира, независимость и свобода», а ко второму – престиж, определяющийся как «уважение или оценка со стороны других людей», а также «статус, известность и слава, превосходство, признание, внимание, значительность, чувство собственного достоинства или признательность» [5, с. 67]. Совершенно очевидно, что первый подкласс обращает индивида к его внутренним ощущениям, а второй к ощущениям, которые он вызывает в других индивидах. С учетом симулятивного характера любых взаимодействий в информационной среде [2] первый

подкласс даже в своем абсолютном проявлении претерпит ряд изменений. Так, многие достижения становятся не более чем иллюзией, однако в контексте всеобщего принятия правил «игры» (будь то действительно компьютерная игра или пространство виртуального общества в социальной сети) воспринимаются как значимые, что опасно ввиду того, что индивид не существует исключительно в виртуальном пространстве (впрочем, с учетом взаимопроникновения виртуального и реального мнимые достижения все больше котируются в реальной сфере жизнедеятельности). Примерно те же тенденции наблюдаются относительно адекватности, мастерства и компетентности, которые также «принимают» правила тотальной симуляции. Не более оптимистичными выглядят перспективы таких понятий, как независимость и свобода, т.к. их содержание формируется СМИ, действующими не только через традиционные пути распространения информации (телевизор, радио, новостные интернет-порталы), но и через активное использование других, менее заметных каналов (кинематограф, популярная литература, интернет-мемы).

Что касается второго подкласса данной потребности, то он подвергается гораздо более ощутимым метаморфозам, нежели первый, ввиду своей связанности с социальными взаимодействиями, которые претерпевают ряд принципиальных изменений. В первую очередь это зависит от трансформации самого понятия статуса, ведь в условиях формирующегося информационного общества статус превращается в товар, т.е. он перестает являться результатом жизнедеятельности индивида и мерой результатов работы и, наоборот, необходим для достижения некоторого рода успеха (в первую очередь, коммерческого). Коммерческий же успех достигается путем, например, ассоциирования с каким-либо продуктом рынка виртуального альтер эго индивида, что наиболее выгодно для заказчика при уже имеющемся статусе. И вот тут, казалось бы, должно возникнуть какое-то противоречие, во всяком случае для тех индивидов, что не имеют высокого статуса в традиционном понимании. Однако оно в условиях информационного общества разрешается весьма цинично и просто: при помощи симуляции статуса. Это стало возможно в том числе и потому, что как «в определенный момент товар был собственной рекламой», то теперь «реклама стала своим собственным товаром» [6, с. 124]. С учетом того, что не только реальное имеет влияние на виртуальное, но и наоборот, неудивительно, что обретенный таким образом статус рано или поздно, но превращается в воспринимаемый самим индивидом как реальный. Что же касается потребности во внимании и популярности, то, очевидно, в условиях информационной среды

(особенно это заметно на примере социальных сетей) они могут быть инициированы самим индивидом повышением виртуально-социальной активности, что в симбиозе с симуляцией статуса может привести к удовлетворению и этой части второго подкласса потребности в самоуважении.

Необходимым базисом для выше обозначенной потребности является потребность в *принадлежности и любви*, при неудовлетворенности которой личность начинает «жадно стремиться завязать отношения с людьми вообще — ради места в группе или семье — и будет всеми силами стремиться к достижению этой цели» [5, с. 65–66], притом, что в условиях информационной среды это стремление будет особо интенсивным в силу своей направленности на компенсацию неудовлетворения данной потребности в рамках реальности обыкновенной. Одной из главных особенностей виртуальной реальности является возможность формирования виртуальных сообществ и даже обществ, которые имеют различную степень условной защиты от чуждых элементов (термин «условная» применен здесь по той причине, что взаимодействие в информационной среде происходит не между реальными людьми, а между симулякрами (т.е. семиотическими знаками, не имеющими оригинала в реальности), и, соответственно, любые признаки, блокирующиеся при «входе» в ту или иную виртуальную группу, по мере надобности, скрываются или вовсе ликвидируются, что часто обозначает одно и то же). Поэтому можно утверждать: любой пользователь сети может принадлежать большому количеству виртуальных обществ (часто явно противоречащих друг другу по своим функциям и конституции), при этом разыгрывая там различные роли и занимая различное виртуальное социальное положение, что приводит, во-первых, к постоянному напряжению ввиду необходимости мгновенного переключения ролей, так и к дисбалансу самовосприятия (по причине различного социального положения в каждом виртуальном обществе, а также в реальной жизни). Естественно, потребность в виртуальных сообществах формируется на фоне переживаемого индивидом одиночества, что, по мнению Карла Роджерса, является результатом сформированного при помощи заимствования у родителей и кого-то из значимых в его жизни фигур фасада, который не соответствует ожиданиям и личным предпочтениям других индивидов [7]. Именно это ощущение одиночества, в конечном счете, и подталкивает личность к удовлетворению потребности в принадлежности группе путем погружения в виртуальное пространство (в том числе речь идет и о многопользовательских ролевых онлайн играх) [8].

Что касается такого феномена, как любовь, то киберпространство представляет собой универсальный инструмент для отрешения от обытов-

ления любви, столь чуждого как страстной, так и романтической любви. В киберпространстве, в силу симулятивного характера взаимодействий, можно целиком и полностью оправдывать любовные ожидания партнера (в переписках, любовных играх и т.д.). Однако есть и невероятная опасность построения любви в виртуальном пространстве, в силу которой успешный перенос отношений в пространство реального становится практически невозможным: они изначально строятся «как эскапистское пространство, противоположное реальности, и не предполагают воплощения в реальной жизни, как бы это ни казалось заманчивым их участникам» [9]. Таким образом, можно говорить, что потребность в принадлежности и любви в виртуальном пространстве может быть удовлетворена лишь в компенсационно-контрастном смысле, что приведет индивида лишь к усилению ощущения публичного одиночества, характерного для современного социума.

Согласно Маслоу, *потребность в безопасности* (удовлетворение которой является необходимым условием для возможности удовлетворения вышеперечисленных) есть (в более развернутом виде) потребность в «защищенности; стабильности; зависимости; защите; отсутствии страха, тревоги и хаоса; потребности в структуре, порядке, законе и ограничениях; силе покровителя» [5, с. 63]. По сути, все сводится к стабильности и защищенности, т.к. первая и вторая достигаются путем выстраивания необходимой для поддержания стабильности социальной системы, которая, в свою очередь, строится на законах, негласных социальных нормах и другого рода ограничениях. Однако распространение информационных технологий и рост информационного потока привели к тому, что на первую роль вышла не сама система, а лишь ее репрезентация (в СМИ, кино, социальных сетях и т.д.), направленная на то, чтобы вызвать отсутствие страха тревоги и хаоса путем выдачи иллюзии безопасности за саму безопасность. При этом формируется скорее не отсутствие страха, тревоги и хаоса, а страх страха, страх тревоги и страх хаоса, что приводит к желанию не самой безопасности, а симуляции ощущения безопасности, что не одно и то же, т.к. первое отсылает к системе социальных взаимодействий, на основе которой появляются некие ощущения, а второе — к боязни ощущения небезопасности. В этом смысле доступ к информационному пространству сам превращается в потребность, в том числе и в рамках потребности в безопасности, т.к. безопасность начинает прочно ассоциироваться с доступом к киберпространству.

Наименее подверженным влиянию информационной среды являются *физиологические потребности* (не думаем, что стоит рассматривать различного рода интернет-магазины как сильное

влияние интернета на данный вид потребностей), что приводит нас к мысли, что *потребность в киберпространстве*, если располагать ее в рамках теории Маслоу, находится где-то между физиологическими потребностями и потребностью в безопасности (т.е. удовлетворение потребности в информационной среде необходимо для удовлетворения вышерасположенных потребностей, во всяком случае в условиях формирующегося информационного общества).

Заключение. Таким образом, потребность в информационном пространстве, с учетом того факта, что человек – существо социальное, а следовательно, не может существовать в условиях социального вакуума, в настоящее время, с учетом кибернетизации социализации, превращается в потребность если не естественную, то, во всяком случае, объективную. Поэтому важен социальный контроль формирования (или трансформации уже существующих) потребностей с той целью, чтобы не допустить коммодификации и товаризации человека путем создания и монополизации способов удовлетворения потребностей, что может привести к дегуманизации, обезличиванию и принижению потенциала человека.

Литература

1. Шиповская, Л.П. Виртуальная реальность. Потребность в новых информационных технологиях [Электронный ресурс] / Л.П. Шиповская // Сервис +. – 2010. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-potrebnost-v-novykh-informatsionnyh-tehnologiyah>. – Дата доступа: 23.03.2018.
2. Ажимова, Л.В. Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления [Электронный ресурс] / Л.В. Ажимова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3(19). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhan-bodriyyar-o-fenomene-massovyh-kommunikatsiy-v-obschestve-potrebleniya>. – Дата доступа: 23.03.2018.
3. Бодрийяр, Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр // Элементы. – 2000. – № 9. – Режим доступа: <http://arcto.ru/article/555>. – Дата доступа: 23.03.2018.
4. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 607 с.: ил.
5. Маслоу, А. Мотивация и личность: пер. с англ. / А. Маслоу. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
6. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2018. – 240 с. – (Технология свободы).
7. Роджерс, К. Эллиен Вест и одиночество / К. Роджерс // Московский психотерапевтический журнал. – 1993. – № 3.
8. Брагина, О.А. Одиночество как значимый фактор формирования зависимости от многопользовательских ролевых онлайн игр [Электронный ресурс] / О.А. Брагина // Пензенский психологический вестник. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/odinochestvo-kak-znachimyy-faktor-formirovaniya-zavisimosti-ot-mnogopolzovatelskih-rolevyh-onlayn-igr>. – Дата доступа: 23.03.2018.
9. Шапинская, Е.Н. Виртуальная реальность как пространство эскапизма: безграничные возможности и новые опасности [Электронный ресурс] / Е.Н. Шапинская // Культура культуры. – 2014. – № 4(4). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-kak-prostranstvo-eskapizma-bezgranichnye-vozmozhnosti-i-novye-opasnosti>. – Дата доступа: 23.03.2018.

Поступила в редакцию 09.04.2018 г.

УДК 1(091)

Идея социального государства в работах Лоренца фон Штейна

Козлов А.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени
П.М. Машерова», Витебск*

Важную роль в гуманизации общественных отношений играет социально ориентированное государство. Подобная модель политического устройства общества была принята в ряде стран мира, в том числе и в Беларуси. В данной связи неподдельный интерес представляет история становления воззрений о социальном государстве как институте по организации общественной жизни на гуманистических началах.

Цель статьи — концептуальная реконструкция политико-правовых взглядов немецкого философа и экономиста Лоренца фон Штейна о возможностях государства по устройству общественной жизни на основе принципов социальной справедливости.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили работы Лоренца фон Штейна. При этом были использованы методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, идеализации, восхождения от абстрактного к конкретному, единства исторического и логического, а также системный и структурно-функциональный подходы.

Результаты и их обсуждение. Эксплицированы базовые положения концепции социального государства, разработанной Лоренцом фон Штейном. Проведен социально-философский анализ предложенной им политической и экономической программы гуманизации общественных отношений.

Заключение. Идеи Лоренца фон Штейна о роли государства в обеспечении свободы человека, разрешении социальных противоречий, справедливом распределении общественных благ и защите духовного мира человека от деструктивных информационных воздействий могут быть использованы в социальной практике и современном философском и политическом дискурсе.

Ключевые слова: социальное государство, гражданское общество, социальные отношения, государственная власть.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 133–137)

The Idea of Social State in the Works by Lawrence von Stein

Kozlov A.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

An important role in public relations humanization is played by socially oriented state. Such model of the society political structure was adopted in a number countries of the world, Belarus including. The article centers round the interesting history of the maturation of the ideas of the social state as an institution of organizing public life on humanistic bases.

The purpose of the article is conceptual reconstruction of the political and legal ideas of the German philosopher and economist Lawrence von Stein on the possibilities of the state to construct social life on the basis of social justice principles.

Material and methods. The source base of the research is made up by works by Lawrence von Stein. The methods of analysis and synthesis, induction and deduction, idealization, ascent from the abstract to the concrete, the unity of the historical and the logical as well as the system and the structural and functional approaches were used.

Findings and their discussion. Basic ideas of the concept of social state, which were developed by Lawrence von Stein, are explicated. The social and philosophic analysis of the suggested by him political and economic program of public relations humanization is conducted.

Conclusion. Ideas of Lawrence von Stein on the role of the state in providing the man with freedom, solution of social contradictions, just distribution of social wellbeing and protection of the spiritual world of the man from destructive information impacts can be used in the social practice as well as the contemporary philosophic and political discourse.

Key words: social state, civil society, social relations, state power.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 133–137)

Адрес для корреспонденции: e-mail: avkpro@gmail.ru — А.В. Козлов

Важную роль в гуманизации общественных отношений играет социально ориентированное государство. Подобная модель политического и экономического устройства общества принята в ряде стран мира, в том числе и в Беларуси. В данной связи неподдельный интерес представляет история становления воззрений о социальном государстве как средстве организации общественной жизни на гуманистических началах.

Цель статьи – концептуальная реконструкция политико-правовых взглядов немецкого философа и экономиста Лоренца фон Штейна о возможностях государства по устройству общественной жизни на основе принципов социальной справедливости.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили работы Лоренца фон Штейна. Использованы методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, идеализации, восхождения от абстрактного к конкретному, единства исторического и логического, а также системный и структурно-функциональный подходы.

Результаты и их обсуждение. Немецкому экономисту и философу Лоренцу фон Штейну принадлежит ряд опубликованных научных трудов. Наиболее известными среди них являются «История социального движения Франции с 1789 г.», «Основное понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 года», «Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии» и др. Знакомство с ними позволяет сделать вывод о том, что немецкий ученый хорошо знал историю становления и развития философских и социально-политических учений о государстве, его природе и функциях (Платон, Аристотель, Гоббс, Макиавелли, Кант, Гегель и др.). Естественно, ему были известны работы своих современников – К. Маркса и Ф. Энгельса. Но идеи последних, равно как и других мыслителей, он воспринимал критически.

Существует расхожее мнение, что термин «социальное государство» (ныне оно имеет множество синонимов: «социально ориентированное государство», «государство всеобщего благоденствия (благополучия)», «государство-покровитель», «государство-защитник», «дом для народа», «государство социальных услуг») первым использовал Л. Штейн. Однако внимательное прочтение его работ свидетельствует о том, что в подобной «лингвистической упаковке» такой термин в них не встречается. А вот идея политического устройства общества с приоритетной ориентацией на социальную справедливость просматривается достаточно четко. К сожалению, в современной философии и социально-политических науках имеется мало работ, посвященных

анализу воззрений Л. Штейна. Среди новейших исследований по данной теме определенную ценность, на наш взгляд, представляют научные публикации Д.А. Захарьяна [1] и Е.М. Охонина [2].

Обратимся вначале к основному труду Л. Штейна, в котором рассматривается история социального движения во Франции в период с конца XVIII – до середины XIX века. В ней ставится задача выявить связь личности, общества и государства, а затем предложить пути установления оптимального взаимодействия между ними [3].

Л. Штейн проводит четкую семантическую линию, разделяющую понятия «государство» и «общество». Он показывает, что государство – это система политических институтов, призванных к управлению, координации и заботе о благосостоянии граждан, а общество – это объединения граждан для достижения поставленных целей. И не всегда цели и устремления государства как политического института совпадают с устремлениями граждан, то есть общества. Из этого вытекает, что общество вправе формировать устройство государства согласно своим представлениям о справедливости, гуманности и поставленным целям. Государство и общество находятся в сложном противоречивом отношении: «... жизнь человеческого общежития состоит в постоянном воздействии и противодействии между государством и обществом...» [3, с. XXVII].

Так, например, чем больше интеллигенции, тем государство интеллигентнее. Чем больше богатых, тем государство богаче. Л. Штейн усматривал прямую зависимость состояния государства от материального положения людей. «Ведь мера развития всех отдельных личностей определяет собой меру развития самого государства» [3, с. XXVIII]. Идея немецкого ученого о гибком диалектическом взаимодействии общества и государства важна для формирования концепции «гражданского общества» с учетом современных социальных реалий.

Для Л. Штейна общество по своей природе, принципам и особенностям функционирования следует рассматривать как самостоятельный субъект. «Если общество, – замечает он, – является таким же реальным, таким же общим и необходимым фактом, как и государство, то я не вижу причины, почему для него нельзя сделать того же, что считается необходимой исходной точкой всякого научного понимания государства, – обнять его сущность в одно общее представление и на этом понятии основать разрешение его противоположностей. Если общество есть не безжизненная случайная масса, но самостоятельная, резко обособленная форма жизни, то оно должно заключать в себе такой пункт, становясь на который можно было единой мыслью обнять и осветить все разнообразие его мысленных проявлений» [3, с. X].

При анализе особенностей социального поведения человека Л. Штейн обращает внимание на то, что одни люди стремятся подчинить других для удовлетворения своих потребностей и интересов. Это достигается с помощью приобретения собственности, что создает социальную иерархию в обществе. Одни стремятся укрепить зависимость других, последние стремятся ее разрушить. Их интересы противоречат друг другу. Собственники, а точнее, высшие классы, всеми силами охраняют свой капитал. Они понимают, что в противном случае не просто ухудшат собственное благосостояние, но и потеряют свое главенствующее положение в обществе. Поэтому богатые стараются «захватить государственную власть исключительно в свои руки» [3, с. XL]. Поскольку, по мнению Л. Штейна, государство есть высшая форма идеи личности, то «назначение его – осуществить высшее развитие человека... Свобода, то есть полнейшее самоопределение личности, составляет основной принцип государства» [3, с. LV]. Нарушение этого принципа приводит к возникновению несвободы. Государственной властью завладевает определенный класс, стремящийся упрочить свое положение за счет зависимого класса, ставя его в неправомерное положение и вырабатывая, таким образом, общественное право, которое затем воплощается в классовом, сословном и кастовом праве.

Правящий класс делает все возможное для упрочения собственных позиций, стараясь передать свое право распоряжаться землей (поземельное право) и капиталом последующему поколению. «В этом и заключается истинное понятие несвободы. Несвобода рождается тогда, когда государство бывает вынужденно служить какому-нибудь частному общественному интересу. Оно – правовое неравенство, когда господство частного интереса, которое само по себе есть только факт и поэтому подлежит спору, возводится государством в неприкосновенное право. Оно – политическое неравенство, когда известный класс забирает государственную власть исключительно в свои руки. Несвободное государство – то, в котором выделился подобный класс. Несвободное государственное устройство есть такое устройство, в котором это преобладание или исключительное господство одного какого-нибудь частного интереса систематически организовано и укреплено на законной основе» [3, с. LVI]. Но цель государства должна состоять в том, чтобы каждый человек достиг благосостояния. Для реализации такой цели необходимо участие всех граждан в организации государственной власти. Это позволит усовершенствовать само государство, и тем самым обеспечить реальную свободу личности. Помогая каждому человеку, государство помогает самому себе.

Л. Штейн считает, что преобразования в обществе не должны совершаться посредством революции, так как в ней заключены неизгладимые противоречия: революцию стремится совершить неимущий класс, завладеть правом собственности и тем самым захватить власть. Но порядок вещей революция не меняет. Она лишь ставит во главу государства низшие классы, а высшие лишает права собственности, таким образом, представляя порядок господства. Инсurreкция (восстание) – это переворот, который не обратит и не изменит механизм естественных социальных процессов. Просто лишь богатые и бедные поменяются социальными местами. Особое внимание в анализируемой работе обращено на поиск путей построения социально справедливого общества. Последнее может состояться лишь в том случае, если будет обеспечена свобода предпринимательской деятельности.

«Общество, – пишет Л. Штейн, – построенное на приобретении, не знает исключений; личные таланты, в соединении со счастьем, могут выдвинуть на первое место самого последнего человека. В нем каждый должен рассчитывать на себя, каждый сам создает себе свое общественное положение [оно не наследуется и не покупается, как при феодальном строе] и чем способнее личность, тем выше ее самостоятельность» [3, с. 274]. Задача государства – создать условия для равных возможностей приобретения, образования и свободного труда. Такой прототип общества, считал Л. Штейн, был при Н. Бонапарте. Этот строй он называет «экономическим обществом». Такое общество «предполагает прежде всего неприкосновенность частного права и безопасность приобретающей деятельности» [3, с. 275–276]. В данном обществе каждому человеку позволено свободно выбирать вид деятельности не только для того, чтобы сохранить и приумножить способность приобретать, но и для развития других личностных качеств [3, с. 274].

Тематическим и логическим продолжением идеи социального государства у Л. Штейна стала работа «Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии», написанная в 1865–1868 гг. [4]. Это не только первая и редкая систематизация истории права, его сравнительный анализ, но и попытка раскрыть принципы органического взаимодействия государства и гражданского общества.

Общество и государство, полагает Л. Штейн, должны основываться на свободном союзном строе: «Принцип собственно государственно-гражданского союзного строя – тот, что всякая область общественной жизни может быть предметом назначенного для нее постоянного и организованного соединения. В союзе поэтому име-

ется полное свободное раскрытие деятельности отдельных лиц в общественной жизни, так как в союзе эти лица сами себе создают средства, цель и организм. В свободном государстве поэтому вся жизнь его объята союзным строем» [4, с. 38]. Свободные союзы должны основывать свою деятельность на союзном праве. По своей типологии союзы могут быть политические и административные. Главная задача государства – создание правовой основы для функционирования социальных объединений (союзов), ибо это является важным условием свободного государственного устройства: «Свобода государственного устройства, – отмечает Л. Штейн, – заключается в праве членов государства принимать участие в государственной воле; свобода исполнения – в праве их участвовать в труде исполнительной власти посредством самоуправления и союза; действительная же свобода заключается во владении условиями индивидуальной самостоятельности. И таким образом внутреннее управление является работою государства для создания высших условий личной свободы» [4, с. 51].

Несомненный интерес представляют размышления Л. Штейна о важнейших функциях, которые должно выполнять социально справедливое, в его понимании, государство. Это прежде всего создание системы попечительства о бедных. Государство должно также заботиться о здоровье своих граждан. «Только тогда поправится дело, – замечает он, – когда общины поймут, что болезни их сочленов обходятся в десять раз дороже, чем обошлось бы их здоровье» [4, с. 98]. Причем Л. Штейн предлагает не только бороться с болезнями (для этого в государстве уже давно создано врачебное дело), но и создать ведомственный орган, который будет устанавливать факторы здоровья: гигиена, разработка и применение санитарных норм для фабричной работы, обустройство жилья и рабочих помещений и др. Чрезвычайно важно обеспечивать попечение в сфере здоровья для бедных, создание для них социальных госпиталей и эпидемиологической полиции с четким законодательством, которые будут следить за состоянием в вышеперечисленных учреждениях.

Особая роль отводится государству в образовательной сфере. «Юридический принцип обучения народа, – считает Л. Штейн, – состоит в принуждении к посещению школ (Schulzwang) с его предположениями – признание гражданской обязанности к приобретению элементарных познаний на основании свободы вероисповедания [принцип толерантности – один из основных в свободных демократических странах] и безвозмездности народного обучения. Юридический принцип общего образования состоит в свободе, требующей ограничения правительственной

деятельности относительно предупреждения и наказания правонарушений, которые может породить умственная жизнь» [4, с. 133]. Образование – важный государственный капитал. Никаких преград не должно быть на пути его получения, а «способность к оплате за учение не может быть условием права посещения школы (освобожденные от платы – бедные ученики)» [4, с. 145]. В зрелом социальном государстве плата за обучение будет вообще отменена. Это касается и профессионального образования [4, с. 146].

Отмечается, что свободное государство определяет себя таковым только в том случае, если в нем существует свобода печати, а цензура – это механизм, который не позволяет распространиться деструктивным идеям и оскорбительным сюжетам. Л. Штейн указывает на то, что причиной отказа от печати не может быть мысль цензора о косвенном оскорблении, что очень часто используют и чем злоупотребляют несвободные общества. «...Составом и преступлением, – замечает он, – могут быть отнюдь не заключения, извлекаемые из слов напечатанного сочинения лишь при содействии умственной работы, а сами слова последнего. Поэтому нет более проступков печати, а только преступления и проступки, которые могут быть совершаемы также чрез посредство печати (преступления и оскорбления государства, церкви, частного лица)» [4, с. 164]. Следить за соблюдением этих норм должна специальная «полиция печати».

Что касается хозяйственно-экономических функций государства, то они в первую очередь должны сводиться к созданию условий для обеспечения вертикальной мобильности граждан. Государству следует помогать человеку подняться «из низшего класса в высший» [4, с. 525]. Поэтому ему необходимо начинать «свою деятельность только там, где сила индивидуума по ее сущности не способна осуществить той или другой цели. Только на этом пункте оно обязано выступить со своей деятельностью» [4, с. 525]. В данной работе Л. Штейн еще раз подчеркивает, что государство – это представитель интересов всего общества. Государственная задача – ликвидировать нужду человека, так как она ставит личность в зависимое положение. Поэтому деятельность управления должна быть направлена на ликвидацию бедных, нищих, обеспечение сирот. С этой целью сообразно иметь полицию нищеты и дороговизны, которая следит за ценами, а на продукты первой необходимости устанавливает таксы. Бродяжничество должно быть наказуемо, а для бездомных нужно создавать специальные учреждения для материального содержания данной категории граждан.

Важной социальной задачей государства должна являться всемирная поддержка институ-

та брака и семьи. В своем лирико-философском эссе «Женщина в области политической экономики» Л. Штейн пишет: «Брак, – этот искреннейший внешний и внутренний союз мужа и жены, охватывающий всю жизнь, – не охватывает ли он и ту жизнь, которую мы называем жизнью ценностей в производстве, потреблении и воспроизведении?» [5, с. 15]. Выполняя демографическую функцию, семья вносит решающий вклад в формирование производительных сил общества.

Многие идеи Л. Штейна о построении гуманной системы взаимоотношения государства, общества и личности созвучны программам функционирования и развития государств, называющих себя сегодня социальными, социально ориентированными и др. Главный акцент в них делается на создание необходимых условий, без которых нельзя обеспечить достойную биологическую, трудовую и материальную жизнь человека. Но у людей есть и другая, специфическая форма жизни – духовно-нравственная. Именно она делает человека человеком. Социальные государства западных стран мира под предлогом соблюдения прав и свобод личности по существу полностью выносят эту сферу человеческого бытия за пределы функций государственного управления. В итоге, по словам известного испанского философа Ортеги-и-Гассета, современные представители западной цивилизации при активной поддержке массмедиа становятся во многом похожими на обезумевших дикарей, которые разрушают священные табу, выработанные в традиционном обществе.

В данном контексте размышления Л. Штейна о роли социального государства в защите духовного мира личности от разлагающих информационных воздействий представляются весьма актуальными. Их, по нашему мнению, с соответствующими оговорками, уместно использовать при разработке концептуальных моделей цивилизации будущего, с такими фундаментальными ценностями, как жизнь, достоинство человека и ненасилие в отношениях между отдельными людьми и народами (цивилизация «реального гуманизма») [6]. Без согласованных действий го-

сударства и гражданского общества движение к поставленной цели успешным быть не может.

Заключение. Таким образом, еще в XIX в. немецкий мыслитель и экономист Лоренц фон Штейн разработал концептуальную схему социального государства, в котором могут быть реализованы принципы гражданского общества, созданы условия для экономической самостоятельности индивида, его социальной мобильности в зависимости от его способностей, реализации основных гражданских прав и свобод. Обращено внимание на важную роль государства в организации образовательного процесса и защите общества от тех средств массовой информации, которые унижают достоинство человека. Для надежного функционирования такого государства необходима соответствующая система правового обеспечения. Ее контуры обозначены в работах ученого.

Литература

1. Захарьян, Д.А. Социальное государство: основные этапы развития и современное состояние / Д.А. Захарьян // Вестник РУДН. Сер., Социология. – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 649–658.
2. Охонин, Е.М. Генезис идей социального государства / Е.М. Охонин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер., Право. – 2010. – № 25. – С. 6–10.
3. Штейн, Л. История социального движения Франции с 1789 года: пер. со 2 нем. изд. Т. 1 // Л. Штейн. – СПб.: Тип. А.М. Котомича, 1872. Основное понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 года. – 1872. – [4], IV, CXXVI. – 305 с.
4. Штейн, Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии: руководство, изд. Лоренцом Штейном, проф. Вен. ун-та, как основание его лекций // пер. с нем., под ред. [и с предисл.] И.Е. Андреевского, орд. проф. С.-Петерб. ун-та. – СПб.: А.С. Гиероглифов, 1874. – 594 с.
5. Штейн, Л. Женщина в области политической экономики: Публ. лекция д-ра Лоренца фон Штейна. – Казань: Типо- и лит. К.А. Тилли, 1876. – 48 с.
6. Лапин, Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии / Н.И. Лапин // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 3–17.

Поступила в редакцию 14.05.2018 г.

УДК 316.61

Социокультурная мобильность как фактор социализации личности

Макаревич А.В.

*Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», Гродно*

В условиях смены ценностных ориентиров современного социума повышенное внимание вызывает понятие «мобильность»: экономическая, политическая, социокультурная. Реалии нынешнего социума ставят перед индивидом совершенно новые задачи, в соответствии с которыми он вынужден осваивать ряд совершенно новых для него качеств, для осуществления свободного перемещения в рамках социокультурного пространства.

Цель исследования — раскрыть содержательные характеристики социокультурной мобильности, которые способствуют эффективной социализации личности в условиях современного общества.

***Материал и методы.** Статья написана на основе работ таких авторов, как П. Сорокин, К.Н. Леонтьев, А.А. Бородич, С.В. Слепченко. Исходя из принципов научности, системности и достоверности, использовались методы компаративного анализа, системный; цивилизационный подход.*

***Результаты и их обсуждение.** Рассмотрены содержательные характеристики понятия «социокультурная мобильность личности». Проводится разделение на внешнюю и внутреннюю социокультурную мобильность личности. Определяются факторы, влияющие на социокультурную динамику личности, такие как ценностные ориентиры, социокультурные потребности, социализация личности. Анализируются этапы социализации личности в различных социокультурных пространствах. Дается оценка однородности и разнородности социокультурных пространств.*

***Заключение.** Социокультурная мобильность является характеристикой личности, которая определяет ее специфику динамики в социокультурном пространстве. На социокультурную мобильность влияют ценностные ориентиры, социокультурные потребности, конкретные условия социализации личности. Социализация личности в новом социокультурном пространстве зависит от нескольких факторов: возраста индивида, опыта социализации в других социокультурных пространствах, предшествующих данному, а также однородности и разнородности социокультурных пространств, в которых индивид совершает переход.*

***Ключевые слова:** социокультурная мобильность, ценностные ориентиры, социокультурные потребности, социализация личности, социокультурное пространство.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 138–141)

Social and Cultural Mobility as a Factor of Personality Socialization

Makarevich A.V.

Educational Establishment «Yanka Kupala State University of Grodno», Grodno

In the context of the change of value orientations of modern society, the concept of «mobility», economic, political, social and cultural, is of particular importance. The realities of modern society pose completely new challenges to the individual, according to which he is forced to master a number of completely new qualities for him, for the implementation of free movement within the framework of the social and cultural space.

The purpose is to reveal the substantial characteristics of social and cultural mobility, which contribute to the efficient socialization of the individual in the modern society.

***Materials and methods.** The article is based on the works of such authors as P. Sorokin, K.N. Leontiev, A.A. Borodich, S.V. Slepnev. The article is based on the scientific principles, the principles of system and reliability. In the process of writing, the method of comparative analysis, the system method, the civilization approach were used.*

***Findings and their discussion.** The substantial characteristics of the concept of social and cultural mobility of the individual are considered. The division into external and internal social and cultural mobility of the individual is carried out. The factors influencing social and cultural dynamics of personality, such as values, social needs, socialization of the individual are identified. The stages of personality socialization in different social and cultural spaces are considered. Evaluation of homogeneity and heterogeneity of social and cultural spaces are presented.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: artemmakarevich@yandex.by — А.В. Макаревич

Conclusion. *Social and cultural mobility is a characteristic of the individual, which determines its specific dynamics in the social and cultural space. Social and cultural mobility is influenced by many factors, such as value orientations, social and cultural needs, specific conditions of socialization of the individual. The socialization of a person in a new social and cultural space depends on several factors: the age of the individual, the experience of socialization in other social and cultural spaces preceding this, as well as the homogeneity and heterogeneity of social and cultural spaces in which the individual makes the transition.*

Key words. *social and cultural mobility, value orientations, social and cultural needs, socialization of the personality, social and cultural space.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 138–141)

В условиях смены ценностных ориентиров современного социума повышенное внимание вызывает понятие «мобильность»: экономическая, политическая, социокультурная. Интенсификация международного сотрудничества, увеличение точек соприкосновения различных культур делают особо важным изучение личности, способной к конструктивному диалогу с носителями других культур. Именно поэтому современные общественные науки придают большое значение проблеме социокультурной мобильности личности, способной идти на контакт с представителями иных культур, преодолевая языковые и культурные барьеры [1].

Условия нынешнего социума ставят перед индивидом совершенно новые задачи, в соответствии с которыми он вынужден осваивать ряд совершенно новых для него качеств, для осуществления свободного перемещения в рамках социокультурного пространства. К данным характеристикам относятся такие, как способность адаптироваться к изменениям в социальной среде, самостоятельность в принятии решений, инициативность, стремление к коммуникации не только с представителями своей культуры, но и иной. Наличие вышеперечисленных качеств свидетельствует о высокой степени развития у человека социокультурной мобильности [2].

Цель исследования – раскрыть содержательные характеристики социокультурной мобильности, которые способствуют эффективной социализации личности в условиях современного общества.

Материал и методы. Статья написана на основе работ таких авторов, как П. Сорокин, К.Н. Леонтьев, А.А. Бородич, С.В. Слепченкова. Исходя из принципов научности, системности и достоверности, использовались методы компаративного анализа, системный; цивилизационный подход.

Результаты и их обсуждение. На наш взгляд, в основе понятия «социокультурная мобильность» лежит такое явление, как переход (как физическое перемещение и культурная динамика) индивида из одного социокультурного пространства в другое. В связи с данным утверждением можно выделить ряд характеристик личности, которые способствуют качественному и более плавному перемещению в различных социокультурных пространствах: когнитивные качества – стремление познавать особенности национальной культуры

своего народа и вместе с тем тяга к изучению и принятию культуры других народов и стран; потребность в саморазвитии и накоплении знаний, способствующих свободно ориентироваться в новом социокультурном пространстве; умение принимать эффективные действия при возможных социокультурных трансформациях.

Для более конструктивного анализа понятия «социокультурная мобильность» мы разделяем ее на внешнюю и внутреннюю. К внешней социокультурной мобильности относим смену индивидом социальной группы, места работы, условий труда, места жительства, в том числе и переезд в другую страну. К внутренней – изменения мировоззренческих ориентиров индивида, перемены в культурных предпочтениях, смену ценностей.

Немаловажным фактором, влияющим на социокультурную динамику, являются ценностные ориентации. «Ценностные ориентации – это отражение в сознании индивида ценностей, которые признаются им в качестве стратегически важных жизненных целей, общих ориентиров мировоззрения» [3].

Ценности направляют, организуют, характеризуют движение индивида в социокультурном пространстве, а также выступают в качестве критериев оценки поведения, как собственного, так и других участников социального процесса. Они выступают базисным основанием для оценки происходящих вокруг индивида социокультурных трансформаций и нахождения своего места в социуме, согласно принятым им ценностям.

В современном обществе ценности, интересы, потребности, мотивы личности имеют неповторимое динамическое развитие. Потребности сменяют друг друга, согласно происходящим технологическим и культурным трансформациям, одни ценности выходят на первый план, другие вовсе теряют свою значимость, а интересы индивида соответственно меняются в зависимости от направления информационных потоков, доминирующих на данный момент в обществе. Наиболее выражено подобная тенденция наблюдается в условиях смены политических, экономических и культурных укладов, когда происходят кардинальные изменения всей социальной системы, системы ценностей, мировоззренческих ориентиров и других базовых оснований развития общества. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в процессе принятия индивидом определенных социальных

и культурных ценностей возникают социокультурные потребности [4].

«Социокультурные потребности – это потребности, которые характеризуются стремлением человека отыскать отражение культуры общества в своем бытии через непосредственное взаимодействие с обществом» [5]. Данные потребности определяют направление социокультурной динамики. Многие из таких потребностей приобретают непостоянный характер, напрямую коррелируя с общественными трансформациями, новыми условиями жизни, социальным окружением, модой и другими тенденциями.

Таким образом, социокультурные ценности напрямую обуславливают стремление индивида к смене внешнего и внутреннего социокультурного пространства, а вместе с ним и характер социокультурной мобильности [6].

Немаловажным является тот факт, что человек при смене социокультурных пространств может принимать ценности как внешнего, так и внутреннего социокультурного пространства, но не обязательным является их совместное принятие. Переход из одного социокультурного пространства в другое может сопровождаться только лишь внешней адаптацией без принятия более глубинных ценностей нового социокультурного пространства. Сменив место жительства, человек может эффективно функционировать как часть социальной системы, общаться с представителями нового для себя общества, освоить востребованную в данном регионе профессию, занять вакантное рабочее место, в полном объеме выполнять как должностные, так и гражданские обязанности. Однако на внутреннем уровне индивид может быть абсолютно социокультурно ригидным, то есть не принимать культурные, религиозные, политические, экономические ценности нового социокультурного пространства, а в некоторых случаях также выражать открытую или скрытую неприязнь к данным ценностям. Подобный пример иллюстрирует ситуацию ярко выраженной внешней социокультурной мобильности индивида и несостоятельной внутренней мобильности. Однако имеет место быть и обратный пример несовпадения внешней и внутренней социокультурной мобильности, когда индивид внутренне принимает идеи и ценности иного, по отношению к нему, социокультурного пространства, в некоторых случаях меняет вероисповедание, хотя по объективным причинам не способен поменять внешнее социальное пространство. В данном случае имеет место внешняя социокультурная ригидность и внутренняя социокультурная мобильность.

Более полными и качественными примерами являются те случаи социокультурной мобильности, при которых индивид совершает двухуровневый переход: внешнее освоение социокультурного пространства, подкрепленное внутренним принятием ценностей данного пространства.

Изучая социокультурную мобильность личности, мы пришли к выводу, что для полноты понимания обозначенного явления следует обратить внимание на такое понятие, как социализация личности. Социализация – это процесс усвоения индивидом знаний, образцов поведения, нравственных ценностей, психологических установок, принятых в определенном социокультурном пространстве, позволяющий ему полноценно функционировать в данном обществе. Будучи мобильным, индивид может совершать переход в другое социокультурное пространство, но за переходом в новое общество следует этап социализации в нем, и от успеха этого процесса зависит социокультурная мобильность человека в будущем. Процесс социализации неразрывно связан с социокультурной мобильностью, он логически завершает переход индивида в новое для себя общество. Длительность и сложность социализации индивида влияет на его желание осуществлять переходы в различные разнородные социокультурные пространства. Чем сложнее и длительнее процесс адаптации индивида в новых социальных условиях, тем сложнее процесс социализации и меньше вероятность того, что индивид будет иметь стремление к новому внешнему социокультурному переходу. Сущность процесса социализации состоит в том, что человек формируется как член того нового общества, в которое он был перемещен. Включение индивида в социокультурное пространство нового общества также происходит под воздействием внешних факторов, и именно они стимулируют внутреннее принятие новых для него культурных и социальных ценностей. Рассматривая социализацию как самостоятельное понятие, важно отметить, что данный процесс состоит из нескольких этапов. Рождаясь, человек незамедлительно вступает в процесс освоения окружающей реальности, общения с находящимися вокруг него людьми. С расширением взаимодействия человека с окружающим миром возрастает количество связей и людей, с которыми ему приходится взаимодействовать. В процессе взросления индивид формируется как личность, углубляет самосознание, развивает навыки общения с окружающим миром, расширяет сферу своих интересов, учится находить компромиссы и отстаивать свою точку зрения. Поэтому крайне важно, чтобы в раннем возрасте процесс социализации проходил плавно и не был нарушен, так как от него зависит не только последующая адаптация человека в обществе, но и также в этот период закладываются основы социокультурной мобильности личности.

Следующий этап социализации – это процесс вхождения сформированной личности в социум. Он наступает постепенно с расширением круга общения индивида, появлением в его жизни большего количества видов деятельности и различных социальных групп, влияющих на его социализацию. На данном этапе происходит окончательный

процесс включения личности в социокультурное пространство. В это время человек приобретает первые навыки полноценного взаимодействия с социокультурным пространством.

Помимо этапов социализации также одним из важнейших условий социокультурной динамики является однородность и разнородность тех социокультурных пространств, в которых индивид совершает переход. Однородными социокультурными пространствами мы называем те социокультурные пространства, которые схожи по ряду социальных, культурных, религиозных, экономических, политических признаков. Примером перехода в однородном социокультурном пространстве является смена места труда, места жительства в пределах небольшого социального пространства, ограничивающегося территориальными рамками одного населенного пункта. При таком движении в социокультурном пространстве человеку легче адаптироваться на новом месте, даже не имея ярко выраженных личностных качеств, способствующих его социокультурной мобильности. Рассматривая различные социокультурные пространства с точки зрения их однородности и разнородности, мы не проводим четкой границы между ними, только анализируем их от более схожих по культурным и социальным ценностям, находя точки соприкосновения между ними, к абсолютно разнородным, находящимся по разные стороны цивилизационных границ. Индивид, перемещающийся в пределах своей страны, имеет больше предпосылок к полной социализации на новом месте, и в данном случае будет являться образцом высокой внешней и внутренней адаптации в новом социокультурном пространстве. Следующим примером можно назвать переезд человека в другую страну, государственный язык которой не отличается от родного языка индивида; без различий в религиозном и культурном контекстах. В данном случае человеку приходится больше сталкиваться с изменениями в правовой, социальной и экономической сферах. При этом социокультурные пространства отличаются, но несоответствия не настолько фундаментальные, чтобы говорить о полной разнородности подобных социальных пространств. Примером смены в условиях более разнородных обществ является переход индивида из своего базового социокультурного пространства в пространство с другой культурой, религией, языком общения, экономическими и политическими устоями. Однородность здесь может заключаться в том, что индивид остался в пределах своей цивилизации и расы (имеется в виду европейская цивилизация и европеоидная раса). Разнородными же социокультурными пространствами можно назвать пространства, которые не схожи ни по одному из вышеперечисленных признаков. В таком случае индивид совершает переход из одного цивилизационного пространства в другое.

Заключение. Таким образом, социокультурная мобильность является характеристикой личности, которая определяет ее специфику динамики в социокультурном пространстве. На социокультурную мобильность влияют многие факторы, такие как ценностные ориентиры, социокультурные потребности, конкретные условия социализации личности. Процессу социокультурного движения предшествует процесс формирования социокультурных потребностей на базе ценностных ориентиров, которые сформировались у личности в период ее становления. Именно характер социокультурных потребностей в случае самостоятельного выбора индивидом ситуации определяет вектор социокультурной мобильности личности в социокультурном пространстве. Социализация личности в новом социокультурном пространстве зависит от нескольких факторов: возраста индивида, опыта социализации в других социокультурных пространствах, предшествующих данному, а также однородности и разнородности социокультурных пространств, в которых индивид совершает переход. В раннем возрасте процесс социализации проходит более плавно в силу того, что у индивида еще не завершен процесс становления личности и принятия определенных ценностных ориентиров, норм. В возрасте уже сложившейся личности успешность процесса социализации будет зависеть от выработанных в прошлом качеств индивида, которые сформировались в процессе ее становления. Также ключевым показателем плавности перехода индивида из одного социокультурного пространства в другое является однородность или разнородность данных пространств.

Литература

1. Ныриков, А.И. Формирование социокультурной мобильности подростков в психолого-педагогических исследованиях / А.И. Ныриков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2012. – Т. 8, вып. 2. – С. 115–119.
2. Слепченкова, С.В. Организационно-педагогические условия развития социокультурной мобильности участников общественных организаций: личностно-деятельностный подход / С.В. Слепченкова // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – Вып. 4(54). – С. 102–105.
3. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.
4. Бородич, А.А. Аксиология социального действия: монография / А.А. Бородич. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 96–97.
5. Топчий, Р.А. Оценка первоисточников научной психологии в истории мировой философии / Р.А. Топчий // Вестн. Томс. гос. ун-та. – 2013. – № 6. – С. 190–196.
6. Степанова, Ю.Ю. Социокультурные потребности современной молодежи / Ю.Ю. Степанова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 3021–3025.

Поступила в редакцию 14.05.2018 г.

УДК 930.1:316.42

Исторический факт: онто-гносеологическое измерение и символический потенциал

Слемнев М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Историческое прошлое играет важную роль в организации жизнедеятельности людей в настоящем и выборе путей их движения в будущее. Основополагающими элементами социо-исторической реальности являются события той или иной общественной значимости. Они выступают в качестве референтов исторических фактов, выраженных в различных формах вербального и невербального дискурса.

Цель статьи — раскрыть онто-гносеологическую природу исторических фактов и выявить их семантические возможности для конструирования национальных символов как эффективного синергетического фактора развития общества.

Материал и методы. Материалом исследования выступает исторический факт, рассматриваемый в виде сложного онто-гносеологического и социокультурного явления. Применялись традиционные общелогические и теоретические методы познания: абстрагирование, обобщение, интерпретация, анализ и синтез, идеализация и др.

Результаты и их обсуждение. Целостный исторический факт представляет собой органическое единство онтологической и гносеологической проекций познаваемых событий прошлого. При его интерпретации необходимо учитывать экзистенциально-ценностные ориентиры участников социальных действий. Это особенно важно для формирования национальных символов на основе историографического материала.

Заключение. Исторические события после их фиксации и последующей интерпретации и репрезентации превращаются в «упрямые» научные факты. При наличии добротной знаково-символической упаковки они могут успешно выполнять интеграционные, мобилизующие и ценностно-ориентирующие функции.

Ключевые слова: историческое событие, исторический факт, символ, интерпретация, репрезентация.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 142–147)

The Historic Fact: Onto-Gnoseological Measure and Symbolic Potential

Slemnev M.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The historic past plays an important role in the organization of people's life at present and the choice of the ways of their movement into the future. The fundamental elements of the social and historic reality are events of this or that social significance. They are the references of historic facts which are expressed in different forms of verbal and non-verbal discourse.

The purpose of the article is to reveal the onto-gnoseological nature of historic facts and find out their semantic possibilities for constructing national symbols as an efficient synergic factor of social development.

Material and methods. The research material is the historic fact which is considered as a complex onto-gnoseological and social and cultural phenomenon. Traditional general logical as well as theoretical methods of cognition were used: abstraction, generalization, interpretation, analysis and synthesis, idealization etc.

Findings and their discussion. A wholesome historic fact is organic unity of ontological and gnoseological projections of the cognized events of the past. In its interpretation it is necessary to take into account existential and value landmarks of the participants of social actions. It is especially important for shaping national symbols on the basis of historiography material.

Conclusion. Historic event after their fixation and further interpretation and representation turn into «stubborn» scientific facts. Having substantial sign and symbol package they can successfully perform integration, mobilizing and value orienting functions.

Key words: a historic event, a historic fact, symbol, interpretation, representation.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 142–147)

Историческое прошлое играет важную роль в организации жизнедеятельности людей в настоящем и выборе путей их движения в будущее. Основополагающими элементами социо-исторической реальности являются события той или иной общественной значимости. Они выступают в качестве референтов исторических фактов, выраженных в различных формах вербального и невербального дискурса.

Цель статьи – раскрыть онто-гносеологическую природу исторических фактов и выявить их семантические возможности для конструирования национальных символов как эффективного синергетического фактора развития общества.

Материал и методы. Материалом исследования выступает исторический факт, рассматриваемый в виде сложного онто-гносеологического и социокультурного явления. Применялись традиционные общелогические и теоретические методы познания: абстрагирование, обобщение, интерпретация, анализ и синтез, идеализация и др.

Результаты и их обсуждение. Понятие «исторический факт» употребляется в разных значениях [1]. Отсутствие четкой экспликации последних затрудняет аутентичное прочтение и последующую трансляцию многих текстов. Во избежание языковой путаницы выделим три близких, но в то же время имеющих свою специфику, значения анализируемого концепта.

1. Исторический факт понимается как нечто уже случившееся, свершившееся, произошедшее в динамичной социальной реальности (факт 1). Это какое-то социальное событие, которое, если воспользоваться языком М. Хайдеггера, есть основная форма взаимодействия бытия сущего и времени, онтологически первичный, необратимый и неустраняемый акт их «взаимовручения» друг другу [2, с. 403]. Становясь постепенно историческим прошлым, конкретное событие может стать объектом пристального внимания со стороны как обыденного, так и научного сознания. Но оно может остаться незамеченным и предаться забвению. Многое здесь зависит от его влияния на функционирование и развитие общества. Однако в любом случае это не меняет бытийного статуса факта 1: в социуме появился новый онтологический феномен, вошедший в топологически-темпоральный континуум в качестве устойчивого, безусловного, инвариантного компонента. Никакими субъективными усилиями отменить его нельзя, равно как и повторить в том же виде в новом хронотопе.

2. Исторический факт трактуется как эмпирический, описательный, беспристрастный, насколько это возможно, холодно-протокольный, документальный образ исторического события в его феноменологической данности, внешней бытийности (факт 2). В факте 2 (его иногда име-

ную фактом «исторического источника») фиксируются место и время возникновения события, обосновывается достоверность случившегося, указываются его топологические границы, продолжительность протекания, участники социальных действий и т.п. Описательно-информационная часть исторического факта 2 проверяется и уточняется, в нее вносятся коррективы, включаются дополнительные, вновь обнаруженные сведения. При этом, чем длиннее временная дистанция между прошлым и настоящим, тем более сложной оказывается процедура реконструкции эмпирического слоя исторического события.

Индивидуальная память о минувшем при активном участии властного исторического дискурса со временем превращается в коллективную, обрастая различными домыслами, а часто и мифологизируется. «Общество, – отмечал Х. Хальбвакс, – обязывает людей время от времени не просто мысленно воспроизводить прежние события своей жизни, но также и ретушировать их, подчищать и дополнять, с тем, чтобы мы ... приписывали им обаяние, каким не обладала реальность» [3, с. 151]. Некоторые же важные мемориальные материалы либо по чьей-то небрежности, халатности или злему умыслу, иногда политическому, надолго исчезают из культурного пространства, а то и вовсе уничтожаются. Впрочем, это касается исторических событий и не столь далекого прошлого, которые для многих ныне живущих были совсем недавно настоящим.

Взять, к примеру, высадку первого человека на Луну. По официальной версии NASA оригинальные пленки видеозаписи этого события эпохального значения были ликвидированы после перенесения бесценной информации на более современные информационные носители. Если учесть, что новейшие компьютерные анимации практически невозможно отличить от документальной съемки, то, естественно, у многих возникает сомнение в том, посетил ли в действительности американский астронавт Луну или мы имеем дело с обыкновенным виртуальным розыгрышем с соответствующим политическим подтекстом? Перечень примеров недопустимого обращения с материалами, которые для историков будущего могли бы стать уникальными артефактами, можно легко умножить (тайнственное исчезновение рукописи «Тихого Дона» М.А. Шолохова, пропажа оригинала Беловежских соглашений и др.).

Научно-исследовательская работа на рассматриваемом этапе исторического познания имеет множество нюансов. Но здесь не ставится задача поиска ноуменальной, сущностной стороны исторического события. Это компетенция познавательной деятельности по превращению факта 2 в факт 3.

3. Факт 3 (назовем его интерпретированным фактом) является специфическим теоретическим конструктом, высвечивающим «семантические узлы» объективной логики социального развития. При его формировании на информационной основе своего предшественника главные гносеологические усилия направлены на концептуальную репрезентацию исторического прошлого, представление его смыслового, идейного содержания настоящему посредством сложных интерпретационных процедур.

Интерпретация – это отрефлексированное прошлое, понимание однажды произошедшего, его понятийное объяснение, мысленное схватывание сущности, выявление мотивов совершаемых поступков и действий. Чтобы интерпретация была корректной, она должна отразить тот подлинный смысл, «который вкладывали в свои действия непосредственные участники исследуемого события прошлого» [4, с. 147]. Как отмечал И. Кант, какое-то социальное действие со стороны может выглядеть как проявление принципов долга и честности.

В действительности же бывает, что оно совершено «просто с корыстными целями» [5], потому является суррогатом нравственности, ее формальным подобием (например, благотворительность ради создания позитивного имиджа бизнесмена). Что касается репрезентации, то она есть завершающий этап интерпретации. Это демонстрация исторических событий с помощью естественного или искусственного языка в очищении от всего случайного, поверхностного, затемняющего или искажающего суть однажды случившегося, его своеобразное моделирование в соответствии с принципом взаимосвязи живого созерцания и абстрактного мышления.

В качестве аналогии сошлемся на процесс формирования научных фактов в естествознании. Так, видимое движение Солнца по небесной сфере в дневное время суток есть неосмысленный факт 2, кажимость. Фактом 3, по принятой нами терминологии, будет обращение Земли вокруг Солнца по орбите радиусом приблизительно 150 млн км со скоростью около 30 км в час. Данный онтологический феномен, который, кстати, тоже имеет свою событийную историю, сегодня легко поддается идеальным интерпретационным и материальным репрезентационным процедурам (последние, естественно, не применимы к социальному бытию минувших дней, ибо оно не поддается инверсии).

В конечном итоге целостный исторический факт выступает в виде органического единства онтологической и гносеологической проекций познаваемых событий прошлого. Его формирование совершается по внешне простой, но содержательно очень сложной схеме. Вначале устанавливается

достоверность возникновения нового значимого элемента историко-социального бытия (выясняется, как говорил М. Горький, «а был ли мальчик?»); если историческое событие действительно имело место, то как оно по свидетельству участников, очевидцев и ряду других прямых и косвенных источников выглядело?; какими являлись идеальные схематизмы его генезиса и развития или, если прибегнуть к современной философской терминологии, каковы были «паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий субъектов социального процесса»? [4, с. 148].

Так, для получения внешне-бытийной и идейно-смысловой картины октябрьских событий в Петрограде 1917 года приходится преодолевать множество различных препятствий. В частности, нужно установить, был ли легендарный выстрел Авроры боевым или холостым? Существовали ли знаменитый штурм Зимнего или свержение Временного правительства происходило весьма спокойно и даже прозаично? Переодевался ли Ф. Керенский в женское платье или это выдумка? Наконец, это была закономерно возникавшая пролетарская революция или случайное, по сути дела, невероятное стечение различных обстоятельств, которыми мастерски воспользовались большевики и совершили неожиданный государственный переворот с насильственным захватом власти? И если на первые вопросы (как, впрочем, и многие другие данного типа) сегодня имеются достаточно убедительные ответы, то последний является объектом острых научных и политических дискуссий.

Коллективная историческая память, являющаяся хранителем сведений об исторических событиях прошлого, при умелом обращении с ней способна обеспечивать «опережающее отражение» возможных сценариев развития настоящего и становления нового будущего. Как подчеркивает М.А. Барг, человек может уверенно идти вперед «только в том случае, если его мысль оглядывается назад» [6, с. 13]. Это касается и всего общества. Гегелевское фрактальное «погружение в основания» обогащает историческую память, которая выступает «не только как фактор стабильности и интеграции общества, но и как средство социальных изменений, как движущая сила давно назревших общественных перемен и трансформаций» [7, с. 129]. В ходе подобной рефлексивной деятельности некоторые события прошлого, представленные в форме исторических фактов, превращаются в специфические символы.

Понятие «символ», как и любая универсалия культуры, не поддается однозначному определению. Андрей Белый в 1910 году насчитал 23 существующие дефиниции данного концепта,

а А.Ф. Лосев после их обстоятельного логико-семантического анализа дал еще десяток собственных [8]. В «Новейшем философском словаре» предложена предельно широкая формулировка символа как понятия, фиксирующего «способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать (в контексте социокультурных аксиологических шкал) идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия» [9, с. 899]. Если переложить сказанное на более простой язык, то можно дать следующую рабочую дефиницию: «Символ — это вещь, награжденная смыслом» [10, с. 77].

Символ, содержание которого в емкой понятийной форме выражает сущность исторических событий прошлого, является необычайно сложным структурно-функциональным образованием. Органическое слияние в нем предметного образа и эксплицитного смысла, интуитивного и дискурсивного, чувственного и рационального приводит к тому, что факт 3 при наличии соответствующей информационно-пропагандистской и идеологической поддержки превращается, как отмечал А.Ф. Лосев, в «знак, который волнует умы», становится «не просто знанием, но конструктивно-техническим принципом для человеческих действий и волевой устремленности» [8, с. 30]. Не случайно поэтому подобные синергетические конструкторы втягиваются в орбиту острых политических и этно-конфессиональных баталий, подвергаясь не только мощному идеологическому давлению, но временами осквернению и даже физическому уничтожению.

В данной связи на интересном примере останавливается М. Стингл [11, с. 41–42]. Проводя раскопки на месте проживания древних «ягуарых индейцев» (Центральная Америка), археологи обнаружили множество обезображенных скульптур. Это было дело рук неизвестных мятежников, которые «казнили» статуи небольших размеров — отсекали им головы. А поскольку у огромных каменных изваяний гигантские головы нельзя было отрубить, то их лица были изуродованы шрамами. Такое агрессивно-деструктивное отношение к историческим символам, которые не вписываются в матрицу ценностных ориентаций властных структур, наблюдается и в современном мире, в том числе и у наших ближайших «цивилизованных» европейских соседей.

Одна из характерных особенностей исторических символов состоит в том, что они имеют аксиологическую окраску. Большинство заметных событий прошлого является результатом взаимодействия социальных субъектов, пытающихся удовлетворить свои интересы и потребности. Последние соответствуют их жизненной правде, в соответствии с которой сущее всегда

оценивается с позиции должного. Поэтому один и тот же интерпретируемый исторический факт необходимо проецировать на ценностные шкалы участников социальных действий. Это позволяет выявить смысловую, паратеоретическую раздвоенность исторического события: законное, правомерное, справедливое для одних не считается таковым для других. Выпячивание в политических целях какой-то одной из сторон и наделение с помощью новейших информационных технологий символической энергетикой чревато расколом общества. В целях консолидации различных социальных слоев необходимо искать исторические факты, которые имеют не узкосоциальное, а общенациональное звучание, символически объединяя разделенных пространством и временем многочисленные «Я» в целостное «Мы».

После распада СССР потребность поиска подобных объединяющих «исторических аттракторов» остро встала практически перед всеми молодыми государствами, появившимися на постсоветском пространстве, в том числе и перед государством белорусским. Эпизоды исторического прошлого, способные стать синергетическим притягательным центром, должны соответствовать ряду требований. Основное среди них — быть выразителем ментального духа народа и, как следствие, приниматься в качестве общезначимых символов если и не всеми, то, по меньшей мере, абсолютным большинством носителей исторического сознания. При этом очень важна их одинаковая привлекательность как для молодого, так и старшего поколения людей.

Социологические опросы, в том числе и проведенные кафедрой социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова в рамках исследования состояния исторической памяти белорусов (БРФФИ, договор № Г 15-130 от 4 мая 2015 г.), свидетельствуют, что самым рейтинговым событием, которое вызывает чувство гордости за свой народ, является победа над фашизмом в Великой Отечественной войне. Оценочная память о ней среди жителей нашей страны (в отличие от таких важных событий в истории Беларуси, как, например, Октябрьская революция 1917 года, образование БНР и БССР, принятие Декларации о Независимости и Конституции Республики Беларусь и др.) является достаточно целостной и не порождает противоречивых интерпретаций. В массовом сознании и старшего, и молодого поколения война выглядит как тяжелейшее испытание белорусского народа, который проявил в это время свои лучшие ментальные качества, чудеса стойкости и героизма.

Укреплению таких представлений способствует весь официальный исторический дискурс страны. Огромный вклад в символизацию героики этого эпохального события вносит объеди-

нение двух главных государственных праздников – Независимости и Освобождения страны от немецко-фашистских оккупантов в один. Приданию символу Победы национального колорита помогает концентрация исторической риторики на подчеркивание важной роли белорусского народа в разгроме немецкого фашизма [12]. И это дает ощутимые результаты. Как отмечает А.Л. Ластовский, «историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси» [12, с. 93].

Для оценки персонального вклада известных исторических личностей в развитие белорусской государственности и культуры предлагались имена Всеслава Чародея, Витовта и Ольгерда, Ефросиньи Полоцкой, Франциска Скорины, Кириллы Туровского, Тадеуша Костюшки, Кастуся Калиновского, Максима Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа, П.М. Машерова и др. Обнаружено, что абсолютное большинство опрошенных наиболее положительно воспринимает историческую роль выдающихся просветителей Франциска Скорины и Ефросиньи Полоцкой. Причем оценка их значимости практически полностью лишена негативных коннотаций как у «отцов», так и «детей». Все это говорит о том, что именно данные исторические персоналии могут быть одним из важных объединительных символов, конституирующих национальную и гражданскую идентичность современных белорусов.

В данной связи отметим следующий факт. При проведении всероссийского конкурса «Имя России» победителями последовательно стали Александр Невский, Петр Столыпин и Иосиф Сталин. В Германии соответственно – Иоганн Гёте, Мартин Лютер и Карл Маркс. Во время пребывания патриарха Кирилла в Витебске в 2009 году ему был задан вопрос: «Кого бы Вы назвали первым именем Беларуси?». После небольшого раздумия патриарх ответил: «Пожалуй, Ефросинью Полоцкую». К сожалению, для увековечения памяти выдающихся белорусских просветителей и популяризации их идей сделано недостаточно. В Польше, например, в каждом крупном городе, да и во многих населенных пунктах районного уровня, есть улица, названная именем Николая Коперника. А ведь наш земляк Франциск Скорина, личность и дела которого популяризируются не столь масштабно, как он этого заслуживает, ничуть не уступает по моще своего таланта гениальному польскому ученому. Так, белорусский философ Владимир Агиевич, который значительную часть своей творческой жизни посвятил расшифровке символики известной гравюры Скорины, пытается доказать, что «великий

Полочанин» на эзотерическом языке (возможно, опасался гонений инквизиции) изложил основы гелиоцентрической системы мира. И сделано это было намного раньше Николая Коперника. Не исключено, что это пока что интересная гипотеза, но знать ее было бы весьма полезно всем белорусам, особенно учащейся молодежи [13].

При исследовании состояния исторической памяти респондентов выявлено наличие у них достаточно смутных представлений о досоветском прошлом страны. И это касается не только старшего, но и молодого поколения, в том числе и студенческой молодежи. Подобное обстоятельство должно настораживать, ибо слабое «знание жителями Беларуси истории своей страны до начала XX века можно трактовать как “чистую доску”, которая может быть заполнена сконструированной памятью...» [12, с. 98]. На пустом «историческом поле» при соответствующей идеологической обработке, особенно в кризисные времена, может взойти весьма опасный «синергетический аттрактор». Наполнение его с помощью новейших политтехнологий деструктивной социопсихологической энергией масс в состоянии круто изменить траекторию общественного развития. Яркий тому пример – события в соседней Украине, в которой за относительно короткое время с помощью переписанных учебников истории и активной работы СМИ удалось создать в лице России образ врага украинского народа во все времена его существования.

Символы антироссийской направленности в принципе можно сконструировать и в Беларуси на материале таких эпизодов ее истории, как, допустим, известная битва под Оршей, походы князя Ольгерда на Москву, восстание под предводительством Т. Костюшки, казнь в Вильно К. Калиновского, репрессии «белорусских нацдемов» в 30-е годы XX века и др. В соответствующих социально-политических условиях и при активной пропагандистской «раскрутке» они могли бы самым негативным образом повлиять на интеграционные процессы Беларуси и России. Поэтому взятый курс двух государств на всестороннее единение братских народов, конечно, если это, как говорил известный политик, задумано «всерьез и надолго», нуждается в обстоятельном историко-идеологическом обеспечении. Особую роль здесь должны сыграть школьные и вузовские учебники истории. Они должны опираться на прочный и семантически прозрачный исторический фундамент, лишенный недоговоренностей, ложных стереотипов и «белых пятен».

При конструировании образа своего исторического прошлого любой народ должен сегодня привлекать контекст если и не глобального, то смежного историко-дискурсивного простран-

ства. В современном информационном мире любая локальная история пишется как бы на глазах всего человечества, по крайней мере, соседей [7, с. 130]. Утаить здесь ничего нельзя. Для создания позитивного международного имиджа страны и укрепления нравственного здоровья общества необходимо фокусировать массовое сознание не только на героических событиях и достижениях культуры прошлого, но и на тех эпизодах истории, которые порождают чувство горечи, а, нередко, и стыда за содеянное предшественниками (жестокое «раскулачивание» трудолюбивых крестьян, разгул антирелигиозного безумия с актами вандализма и др.). Это тоже «Мы» и перекладывать всю вину на внешних «Они», что часто делается, недопустимо. Реанимация памяти о «неудобных» исторических фактах – важное средство национального катарсиса.

Заключение. Следовательно, исторические события после их фиксации и последующей интерпретации и репрезентации превращаются в «упрямые» научные факты, которые являются инвариантами коллективной исторической памяти. При наличии добротной знаково-символической упаковки и надлежащем идеологическом обеспечении они могут успешно выполнять интеграционные, мобилизующие и ценностно-ориентирующие функции. При этом очень важно, чтобы исторические факты всегда рассматривались в единстве онтологического, гносеологического и аксиологического измерений, были защищены от фальсификаций, а скрытая в них символическая энергетика направлялась в гуманистическое русло.

Литература

1. Исторический факт, его понятие и описание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istoricheskij-fakt...ponyatie...opisanie.html>. – Дата доступа: 17.02.2018.
2. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
3. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
4. Табачков, А.С. Метатеоретическая репрезентация исторического прошлого / А.С. Табачков. – Минск: РИВШ, 2009. – 242 с.
5. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // Сочинения: в 6 т. – М., 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 232–233.
6. Барг, М.А. Историческое сознание как проблема историографии / М.А. Барг // «Цепь времен»: проблема исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. – М., 2005. – С. 12–37.
7. Капитонова, Т.А. Современные тенденции в исследованиях исторической памяти: философско-методологические аспекты / Т.А. Капитонова, В.А. Белокрылова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2017. – Т. 23. – С. 126–131.
8. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
9. Радионова, С.А. Символ / С.А. Радионова // Новейший философский словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с.
10. Маслова, В.А. Поэтический текст как объект филологического анализа / В.А. Маслова. – Минск, 1999. – С. 208.
11. Стингл, М. Тайны индейских пирамид / М. Стингл. – М.: Прогресс, 1982. – 126 с.
12. Ластовский, А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А.Л. Ластовский // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 4(102). – С. 88–99.
13. Агіевіч, У.У. Сімволіка гравюры Скарыны / У.У. Агіевіч; НАН Беларусі. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – 319 с.

Поступила в редакцию 29.03.2018 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК [811.161.1+811.112.2]'367.625-115

Способы глагольного действия и средства их репрезентации в современных русском и немецком языках

Алимпиева Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является сравнительно-сопоставительное исследование разносистемных языков, таких, например, как русский и немецкий. В частности, особый интерес представляет контрастивное изучение способов глагольного действия (СГД) и средств их выражения в различных типах дискурса, направленное на выявление универсального и специфического в сфере реализации акционсартных характеристик действия в языках с различной структурно-типологической организацией.

Цель статьи — сравнительное описание разноуровневых языковых средств репрезентации СГД, представленных в нормативных двуязычных словарях русского и немецкого языков — нормативном словарном дискурсе.

Материал и методы. Исследование проведено на материале «Большого немецко-русского словаря» О.И. Москальской, русско-немецкого и немецко-русского учебного словаря «Schulwörterbuch Russisch» Э. Даум, В. Шенк. Материалом исследования выступает русская и немецкая глагольная лексика (4 240 единиц), полученная в результате выборки на основе семантического анализа выражаемой акционсартной характеристики действия. Основные методы — дескриптивный, сравнительно-сопоставительный, качественно-количественный, компонентный анализ.

Результаты и их обсуждение. Способ глагольного действия является языковой универсалией, представленной во всех мировых языках. Средства репрезентации СГД исследуются в составе временных, количественных, специализированных СГД и формирующих их подтипов. В статье предложена оригинальная система способов глагольного действия для немецкого языка как языка описания, разработанная на основании общности характеристик протекания глагольного действия в русском языке — языке основания. Типовая акциональная характеристика глагольной лексики формируется в соответствии с типологическими особенностями сопоставляемых языков синтетическим и аналитическим способами при участии языковых средств семантического, морфемного и синтаксического (словосочетание) уровней.

Заключение. Средства выражения акциональных значений глагольной лексики на уровне нормативного словарного дискурса в сопоставляемых языках, в целом, характеризуются изоморфизмом. Некоторые различия в наборе средств реализации отдельных СГД, выявленные на основе проанализированных данных двух языков, обусловлены особенностями их структурно-типологической организации.

Ключевые слова: контрастивная аспектология, языковая универсалия, способ глагольного действия, языковые средства репрезентации.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 149–155)

The Manners of Verbal Action and the Means of their Representation in the Contemporary Russian and German Languages

Alimpiyeva E.V.

Education Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

One of the topical areas of contemporary linguistics is a comparative study of non-related languages, such as, for example, the Russian and German languages. In particular, a comparative study of the manners of verbal action and the means of their representation in various types of discourse is of particular interest, in order to identify the common and special features in the ways of representation of actional characteristics in languages with different structural and typological organization.

The purpose of the article is to describe comparatively the multilevel language means of representation of the manners of verbal action presented in normative bilingual dictionaries of the Russian and German languages — normative dictionary discourse.

Адрес для корреспонденции: e-mail: elena.alimpiyeva@gmail.com — Е.В. Алимпиева

Material and methods. The study is carried out on the material of the «Great German-Russian Dictionary» by O.I. Moskalskaya, Russian-German and German-Russian academic dictionary «Schulwörterbuch Russisch» by E. Daum, V. Shenk. The object of the study is the Russian and German verbal lexicon (4,240 units), obtained as a result of selection based on the semantic analysis of the expressed actional characteristics of the action. The main methods of the research are descriptive, comparative, qualitative and quantitative, component analysis.

Findings and their discussion. The manner of verbal action is one of the linguistic universals, represented in all world languages. The means of representation of the manners of verbal action are studied in the composition of their temporary, quantitative, special-effective types and the subtypes that form them. The article proposes an original system of the manners of verbal action for the German language as the language of description, developed on the basis of the generality of the common characteristics of the course of the verbal action in the Russian language as the base language. Typical actional characteristics of the verbs represented in the dictionary is formed in accordance with the typological features of the compared languages by synthetic and analytical methods with the participation of language means of semantic, morphemic and syntactic (word combination) levels.

Conclusion. The means of representation of the actional meanings of the verbal lexicon at the level of the normative dictionary discourse in the languages being compared are, on the whole, characterized by isomorphism. Some differences in the set of means for implementing separate manners of verbal action, which are identified on the basis of the analyzed data of the two languages, are due to the peculiarities of their structural and typological organization.

Key words: contrastive aspectology, linguistic universal, manner of verbal action, language means of representation.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 149–155)

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является сравнительно-сопоставительное исследование разнотипных языков, таких, например, как русский и немецкий. В частности, особый интерес представляет контрастивное изучение способов глагольного действия (СГД) и средств их выражения в различных типах дискурса, направленное на выявление универсального и специфического в сфере реализации акционсартных характеристик действия в языках с различной структурно-типологической организацией (работы Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, М.А. Шелякина, Е.В. Петрухиной, А.А. Зализняк, И.-Э.С. Рахманкуловой, М.Г. Гашковой, Н.Н. Волостновой, С.В. Коваленок, У. Швалль и др.).

Теоретической базой настоящего исследования является положение о существовании во всех языках так или иначе структурированного функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности, которое представляет собой «систему разнотипных средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т.п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их функций» [1, с. 27].

Объектом данного исследования выступает русская и немецкая глагольная лексика различных способов глагольного действия, формирующих в обоих языках ближнюю периферию ФСП аспектуальности.

Цель статьи – проанализировать и описать разнотипные языковые средства репрезентации основных типов СГД в русском и немецком языках посредством сравнения формально-содержательного наполнения глагольных единиц, зафиксированных в нормативных двуязычных словарях русского и немецкого языков – нормативном словном дискурсе (НСД).

Материал и методы. Исследование проведено на материале двуязычного «Большого немецко-русского словаря» О.И. Москальской, включающего как слова общеупотребительные, так и ряд слов, находящихся за пределами литературного языка или на его периферии, но встречающихся в различных жанрах литературы [2, с. 7]. Этот факт обусловил выбор нами данного словаря в качестве источника фактического материала, так как «большинство способов действия в русском языке имеет отчетливо разговорный оттенок и включает в себя множество экспрессивных, оценочных и других прагматически значимых компонентов значения» [3, с. 106]. Для уточнения значений и средств выражения отдельных СГД нами привлекались также данные русско-немецкого и немецко-русского учебного словаря «Schulwörterbuch Russisch» Э. Даум, В. Шенк [4, с. 106]. Материалом исследования выступает русская и немецкая глагольная лексика (4 240 единиц), полученная в результате сплошной на основе семантического анализа выражаемой акционсартной характеристики действия. Для достижения поставленной цели нами использовались такие лингвистические методы, как дескриптивный, сравнительно-сопоставительный, качественно-количественный, компонентный анализ, элементы количественных подсчетов.

Результаты и их обсуждение. Способ глагольного действия является языковой универсалией, представленной во всех мировых языках. В данном исследовании мы, вслед за Ю.С. Масловым, А.В. Бондарко, М.Н. Закамулиной, Й. Эрбенем, под СГД понимаем «лексико-семантическую категорию, не обязательно выраженную формально, характеризующую ход действия и функционирующую в языке с помощью языковых средств различных уровней» [5, с. 56].

Ввиду довольно подробной изученности русских СГД в настоящей работе интерес для нас,

в первую очередь, представляют средства репрезентации способов действия в безвидовом немецком языке, который, как известно, не обладает достаточной парадигмой словообразовательных средств для выражения акционсартных значений, сопоставимой по объему с русским языком.

При установлении средств выражения акционсартов в обоих сопоставляемых языках на материале НСД мы исходим из того, что способ действия как лексико-семантическая категория может быть реализован как минимум одной из следующих возможностей [6, с. 63]: 1) семантикой самого глагола; 2) словообразовательными средствами (глагольная суффиксация, глагольная префиксация и полупрефиксация, изменение корневого гласного, образование отыменных глаголов при одновременном присоединении префикса или полупрефикса, глагольное словосложение); 3) дополнительными средствами (сочетанием глагола и лексического показателя того или иного акционального значения, описательными средствами, глагольно-субстантивными конструкциями, глагольными устойчивыми словосочетаниями с полным и частичным переосмыслением).

Способы действия, реализуемые в сопоставляемых языках первыми двумя возможностями, мы рассматриваем как СГД «синтетического типа» (*eigentliche Aktionsarten*), сочетания, служащие их аналитическими эквивалентами, – как СГД «аналитического типа» (*uneigentliche Aktionsarten*) [7, с. 385].

Системы способов действия сопоставляемых языков исследуем исходя из того, что согласно классификации, принятой Русской грамматикой–80, СГД в русском языке представлены тремя основными типами, выделяемыми на основе уточнения характеристик протекания и распределения действия во времени, количественно-временной характеристики действия и характера достижения действием результата [8].

Выделение СГД для немецкого языка осуществляется нами по критерию наличия специфических характеристик, объединяющих глаголы в одну семантическую группу с общим аспектуальным признаком, аналогичным акциональному характеру действия, выраженного русским глаголом.

Таким образом, систему СГД, исчисленных нами для русского и немецкого языков, в данном исследовании составляют следующие основные группы СГД и формирующие их типы и подтипы:

1. *Временные СГД*: 1) начинательные СГД; 2) ограничительные СГД; 3) завершительные СГД.
2. *Количественные СГД*: 1) одноактные СГД; 2) многоактные СГД.
3. *Специально-результативные СГД*: 1) накопительно-суммарный СГД; 2) распределительный СГД; 3) интенсивно-результативные СГД;

- 4) отделительно-партитивный СГД; 5) комплективно-партитивные СГД; 6) мутативный СГД.

Общая семантика глаголов *временных СГД* (*Aktionsarten mit Phasenbedeutung*) в русском и немецком языках определяется как «уточнение характера протекания действия во времени». Русские и немецкие глаголы с временным значением реализуют действие, ограниченное временными рамками, и указывают на начало, завершение действия либо ограниченность осуществления действия во времени.

Результаты проведенного исследования языкового материала свидетельствуют о том, что глаголы начинательного, ограничительного и завершительного типов временных СГД широко представлены в НСД русского и немецкого языков и эксплицированы синтетическими и аналитическими единицами с использованием средств трех уровней языковой системы.

Среди средств выражения начинательности, делиминативности и финитивности глагольного действия в проанализированном нами материале двух языков преобладают словообразовательные средства: 77% русскоязычной и 54% немецкоязычной глагольной лексики со значением временной локализованности.

Языковые средства выражения временных СГД морфемного уровня носят константный характер и являются ядерными в обоих сопоставляемых языках. Наиболее продуктивными в формировании фазисного значения, выраженного предельным перфективным глаголом, являются:

1) в русском языке – морфемы *за-, по-, в(о)з-/в(о)с-...-(ся), раз-/рас-...-(ся)* для начинательных, *по-, про-, пере-* – для ограничительных и *от-, до-* – для завершительных способов действия: *заговорить, поехать, разгореться; поиграть, просидеть* (напр., весь день где-л.), *переждать; отучиться, дописать* и др.;

2) в немецком языке – ингрессивные глагольные префиксы и полупрефиксы *auf-, an-, er-, los-*, ограничительные *durch-, ver-*, финитивные *aus-, ab-, auf-*: *aufbrausen* 'зашуметь', *anspringen* 'завестись', 'заработать', *ergrimmen* 'рассвирепеть', *losfahren* 'поехать'; *durchwachen* 'прободствовать' (напр., всю ночь), *abwettern* 'переждать (непогоду)', *ausreden* 'договорить до конца', *abklingen* 'отзвучать', *verblühen* 'отцветать' и др.

Средства синтаксического уровня (сочетания фазисных глаголов и инфинитива, сочетания глагола с начинательным / завершительным значением, инфинитива и приглагольного объекта, глагольно-субстантивные конструкции), например, рус.: *начать действовать, прийти в движение, разразиться смехом, закончить писать, покончить с каким-л. делом, довести что-л. до конца*; нем.: *anfangen zu singen* 'запеть', *beginnen zu sprechen* 'заговорить', *aufhören zu weinen* 'перестать

плакать', *aufgeben zu streiten* 'закончить спор', *j-n telefonisch erreichen* 'дозвониться до кого-л.', *etw. völlig gar kochen* 'доварить что-л.' и др., в сопоставляемых языках также имеют регулярный характер. Средства данного уровня формируют ближнюю периферию поля средств выражения временной локализованности действия, выраженного русским и немецким глаголами.

Большая количественная представленность языковых средств репрезентации временных СГД синтаксического уровня в немецкоязычном словарном дискурсе по сравнению с русскоязычным (42% и 20% соответственно), с нашей точки зрения, обусловлена менее развитой системой словообразовательных средств немецкого языка и, следовательно, необходимостью наличия минимального контекста (лексического маркера), содержащего указание на протяженность временного интервала, охватывающего осуществляемое действие.

В ходе исследования выявлены также некоторые количественные отличия на уровне языковых средств выражения ограничительного типа временных СГД в двух языках. Так, при реализации делимитативной характеристики глагольного действия в немецком языке наблюдается явное преобладание языковых средств синтаксического уровня (НЯ – 60%, РЯ – 0%), что, на наш взгляд, объясняется отсутствием в немецком языке морфемы-репрезентанта делимитативного значения, аналогичной по продуктивности русским ограничительным приставкам *no-, pro-*: рус. *мечтать – помечтать* / нем. *träumen – eine Zeitlang träumen*.

Дальнепериферийными в обоих языках являются языковые средства семантического уровня (РЯ – 3%, НЯ – 4%): рус. *начинать, стать, приниматься, приступить, взяться; заканчивать, истекает (о сроке), завершать, прерывать*; нем. *beginnen* 'начинать', 'начинаться', *starten* 'начать', *rebellieren* 'взбунтоваться'; *strampeln* 'поработать', 'потрудиться', 'повкалывать' (разг.), *rasten* 'передохнуть', 'сделать привал'; *enden* 'закончить', 'заканчиваться', *zessieren* 'прекратить что-л.', *schaffen* 'добиться чего-л.', 'достать что-л.', 'справиться с чем-л.' и др.

Согласно Русской грамматике–80 в группу количественных СГД входят способы действия, дифференцируемые по следующим классифицирующим признакам: 1) однократность / многократность действия; 2) моментативность / немоментативность; 3) высокая / низкая интенсивность проявления действия; 4) дистрибутивность действия; 5) взаимность действия; 6) полнота / неполнота действия.

В соответствии с этим группу количественных СГД (*Aktionsarten mit quantifizierender Bedeutung*) образуют следующие типы и подтипы СГД, исчисленные нами для русского и немецкого языков:

1. Одноактные СГД: 1) однократный СГД (*semelfaktive Aktionsart + momentative Aktionsart*); 2) смягчительный СГД (*attenuative Aktionsart*); 3) уменьшительный СГД (*diminutive / attenuative Aktionsart*).

2. Многоактные СГД: 1) многократный СГД (*iterative / multiplikative Aktionsart*); 2) прерывисто-смягчительный СГД (*diminutive / attenuative Aktionsart*); 3) сопроводительный СГД (*komitative Aktionsart*); 4) длительно-ослабленный СГД (*perdurativ-diminutive Aktionsart*); 5) длительно-интенсивный СГД (*intensive Aktionsart*); 6) осложненно-интенсивный СГД (*kompliziert-intensive Aktionsart*); 7) длительно-взаимно-дистрибутивный СГД (*mutuelle Aktionsart*).

Общая семантика *одноактных СГД* и формирующих их подтипов в сопоставляемых языках определяется как «кратковременное действие, состоящее из одного кванта». Глаголы всех подтипов *многоактных СГД* в русском и немецком языках описывают действие как процесс, состоящий из нескольких идентичных актов и не ограниченный во времени.

Сравнительный анализ паритетного количества глагольной лексики с количественным значением, представленной в исследуемом НСД, дает основания говорить о том, что явных отличий в выборе средств формирования акциональных значений, образующих группу количественных СГД, между сопоставляемыми языками не наблюдается. Одноактное и многоактное значение в сопоставляемых языках может быть эксплицитовано синтетическими и аналитическими средствами семантического, морфемного и синтаксического уровней при явном преобладании словообразовательных средств: 75% (РЯ) и 53% (НЯ). Доминирующим в обоих языках при формировании акциональных значений количественных СГД является аффиксальный способ глагольного словообразования при ведущей роли префиксации. Среди задействованных словообразовательных средств наиболее продуктивными для формирования количественного значения русского глагола являются суффиксы *-(a)ну-, -а-, -и-* для однократного и многократного подтипов (*швырнуть, прыгнуть, свистнуть, рубануть; шагать, мяукать, бурлить, лаять, греметь*), форманты *при-, под-, -в(ы)-...-ыва-/ива-...-(ся), пере-...-ыва-/ива-...-ся* для прочих подтипов количественных СГД (*прихрамывать, покашливать; пританцовывать, поддакивать; переговариваться, переписываться*); в немецком языке – суффиксы *-er(n), -el(n)* для многократного подтипа, префиксы *an-, aus-, nach-* для прочих подтипов количественных СГД (*ballern* 'стучать', *zwitschern* 'щебетать', 'чирикать', *pickern* 'тикать', *ausfragen* 'выпытывать', *nachspielen* 'подыгрывать').

Средства синтаксического уровня (глагольно-субстантивные конструкции, глагол + лексический маркер однократности / многократности, высокой / низкой интенсивности, неполноты, взаимонаправленности действия, глагол + сравнительный оборот, глагол + (предлог) + *ein/eine* + существительное) являются ближнепериферийными (РЯ – 24%, НЯ – 28,5%) и выполняют вспомогательную функцию при формировании количественного акционсартного значения русского и немецкого глагола: рус. *выпить одним глотком, ездить туда и обратно, наносить удары, бить куда попало, дать залп, слегка оцарапать, слушать краем уха, повторять вслед за кем-л., едва воспринимать, смотреть во все глаза, спать как сурок, перебивать друг друга*; нем. *einen Schritt tun* 'шагнуть', *einmal niesen* 'чихнуть', *hin und her laufen* 'сновать', 'бегать туда сюда', *es mit der Wahrheit nicht so genau nehmen* 'привирать', *sich etwas beruhigen* 'поуспокоиться', *halb öffnen* 'приоткрыть', *dabei etwas flüstern* 'пришепывать', *tänzelnd gehen* 'идти пританцовывая', *kaum gehen* 'едва ли ходить', *mit vollen Backen essen* 'уплетать за обе щеки', *wie ein Bär schnarchen* 'храпеть как медведь', *die Köpfe zusammenstecken* 'шушукаться друг с другом', *mit j-m im Briefwechsel stehen* 'переписываться с кем-л.'.

Средства семантического уровня в двух языках формируют дальнюю периферию языковых средств семантического поля количественности (РЯ – 1%, НЯ – 18,5%): рус. *бросить* (напр., мяч), *дать* (напр., пощечину), *смягчить, сопроводить, вторить, поугайничать, халтурить, тащить*; нем. *puffen* 'толкнуть', *fipsen* 'щелкнуть', *körnen* 'дробить', *mieuen* 'мяукать', *äugen* 'посматривать', 'попыхивать' (трубкой), *j-m folgen*, 'идти вслед за кем-л.', *hauchen* 'тихо шептать', *kitschen* 'халтурить', *sausen* 'нестись', *dachsen* 'спать как сурок', *benzen* 'выпрашивать', *sich schreiben* 'переписываться', *sich jagen* 'гоняться друг за другом'.

Выявленные в ходе исследования количественные различия в выборе средств реализации однократного действия в сопоставляемых языках, а именно меньшая количественная представленность словообразовательных средств и некоторое преобладание в рассмотренном материале немецкого языка СГД с количественным значением аналитического типа, с нашей точки зрения, объясняются особенностями словообразовательного строя немецкого языка и его общей тенденцией к аналитизму.

Специально-результативные СГД выражают определенные акционсартные характеристики действия, доведенного до реального результата. К данным характеристикам относятся: 1) исчерпанность действия, достигшего результата; 2) дистрибутивность субъектного либо объектно-

го результативного действия; 3) кумулятивность результативного субъектного либо объектного действия; 4) постепенное изменение субъекта с последующим его переходом в результате действия в новое состояние.

В соответствии с обозначенными выше дифференциальными признаками группу *специально-результативных СГД (Aktionsarten mit spezial-resultativer Bedeutung)* образуют следующие типы способов действия, исчисленные нами для русского и немецкого языков на основе классификации, предложенной Русской грамматикой–80:

1. Накопительно-суммарный СГД: 1) кумулятивный (*kumulative Aktionsart*); 2) сатуративный (*saturative Aktionsart*).

2. Распределительный СГД: 1) объектно-дистрибутивный (*objekt-distributive Aktionsart*); 2) субъектно-дистрибутивный (*subjekt-distributive Aktionsart*).

3. Интенсивно-результативный СГД: 1) тотальный СГД (*totale Aktionsart*); 2) чрезмерно-нормативный (*exzessiv-normative Aktionsart*); 3) чрезмерно-длительный (*exzessiv-perduraive Aktionsart*); 4) финально-отрицательный (*finitiv-negative Aktionsart*).

4. Отделительно-партитивный СГД (*kausativ-partitive Aktionsart*).

5. Комплетивно-партитивные СГД (*kompletiv-partitive Aktionsart*): 1) добавочный СГД (*kompletiv-partitive Aktionsart*); 2) орнативный СГД (*ornative Aktionsart*); 3) редупликативный СГД (*reduplikative Aktionsart*).

6. Мутативный СГД (*mutative Aktionsart*).

В нашем исследовании за рамками анализа мы оставляем довольно многочисленную группу отобранных глаголов (808 ед.) общерезультативного типа специально-результативных СГД, исходя из того, что рядом ученых (Н.С. Авилова, Анна А. Зализняк и др.) данное значение рассматривается как «частный случай собственно видового значения (значения совершенного вида)» [9, с. 299]. По данной причине исследование средств репрезентации общерезультативного значения на материале немецкого языка, не обладающего грамматической категорией вида, на уровне НСД вне контекста и системы времен представляется нам нецелесообразным.

Как показало проведенное сопоставление русских и немецких акционсартов, при выборе средств выражения специально-результативного значения на уровне НСД русский язык в 92% случаев прибегает к использованию словообразовательных средств (префиксов, циркумфиксов). В немецком языке ядерными средствами формирования специально-результативного значения также являются глагольные префиксы и полупрефиксы при гораздо меньшем их удельном весе (65%) по сравнению с русским языком, что,

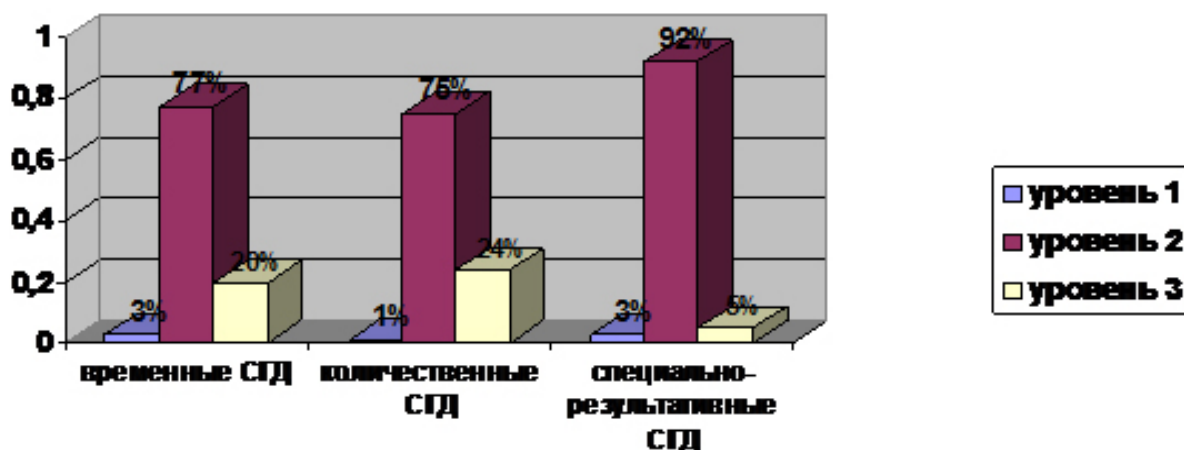

Рис. 1. Диаграмма процентного соотношения языковых средств репрезентации временных, количественных и специально-результативных СГД (на материале НСД русского языка).

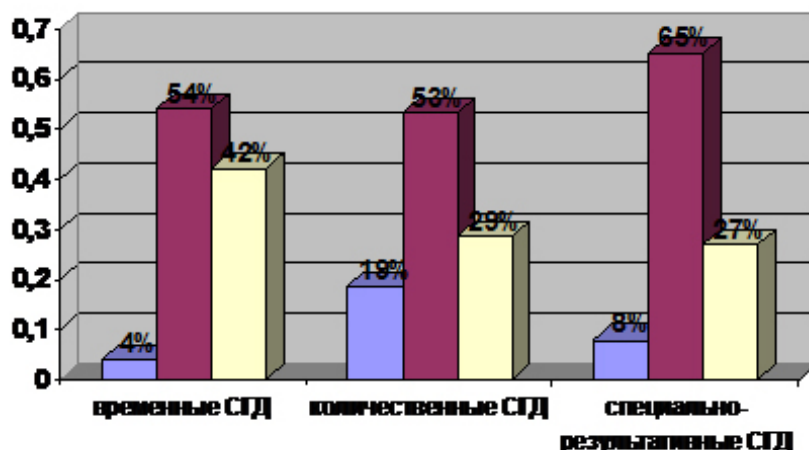

Рис. 2. Диаграмма процентного соотношения языковых средств репрезентации временных, количественных и специально-результативных СГД (на материале НСД немецкого языка).

на наш взгляд, объясняется менее четкой дифференциацией акциональных приставочных значений в немецком языке по сравнению с русским языком. Установлено, что наиболее продуктивными в формировании акциональных значений глагольных единиц специально-результативных СГД являются:

1) в русском языке – морфемы *на-*, *пере-*, *по-*, *из-/ис-...-(ся)*, *от-*, *под-*, *при-*, *над-*, *-е-*, *-ну-*, *-а-*: *наварить*, *перессориться*, *повставать*, *изнервничаться*, *перестараться*, *переделать*, *откусить*, *подлить*, *пристроить*, *надвязать*, *краснеть*, *сохнуть*, *тощать*;

2) в немецком языке – *auf-*, *be-*, *über-*, *durch-*, *zer-*, *ab-*, *weg-*, *nach-*, *an-*, *zu-*, *-er(n)*, *-el(n)*: *aufreden* 'наговорить', *sich berauschen* 'напиться (пьяным)', *bewerfen* 'забрасывать (кого-л., что-л. чем-л.)', *überzahlen* 'переплатить', *durch-*

fahren 'изъездить' (напр., всю местность), *sich zerarbeiten* 'измучиться от работы', *abschneiden* 'отрезать', *wegreißen* 'оторвать', *nachmalen* 'подрисовать', *anstricken* 'надвязать', *zuschreiben* 'приписать', *tagern* 'худеть', *dunkeln* 'темнеть'.

К ближней периферии полевой структуры языковых средств формирования специально-результативных СГД в немецком языке относятся аналитические глагольно-именные конструкции (27%), составляющие в проанализированном материале русского языка лишь 5% общего количества глагольной лексики со специально-результативным значением: нем. *sich die Stimme ausschreien* 'накричаться', *sich satt sehen* 'насмотреться', *sich müde spielen* 'наиграться', *sich tot arbeiten* 'наработаться до смерти', *alles kurz und klein schlagen* 'перебить все вдребезги', *Mann für Mann aufstehen* 'повста-

вать (один за другим)'; *nacheinander aufspringen* 'повскакивать (один за другим)'; *ganz Deutschland abklappern* 'изъездить всю Германию'; *allzulange warten* 'зажидаться'; *etw. an etw. (Akk.) / in etw. (Akk.) tun* 'добавлять что-л. во что-л.'; *mal wieder prüfen* 'перепроверить'; *rot anlaufen* '(по)краснеть'; рус. *прийти один за другим, поочередно вставлять, покрывать воском, снабжать этикеткой, выстилать паркетом*.

Дальнепериферийными в двух языках являются средства семантического уровня языковой системы (РЯ – 3%, НЯ – 8%): рус. *лишиться, лишить, лущить, золотить, чернить, бронзировать*; нем. *schälen* 'снимать кожуру'; *pellen* 'очищать от кожуры'; *nachten* 'темнеть'; *kalten* 'холодеть'; 'стынуть'; *greisen* 'стареть'; *panschen* 'подмешать'; *schütten* 'подлить'; *rahmen* 'обрамлять'; *holzen* 'обшивать деревом' и др.

Таким образом, результаты проведенного исследования систем способов глагольного действия и средств их выражения в русском и немецком языках позволяют утверждать, что СГД сопоставляемых языков образуют иерархически организованные семантические общности со сходной структурной и соотносительной количественной представленностью. Классифицирующие акциональные значения, положенные в основу иерархий СГД в русском и немецком языках, являются идентичными для двух языков, что, на наш взгляд, объясняется их универсальным метаязыковым характером.

Параллелизм сопоставляемых русского и немецкого языков наблюдается также в выборе средств репрезентации СГД: в обоих языках акционсартные значения транслируются синтетическими и аналитическими средствами семантического, морфемного и синтаксического уровней языковой системы.

Количественное соотношение языковых средств семантического (уровень 1), морфемного (уровень 2) и синтаксического (уровень 3) уровней, участвующих в формировании акционсартных значений СГД в русском и немецком языках, представлено в диаграммах (рис. 1–2).

Из данных приведенных диаграмм (рис. 1–2) следует, что ядерными средствами выражения значений СГД всех трех основных типов в исследуемом материале НСД русского и немецкого языков являются словообразовательные средства, составляющие в среднем 81% (РЯ) и 57% (НЯ) общего количества проанализированных средств трех уровней. Установлено, что в немецкоязычном НСД аналитический способ выражения временных, количественных и специально-результативных СГД используется гораздо шире, чем в русскоязычном: в среднем 33% и 16% соответственно. Данный факт, с нашей точки зрения, объясняется особенностями словообразовательной системы немецкого языка, характеризующейся менее четкой дифференциацией приставочных аффиксов с акциональным значением по сравнению с русским

языком, а также общей тенденцией немецкого языка к аналитизму. Языковые средства семантического уровня формируют дальнюю периферию полевой структуры языковых средств репрезентации акциональных значений СГД сопоставляемых языков (РЯ – 3%, НЯ – 10%).

Заключение. Сравнительное исследование средств репрезентации способов глагольного действия на материале русско- и немецкоязычного НСД позволяет сделать вывод, что, несмотря на разную структурно-типологическую организацию русского и немецкого языков, в выборе средств формирования акциональных значений глагольной лексики, образующей три основные группы СГД, сопоставляемые языки, в целом, проявляют изоморфизм, что обусловлено универсальным характером исследуемых акционсартных значений и общими закономерностями их функционирования в двух языках.

Выявленные на основе данных сопоставляемых языков незначительные количественно-качественные различия в выборе средств реализации отдельных СГД (однократного, распределительного, длительно-взаимно-дистрибутивного и др.) возникают, на наш взгляд, вследствие несколько меньшей роли аффиксации в системе способов словообразования и номинации немецкого языка по сравнению с русским языком, что приводит к некоторой нивелировке акциональных значений немецкого глагола.

Литература

1. Бондарко, А.В. Введение. Аспектуальность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. – М., 1987. – С. 3–93.
2. Большой немецко-русский словарь: в 3 т. Т. 1 / авт.-сост. Е.И. Лепинг, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг [и др.]; под общ. рук. О.И. Москальской. – 9-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004. – 761, [7] с.
3. Зализняк, Анна А. Введение в русскую аспектологию / Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 226 с. – (Studia philologica).
4. Русско-немецкий и немецко-русский учебный словарь = Schulwörterbuch Russisch / Э. Даум, В. Шенк. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 1749, [11] с.
5. Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik / J. Erben. – Akademie-Verlag, Berlin, 1963. – 226 S.
6. Helbig, G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1972. – 629 S.
7. Маслов, Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Ю.С. Маслов; сост. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян; вступ. ст.: А.В. Бондарко [и др.]. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 839 с.
8. Русская грамматика: в 2 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.
9. Авилова, Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н.С. Авилова; отв. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Наука, 1976. – 328 с.

Поступила в редакцию 20.04.2018 г.

УДК [811.161.1+811.111]:276:34

Речевой акт оскорбления в юрислингвистике: понятие, структура, классификация

Барковская Я.Л.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Сегодня в юрислингвистической практике существует несколько подходов к пониманию речевого акта оскорбления, следовательно, его интерпретации и правовой экспертной оценки. С одной стороны, это следует оценивать как положительное явление, которое позволяет исследовать феномен оскорбления в призма различных научных направлений. С другой стороны, такое положение дел диссонирует с важнейшей категорией юридического права — объективностью. Парадоксальность сложившейся ситуации требует серьезного теоретического осмысления, конечной целью которого должна стать разработка универсальной модели подготовки экспертного заключения о нанесении морального вреда, что требует обязательного детального анализа имеющихся научных представлений, подходов к типологизации и структуре речевого акта оскорбления.

Цель статьи — изучить специфику лингвоправового регулирования оскорбления в юридическом дискурсе Беларуси и Британии.

Материал и методы. В качестве материала исследования были использованы законодательные акты Республики Беларусь, а также Великобритании, касающиеся правовой оценки речевого акта оскорбления, методологические модели проведения ее соответствующей правовой экспертной оценки. Методологическую базу составили метод моделирования, сравнительно-сопоставительный и дискурс-анализ.

Результаты и их обсуждение. В юридической экспертологии можно выделить несколько направлений подготовки заключений по вопросам наличия в тексте элементов оскорбления. Данный факт обусловлен, в первую очередь, разночтениями в понимании феномена оскорбления. В настоящей работе предлагается исходить из законодательно закрепленного определения, что позволяет представить четкую модель проведения экспертного анализа. Для белорусской судебной практики данная модель выводится из содержания статей 189 Уголовного кодекса и 9.3 Кодекса об административных правонарушениях и включает цель, содержание, форму речевого выражения, участников. В британской правовой системе модель оскорбления включает участников, цель и средства. Речевые акты оскорбления отличаются вариативностью: исследователи выделяют до 20 видов вербального оскорбления.

Заключение. Установление наличия в содержании речевого высказывания имплицитных и эксплицитных компонентов оскорбления в белорусском правовом поле входит в компетенцию как судебных органов (определение целевой направленности высказывания устанавливается только в судебном порядке), так и специалистов в области экспертологии (изучение содержания, формы речевого выражения и участников). В британской юридической системе все компоненты оскорбления входят в сферу экспертной оценки, которая, однако, трактуется как косвенное доказательство.

Ключевые слова: оскорбление, речевой акт оскорбления, лингвистическая экспертология, юрислингвистика, британское право, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 156–160)

The Speech Act of Insult in Legal Linguistics: Concept, Structure, Classification

Barkovskaya Ya.L.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Today in the juridical linguistic practice there are several approaches to understanding the speech act of insult, therefore, of its interpretation and legal expert evaluation. On the one hand, it should be regarded as a positive fact, which allows us to analyze the phenomenon of insult from the various scientific points of view. On the other hand, this state of affairs is discordant with the most important category of legal law — objectivity. The paradoxical feature of the situation requires serious theoretical understanding, the ultimate goal of which should be working out of a universal model for providing

Адрес для корреспонденции: e-mail: lana3044@mail.ru — Я.Л. Барковская

opinions on the issue of the moral damage infliction, which requires an obligatory detailed analysis of existing scientific views, approaches to the typologization and the structure of the speech act of insult.

Material and methods. The legal acts of the Republic of Belarus, as well as those of Great Britain, concerning the legal assessment of the speech act of insult, the methodological models of conducting its relevant legal expert analysis were used as the study material. The methodological framework of the study included the method of modeling, comparative-correlative and discourse analyses.

Findings and their discussion. In legal expertology several approaches, for providing opinions on the issue of the existence of insult elements in the text, can be distinguished. Primarily, this fact is based on the different interpretations in the understanding of the phenomenon of insult. In our research it's proposed to proceed from a statutory definition, which allows us to present a clear pattern for carrying out expert analysis. For the Belarusian judicial practice this model is derived from the content of articles 189 of the Criminal Code and 9.3 of the Code of Administrative Offences and includes the purpose, content, form of a verbal statement, participants. In the British legal system the insult model includes participants, the purpose and means. Speech acts of insult are variable: researchers identify up to 20 types of verbal abuse.

Conclusions. In the Belarusian legal field the determination of the existence of implicit and explicit components of insult in the content of a verbal statement falls within the competence of both the judiciary (the identification of the target of the statement is conducted only in the legal process) and specialists in the field of expertology (research of content, form of a verbal phrase and participants). In the British legal system all the components of insult fall within the scope of forensic analysis, which, however, is interpreted as indirect evidence.

Key words: insult, speech act of insult, linguistic expertology, legal linguistics, British law, Criminal Code of the Republic of Belarus, Code of Administrative Offences of the Republic of Belarus.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 156–160)

Вопросы правовой экспертологии не новы для современной юрислингвистики, которая за непродолжительное время накопила определенный теоретический материал и обширный практический опыт проведения исследований. В зарубежной лингвистике данной проблематикой занимались такие ученые, как А.Х. Юкер, И. Таавицайнен, Х. Клоостерхис, Дж. Калпепер и др. Активно в этом направлении работают в последние десятилетия и в России (см. труды В.М. Баранова, К.И. Бринева, Н.Д. Голева, Г.В. Кусова, М.А. Осадчего, Е.В. Ерофеевой и др.). К сожалению, в отечественном языкознании рассматриваемая отрасль научной и прикладной деятельности пока не получила серьезного развития, что, безусловно, актуализирует представленное исследование.

Одной из важнейших проблем современной судебной лингвистической экспертологии является проблема оскорбления. Сегодня активно ведется работа по изучению феномена оскорбления с позиции как языкознания, так и юриспруденции, проводятся попытки детерминировать понятие «неприличная форма», создан словарь терминов и т.д. Все это должно в некоторой степени стандартизировать процесс проведения судебной лингвистической экспертизы и позволит избежать определенной доли субъективизма. Кроме того, усилиями лингвистов, юристов и экспертов разрабатываются методики проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Однако на данный момент не существует единого общепринятого подхода, которым могли бы руководствоваться исследователи при выполнении лингвистического анализа. Следует также отметить, что алгоритм подготовки заключений на установление наличия в тексте указаний

на оскорбление во многом зависит от национального законодательства и закрепленных в нем представлений о возможных причинах нанесения морального вреда.

В этой связи актуальным видится проведение сравнительно-сопоставительных исследований лингвоправового статуса оскорбления в различных странах, что позволит 1) расширить рамки экспертных представлений и 2) осуществить переход к преемственности и взаимопризнанию специальных заключений, что, безусловно, важно в условиях экспансии межкультурного коммуникативного взаимодействия.

Цель статьи – изучить специфику лингвоправового регулирования оскорбления в юридическом дискурсе Беларуси и Британии.

Материал и методы. Практическим материалом научной работы послужили базовые законодательные акты Республики Беларусь, а также Великобритании, регламентирующие правовую оценку оскорбления; методологические подходы к правовой экспертной оценке. В процессе исследовательской деятельности были использованы метод моделирования, сравнительно-сопоставительный и дискурс-анализы.

Результаты и их обсуждение. В современной юрислингвистике не существует общепринятого понимания речевого акта оскорбления. Так, например, Г.В. Кусов приводит следующее определение: «Речевой акт оскорбления (РАО) – это самостоятельный речевой акт, обладающий конвенциональными правилами особого свойства, где конвенциональность направлена на достижение определенной прагматической цели, то есть это средства языка, обслуживающие коммуникативные цели и представляющие собой часть языковой компетенции человека <...>» [1, с. 41].

Е.В. Ерофеева утверждает, что «РАО – это проявление агрессивного типа поведения, которое представляет собой выражение крайне негативного отношения говорящего к слушающему путем приписывания ему пейоративных признаков и нанесение ему тем самым эмоционального ущерба» [2, с. 96]. РАО – одна из форм поведения говорящего, имеющая иллокутивную цель обиды [3, с. 145]. Полагаем, что ни одно из указанных определений не может быть признано универсальным, так как разработано в рамках отдельного научного направления в лингвистике. Так, например, в них не отражены возможности оскорбительности высказывания, переданного через третьих лиц, в письменной форме, невербальными средствами; возможность нанесения оскорбления действиями и т.д. Однако отчасти это вполне объяснимо, так как оценка отмеченных нами вариантов оскорбления может требовать привлечения и других гуманитарных наук и направлений (философии, этики, культурологии, социологии и т.д.).

Что касается структуры РАО, то мнения исследователей по данному вопросу также расходятся. Например, Е.В. Ерофеева полагает, что РАО включает в свой состав такие элементы, как «субъект, объект, предмет и форму оскорбления» [2, с. 96]; под субъектом она понимает инвектора; под объектом – честь, достоинство и деловую репутацию инвектума; под предметом – внешний вид, социальный статус, черты характера, профессию, факты биографии, состояние здоровья адресата; под формой – высказывания разной коммуникативной направленности с применением нецензурной лексики. В свою очередь лингвист К.И. Бринев утверждает, что РАО имеет следующую структуру [3, с. 95]:

1) участники (инвектор и инвектум (обязательные участники), наблюдатель (факультативный участник);

2) иллокутивная цель высказывания – говорящий пытается нанести ущерб психике слушающего;

3) условия успешности инвективного акта – адресант понимает, что высказывание может нанести морально-психологический вред адресату, который должен осознавать, что его оскорбили;

4) инвективное высказывание – высказывание, выполняющее функцию инвективы в самом общем смысле как «резкое выступление против к-л, ч-л; оскорбительная речь; брань, выпад» [4, с. 20].

М.А. Осадчий, проводя параметризацию модели речевого оскорбления, утверждает, что в ее структуру входит три компонента:

1) содержательная корректировка в худшую сторону образа лица;

2) использование лексических единиц, имеющих в лексикографических источниках пометы бран., руг., груб.-прост.;

3) наличие номинативных единиц [5, с. 102].

В свою очередь, мы полагаем, что решение данного вопроса не может быть выполнено без обра-

щения к правовой интерпретации понятия «оскорбление» («Оскорбление – умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме» (статья 189 Уголовного кодекса Республики Беларусь и 9.3 Кодекса об административных правонарушениях)). Таким образом, в отечественной юрислингвистической теории РАО включает следующие элементы:

1) цель – унижить кого-либо («Унижение – оскорбление, унижающее достоинство» [6]);

2) содержание – информация, которая негативно характеризует личность;

3) форма речевого выражения – обязательное наличие неприличной формы;

4) участники: адресант – обязательно непосредственно принимающий участие, адресат или третье лицо. Участие последних может быть факультативным (например, только адресат, только третье лицо (массовый читатель) или оба участника). Как видно, в национальном законодательстве нет условия обязательного наличия адресата: его можно оскорбить и обращаясь к третьим лицам. Кроме того, не имеет значения ситуация коммуникации (публичное выступление, письменная речь, устная).

Полагаем, что небезынтесным будет провести сравнительный анализ подходов к пониманию феномена оскорбления, представленного в национальных законодательствах других стран, где действует система прецедентного права. Так, например, в Британии оскорбление трактуется как «использование слов/действий/надписей/знаков угрожающего или оскорбительного характера, которые могут услышаны или увидены другим лицом, и вызовут у него чувство преследования, тревоги или беспокойства». Следовательно, получаем иную структуру РАО:

1) участники, наличие которых не может быть факультативным, так как высказывание инвектора всегда должно быть ориентировано на инвектума, а он, соответственно, должен понимать, что существует реальный адресант, совершающий против него противоправные действия;

2) цель, которая может подразумевать широкий круг действий оскорбительного и насильственного характера, в том числе и морального;

3) средства реализации поставленной цели, включающие разноаспектные компоненты вербальной и невербальной коммуникации, действий и др.

Таким образом, несмотря на довольно «расплывчатую» формулировку законодательного акта, с точки зрения славянской ментальности, сама структура реализации речевого акта оскорбления в британском законодательстве представляется довольно прагматичной: объект, субъект, цели и средства. Следует также отметить, что результаты лингвистической экспертной работы принимаются в судах Британии в качестве косвенного доказательства вины.

В нашем исследовании особое внимание уделено содержанию речевого акта оскорбления, так как именно смысловое наполнение фразы и определяет ее значение. Например, текст может быть расценен как оскорбление, если в нем есть инвектив – устойчивый языковой оборот, воспринимающийся как оскорбительный для своего адресата [7, с. 420]. Цель инвективы состоит в том, чтобы вызвать у объекта речевого воздействия негативное эмоционально-психологическое состояние посредством эксплицитных (прямое оскорбление) и имплицитных (непрямое оскорбление) форм. РАО как «способ вербальной агрессии» [4, с. 6] проявляется в передаче негативной информации для унижения чести и достоинства адресата. Здесь возникает несколько вопросов: что стоит понимать под понятием «негативная информация» и какие пласты лексики она включает? В настоящее время принято пользоваться следующей формулировкой: «В русской речевой культуре негативно ценным (неприличным) считается употребление обценных слов и выражений, а также форм, содержащих непристойность» [3, с. 106]. Существуют и другие мнения, в частности Н.Д. Голев и О.Н. Матвеева считают, что «оскорбительность» есть свойство самого слова, изначально присущий ему оскорбительный смысл. Русский мат в компании воспитанных людей оскорбителен сам по себе, кто бы его ни произносил или слушал [8, с. 170].

Для РАО характерен экспрессивный синтаксис, например, изменение порядка слов, эллиптические конструкции, повторы, парцелляция и т.д. Однако с точки зрения правовой экспертологии они могут интерпретироваться только как средства усиления эмоциональной характеристики речевого акта, но не его идентификации. Инвектива также включает в себя невербальный компонент, так как речевое воздействие может сопровождаться использованием кинесических (мимика, взгляд, жесты), просодических (высота и громкость голоса, сила ударения) и проксемических средств (переход из персональной в интимную зону коммуникации). На наш взгляд, применение невербальных средств общения позволяет усилить эффект воздействия и обеспечивает успешность инвективного акта. Следовательно, при изучении РАО необходимо рассматривать как вербальный, так и невербальный компоненты коммуникации. Но важно при этом понимать, что семантическое значение невербальных коммуникативных единиц, в том числе и их оскорбительные характеристики, должны быть закреплены в справочных изданиях.

С позиции теории речевых актов оскорблению необходимо обладать целенаправленностью, конвенциональностью и интенциональностью. Так, РАО как любой речевой акт осуществляется с определенной целью (оскорбить) и направлен на объект воздействия (чувства и психику инвектума). Безусловно, если говорящему не знакомы нормы языка, и он не знает, какие именно лекси-

ческие единицы могут унижить слушающего, то он не сможет достичь своей цели, то есть произойдет коммуникативная неудача. В качестве примера можно привести случай, когда русскоговорящий человек, не владея знаниями о ругательствах и нецензурной лексике английского языка, попытался оскорбить оппонента, сказав ему: “You are a crazy fish!” («Ты бешеная рыба!»), чем вызвал смех, а не нанес обиду.

Следует также четко разграничивать понимание РАО в коммуникативной лингвистике, с позиции которой говорящий может нанести морально-психологический вред слушающему, не имея намерения оскорбить и унижить, то есть не осуществляя иллюкутивную цель обиды. Представим следующую бытовую ситуацию: в автобусе пожилая женщина, намереваясь выйти из него, говорит человеку с длинными волосами, который стоит к ней спиной: «Девушка, Вы не выходите?». Этот человек оказался не девушкой, а парнем, который ехал вместе со своими друзьями. Конечно, пожилая женщина не имела намерения обидеть адресата, однако, тем не менее, она унизила молодого человека перед его друзьями. В статье журналиста А.В. Минкина «О вежливости» приведен следующий случай: в 2011 году журналист Роберт Томсон задал вопрос Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву «Будете ли Вы выставлять свою кандидатуру на пост президента в будущем году?», чем вызвал у последнего почти оскорбительную реакцию [9]. Следовательно, наличие целенаправленности РАО вероятнее всего должно признаваться скорее факультативным условием: интенциональность и конвенциональность являются облигаторными компонентами РАО.

К.И. Бринев считает, что знание о том, что высказывание не может причинить ущерб адресату, переводит данные речевые акты в разряд оценочно нейтральных (или суггестии) [3, с. 97]. Таким образом, если иллюкутивная цель РАО не была достигнута (адресат не чувствует себя оскорбленным), то подобное высказывание нельзя расценивать как инвективу. Например, некоторые люди регулярно используют обценную лексику в дружеском общении, следовательно, применяют инвективные единицы в прямо противоположном смысле, в качестве одобрения, восхищения или показателя дружеского расположения («Как ты, сволочь, пошутил!», «Ну ты и дурак!»). Как правило, эти высказывания сопровождаются приятельской, шутливой интонацией и улыбкой. В то же время без учета контекстуальной ситуации данный речевой акт может быть интерпретирован как оскорбление.

В современной лингвистике существует несколько классификаций РАО на лексико-семантические и тематические группы. В нашей работе мы приведем некоторые из них. Обозревая материалы публицистики, филолог О.С. Иссерс пред-

лагает следующую классификацию коммуникативных ходов нанесения оскорбления:

1) прямое оскорбление – негативная характеристика оппонента («Ну и придурок!», “You are an idiot!” – «Ты идиот!»);

2) косвенное оскорбление – унижение, с использованием метафор, сравнений, аллюзий («Ты глуп, как сивый мерин», “You are as daft as a brush!” – «Ты глуп, как пробка»);

3) развенчание притязаний – применение лексики с положительной коннотацией в несвойственном контексте, с уничижительным смыслом (“You seemed to be a clever boy!” – «Ты казался умным мальчиком!»);

4) навешивание ярлыков – отрицательная оценка ключевой черты внешности или характера переносится на личность в целом («У него лицо как блин, и это все, что можно о нем сказать!») [10, с. 115].

В свою очередь, Ю.В. Щербинина предлагает иную классификацию выражения оскорбления [11, с. 156]:

1) существительное с прямым отрицательным значением (an idiot (идиот), a freak (выскочка, придурок));

2) существительное с переносным отрицательным значением (a blockhead (дубина стоеросовая), белоручка);

3) существительное и прилагательное (an ugly duckling (гадкий утенок), гад ползучий);

4) оскорбительные восклицания («Вот сволочь!», “How foolish you are!” – «Ну ты и дурак!»);

5) обидные клички (nerd (ботан), очкарик);

6) оскорбительные сравнения с персонажами художественной литературы, кино и мультипликации или историческими личностями («Ты что Винни-Пух? И в твоей голове опилки?»);

7) неуместное употребление обращений «Ты» и «Вы», усиленное междометиями «Ну», «Эй» и т.д. (“Hey, you! Come to me!” – «Эй ты! Ко мне подойди!»).

Полагаем, что для лингвистической экспертологии использование подобных классификационных систем является факультативным, так как они не имеют значения для решения задачи идентификации речевого акта как оскорбления, где от специалиста требуется однозначный ответ: да или нет. На наш взгляд, более важным является вопрос контекстуальной ситуации порождения коммуникативного высказывания, во многом определяющей цель речевой деятельности.

Заключение. Таким образом, отсутствие единства в понимании лингвоправового статуса феномена оскорбления – важная проблема современной юрислингвистики и причина нахождения разночтений в проведении его экспертной оценки. Отсутствие актуальных работ отечественных исследователей по данной проблематике повлекло за собой необходимость использования трудов зарубежных коллег, в первую очередь, российских, где правовые формулировки оскорбления

в отдельных правовых коннотациях совпадают. Кроме того, важным представляется и изучение опыта экспертов из других стран, где совершенно иной подход к пониманию оскорбления.

Отмеченное разнообразие в понимании речевого акта оскорбления отразилось и на подходах к представлению его структуры и классификации. Мы в своей работе отталкивались от нормативно-правовой трактовки оскорбления, закрепленной в белорусском национальном законодательстве, что позволило представить модель оскорбления, включающую цель, содержание, форму речевого выражения, участников. Данные компоненты являются собой четыре обособленных проблемных поля правовой экспертной оценки оскорбления, решение которых – стратегическая цель современной юрислингвистической экспертологии.

Литература

1. Кусов, Г.В. Диагностика оскорбления: постановка научной проблемы в праве и лингвистике / Г.В. Кусов // Юрислингвистика – 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка: межвуз. сб. науч. ст. / Алт. ун-т; под науч. ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2004. – С. 35–44.
2. Ерофеева, Е.В. Речевой акт оскорбления как коммуникативный ход инвективной стратегии во французском дискурсе / Е.В. Ерофеева // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2013. – № 11(29). – С. 96–98.
3. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев; под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
4. Жельвис, В.И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.И. Жельвис. – М., 1992. – 51 с.
5. Осадчий, М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М.А. Осадчий. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 256 с.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org>. – Дата доступа: 17.05.2018.
7. Новейший философский словарь / А.А. Грицанов [и др.]; под общ. ред. А.А. Грицанова. – 3-е изд. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
8. Голев, Н.Д. Лингвистическая экспертиза: на стыке права и языка / Н.Д. Голев, О.Н. Матвеева / Юрислингвистика – 7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. / Алт. ун-т; под науч. ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2004. – С. 168–185.
9. Минкин, А.В. О вежливости / А.В. Минкин [Электронный ресурс]. – М., 2011. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/minkin/785904-echo>. – Дата доступа: 16.05.2018.
10. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 4-е изд. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
11. Щербинина, Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю.В. Щербинина. – М.: Флинта, 2004. – 225 с.

Поступила в редакцию 29.05.2018 г.

Формирование новых жанров в современной сетевой поэзии

Бартош Ю.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В современной поэзии под влиянием Интернета происходят существенные изменения, которые порождают нового сетевого автора, с одной стороны, и массового сетевого читателя, с другой стороны. Внедрение Интернет-сленга и разговорного языка в поэтический текст, богатый мультимедийный инструментарий и мгновенность читательского отклика, несомненно, оказали влияние на существующие жанры поэзии и дали толчок появлению новых, — например, рифмовок-подхватов.

Цель статьи — изучить формирующийся жанр и выявить его основные особенности.

Материал и методы. Материалом послужили сетевые поэтические тексты, опубликованные в сообществе «Рифмач». При работе были использованы общенаучные методы исследования: анализ, сопоставление, систематизация.

Результаты и их обсуждение. В сетевой поэзии наблюдается тенденция к экспериментам с визуальным в пространстве поэтического текста. Информативным ядром становится не только слово, но и визуальный образ, что наделяет читателя дополнительной ролью зрителя и влияет на процесс восприятия поэтического текста.

Сетевая поэзия, рассчитанная на массового читателя, вырабатывает жанры небольшого размера (негласное «не более 1 экранного окна») с комической окраской. Нами обнаружен новый развивающийся жанр, в основе которого — выпячивание недостатка, эскизность, пародирование, наличие алогизмов. Будучи синтетическим жанром, он сочетает в себе популярную в Интернете фотографию, сопровождаемую рифмованным текстом, который опирается на эту фотографию. Это дает основание назвать такие стихотворения рифмовками-подхватами. Интерпретация подобного сетевого стихотворения происходит посредством компоновки вербальной и визуальной (нелингвистической) составляющих интермедийного поэтического текста.

Заключение. Будучи рассчитанной на массового читателя, Интернет-поэзия вырабатывает жанры небольшого размера с комической окраской. Авторами обнаружен новый развивающийся в Интернете жанр, в основе которого — выпячивание недостатка, эскизность, пародирование, наличие алогизмов.

Ключевые слова: сетевая поэзия, жанры сетевой поэзии, рифмовки-подхваты, фотопоэзия, визуальная поэзия.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 161–165)

Emergence of New Genres in the Contemporary Internet Poetry

Bartosh Ju.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

In the contemporary poetry under the influence of the Internet, there are significant changes that created a new network author, on the one hand, and a mass network reader, on the other. The use of network slang and colloquial language in poetry, rich multimedia tools and the instantaneous reader's response undoubtedly influenced the existing genres of poetry, and gave impetus to the emergence of new ones, for example, rhyme-catchings.

The purpose of the article is to study the emerging genre and give its main characteristics.

Material and methods. The material of the research is the Internet poetic texts published in the «Rifmach» community. The general scientific methods of research such as analysis, comparison and systematization were used.

Findings and their discussion. In the Internet poetry, there is a tendency to experiment with the visual in the space of a poetic text. The informative core is not only the word, but also the visual image, which gives the reader an additional role of the viewer and influences the process of the poetic text perception.

Being created for the mass reader, the Internet poetry produces genres of small size with comic coloring. We have discovered a new developing genre, based on a protrusion of a defect, a sketch, parody, and the presence of alogisms. Being a synthetic genre, it combines a popular online photo accompanied by rhymed text that relies on that photo. This gives reason to call such poems rhyme-catchings. The interpretation of the poem occurs through the combining of the verbal and visual (non-linguistic) components of the intermedia poetic text.

Conclusion. Being created for the mass reader, the Internet poetry produces genres of small size with comic coloring. We have discovered a new developing genre, based on a protrusion of a defect, a sketch, parody, and the presence of alogisms.

Key words: the Internet poetry, the Internet poetry genres, rhyme-catchings, photopoetry, visual poetry.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 161–165)

В последнее десятилетие Интернет не только прочно закрепил за собой функцию хранения и размещения информации, но и открыл безграничные возможности для экспериментов и поиска новых форм. Словом, Интернет-пространство креативно по своей сути и содержит неисчерпаемые ресурсы для творчества. Более того, как справедливо заметил А.А. Баркович, сама организация Интернет-пространства подталкивает нас к творчеству: «Сегодня пользователи Интернета читают одни сайты, завтра – другие, послезавтра как активные субъекты пробуют себя в виртуальном творчестве, создавая свой речевой продукт» [1, с. 207]. Размещая собственные произведения на различного рода сайтах, сетевые авторы подсознательно подстраиваются под аудиторию, угадывая ее интересы, настроения и учитывая новые веяния. Так, полюбившиеся сетевым читателям малые жанровые формы (депрессяшки, порошки, пирожки, экспромты и др.) хоть и не теряют актуальности, но уже не обладают основными чертами текстов, бытующих в Интернете, в частности, мультимедийностью. Сетевые авторы постоянно находятся в поиске новых жанров, публикуя их под хэштегом #неформат, всячески экспериментируя с формой, средствами и способами создания поэтических текстов. Результатом такого эксперимента стал новый синтетический жанр сетевых поэтических текстов, который мы назвали *рифмовки-подхваты*.

Материал и методы. Материалом послужили сетевые поэтические тексты, опубликованные в сообществе «Рифмач» (<https://vk.com/refmac>). При работе были использованы общенаучные методы исследования: анализ, сопоставление, систематизация.

Результаты и их обсуждение. Взаимодействие разных типов искусства, будь то поэзия, музыка, живопись, – явление, существующее с момента зарождения человеческой культуры. Согласно «Краткому словарю по эстетике», «взаимодействие искусств – взаимное соприкосновение и влияние различных видов искусства друг на друга в процессе их исторического развития» [2]. Каждый вид искусства, доминируя в определенную историческую эпоху, накладывает свой отпечаток на другие виды, что неудивительно: любой вид искусства отражает мир, используя при этом собственный язык. Однако, как отметила В.А. Маслова в своей книге «Поэтический текст: новые подходы и решения», «язык описания музыки, язык поэзии и язык живописи взаимосвязаны не только как разные семиотические системы в рамках теории знаков, но и в обыденном языке: светлый образ в музыке, красочное звучание в поэзии» [3, с. 184]. Взаимосвязь эта настолько естественная, что порожденные ею синтетические искусства (театр, кино, телевидение, цирк и т.д.) прочно закрепляются в культуре. Сопоставлению логических картин языка

и соответствующих явлений в различного рода видах искусства уделял много внимания в своих работах Ю.С. Степанов. В книге «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», рассуждая о современной гуманитарной науке, он утверждает, что «на наших глазах создается всеобщая гуманитарная наука, или новая всеобщая антропология, объединяющая разные виды искусств и разделы наук о них... Это – наука объединяющая: философия, логика, словесность и поэтика, живопись, ваяние, зодчество и науки о них, музыка и музыковедение. Под воздействием их контактов изменяются и сами ее “виды”» [4, с. 13]. Так создаваемые синтетические жанры оставляют след и рассказывают о состоянии культуры, поскольку наделяют искусство новыми, не присущими им ранее чертами, ставшими необходимыми на данном этапе развития общества.

Размещаемые в сообществе «Рифмач» [5] поэтические тексты набирают популярность в Интернете. Являясь сплавом стихотворения, фотографии и юмора, они привлекают внимание необычностью формы:

Есть в каждой женщине и чёртик, и богиня.
И потому, когда наутро рассвело,
Из клуба Анечку домой несла в унынье
Не ведьмы ступа, а

Рис. 1.

Учитывая особенность используемых в рифмовках-подхватах изображений, читатель полностью погружается в атмосферу описываемого через визуальный образ, следовательно, получает параллельную роль зрителя. Ролевой синкретизм, несомненно, накладывает свой отпечаток на интерпретацию поэтического текста: на нематериальный образ, формируемый благодаря словам (то есть частично созданный читателем), наслаивается материальный образ – тот, который отображен в фотографии. Перед нами предстает юмористическая зарисовка – в прямом и переносном смысле одновременно. Это дает основание рассмотреть зародившийся жанр в контексте фотопоэзии,

основанной на синтезе фотографии и поэтического текста. Будучи поэтом и фотохудожником, Лидия Григорьева создала проект «Фотопоезия» [6], где воплотила в жизнь идею о визуализации литературного текста.

Синтетический жанр предполагал одновременное восприятие фотографии и стихотворения (расположенных рядом, но на разных страницах), которые влияли друг на друга и были взаимосвязаны. Схожая концепция и у Александра Бубнова, определяющего свои «фотостихи» как «кентаврическую (синтетическую) форму визуализации поэзии, как единство фотографии и стихотворного текста, причем текст должен быть размещен непосредственно на фотографии» [7]. Согласно точке зрения А. Бубнова, автор берет на себя роль дизайнера, располагающего в конкретном месте на фото поэтический текст и выбирающего для него цвет/шрифт, в результате названных действий «фотостихи по своему формальному принципу напоминают песню, только вместо музыки – фотография» [7]. Следует подчеркнуть, что и в фотопоезии, и в фотостихах как в отдельных направлениях поэзии два разных вида искусства интерферируются, при этом возможно восприятие каждого по отдельности; и текст, и сопутствующая ему иллюстрация достаточно самостоятельны.

Рифмовки-подхваты же в этом плане имеют гораздо более прочную связь между «компонентами»: если фотография может существовать отдельно, то поэтический текст немыслим без нее, он теряет смысл. Таким образом, рифмовки-подхваты могут быть определены как *разновидность визуальной поэзии* – авангардного направления на стыке литературного и изобразительного искусств, включающего в себя фигурные стихи, листовертни, панторифмы, лингвогобелены, люменоскрипты, стихотворения-коллажи, фотостихи и др. Вслед за Товием Хархуром мы рассматриваем визуальную поэзию в широком смысле, как «жанр, соединяющий слово и образ» [8], как следствие, делая акцент не на графических особенностях (шрифт, расположение текста), а на изобразительном искусстве – фотографии, в частности. В таком понимании рифмовки-подхваты имеют право называться разновидностью визуальной поэзии, причем разновидностью с обязательной комической окраской.

В отличие от других малых сетевых жанровых форм рифмовки-подхваты не привязаны к конкретному размеру, однако количество строк в таких поэтических текстах всегда невелико – от 2 до 8. Эти стихотворные тексты преимущественно анонимны. Характерная особенность – последняя строка не прописана, а «выужена» из «фотоприкола» – популярной Интернет-картинки с названием города, заведения, бренда, продукта либо с изображением абсурдной надписи/ситуации. Картинка управляет формой и содержанием стихотворения:

амёрзла одка в агазинах,
рятся уки у ирурга.
Была всему тому причиной
Лишь

10:50 - 4 мар. 2018 г.

Рис. 2.

Так, деформированная вывеска «Теплосеть Санкт-Петербурга» обусловила отсутствие первых букв в двух строках стихотворения. Третья строка, написанная полноценно, как слова автора, вводит нас в курс событий, остальные же – обрезанные – составляют целую картину, часть которой представлена словами (поэтическим текстом), часть – образом (сопутствующей картинкой). При помощи этого приема автор связал поломку в теплосети с резким похолоданием в городе, получив комический эффект благодаря и форме, и содержанию рифмовки-подхвата.

Искусство фотографа подмечать интересные детали вместе с самим фото создает неповторимый колорит таких простых, «повседневных» и в то же время необычных поэтических зарисовок. Именно сочетание фотографической изюминки с поэтической и конструирует легкую атмосферу уникальности каждого мгновения:

Вот-вот наступит солнечный арпель,
И будут все его теплом соргеты.
По крышам бордо застучит пакель,
По улицам помчат

Рис. 3.

На первый взгляд, в трех строках практически не заметны перестановки букв (мозг их

не улавливает, если они находятся в середине слова и смысл в контексте уловим). Ошибка в вывеске натолкнула автора на схожий эксперимент: поменять местами буквы в рифмующихся словах, которые являются сильными позициями в стихотворении, а потому не могут быть не замечены читателем. При повторном прочтении начала читатель замечает все слова с «прыгающими» буквами: «*арпель*», «*телпом*», «*соргеты*», «*бордо*» (вместо «*бодро*»), «*пакель*». Однако если в неофициальном тексте такие слова воспринимаются как описка/шутка/эксперимент над читателем, то в названии магазина они приобретают комический эффект, на котором и строятся рифмовки-подхваты.

Собранный нами материал позволяет разделить все рифмовки-подхваты на три условные группы:

1. Тексты, основанные на ошибке/странности в исходной картинке: копирование перепутанных слогов, модели сравнения, написания синонимов в скобках, тавтологии:

*Я путь (дорогу) держал в никуда,
Рутинной пустой переполнен (сыт).
Но вот невезенье (облом), господи!*

Проход (проезд) запрещен (закрит).

(Знак на закрытой двери в заборе).

2. Рифмовки с фразой, употребленной в обычном контексте, при переносе в стихотворение рожают противоположный смысл:

*Деньги за труд обещают нам Польша,
Франция, Англия, Дания.*

Ну а в России труд – это больше

«Опыт в обмен на страдания».

(соц. реклама о рабстве за границей).

3. Создание шутки-контекста для существующей (изредка даже нарисованной собственноручно) картинки:

«Где небесный сисадмин?!» –

Кричу обеспокоенно, –

«Март пришел, а до сих пор»

«Погода не настроена».

(Уведомление на компьютере, отображаемое через проектор на стену).

Примечательно, что наиболее часто встречается третий тип рифмовок-подхватов. Если в первой группе высмеивается изъясн, странность, изображенная на фотографии, во второй мы наблюдаем «инвертированное» исходное содержание, то в третьей группе рифмовок-подхватов смешная ситуация в картинке усиливается шуточным контекстом, т.е. автор стремится рассказать, в чем именно он увидел юмор/абсурдность. Так, в приведенном выше примере метафора «небесный сисадмин» подсказывает, что под «небесным» системным администратором подразумевается Бог (либо Его «заместитель», следящий за состоянием неба: настраивающий погоду, устанавлива-

ющий солнце, (де)активирующий грозы и ветра и т.д.). Эта же метафора влияет и на восприятие фразы с фотографии «погода не настроена»: изначальное «не настроена программа “Яндекс. Погода”» (либо аналогичная ей) заменяется на «погода на небе не настроена», юмористический эффект достигается совмещением обоих значений.

Психологами установлено, что текст с прикрепленным изображением привлекает внимание с большей вероятностью, чем текст без картинок. С этой точки зрения, жанр рифмовок-подхватов более адаптирован для сети, нежели пирошки/порошки/депрессяшки и пр.; более того – полноценно бытовать такой поэтический текст может именно в сети. Ведь даже в книжном варианте сложно представить сборник стихотворений в картинках. Вдобавок при отсутствии изображения юмористическая составляющая теряется, т.к. ускользает контекст/предыстория. Рассмотрим на примере следующей рифмовки:

Веганство – это не шутки бредовые.

Это тонкая психология.

И рождаются науки новые,

Например, томатология.

Без пояснения происхождения «томатологии» из вывески «Стоматология» с перегоревшими диодами в «С» на вывеске четверостишие воспринимается иначе, нет того юмористического и абсурдного оттенка. К тому же даже после пояснения исчезают некоторые черты шутки: «размазывается» по объяснению ее мгновенность, теряется эффект обманутого ожидания и смещается акцент с двусмысленности (томатология+стоматология) на однозначность (план того, что подразумевается).

Поэтому можно утверждать, что полноценное прочтение невозможно без визуального подкрепления; процесс восприятия поэтического текста невозможен, если не удастся декодировать (экстра) лингвистические составляющие, – в данном случае, контекст/предысторию надписи на вывеске.

Помимо вывесок, в рифмовках-подхватах используются и тексты объявлений с алогичным содержанием:

Непредсказуем маршрут эволюций –

Метаморфозы, мутанты, Эбола...

Вот и на рынке у нас «Продаются

Три поросенка, все разного пола».

«Третий пол», случайно созданный автором объявления, в стихотворении намеренно выделяется предысторией о «метаморфозах» и «мутантах», чтобы усилить комический эффект от ошибки. Данный прием уместно назвать поэтической карикатурой, сущность которой, согласно В.Я. Проппу, заключается в том, что «берется одна частность, одна деталь; эта деталь преувеличивается и тем обращает на себя исключительное внимание, тогда как все другие свойства того, кто или что подвергается окарикатурива-

нию, в данный момент вычеркнуты и не существуют» [9, с. 81].

При этом за комизмом порой просвечивается грусть, сожаление о состоянии общества, в котором среди абсурда нет места состраданию:

Жизнь сталкивает нас со сложностями,

Ты думаешь: добрался до цели уже,

Но «Туалет для лиц с ограниченными возможностями находится на 4 этаже»

(объявление на двери).

Не все изображения однозначны в трактовке, порой читателю приходится выделить подразумеваемую автором часть текста из объявления, инструкции к применению или же из лежащих стопкой книг с названиями и авторами произведений. Усилие, необходимое для расшифровки намерения автора, приносит читателю когнитивное удовольствие.

Заключение. Будучи рассчитанной на массового читателя, Интернет-поэзия вырабатывает жанры небольшого размера с комической окраской. Нами обнаружен новый развивающийся в Интернете жанр, в основе которого – эскизность, пародирование, наличие алогизмов. Будучи синтетическим жанром, он сочетает в себе популярную в Интернете фотографию, сопровождаемую рифмованным текстом, который опирается на эту фотографию. Это дает основание называть такие стихотворения рифмовками-подхватами. Интерпретация подобного сетевого стихотворения происходит посредством компоновки вербальной и визуальной (нелингвистической) составляющих интермедиального поэтического текста. Сочетание фото и поэзии создает прочный сплав, в результате которого появляется синтетическое произведение комического ха-

рактера, что обусловлено изначальным выбором смешных фотографий с высоким рейтингом в сети – абсурдные вывески, объявления, названия брендов, неудачные маркетинговые ходы, непродуманное размещение нескольких реклам/вывесок рядом. Читатель получает удовлетворение не столько от заложенной шутки, сколько от процесса декодирования лингвистических и экстралингвистических составляющих рифмовки-подхвата.

Литература

1. Баркович, А.А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация: учеб. пособие / А.А. Баркович. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 288 с.
2. Краткий словарь по эстетике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://esthetiks.ru/category/kratkii_slovar_estetiki. – Дата доступа: 01.04.2018.
3. Маслова, В.А. Поэтический текст: новые подходы и решения: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 320 с.
4. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
5. Рифмач [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/refmac>. – Дата доступа: 01.04.2018.
6. Лидия ГРИГОРЬЕВА. Фотопоэзия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gostinaya.net/?p=13245>. – Дата доступа: 01.04.2018.
7. Александр Бубнов. Фотостихия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2012/04/03/10173>. – Дата доступа: 01.04.2018.
8. Товий Хархур. Слияние поэзии и живописи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://limb.dat.ru/No12/essay/harhur2.shtml>. – Дата доступа: 01.04.2018.
9. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2006. – 279 с.

Поступила в редакцию 06.04.2018 г.

УДК 811.111:070:330.16

Typology of the English Interview with Businessmen

Degtiarenko M.O.

Institute of Philology, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine)

In contemporary linguistics, considerable attention is paid to the study of the language of mass media which are characterised by the variety of genres, dynamics, and innovations of various types. In accordance with the genre, the channel of transferring the information and language of the presented texts, the materials analyzed in this paper belong to English interviews in both printed and digital media.

The aim of the article is to analyze the current typology of the English interview with businessmen.

Material and methods. *The sources of this research are the texts and scripts of English interviews with businessmen. Our method is classification of English interview texts according to different criteria. The methodological novelty of this study is the application of various approaches and criteria to the texts of English interviews with businessmen.*

Findings and their discussion. *In this article, the author considers the main approaches to classification of English interview with businessmen, makes an attempt to classify the interview texts by different criteria and outline current tendencies of development of the genre of interview, which influences the analysis of businessmen's communicative behaviour in the English mass media discourse.*

Conclusion. *«Mutation» and «convergence» of the traditional mass media result in diversification of sources of information and media genres. This article is an attempt to classify English interviews with businessmen by different criteria, according to the material of investigation. Different scholars' experience who worked on the classification of media genres both in journalism and linguistics was taken into account. Given the focus of our study, these criteria are adapted to its aims. We identified the criteria which most effectively define specificities of communicative behaviour of businessmen.*

Key words: *typology, interview genre, English discourse, communicative behaviour, interviewer, interviewee, respondent.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 166—170)

Типология английского интервью с бизнесменами

Дегтяренко М.А.

*Институт филологии Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко, Киев (Украина)*

В современной лингвистике, характеризующейся разнообразием жанров, инноваций различных типов и динамикой, значительное внимание уделяется изучению языка СМИ. В соответствии с жанром, каналом передачи информации и языком представленных текстов материалы, проанализированные в данной работе, относятся к англоязычным интервью как в печатных, так и в цифровых СМИ.

Цель статьи — определение актуальной типологии английского интервью с бизнесменами.

Материал и методы. *Источниками данного исследования являются тексты и сценарии англоязычных интервью с бизнесменами. Ключевой метод — классификация текстов интервью на английском языке по различным критериям. Методологической новизной данного исследования является применение разных подходов и критериев к текстам англоязычных интервью с предпринимателями.*

Результаты и их обсуждение. *В предлагаемой научной публикации рассматриваются основные подходы к классификации английского интервью с бизнесменами, предпринимается попытка классифицировать тексты интервью по различным критериям и очерчиваются современные тенденции развития жанра интервью, что влияет на анализ коммуникативного поведения бизнесменов в английском медиадискурсе.*

Заключение. *«Мутация» и «конвергенция» традиционных СМИ приводят к диверсификации источников информации и медиажанров. Данная статья представляет собой попытку классифицировать английские интервью с бизнесменами по разным критериям. Учитывается опыт различных ученых, работавших над классификацией медиажанров как в журналистике, так и в лингвистике. Определены те критерии, которые наиболее эффективно выявляют особенности коммуникативного поведения предпринимателей.*

Ключевые слова: *типология, жанр интервью, английский дискурс, коммуникативное поведение, интервьюер, интервьюируемый, респондент.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 166—170)

Адрес для корреспонденции: e-mail: miyamotod89@gmail.com — М.А. Дегтяренко

In contemporary linguistics, considerable attention is paid to the study of the language of mass media which are characterised by the variety of genres, dynamics, and innovations of various types. In accordance with genre, channel of transferring the information and language of the presented texts, the materials analyzed in this paper belong to English interviews in both printed and digital media.

The communicative environment under the analysis differs in its distinctive features and specificity of interaction between the participants of communication. The interaction of the subjects of communication is strictly regulated. Interviewer and interviewee (or respondent) establish dialogical communicative blocks, which form informative entities and thematic sequences interconnected with different kinds of relations. Communicative and pragmatic direction of the texts defines the use of quesitives with non-narrative syntactic organization (general, special, subjectivated, modalized, and imperative), formal quesitives, narratives, and representatives by the interviewer. The text of the respondent is considered predominantly autocentric [1, P. 25].

The language genre of interview has been studied by the following Ukrainian and post-Soviet scholars: F. Batsevych, L. Kudriavtseva, O. Leontiev, Ye. Kliuev, S. Shabat-Savka, N. Sapryhina, V. Tyshchenko, R. Anderson, M. Lukina, T. Shumyshyna, H. Apalat, N. Hapotchenko, Zh. Horina, T. Hlushkova, O. Kulbabska, I. Ostafichuk i.a. Among foreign researchers we can single out Mark Anderson, Kathy Anderson, Tom Denham, Marshall MacLewen Patrick Charaudeau i.a.

The system of mass media is now radically changing: the Internet editions are crowding out printed media; audio-visual communications are significantly developing, which leads to globalization of information and communicative process [2, P. 19]. These factors conditioned the choice of the topic and the article's scientific topicality.

The aim of the article is to analyze the actual typology of English interview with businessmen.

Material and methods. The sources of this research are the texts and scripts of English interviews with businessmen: Autoweek Issue 96; Engadget 02.05.2014; Fortune 04.04.2013; Lviv Today Issue 50 October 2012, Issue 56 April 2013; Speigel Online 24.02.2010, 25.03.2013; Stylist Magazine 13.03.2015; The New York Times 01.01.2013; The Talks 19.03.2014; Time 18.06.2013; Trendhunter 26.03.2012.

Our method is classification of English interview texts according to different criteria. The methodological novelty of this study is the application of various approaches and criteria to the texts of English interviews with businessmen. This enables classification of them in a new way.

The approach of dividing the genres into three groups (informational, analytical, and fiction and publicistic) is viewed as traditional in journalism studies [3, P. 4]. By what criteria these texts can be classified by the means of different approaches and

criteria which are known in contemporary linguistics is presented below.

Findings and their discussion. The analyzed texts of the interviews reveal such **topics (thematic criterion):**

1) review of professional activity – presentation of the company:

“Can we start with an introduction of yourself and an overview of your company?”

“I am managing partner of international company «ARGO-Performance & Development» in Ukraine. Founded in Vienna in 1996, ARGO Personalentwicklung GmbH is now an international consulting brand with offices in Germany, Croatia, Ukraine (Lviv) and Hungary. The main fields of our consulting business are leadership development issues [...]” (Lviv Today April 2013);

2) the place of the company on the market:

“What is the best way to choose a bank correctly? To what issues should prospective clients pay attention?”

“The best guarantee for any bank is its reputation. UkrSibbank is part of the BNP Paribas Group – a global leader on the financial market, one of the world's largest financial groups in the Ukrainian market, having over a two-century long history and being known in the whole world by its perfect implementation of services and execution of obligations during the hard times of economic crises [...]” (Lviv Today October 2012);

3) specialization of professional activity:

“Fortune: How do you do that?”

“Zuckerberg: For iOS we've already begun doing that, and the way to do that for Apple is, you work with Apple. They really control the operating system; we have contact control, single sign in, the app store, events integration, all that. We have a really good relationship with Apple. [...]” (TechFORTUNE 04.04.2013);

4) development of the company – plans for the future:

“What's next for the Burberry brand?”

“There is so much we want to explore. [...] For us it's a natural way of thinking to always see how we can express and articulate the Burberry brand in a more innovative way [...]” (Stylist Magazine 13.03.2015);

5) new technologies, approaches to business management:

“SPIEGEL: Hiring Joschka Fischer isn't the only unorthodox move your company has made recently. [...] Is this just green PR, or does BMW intend to become known for its environmentalism?”

“Reithofer: Neither the one nor the other. [...]” (SPIEGEL ONLINE 24.02.2010);

6) customer service:

“Speaking of those customers, it's pretty expensive to get a seat on SpaceShipTwo right now. Will space travel ever be affordable?”

“Yes. Up to our first thousand customers, the price actually is going up now to \$250,000. They help us

effectively fund the program. But in the years to come, [...] we're going to try to make it as affordable as many people as possible." (Engadget 02.05.2014);

7) key to success:

"Could you share your business success story?"

"I create my own business success story every day. I would particularly like to draw attention to individual factors which, in my opinion, are extremely important for successful business results [...]." (Lviv Today April 2013);

8) marketing – advertising campaign:

"[...] The Wii U by contrast is a much harder quick sell – not the sort of system you can summarize in a few sentences to a family member or friend who doesn't game. How are you dealing with that messaging challenge?"

"First and foremost, I think, with Nintendo products what's often most important is that people touch and play and interact with our products – once they do, they begin to truly understand what makes them great. I think the same can be said of Wii U." (TIME 18.06.2013);

9) competition:

"It's ironic that Ferrari rescued this ancient rival, got it on somewhat firm footing and then Fiat took it away, but now Maserati really prospers. What would your father think about you guys saving Maserati?"

"[...] [He was] too concentrated in his company, and Ferrari was maybe too little. What was good in Maserati was the brand. When it was in the same group as Ferrari, [...]. Maserati today is a range of products we developed in that period. Now they have to do the second, the second era." (Autoweek Issue 96);

10) achievements – failures:

"Greatest achievement?"

"Two – one, to have secured the land and developed it to create Continuum Estate, setting us on the course to be a world class property ... and to have four of my children and our great team to be working with me here. Finally to have helped establish the framework for and the appellations of Napa Valley."

"Biggest disappointment?"

"That I was not able to communicate more effectively with the board at RMW during our last years there... and yet it was this disappointment that allowed for my greatest achievements." (The Talks 19.03.2014);

11) motivation:

"How did you get involved in emotional intelligence and what motivates you to continue?"

"[...] My goal is to help people to be more conscious of how their emotions can be their ally rather than be their enemy." (Trendhunter 26.03.2012);

12) political regulators of business:

"SPIEGEL: Tariffs between the US and the EU are already quite low. Real progress in trade can only be made if regulatory issues are addressed, too."

"Zoellick: Regulatory issues are way more important, but they are harder to achieve because

you move beyond the traditional ministries that make trade decisions to regulatory authorities, and a lot of the regulatory authorities are sensitive to their prerogatives. [...]" (SPIEGEL ONLINE 25.03.2013);

13) private life:

"Q. Was your father your mentor?"

"A. Oh, I would say so. For sure, for sure. [...]" (The New York Times 01.01.2013).

In most cases interview texts combine the topics of communication.

Depending on a **source of information**, which contains English interviews with businessmen, the latter are divided into:

1) printed or 'traditional' mass media – periodicals: newspapers, magazines, newsletters etc, and also one-time editions of a fixed print run; audiovisual mass media which use printing word [4, P. 265];

2) digital mass media – regularly updated informational site which is to be a mass media resource; it is enough popular and credible, and has its own audience. До них належать Internet-newspapers, Internet-journals or other Internet-editions belong to this type;

3) mixed mass media – informational sites which update their content with newly issued printed media;

4) audiovisual mass media – 'peripheric entities' of journalism which include radio, TV, the Internet etc. [4, P. 266].

As Serhiy Kvit remarks, 'new media have reached a new level since having appeared on the Internet. For digital, i.e. non-textual, media, the Internet is an additional opportunity to expand their broadcasting. Given the development and accessibility of the Internet, it is difficult to find newspapers and magazines only in a traditional printed form. All of them are represented in digital or/and audiovisual versions. Therefore, the most of media are mixed.

The practice of journalism is changing in the context of new kinds of media. As O. Bilyi observes, a new term 'infotainment' appeared in the early 1990s. It combined two words: 'information' and 'entertainment'. It appealed to such an approach to information industry (TV programs, press, websites, and even computer games), when information is mainly used to entertain a viewer.' [5, P. 155–160].

Printed, digital, mixed, and audiovisual mass media, which contain English interviews with businessmen, are divided into such types **according to the genre of edition**:

1) newspaper (The Guardian, The Times, New York Times, The Fortune, The Hamilton Spectator, Financial Times, The Monday Interview, Daily Times etc.);

2) magazine (The Talks, Harvard Business Review, Business Today, Business Interviews, Autoweek, Lviv Today, Fortune, Harper's Bazaar, CNTraveller, WIRED, CIOIN, Interview Magazine, Stylist Magazine, Electri Literature Magazine, FORZA, Fast Company, Engaget etc.);

3) newsletter (ITBusiness etc.);

4) almanac (The New York Times Almanac etc.);

5) digest (Architectural Digest etc.);

6) webinar – from ‘web’ + ‘seminar’ (Practical eCommerce etc.);

7) webzine – from ‘web’ + ‘magazine’ (SPIEGEL ONLINE, Social Networking Watch Interview, Business LaunchPad, BiD Network, ZDNet, TechLand others);

8) Authorial digital specialized editions (Linux Gazette, Sotheby’s Magazine, Around the Rings, Malcolmturnbull.com.ua etc.).

Such a variety of genres of mass media is a result of technological and social development. New genres (‘webinar’ and ‘webzine’) are interactive innovations, which combine traditional and modern approaches to understanding of mass media which are available online. Their emergence is caused by new demands to informational society.

By **publication frequency** of the analyzed editions, the issues can be outlined:

1) daily (The Guardian, Financial Times, Daily Times, Business Today et al.);

2) weekly (The Talks, SPIEGEL ONLINE, Engaget, Autoweek, The Monday Interview et al.);

3) monthly (Harvard Business Review, GQ-magazine, CIOIN, Lviv Today, Interview Magazine, Stylist Magazine, Harper’s Bazaar, Sotheby’s Magazine, CNTraveller, Electri Literature Magazine, FORZA, Linux Gazette, TechLand et al.);

4) editions with different publication frequency (Fast Company, Practical eCommerce, Social Networking Watch Interview, Business LaunchPad, BiD Network, ZDNet, Malcolmturnbull.com.ua and other online sites).

By **primary sources of information**, such types of mass media can be singled out:

1) primary editions, which publish original English interviews with businessmen for the first time; their journalists are immediate authors of the interview texts;

2) secondary editions publish the already known information, relying on reserved rights of primary sources [2, P. 180].

From the materials of this study, one can infer that half of English interviews with businessmen belong to secondary sources editions, since they sometimes repeat the information which was previously published in other media.

By the **coverage of the territory of distribution or influence**, there are such types of editions:

1) regional editions, which pay attention to the affairs of a certain region;

2) national editions, which defend the national interests of their country;

3) international editions, which are voices of international opinion and articulate its reaction to foreign policy of countries.

The larger territory is covered by an edition, the more objective is the information and more influential is the respondent’s opinion. On the other hand, the appearance of an English interview with a businessman in the edition with lesser territorial coverage may indicate the businessman’s lower status [6].

By **gender targeting**, the editions containing English interviews are:

1) male (GQ-magazine etc.);

2) female (Stylist Magazine etc.).

In spite of existing gender stereotypes, the images of businesswomen and businessmen in printed media are diverse, not restricted to some ‘fixed’ characteristics. Such personal characteristics, as for example confidence, professionalism, desire for improvement, determination, courage, intelligence etc., can be traced on the examples of linguistic and paralinguistic markers in all the interview texts, disregarding male or female.

In accordance with the provisions of legal documents, there are three categories of enterprises: small firms, which have less than 50 employees; medium-sized enterprises – from 50 до 1000; big companies – more than 1000 employees [7].

Accordingly, **the status** of the participants of English interviews ranges as below:

1) interview with businessmen who represent big business;

2) interview with businessmen who represent medium business;

3) interview with businessmen who represent small business.

The respondents of the vast majority of the analyzed interviews represent big and medium business; small businessmen are in the minority.

Sphere or branch of business activity is also an important criterion in this classification. From this point of view, the interviews are split into such categories:

1) information technologies and software;

2) innovations and engineering;

3) social networks and processing personal data;

4) business education and business consulting;

5) online services;

6) fashion and design;

7) banking;

8) art;

9) marketing and advertising;

10) healthcare and healing therapy;

11) tourism and entertainment;

12) writing and editing;

13) food and beverages;

14) car industry;

15) sport;

16) jewelry;

17) building and architecture etc.

It should be noted that information technologies, social networks, and business consulting play a key role in today’s business activities. There is a growing demand for these branches. New information technologies provide broad access to information, synchronizes every sphere of life and work with growing demands in processing. All this ensures consistent link between business processes and addressing the clients’ interests.

By the criterion of **formality–informality of the businessmen’s communicative style**, English interviews are divided into:

- 1) formal;
- 2) informal;
- 3) semi-formal.

Lexico-stylistic analysis of the interview texts proved that the majority of these interviews were conducted in semi-formal style. This phenomenon can be explained by the globalization of communicative process and fast development of information technologies in media.

In terms of *presence/absence of non-verbal components* there are:

1) marked English interviews (predominantly by means of ellipsis, exclamation point, capital letters, graphic smiles or comments on a businessman behaviour added by a journalist while editing the interview and transforming it into the text – immediately after a respondent's replicas);

2) non-marked (absence of the mentioned features).

In the overwhelming number of the analyzed texts paralinguistic factor is almost absent. However, in cases of presence of paralinguistic markers, they show the participant's personality through their communicative features, also emotional condition, nature of relationship, level of openness and level of formality between the communicants.

By *the criterion of detailing-conciseness of a respondent's answers*, we can distinguish:

1) detailed English interviews, in which businessmen give full and unfolding answers to the questions with long digressions and excursions into the past. This may show their openness, honesty, and support for long-term communication contact;

2) partially detailed English interviews which contain clearly structured and full answers to the asked questions. This demonstrates the respondents' businesslike approach;

3) concise English interviews which contain very short answers to the questions. This indicates that a respondent is not ready for continuation of communication or that the form of interview is limited [8, P. 69–72].

Most of the viewed English interviews are partially detailed, so that it means that the participants are ready for effective linguistic communication.

According to the businessmen-participants' *countries of origin* we grouped interviews in such blocks (*ethnolinguacultural groups*):

1) Anglosphere ethnolinguacultures (the USA, the UK, Canada, Australia etc.);

2) Continental European (North European: Sweden; Western and Central European: Germany, Italy, France, Spain etc.; Eastern European: Ukraine, Russia);

3) Asian (India, Pakistan, China, Japan, South Korea).

More than half of the English interviews are with representatives from the USA, Great Britain, China and Germany. It is due to the fact that these countries are highly developed world states which dictate terms to the world business.

Based on *the status of English (native or foreign) as a language of communication* of the interviewed

businessmen, the texts can be: 1) interviews with native speakers and 2) interviews with the respondents who speak English as a foreign language. Interviews with native speakers constitute the main body of the source base of our study, which adds objectivity to the analysis of the speech content.

Conclusion. 'Mutation' and 'convergence' of the traditional mass media results in diversification of sources of information and media genres. The presented classification may not be complete because of the limit of the source base. However, this article is an attempt to classify English interviews with businessmen by different criteria, according to the material of investigation. There has been taken into consideration different scholars' experience who worked on classification of media genres both in journalism and linguistics. Given the focus of our study, these criteria are adapted to its aims. We seek to identify that criteria which will most effectively define specifics of communicative behaviour of the businessmen. In our opinion, further study of new sources and genres of mass media seems very *perspective*.

References

1. Hapotchenko, N.Ye. Strukturni i zhanrovo-stylistichni obozlyvosti tekstiv intervyyu v suchasniy francuz'kiy presi (komunikativno-pragmatychniy aspekt): avtoref. dys. ... kand. filol. nauk: spec. 10.02.05 "Romanski movy" / N.Ye. Hapotchenko; Kyivsk. Nac. Lingv. Un-t. – K., 2005. – 57 s. – Гапотченко, Н.Є. Структурні і жанрово-стилістичні особливості текстів інтерв'ю в сучасній французькій пресі (комунікативно-прагматичний аспект): автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.05 "Романські мови" / Н.Є. Гапотченко; Київськ. нац. лінгв. ун-т. – К., 2005. – 57 с.
2. Rizun, V.V. Teoria masovoi komunikacii: [pidruchnyk] / V.V. Rizun. – K.: Prosvita, 2008. – 260 s. – Різун, В.В. Теорія масової комунікації: [підручник] / В.В. Різун. – К.: Просвіта, 2008. – 260 с.
3. Nazarenko, H.I. Informaciyni zhanry zhurnalistyky: [navchal'nyi posibnyk. Chastyna persha] / H.I. Nazarenko. – K.: NAU, 2010. – 32 s. – Назаренко, Г.І. Інформаційні жанри журналістики: [навч. посіб. Частина перша] / Г.І. Назаренко. – К.: НАУ, 2010. – 32 с.
4. Moskalenko, A.Z. Teoria zhurnalistyky: [pidruchnyk] / A.Z. Moskalenko. – K.: Ekspres-ob'yava, 2008. – 333 s. – Москаленко, А.З. Теорія журналістики: [підручник] / А.З. Москаленко. – К.: Експрес-об'ява, 2008. – 333 с.
5. Kvit, S.M. Masovi komunikacii: [pidruchnyk] / S.M. Kvit. – K.: Vydav. Dim "Kyevo-Mohylianska akademii", 2008. – 206 s. – Квіт, С.М. Масові комунікації: [підручник] / С.М. Квіт. – К.: Вид. дім "Києво-Могилянська академія", 2008. – 206 с.
6. Brayant, D. Osnovy vozdeistvia SMI / D. Brayant, S. Tompson. – M.: Izdatel. Dom "Viliams", 2004. – 432 s. – Брайант, Д. Основы воздействия СМИ / Д. Брайант, С. Томпсон. – М.: Издательский дом "Вильямс", 2004. – 432 с.
7. The Global Competitiveness Report 2010–2011 [Електронний ресурс] / World Economic Forum. – Режим доступа: <http://www.weforum.org>. – Дата доступа: 20.05.2018.
8. Semeniuk, O.A. Osnovy teorii movnoi komunikacii: [navchal'nyi posibnyk] / O.A. Semeniuk, V.Yu. Parashchuk. – K.: VC "Akademia", 2010. – 240 s. – Семенюк, О.А. Основы теории мовної комунікації: [навч. посіб.] / О.А. Семенюк, В.Ю. Парашук. – К.: ВЦ "Академія", 2010. – 240 с.

Поступила в редакцію 21.05.2018 г.

УДК 811.161.3'373:82-343.4

Побытавая лексіка ў мове беларускай народнай казкі як крыніца нацыянальна-культурнай інфармацыі

Дзядова А.С., Булах А.С.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Маішэрава”, Віцебск

У артыкуле на матэрыяле тэксту беларускай народнай казкі праведзена даследаванне побытавай лексікі ў лінгвакультуралагічным аспекце.

Мэта — выявіць спецыфіку нацыянальна-культурнага кампанента значэння побытавай лексікі, якая функцыянуе ў мове беларускага казачнага эпасу.

Матэрыял і метады. Навуковае даследаванне праведзена ў межах антрапацэнтрычных тэндэнцый сучаснага мовазнаўства на матэрыяле зборнікаў беларускіх народных казак. Матэрыялам даследавання з’яўляецца побытавая лексіка, у семантыцы якой рэпрэзентуюцца асаблівасці традыцыйнай культуры беларускага народа. Асноўныя метады: таксанамічны і кампанентнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Побытавая лексіка, якая функцыянуе ў моўным кантэксце беларускай народнай казкі, даследавана ў межах пяці лексіка-семантычных груп: 1) назвы прадметаў гаспадарчага ўжытку і прылад працы; 2) назвы гаспадарчых пабудов, памяшканняў і іх частак; 3) назвы ежы і страў беларускай нацыянальнай кухні; 4) назвы адзення, галаўных убораў і абутку; 5) назвы транспартных сродкаў. Побытавая лексіка з нацыянальна-культурным кампанентам значэння, прадстаўленая ў мове беларускай народнай казкі, захоўвае ў сабе багатую і цікавую інфармацыю пра асаблівасці традыцыйнай культуры беларусаў розных сацыяльных пластоў.

Заключэнне. Намінацыі з прадметна-побытавым значэннем служаць адным з найважнейшых сродкаў для перадачы нацыянальна-культурнай інфармацыі і ў мове беларускай народнай казкі з’яўляюцца тымі лексічнымі кампанентамі, якія найбольш выразна рэпрэзентуюць асаблівасці ўспрымання свету носбітамі беларускай этнакультуры.

Ключавыя словы: беларуская народная казка, лексіка-семантычная група, лінгвакультуралагічны, нацыянальна-культурны, побытавая лексіка.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 171–176)

Everyday Vocabulary in the Language of the Belarusian Folk Fairy Tale as a Source of National and Cultural Information

Dziadova A.S., Bulakh A.S.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

On the basis of the text of Belarusian folk fairy tale a study of everyday vocabulary in the linguistic and cultural aspects is conducted.

The purpose of the article is to identify the features of the national and cultural component of the significance of everyday vocabulary which functions in the language of Belarusian fairy tale.

Material and methods. The research was conducted within anthropocentric tendencies of the contemporary linguistics on the basis of collections of Belarusian folk fairy tales. The research material is everyday vocabulary in the semantics of which features of the traditional culture of Belarusian people are represented. The main research methods are the taxonomic method and the method of component analysis.

Findings and their discussion. Everyday vocabulary which functions in the language context of the Belarusian folk fairy tale is studied within five lexical and semantic groups: 1) names of household objects work facilities; 2) names of household buildings, rooms and their parts; 3) names of food and dishes of the Belarusian national cuisine; 4) names of clothing, caps and footwear; 5) names of vehicles. Everyday vocabulary with the national and cultural component of the meaning which is presented in the language of the Belarusian fairy tale retains in itself rich and interesting information about features of the traditional culture of Belarusians of different social layers.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: honey.dedova@bk.ru — А.С. Дзядова

Conclusion. Names with the object and everyday meaning are one of the most important ways to convey the national and cultural information and, in the language of the Belarusian fairy tale, are the lexical components which most expressively represent features of perceiving the world by bearers of Belarusian ethnic culture.

Key words: the Belarusian folk fairy tale, the lexical and semantic group, linguistic and cultural, national and cultural, everyday vocabulary.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 171–176)

Развіццё мовазнаўства апошніх дзесяцігоддзяў характарызуецца перамяшчэннем навуковых інтарэсаў многіх даследчыкаў у сферу лінгвакультуралагічнага аналізу лексічных адзінак, якія рэпрэзентуюць нацыянальную карціну свету ў мове. Фальклор дае багаты матэрыял для вывучэння традыцыйнай народнай культуры і асаблівасцей нацыянальнага менталітэту. Тым не менш у айчыннай лінгвістыцы на сённяшні дзень адсутнічаюць сур’ёзныя навуковыя напрацоўкі па пытаннях даследавання нацыянальна-культурнай адметнасці мовы беларускай народнай казкі як фальклорнага жанру. Спецыяльных прац, прысвечаных даследаванню беларускага казачнага эпасу ў лінгвакультуралагічным аспекце, няма.

Аналізу асаблівасцей нацыянальнага менталітэту беларусаў і рускіх на матэрыяле некаторых фальклорных жанраў прысвечана вучэбнае выданне А.У. Даніч “Менталітэт беларусаў і рускіх. Адлюстраванне ў міфалогіі, фальклоры, фразеалогіі” (на рускай мове), у якой актуальнасць вывучэння мовы беларускай народнай казкі пацвярджаецца наступнымі словамі даследчыцы: “Казка, з’яўляючыся прадуктам калектыўнага розуму, дазваляе вывучаць праяўленні сацыяльнай псіхалогіі народа, спецыфіку народнага мыслення, калектыўнага мастацкага ўспрыняцця рэчаіснасці і многія сацыяльна-эстэтычныя грані ў мадэлі таго грамадства, таго жыцця, якое ўяўляе народ як пажаданае, як ідэальнае” [1, с. 21].

Мэта артыкула – выявіць спецыфіку нацыянальна-культурнага кампанента значэння побытавай лексікі, якая функцыянуе ў мове беларускага казачнага эпасу.

Матэрыял і метады. Навуковае даследаванне праведзена ў межах антрапацэнтрычных тэндэнцый сучаснага мовазнаўства на матэрыяле зборнікаў беларускіх народных казак [2–6]. Матэрыялам даследавання з’яўляецца побытавая лексіка, у семантыцы якой рэпрэзентуюцца асаблівасці традыцыйнай культуры беларускага народа. Асноўныя метады: таксанамічны (пры сістэматызацыі і класіфікацыі лексічных адзінак) і кампанентнага аналізу (пры выяўленні семантычнай структуры лексічных адзінак з нацыянальна-культурным кампанентам значэння).

Вынікі і іх абмеркаванне. Беларускі казачны эпас уяўляе сабой не толькі ўнікальны фальклорны, але і моўны матэрыял, паколькі гэта бадай

ці не адзіны жанр вуснай народнай творчасці, які ўвабраў у сябе ўсе грані чалавечай мудрасці: непаўторныя казачныя моўныя формулы, фразеалагічныя і парэміялагічныя адзінкі, цікавыя і непаўторныя вобразныя сродкі, якія маюць народныя вытокі, а таксама па-свойму спецыфічныя фальклорныя канцэпты. Усё гэта абумоўлена нацыянальным менталітэтам – адмысловым спосабам светаўспрымання і светаадчування беларускага народа, які склаўся на пэўнай геаграфічнай, гістарычнай і традыцыйна-духоўнай прасторы.

Народная казка выяўляе ледзьве не ўсе гістарычныя і сацыякультурныя асаблівасці нашага народа, спецыфіку яго паўсядзённага быту і гаспадарчай дзейнасці, разнастайныя абрады і звычаі, адносіны да жыцця – іншымі словамі, усё тое, што складае адметнасці нацыянальнай карціны свету беларусаў. Нацыянальна-культурны пласт побытавых рэалій, прадстаўленых у тэксе беларускай народнай казкі, семантызуецца праз разнастайныя лексічныя адзінкі, якія рэпрэзентуюць у сваім значэнні багатую і цікавую лінгвакраізназнаўчую інфармацыю.

Прадмет быту – гэта ў пэўнай ступені апазнавальны знак яго прыналежнасці да культуры той ці іншай этнічнай супольнасці людзей. Тэрмін “побытавая лексіка” акрэслівае паўсядзённую, побытавую і гаспадарчую сферы жыцця чалавека, а таксама яго працоўную дзейнасць. З улікам шырокага семантычнага дыяпазону побытавая лексіка ўключае ў сябе дастаткова вялікую і разгорнутую сістэму намінацый. У лексічнай сістэме мовы казачных тэкстаў сустракаецца значная колькасць назваў быту з этнакультурнай семантыкай. Іх значэнне пэўным чынам звязана з асаблівасцямі светапогляду беларусаў, сферай іх прафесійных заняткаў і паводзінамі ў соцыуме. Так, побытавыя назвы, якія сустракаюцца ў моўным кантэксце беларускай народнай казкі, з улікам іх семантыкі можна падзяліць на некалькі лексіка-семантычных груп (далей ЛСГ):

- 1) назвы прадметаў гаспадарчага ўжытку і прылад працы;
- 2) назвы гаспадарчых пабудоў, памяшканняў і іх частак;
- 3) назвы ежы і страў беларускай нацыянальнай кухні;
- 4) назвы адзення, галаўных убораў і абутку;
- 5) назвы транспартных сродкаў.

Самую вялікую ЛСГ складаюць назоўнікі, якія з’яўляюцца назвамі прадметаў хатняга і гаспадарчага ўжытку, посуду, прылад працы і іх частак (каля 80-ці лексем). Сярод даследаванага моўнага матэрыялу звяртаюць на сябе ўвагу наступныя словы з нацыянальна-культурным кампанентам значэння: **гаршок** ‘гаршчок, гліняная пасудзіна са звужаным дном для варкі стравы, для малака і інш.’: *Едзе, едзе [дурань], толькі насустрач яму ганчар з гаршкімі* (“Як дурань шкуру біў”); **фаска** ‘кадачка з вушкамі’: *Нарэшце даў ёй фаску масла...* (“Аб ведзьме, якая сына жаніла”); **кораб** ‘выраб з лубу, бяросты, саломы і інш. для захавання, пераноскі ці ўпакоўкі чаго-небудзь’: *Прывязі ты мне кораб курэй от на такую палянку* (“Мужык, мядзведзь і ліса”); **кайстра** ‘торба, клунак’: *У Праўды хлеба няма, а ў Крыўды поўна кайстра* (“Праўда і Крыўда”); **кашэль** ‘вялікая кашолка, звычайна з лучыны’: *... аладак напякла, у кашэль наклала і будзіць яго...* (“Шкляныя горы”); **чапяла** ‘спецыяльна загнутая на канцы лапатачка з ручкай для захоплвання гарачай скаварады’: *А мачаха яе чапялой, сучку* (“Пра падчарку”); **таўкач** ‘кароткая прылада з патоўшчаным круглым канцом, якой таўкуць што-небудзь’: *Бяры, бацька, таўкач ды бі ваўка* (“Сыноч з кулачок”); **ступа** ‘драўляная або металічная пасудзіна, у якой таўкуць што-небудзь таўкачом’; **качарга** ‘тоўсты жалезны прут, сагнуты на канцы, для перамяшвання паліва ў печы, выграбання попелу’; **памяло** ‘венік з яловых ці сасновых галінак, надзеты на доўгую палку, для вымятання ці абмятання чаго-небудзь’: *Уссела яна [Баба Яга] на ступу, качаргой паганяе, памялом след замятае* (“Хорткі”); **крэсіўца** ‘крэсіва, кавалак сталі для высыкання агню з крэменю’; **крамянец** ‘крэмень, вельмі цвёрды камень, які першапачаткова ўжываўся для высыкання агню’: *Ты не бяры, а прасі ў яго крэсіўца, крамянец...* (“Папова зайздасць не пайшла ў карысць”); **сякерка** ‘сякера’; **абушок** ‘абух, тупая патоўшчаная частка сякеры, процілеглая лязу’: *Ідзе, аж бачыць – ляжыць вялізная калода, а ў калодзе ўткнута сякерка: залатое лязо, срэбраны абуюш* (“Каваль і аднавокае гора”); **тапарышча** ‘ручка тапара’: *Каваль хлоп за тапарышча, аж рука і прыстала к тапарышчу* (“Каваль і аднавокае гора”).

Некаторыя найменні прадстаўленай для разгляду ЛСГ характарызуюць сферу традыцыйных заняткаў нашых продкаў і асаблівасці іх прафесійнай дзейнасці. Так, адзначым прадметна-побывавыя назвы, якія семантызуюць адзін з найбольш старажытных заняткаў беларусаў – ткацтва. Напрыклад, **верацянно (вераценца)** ‘прыстасаванне для ручнога прадзення ў выглядзе круглай драўлянай палачкі з патаўшчэннем унізе і заостранымі канцамі’: *Злая мачыха дала ёй верацянно і мех кудзелі* (“Залатая яблынька”); **кросны** ‘ніццая

аснова, якая навіваецца на навой станка’: *Можна б ты наткала красён?* (“Дзедава дачка і бабіна дачка”); **праснічка** ‘прасніца, прыстасаванне, на якое падвешваецца кудзеля пры прадзенні’: *Даў ёй [дачце] праснічку і залатое вераценца, навёў яе пад крыніцу і пасадзіў яе там...* (“Дзедава дачка і бабіна дачка”); **губка** ‘мера нітак, прыгатаваных на аснову для ткання палатна’: *Ты не бяры, а прасі ... губкі шматок!* (“Папова зайздасць не пайшла ў карысць”); **дзяруга** ‘грубая тканіна ці вопратка з такой тканіны’: *Дай мне, кумачка, дзяругу* (“З рога ўсяго многа”) і інш.

Нацыянальна-культурная аснова зместу побытавай лексікі дастаткова шырока акумуляецца ў лексічных адзінках, семантыка якіх звязана з сельскагаспадарчай працай нашых продкаў, у тым ліку земляробствам – апрацоўкай глебы, вырошчваннем бульбы і жыта, нарыхтоўкай сена. Напрыклад, **саха** ‘прымітыўная сельскагаспадарчая прылада для ворыва’: *Бацька яго ўбачыў і прышоў, а Сыноч на саху вярхом ды давай араць* (“Сыноч з кулачок”); **рыдзель** ‘рыдлёўка, ручная прылада для капання; металічная лапата’: *Без рыдля нічога не зробіш, думаю сабе* (“Не любя – не слухай”); **серб** ‘сельскагаспадарчая ручная прылада ў выглядзе выгнутага дробна назубленага нажа для зрэзвання злакаў з караня’: *Раз яна [жонка] ўзяла серб і сама пайшла жаць* (“Шкляныя горы”); **жорны** ‘ручны млын з двух гладка абчэсаных круглых камянёў, пры дапамозе якіх пераціраюць зерне на муку’; **лапацень** ‘шырокі свердзел у жорнах’: *Малола яна, малола, ажно лапацень з жорнаў вываліўся* (“Дурныя людзі”); **граблі** ‘сельскагаспадарчая прылада для зграбання сена, саломы і інш.’; **рэзгіны** ‘прыстасаванне з вярочнай сеткі, нацягнутай на сагнутыя драўляныя дужкі, у якім носяць сена, салому’: *Бярыце граблі і рэзгіны ды хутчэй пазграбайце ніва!* (“Папова зайздасць не пайшла ў карысць”) і інш.

Некаторыя побытавыя рэаліі выступаюць у тэксце народнай казкі ў якасці аб’рэгаў. У старажытныя часы аберагальная магія мела вялікае значэнне для беларуса-селяніна, бо вера ў звышнатуральныя сілы пераважала над розумам чалавека. Старажытныя аб’рэгі былі рознымі па памеры, форме і сродках выкарыстання, але ўсе яны выконвалі функцыю засцярогі ад д’ябальскай сілы, ад нараканняў блгіх людзей і інш. Напрыклад, нож – гэта не толькі прадмет гаспадарчага ўжытку і прылада працы, але і, згодна з народнымі ўяўленнямі, аб’рэг і сродак “супрацьстаяння нячыстай сіле, ... ахоўная мяжа супраць пранікнення смерці” [7, с. 343]. Так, у казцы “Іван Сучкін сын Залатых гузікі” галоўны герой, адыходзячы вяртаецца калінаў мост, загадвае сваім братам: *... я дам вам знак вось які: у столь уткну нож, а на сталі пастаўлю стакан з вадою. Як толькі капне кроў з ножыка*

ў стакан, дык вы збірайцеся да мяне як можна хутчэй. У мове прыведзенага кантэксту назоўнік **нож** семантызуе адначасова абярэг і прадказвае смерць героя.

Наступную ЛСГ (больш за 40 лексічных адзінак) складаюць словы, якія абазначаюць назвы гаспадарчых пабудов, памяшканняў і іх частак. Унутранаму і знешняму ўбранству беларускай сялянскай хаты, яе абсталяванню ва ўсе часы надавалася вялікая ўвага, што знайшло адлюстраванне ў мове даследаваных тэкстаў казачнага эпасу. Напрыклад, **каморка** ‘халоднае памяшканне пры хаце для захоўвання запасаў ежы, адзення і іншых хатніх рэчаў’: *Ведзьма ўзяла яе, павяла ў каморку* (“Дзедава дачка і бабіна дачка”); **засек** ‘агароджанае месца ў свірне для ссыпання збожжа, мукі’; **склеп** ‘паглыбленае ў зямлю, закрытае памяшканне для захоўвання прадуктаў, віна, пораху і інш.’; **клець** ‘традыцыйная сялянская будыніна для захавання збажыны, маёмасці; свіран’: *Прыехаў дзед у двор, ажно ў яго солі поўныя засекі..., у яго капусты поўны склеп..., у яго сала поўна клець...* (“Каток-залаты лабок”); **лутка** ‘бакавы стаяк асады дзвярэй і вокнаў’: ... *самі сталі за луткамі і мех трымаюць* (“Міхей-кравец і Марцін-шавец”) і інш. Апісанне ўнутранага і знешняга выгляду беларускай сялянскай хаты, падворка, гаспадарчых пабудов і іх частак падаецца ў казачных тэкстах дастаткова дэталёва, праз ужыванне назваў з канкрэтным прадметна-побытавым значэннем.

Цікавую этнакультурную інфармацыю ў мове казачных тэкстаў нясуць у сваёй семантыцы назвы частак сялянскага жылля – назоўнікі **печ** і **парог**. Печ – гэта адзін з асноўных не толькі гаспадарчых, але і рытуальных цэнтраў хаты. Як адзначае вядомы беларускі фалькларыст, прафесар А.М. Ненадавец, “агонь заўсёды свята абагаўляўся старажытнымі людзьмі, таму не дзіўна, што гэтая ж самая пашана пачала аддавацца і «жыллю агню» – гэта значыць, печы” [8, с. 220]. У адрозненне ад агульнакультурнай інтэрпрэтацыі печы ў казачнай традыцыі гэта частка хатняга інтэр’ера мае выключна побытавае выкарыстанне: *Ажно тут, адкуль узяўся, мужык ідзе. Спужалася тая баба, хутчэй яечню, бліны ў печ схавала, а папа некуды хаваць, узяла дыў у падполле ўпіхнула* (“Як дурань шкуру біў”), дзе **падполле** ‘памяшканне пад падлогай, падвал’.

Паводле традыцыйнага рэлігійнага светапогляду старажытных беларусаў, парог – гэта месца знаходжання душ продкаў, а таксама дамавіка. Трэба адзначыць, што ў глыбокай старажытнасці (недзе паміж VI–XIV стст.) цела нябожчыка спальвалі, а “урну з прахам хавалі пад парогам. Значыць, гістарычна парог – зона захавання продкаў” [9, с. 301]. Сімволіка гэтай

побытавай назвы звязана з “мяжой паміж хатай як асвоенай тэрыторыяй, якая абараняецца дамавіком, і прасторай «за парогам» – неасвоенай, нежылой, а значыць, небяспечнай, варожай для чалавека” [10, с. 116]. У моўнай тканіне казачных тэкстаў лексема **парог** ужываецца ў канструкцыях, якія ўказваюць на месцазнаходжанне чалавека: *Уваходзіць той пан у хату і стаў у парозе* (“Жораваў кашалёк”); *Дзіва, збірайся ды і за парог выбірайся* (“Дзіва”). Прыведзеныя прыклады характарызуюць непрыязныя адносіны паміж гаспадаром і госцем. “Свой” чалавек заўсёды заходзіць у хату, а “чужы” стаіць у парозе. Устойлівы выраз *за парог выбірайся* мае адмоўную канатацыю і даволі выразна семантызуе бінарную супрацьлегласць “свой – чужы”, характэрную для міфапэтычнай мадэлі свету ўсходніх славян.

Наступная ЛСГ побытавай лексікі ўключае ў свой склад назвы ежы і страў беларускай нацыянальнай кухні (каля 30-ці лексічных адзінак). Нярэдка структурныя кампаненты прааналізаванай ЛСГ рэпрэзентуюць становішча героя ў грамадстве, паказваючы на яго прыналежнасць да пэўнага сацыяльнага асяроддзя. Напрыклад, пра прыналежнасць чалавека да ніжэйшых сацыяльных пластоў ці сялянскага асяроддзя сведчаць такія назвы ежы ці страў, як **асушак хлеба**, **скарынка** ‘сухі кавалак хлеба’; **бульба**: *Дасць хто трохі асушкаў хлеба або бульбы, баба размочыць скарынку ды пасмокча яе трохі бяззубым ротам...* (“Шаптуха”); **капуста** ‘страва, прыгатаваная з аднайменнай гародніны – капусты’; **крупеня** ‘крупяны суп’: *Жонка яго пасадзіла за стол, дастала з печы капусту ды крупеню і паставіла на стол* (“Як дурань шкуру біў”); **клёцкі** ‘галушкі з цеста (мукі ці дранай бульбы), звараныя ў вадзе або малацэ’; **поліўка** ‘вадкая страва з мучной прыправай’: *А мачаха стала ладзіцца ўжо хаўтуры на ёй правіць. Пячэ клёцкі, варыць поліўку...* (“Пра падчарку”); **бліны** ‘мучны выраб з рэдкага цеста, спечаны на патэльні: *Там маладзіца бліны пякла* (“Мужык і паніч”); **аладкі** ‘невялікія тоўстыя мучныя бліны, спечаныя на патэльні’: *Назаўтра яна [Баба Яга] ўстала, печ запаліла, абед нагатавала, аладак напекла...* (“Шклянныя горы”); **сала (сальца)**: *Наклаў ён сабе агенчыку, сядзіць, грэецца ды смажыць сала на ражончыку. Наеўся сала з хлебам. Захацелася яму піць* (“Агонь у сэрцы, а розум у галаве”); *Вось, дзядулька, каб цяпер сальца!* (“Каток-залаты лабок”). Адзначым, што ва ўсе часы беларускі селянін вельмі паважліва адносіўся да сала як прадукту харчавання, бо часам гэта была адзіная ежа, якую яму даводзілася спажываць на працягу ўсяго дня. Сала з хлебам было паўсядзённай ежай, яго смажылі на агні, елі ў будні і ў святы, падчас цяжкай працы на полі.

Назвы святочнай ежы і напояў прадстаўлены меншай колькасцю лексем. Напрыклад, **квашаніна** ‘халадзец, студзень’: *Вось табе цар прыслаў квашаніны есці халаднай* (“Кот Максім – сват, зайцы, ваўкі”); **кілбаса** ‘прадукт харчавання, прыгатаваны з мяснoga фаршу ў кішачнай або штучнай абалонцы’: ... *прынёс кілбас, накарміў дурня* (“Кот і дурань”); **кісель** ‘студзяністая вадкая страва’; **сыта** ‘абрадавае беларускае пітво – мёд, разведзены вадой’: ... *ядуць кісель з сытой – зачэрпнуць па лыжцы кісялю, а тады ўсе ідуць у клець кісель у сыту мацаць* (“Дурныя людзі”); **віно** ‘хмельны напой, прыгатаваны з ягад ці садавіны’: *Прыйшлі ў склеп, адамкнулі, віна карыта напусцілі, мукі насыпалі ды сабак напалі* (“Міхей-кравец і Марцін-шавец”) і інш.

Асаблівасці побыту прадстаўнікоў вышэйшых сацыяльных пластоў, асяроддзя багатых ці заможных людзей семантызуюцца праз значна меншую ў колькасных адносінах групу назваў ежы і напояў, што тлумачыцца народнымі вытокамі беларускага казачнага эпаса. Напрыклад, **мёд**, **гарэлка** і інш.: *І гарэлка, і мёд, і закуска ўсялякая!* (“Як чорт мужыку вочы адкрыў”). Для абазначэння агульных назваў страў і напояў, якіх было безліч на сталях паноў, мяшчан і іншых прадстаўнікоў вышэйшых саслоўяў, выкарыстоўваюцца лексемы тыпу **піценні-ядзенні** ‘розныя віды пітва і ежы’: *І розныя-розныя піценні-ядзенні: тут і віны, і бабакі, і пірагі...* (“Жораваў кашалёк”); **напіткі-наедкі** ‘прадукты харчавання’: *Знайшоў розных напіткаў-наедкаў – наеўся, як трэба, і стаў песні пець* (“Бядняк і нябожчыкі”). Назвы страў і прадуктаў харчавання як сродак вербальнага выражэння тых ці іншых побытавых рэалій ужываюцца ў мове казачных тэкстаў для больш праўдзівага і яскравага адлюстравання паўсядзённага жыцця беларусаў, а таксама з мэтай характарыстыкі іх сацыяльнага становішча.

Яшчэ адну ЛСГ побытавай лексікі складаюць назвы адзення, галаўных убораў і абутку (20 найменняў). Гэтыя лексічныя адзінкі ў казачным моўным кантэксце ўказваюць на наступныя якасці герояў:

1) сацыяльны статус. Напрыклад, **кафтан** ‘даўнейшая мужчынская і жаночая верхняя вопратка з доўгімі поламі’: *Распрануў адзежу і паказаў царскі кафтан* (“Самы разумны”); **лапці** ‘плечы абутак з лыка, бяросты ці вяровак’; **сярмяга** ‘верхняе адзенне з грубага дамацканага сукна’: *Ён узяў гэта золата ... надзеў лапці і сярмягу і панёс* (“Мужык і цар”); **армяк** ‘даўней у сялян: від верхняга адзення з тоўстага сукна; кафтан’: *А салдат тым часам вывернуў армяк і шапку навыварат і ідзе па дарозе* (“Дурныя людзі”); **футра** ‘зімовая вопратка з вырабленых шкур пушнога звера’: ... *выходзячы з клеці,*

царскае футра сабе ўзяў (“Міхей-кравец і Марцін-шавец”);

2) адметнасць сялянскага жаночага нацыянальнага касцюма. Напрыклад, **андарак** ‘саматканая паласатая або ў клетку спадніца’: *Прыйшоў дамоў, надзеў андарак, завязаў хустку ды і затапіў печку і бліны пячэ* (“Хомкава жонка”); **фартух** ‘жаночая адзежа пэўнага крою, якую надзяваюць спераду на сукенку, спадніцу, каб засцерагчы іх ад забруджвання’: ... *часта гаварыла баба і фартухом уцірала слёзы* (“Асілак”); **панчохі** ‘ў мінулыя часы выраб ручнога вязання, які надзяваецца на ногі і заходзіць за калені’: *Як жа мне за цябе замуж ісці, калі ў мяне нават панчохла няма?* (“Падчарыца і чорт”); **сукенка** ‘жаночае сцэльнае адзенне, якое апранаецца паверх бялізны’; **чаравікі (чаравічкі)** ‘невысокі, да шчыкалаткі, скураны абутак на шнурках’: ... *Купіла яна сабе новую сукенку, чаравікі, прыхарашылася так, што ўсе сяброўкі зайздросцяць ёй* (“Не сіла, а смеласць”); *Пашыю табе цёплыя чаравічкі!* (“Мужык, мядзведзь і ліса”). Трэба заўважыць, што сімвалічную функцыю ў мове казачнага эпаса выконвае намінацыя **хустка (хустачка)** як галаўны ўбор і прадмет жаночага ўбрання, які даюць у дарогу ў якасці абярэга: *І дае яна яму хустку* (“Вячорка, паўночнік і заравы”). Хустка можа валодаць звышнатуральнай сілай: *Махнуў ён тры разы ёю [хусткай], і зрабіўся гэты дом яечкам (там жа).*

У склад апошняй даследаванай ЛСГ уваходзяць назвы транспартных сродкаў (15 найменняў). Як сродкі семантызацыі розных відаў павозак, падвод і прыстасаванняў для язды, якімі для гаспадарчых ці асабістых патрэб карысталіся пераважна сяляне, выступаюць назоўнікі **калёсы** ‘конная чатырохколая гаспадарчая павозка’: *Сталі яны тады кожны свайго жарабка гадаваць. Паспраўлялі хамуты, калёсы...* (“Мал-малышок”); **воз** ‘сродак гужавога транспарту, прызначаны для язды і перавозкі грузаў’: ... *а вашаму бацьку то найгорш: запрэгілі ў драбасты воз і смалу возіць* (“Папова зайздрасць не пайшла ў карысць”); **санкі (саначкі)** ‘зімовая павозка на двух палазах’: *Узяў дурань матку, паклаў на санкі і павёз хаваць* (“Як дурань шкуру біў”); *Вось дзед узяў саначкі, пасадзіў сваю дачку на саначкі і павёз яе* (“Пра падчарку”) і інш.

Пэўную сацыякультурную канатацыю ў мове казачнага радка маюць назвы некаторых відаў транспартных сродкаў, якімі карысталіся, як правіла, прадстаўнікі вышэйшага саслоўя. Напрыклад, **буда** ‘крытая скурай або брызентам карэта, брычка’: *Пан, пачуўшы, што поп усім вычытвае, вялеў запрэгчы трое коней у буду ды паслаць па папа* (“Кацярына”); **брычка** ‘лёгкі выязны вазок’: ... *едзе поп на брычцы...* (“Як мужык папоў ашукаў”); **каламажка** ‘лёгкая

выязная павозка на рысорах': Узяў дыў узлез на каня, выняў ціхенька з кішэні сцізорык і шарах па гужах – каламажка з аглоблямі і засталася ў бродзе, а ён вярхом на кані і праехаў на сухое, кінуў каня і пайшоў сабе... ("Мужык і паніч"); **карэта** 'закрыты з усіх бакоў чатырохколы конны экіпаж на рысорах': *Ажно на тую пару едзе пан у карэце, з лакеем і фурманам* ("Як дурань шкуру біў") і інш.

Заклучэнне. Такім чынам, прааналізаваны ў лінгвакультуралагічным аспекце лексічны матэрыял дазваляе канстатаваць, што побытавыя назвы, якія функцыянуюць у моўнай прасторы беларускага казачнага тэксту, характарызуюцца надзвычай шырокай разнастайнасцю семантыкі. Побывавае лексіка захоўвае ў сабе цікавую інфармацыю пра асаблівасці матэрыяльнай культуры нашага народа, у цэлым, карціну свету, якая сфарміравалася ў мінулыя часы ў свядомасці беларусаў розных сацыяльных пластоў – ад селяніна да пана.

Намінацыі з прадметна-побытавым значэннем служаць адным з найважнейшых сродкаў для перадачы нацыянальна-культурнай інфармацыі і ў мове беларускай народнай казкі з'яўляюцца тымі лексічнымі кампанентамі, якія найбольш выразна семантызуюць асаблівасці ўспрымання свету носьбітамі беларускай этнакультуры. Нацыянальна-культурны кампанент значэння прааналізаваных найменняў выразна рэпрэзентуе сацыяльнае асяроддзе беларусаў і спецыфіку іх паўсядзённага жыцця ў мінулыя часы, асаблівасці працоўнай і гаспадарчай дзейнасці продкаў, а таму мае важнае значэнне

ў даследаванні нацыянальнай карціны свету нашага народа.

Літаратура

1. Данич, О.В. Менталитет белорусов и русских. Отражение в мифологии, фольклоре, фразеологии: учеб.-метод. пособие / О.В. Данич; УО "ВГУ им. П.М. Машерова". – Витебск: Изд-во УО "ВГУ им. П.М. Машерова", 2004. – 84 с.
2. Бацькаў дар. Беларускія народныя гераічныя і фантастычныя казкі. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1978. – 223 с.
3. Беларускі казачны эпас / склад. і ўступ. артыкул У.В. Анічэнка. – Мінск: Выдавецтва БДУ, 1976. – 206 с.
4. Беларускія народныя казкі: для дашкол. узросту / апрац. А. Якімовіча; уклад. М.А. Казбярук. – Мінск: Юнацтва, 1990. – 302 с.
5. Беларускія народныя казкі: зборнік / склад.: Г.А. Барташэвіч, К.П. Кабашнікаў; уступ. арт. К.П. Кабашнікава. – 2-е выд., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – 512 с.
6. Не сілай, а розумам: Бытавыя казкі і казкі пра жывёл: [для дашк. і малод. шк. узросту / уклад. А. Гурскі; маст. В. Александровіч]. – Мінск: Юнацтва, 1997. – 223 с.
7. Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік / С. Санько [і інш.]; рэд. В. Аўтушка. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
8. Ненадавец, А.М. Печ у беларускім фальклоры / А.М. Ненадавец // Міжнародная навуковая канферэнцыя "VIII Міжнародныя навуковыя чытанні, прысвечаныя Сцяпану Некрашэвічу", 18 мая 2007 г.: [зб. навук. арт.]: у 2 ч. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007. – Ч. 2. – С. 220–223.
9. Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры / Я. Крук. – 2-е выд. – Мінск: Ураджай, 2001. – 350 с.
10. Коваль, У.І. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы: даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі / У.І. Коваль. – Гомель: Бел. агенцтва нав.-тэхн. і дзелав. інфарм., 1995. – 180 с.

Паступіў у рэдакцыю 04.04.2018 г.

УДК [821.161.1+821.161.3]-31«19...»

Стилевые течения в русской и белорусской модернистской литературе второй половины XX века (на примере жанра повести)

Крикливец Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В последней трети XX века в русской и белорусской литературах происходит смена эстетических координат и способов художественного миромоделирования. Стилевой трансформации подвергаются не только каноны нормативной эстетики, но и принципы реалистического изображения действительности.

Цель статьи — выявить особенности стиливых течений русской и белорусской модернистской прозы второй половины XX века на примере жанра повести.

Материал и методы. *Методологическую базу работы составляют труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений. Объектом изучения выступают повести русских и белорусских писателей второй половины XX века.*

Результаты и их обсуждение. *Освоение элементов неклассической эстетики не было однородным и последовательным. Нельзя пытаться обозначить точные этапы перехода от реализма к модернизму и постмодернизму; зачастую невозможно атрибутировать произведение как принадлежащее к той или иной художественной системе. Важно учитывать взаимовлияние и взаимопроникновение различных принципов художественного обобщения и эстетической оценки действительности, а также определить наличие в прозе последней трети XX века целого ряда диффузных явлений, расширяющих стиливые границы произведений (условно-метафорическая проза, «другая проза»).*

Заключение. *Развитие русской и белорусской прозы в последней трети XX века обусловлено несколькими тенденциями. С одной стороны, метастилем и русской, и белорусской литературы XX века является реализм. С другой стороны, в последней трети XX века происходят рецепция модернистских и авангардистских традиций начала столетия, их адаптация к потребностям современной писателям действительности. Основные стиливые трансформации в литературе второй половины XX века происходят не только и не столько в рамках определенной художественной системы, сколько «на стыке» этих систем. Закономерно, что на рубеже XX–XXI веков взаимодействие разных стиливых течений, стиливая эклектика привели к возникновению особой художественной системы — постмодернизма.*

Ключевые слова: *русская литература, белорусская литература, сравнительно-типологический анализ, художественный метод, модернизм, стиливая модификация повести.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 177–183)

Style Trends in Russian and Belarusian Modernist Literature of the Late XX Century (the Genre of Narration)

Kriklivets E.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

In the late XX century in Russian and Belarusian literatures a change of aesthetic coordinates and ways of artistic world modeling takes place. Not only canons of normative aesthetics but also principles of realistic presentation of the reality undergo style transformation. The purpose of the article is to identify features of style trends in Russian and Belarusian modernist prose of the late XX century in the genre of the narration.

Material and methods. *The methodological basis of the research is works by domestic and foreign literature scientists in the field of the comparative and typological studies of literature phenomena. The object of the study is narrations of Russian and Belarusian writers of the late XX century.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: kriklivec@mail.ru — Е.В. Крикливец

Findings and their discussion. Mastering the elements of non-classic aesthetics was not homogeneous and consistent. One can't try to outline exact stages of the transition from realism to modernism and post-modernism; it isn't often possible to attribute a piece of work as belonging to this or that artistic system. The article centers round mutual influence and interpenetration of different principles of artistic generalization and aesthetic assessment of the reality, the presence of a number of diffuse phenomena in the prose of the late XX century which widen the style boundaries of pieces of work (conditionally metaphoric prose, «another prose»).

Conclusion. The development of the Russian and Belarusian prose of the late XX century is conditioned by a number of tendencies. On the one hand, realism is the metastyle of the Russian and Belarusian prose of the XX century. On the other hand, reception of modernist and vanguard traditions of the beginning of the century takes place, as well as their adaptation to the needs of the reality which is contemporary for authors. Basic style transformations in the literature of the late XX century take place not only and not because of the frames of a definite artistic system, but at the «cluster» of these systems. It is only just that at the borderline of the XX–XXI centuries the interaction of different style trends, style eclectics resulted in the emergence of a special art system of postmodernism.

Key words: Russian literature, Belarusian literature, comparative and typological analysis, art method, modernism, style modification of the narration.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 177–183)

Развитие литературного процесса обусловлено не только социальными сдвигами, но, в первую очередь, сменой мировоззренческих и эстетических координат, что приводит к изменению способов художественного миромоделирования. Это отчетливо проявляется в последней трети XX века, когда «монолизм советской литературы сменяется полилогом разных типов художественного творчества» [1, с. 27]. Сомнению подвергаются не только каноны нормативной эстетики, но и принципы эпического (реалистического) мировосприятия.

В широком смысле на смену классической упорядоченности с четко выраженными причинно-следственными связями приходят дисгармония и необходимость отражения «либо разорванности (редукции) сознания, либо его ассоциативности, то есть разные способы вербализации либо материализации бессознательного» [1, с. 28]. Это ориентирует писателей на поиск новых художественных приемов и жанровых форм, которые удовлетворили бы эстетические потребности времени, на обращение к различным смысловым и культурным кодам и, как следствие, на интеллектуализацию прозы: «Неабвержнаю сёння гучыць тая выснова, што ў культуры XX стагоддзя разумы пачатак, інтэлектуалізм перастаў быць нечым прыватным (прыкметай пэўнага стылю, асаблівасцю творчай манеры і да т.п.). Інтэлектуальнасць зрабілася як бы неабходнай і арганічнай прыкметай мастацкага мыслення. Таму што па-за ёю немагчыма арыентавацца ў сучасным свеце, дзе ўсе іншыя сувязі фальсіфікаваныя той жа цывілізацыяй (варожай натуральнаму стану прыроды і чалавеку як частцы гэтай прыроды). Іменна глыбокія аб'ектыўныя прычыны – супраціўленне цывілізацыйскай уніфікацыі вызначаюць “кутняе” месца інтэлекту ў літаратуры XX стагоддзя, цэнз асобы, індывідуальнасці, выбітнасці, і затым – жанравай настроенасці, “непрычаснасці”» [2, с. 120].

Безусловно, литературный процесс второй половины XX века нельзя рассматривать как

однолинейный. Однако вопреки сложившимся представлениям о его иерархичности, можно утверждать, что и в русской, и в белорусской литературах этого периода происходит «диалог художественных систем и стилевых течений, не сводимый ни к иерархичности, ни к конфронтации, новое образуется на границе разных эстетических явлений» [1, с. 11].

Цель статьи – выявить особенности стилевых течений русской и белорусской модернистской прозы второй половины XX века на примере жанра повести.

Материал и методы. Методологическую базу работы составляют труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений. Объектом изучения выступают повести русских и белорусских писателей второй половины XX века.

Результаты и их обсуждение. Освоение (и усвоение) элементов неклассической эстетики не было однородным и одномоментным. Неправоммерно пытаться обозначить точные вехи перехода от реализма к модернизму и постмодернизму, а зачастую невозможно атрибутировать произведение как принадлежащее к той или иной художественной системе. Нам представляется более правильным говорить о взаимовлиянии и взаимопроникновении различных принципов художественного обобщения и эстетической оценки действительности, о наличии в прозе последней трети XX века целого ряда диффузных явлений, расширяющих стилевые границы произведений. В.А. Максимович справедливо утверждает: «Мы часта – і ў большай ступені па традыцыі ці прынятым канонам – гаворым пра мадэрнізм як пра мастацтва пратэстуючае, бунтоўнае, радыкальнае, якое непрымірыма і варожа ставіцца да існуючых (кансерватыўных, састарэлых) форм і праяў жыцця. Але пры ўсім сваім бунтоўным характары мадэрнізм, у аснове сваёй, быў запраграмаваны на гарманічны, зладжаны, упарадкаваны, а галоўнае, жыццесцвярджальны пачатак.

Ён меў прынцыповую ўстаноўку на культываванне суверэннага і самакаштоўнага зямнога быцця. Ужо ў наш час даследчыкі ўсё больш схіляюцца да трактоўкі апазіцыі “рэалізм – мадэрнізм” як цесна звязанай апазіцыі адзінага цэлага. Рэалізм і мадэрнізм адносяць да апаніруючых і адначасна дыялагізуючых сістэм, а не спрэс варожых, не-прымірных. Прызнаецца факт іх моцнага ўзаемаўплыву, узаемаўзбагачэння за кошт засваення новай мастацкай тэхнікі, новых сродкаў выразнасці праз прызму новых светапоглядных падыходаў» [3, с. 254].

Говорить об абсолютном доминировании неклассической эстетики в последней трети XX века тем более преждевременно, учитывая, что реализм этого периода отнюдь не находится в стадии угасания, а представляет собой развитую художественную систему, способную к интеграции с другими направлениями и активно ассимилирующую новые для себя эстетические методы и приемы. Это и становится основной причиной стиливых трансформаций: «Замена причинно-следственных отношений и социально-исторической детерминированности характеров в реализме экзистенциальной ролью случайности и абсолютизация субъективного мира ведут к трансформации “традиционной” прозы в “натуральное” течение и экзистенциальную прозу. Изменение типизации как способа художественного обобщения мифологизацией размывает реалистическую парадигму, создает основу для образования условно-метафорического направления, а дополнение еще и моделированием мира по мифологическому принципу может способствовать мутации самой условно-метафорической прозы» [1, с. 18].

Таким образом, стиливая динамика прозы последней трети XX века обусловлена степенью усвоения реалистической парадигмой неклассических элементов. С одной стороны, обращение к экзистенциальной проблематике и неомифологическим приемам моделирования реальности дало возможность авторам преодолеть каноны нормативной эстетики и вернуться к принципам классического реализма, с другой стороны, «степень концентрации» такого рода элементов в произведении позволяет говорить о явлениях переходного характера, сочетающих в себе признаки обеих художественных систем.

Так, в условиях советской цензуры, уже в 60-е годы XX века в контексте так называемой «молодежной прозы» зародилось явление, позже охарактеризованное как «условно-метафорическая проза». Использование различных типов вторичной художественной условности позволило писателям в аллегорической форме высказать отрицание тех или иных сторон социальной действительности или государственной системы в целом. Анализируя данное стиливое явление, Г.Л. Нефагина отмечает: «Условно-метафорическое направление образуется при взаимодействии реализма и условно-сказочного, фантастическо-

го, мифологического начал. Связь современных общественных реалий с мифологическими, сказочными и фантастическими мотивами становится органичной благодаря тому потенциалу условности, который заложен в самом социуме. Будучи в основе своей течением реалистическим, условно-метафорическая проза воспроизводит объективную действительность. Детерминистское (социальное, психологическое) изображение действительности дополняется (а не отменяется) циклическим (как в мифе), нелогичным (как в сказке), вневременным (как в фантастическом типе условности) принципами. Реальность приобретает не бытописательский характер, но становится многомерной, совмещающей то, что, казалось бы, трудно совместить: верность сущности действительности и условность ее воспроизведения» [1, с. 19].

Как видим, условно-метафорическая проза осмысливается как часть реалистической парадигмы, однако, прибегая ко вторичной художественной условности, используя гротеск, двуплановость, игровое начало, авторы в результате творческих поисков приходят к принципам художественного миромоделирования, свойственным эстетике модернизма.

Укорененность в основы национальной мифологии характерна для повестей А. Кима «Поклон одувачику», «Луковое поле», «Лотос», «Собиратель трав», «Нефритовый пояс», «Поселок кентавров». В названных повестях появляется множество символических деталей, свидетельствующих о неразрывной взаимосвязи человека с природой. Сложный путь духовных исканий приводит героев А. Кима через одиночество и отчуждение к осознанию своего единства со всем окружающим миром и, в первую очередь, с миром природы как воплощением космических законов.

На наш взгляд, концепция духовного развития личности, воплощенная в повестях А. Кима, перекликается с идеями русского религиозно-философского космизма (в частности, с тем относительно самостоятельным течением в русском космизме, которое связано с философией всеединства В.С. Соловьева) [4]. Ее характерная особенность – идея внутреннего единства человека, природы как основных элементов гармоничного космоса и божественного начала, порождающего и поддерживающего этот органический строй бытия.

Жанру повести в целом свойственно изображение героев в переломные моменты их жизни, когда они переживают душевный кризис и претерпевают нравственное возрождение либо деградацию. А. Ким нередко в качестве такого переломного момента изображает ситуацию на пороге смерти (прощание героя с умирающей матерью в повести «Лотос», неизлечимая болезнь героев в повестях «Собиратель трав» и «Нефритовый пояс»). При этом смерть воспринимается не как трагическое окончание физического существования, а как процесс

трансформации духовной сущности человека, преображения его души.

Подобная поэтика повестей А. Кима отсылает читателей к мифологическим представлениям об этапах жизненного пути человека. Здесь целесообразно сослаться на работу А. ван Геннепа, который, привлекая обширный материал из жизни народов всего мира, обосновал теорию, предполагающую, что суть жизни (начиная от жизни индивида и кончая космическими явлениями) состоит в последовательной смене этапов – переходов из одного состояния в другое: «Человек в своей жизни проходит некие этапы, и окончание одного этапа и начало другого образуют системы одного порядка. Таковыми являются: рождение, достижение социальной зрелости, брак, отцовство, повышение общественного положения, профессиональная специализация, смерть. И каждое из этих явлений сопровождается церемониями, у которых одна и та же цель: обеспечить человеку переход из одного определенного состояния в другое, в свою очередь столь же определенное» [5, с. 5].

Итак, в фольклорно-мифологической традиции смерть понимается как переход души на новый этап, что породило большое количество сопутствующих мотивов и образов, к которым и апеллирует в названных повестях А. Ким. Примечательно, что в повести «Лотос» мифологический тип условности сопряжен с культурологическими взглядами писателя, свойственными русскому модернизму второй половины XX века: автор утверждает, что, несмотря на скоротечность земной жизни, искусство вечно и именно оно является залогом бессмертия человеческого бытия.

Отметим, что условно-метафорическую прозу выделяют как единое стилистическое явление, однако она в эстетическом и жанровом смыслах не однородна. Во многом это определяется доминирующим типом художественной условности и доминирующим художественным приемом, которые использует автор в конкретном произведении.

Так, аллегория, свойственная античным басенным традициям и русским сказкам о животных, чаще всего выступает основой произведений, отличающихся значительной социальной заостренностью. В этом контексте следует назвать повесть-притчу А. Кима «Поселок кентавров» и социальную сказку Ф. Искандера «Кролики и удавы». В первом произведении, прибегая к античной образности, автор сюжетно реализует модернистский принцип двоемрия, изображая оппозицию видимого, грешного мира, населенного людьми, лошадьми, кентаврами и амазонками, и мира высшего, невидимого, где обитают всемогущие существа, вершащие суд над самоуничтожающимся суетным миром. В этой повести больше, нежели в остальных, А. Ким размышляет о социальных противоречиях современности, однако идейно-художественная концепция произведения относится, скорее, к сфере экзистенциальной: писатель преду-

жеждает о возможности духовной гибели мира, подверженного страстям.

Яркую аллгорию тоталитарного общества создает Ф. Искандер в повести «Кролики и удавы». Автор демонстрирует механизмы действия государственной системы, основанной на репрессиях и терроре. Создавая трехуровневую иерархию: удавы – кролики – туземцы, прозаик очевидно выходит за границы сказочного типа условности. Помимо того, что персонажи его произведения выступают в традиционном сказочном амплуа – как воплощение силы и трусости – каждый из них обладает еще и индивидуальными качествами, что позволяет создать образы Задумавшегося, Находчивого, Поэта и др. В широком смысле Ф. Искандер изображает различные типы социального поведения и государственной психологии. Г.Л. Нефагина подчеркивает: «Несмотря на явные параллели, социальное пространство сказки значительно шире – это всякое тоталитарное общественное устройство, а не только конкретное советское общество, хотя многие черты взяты именно из его истории» [6, с. 82].

Для того чтобы реалистическое в своей основе произведение приобрело философский, метафорический подтекст, зачастую достаточно одной значимой художественной детали (или вставного элемента), которые позволяют читателю декодировать имплицитные смыслы. В повести А. Рыбакова «Не успеть» на фоне вполне реалистичного подробного описания действительности первых лет перестройки возникает фантастическая деталь – у людей начинают расти крылья. При этом образ крыльев лишен своего традиционного символического значения: это не метафора счастья, любви, вдохновения. Это реакция биологической природы человека на внешнюю социальную, бытовую, культурную разруху и неустроенность. Метафорическое звучание придает повести и ее эстетическая специфика, как бы заведомо предполагающая возможность фантастического допущения в реалистическом повествовании.

В повести «Выратуй і памілуй нас, чорны буцел» В. Козько осмысливает последствия аварии на Чернобыльской АЭС, а также социальные и духовные проблемы перестроечного периода. Реалистическое повествование обрамляет вставная легенда о черном аисте, которую рассказывает своей внучке столетняя бабушка. История аиста, научившегося во время земного рая летать, оторвавшегося от земли, но не достигшего неба, перекликается с трагическим выбором человечества, создавшего технократическую цивилизацию. Духовный путь главного героя повести Лазаря Кагановича – это путь к осознанию своей ответственности за сохранение окружающей природы, поскольку только возвращаясь в свой изначальный «дом», защищая его ценой собственной жизни, человек получает право называться человеком, обрести имя.

Таким образом, произведения, написанные в русле условно-метафорической прозы, представляют собой интеграцию «реалистического способа освоения действительности с условными формами ее воспроизведения» [1, с. 22].

Условно-метафорическая проза изображала действительность в аллегорической, мифологизированной, фантастической форме. Читатель, декодируя аллегорические образы, узнавал картину привычной ему социальной действительности.

Наряду с условно-метафорической прозой в последней трети XX века возникли и другие эстетические реакции на идеологическую ангажированность советской литературы. Так, в 80-е годы прошлого века зародилось явление, получившее названия «новая волна», «альтернативная литература», или, по определению Андрея Битова, «другая проза».

«Другая проза» в начале 1980-х годов декларирована как специфическое художественное образование, обусловленное социокультурными обстоятельствами в большей мере, чем собственно эстетическими. Не порывая с реализмом, писатели этого направления изменяли сложившуюся парадигму последовательным изживанием социально-исторической детерминации личности, заменой причинно-следственных отношений, предполагающих закономерность мироустройства, алогизмом, абсурдом, дисгармонией, являющихся и причиной, и следствием принципа случайности в существовании человека» [1, с. 22].

Безусловно, в «другой прозе» доминирует реалистическая основа, однако представители «новой волны» активно осваивают модернистские тенденции. В эстетическом смысле «другая проза» довольно эклектичное явление, поскольку данное понятие объединяет авторов, прежде всего, с точки зрения общности их социальной позиции – принципиального отрицания стереотипов советской литературы.

При всем разнообразии стилистических приемов и индивидуально-авторских подходов к осмыслению и изображению действительности в контексте «другой прозы» исследователи выделяют две ключевые стилистические тенденции: экзистенциальный реализм (или постэкзистенциальная проза) и иронический реализм (иронический авангард): «Экзистенциальный реализм в начале 1990-х годов обращается к универсальным категориям, к метасюжетам. В ироническом реализме все более самоценное, конституирующее значение приобретает игровое начало, и дальнейшая абсолютизация его приводит к образованию постмодернистских течений» [1, с. 22].

Экзистенциальный реализм объединил взгляд на человека как на «песчинку истории» и освоение ранее табуированных социальных и бытовых сфер. Это отражение сатирической фантазмагии и абсурда реальной действительности. Экзистенциальный реализм меняет ракурс изображения исторических событий.

Привычной, как бы подразумевающей объективность и достоверность, позиции «извне» писатели «новой волны» противопоставляют взгляд «изнутри», совмещение экзистенциального и социального.

Так, повесть М. Палей «Евгеша и Аннушка» строится по канонам бытовой повести, изображающей жизнь женщин в коммунальной квартире. Описание быта героинь, их жизненного уклада пронизано метафорическими образами, самый яркий из которых – два кувшина у кровати Аннушки. Но за всей этой будничной «заведенкой» постепенно проступают судьбы женщин, неразрывно связанные со всеми значимыми для истории XX века событиями. И Евгеша, и Аннушка в своем настоящем – отражение и результат собственного прошлого и прошлого своей страны, носители определенных форм социального сознания, детерминирующих эпоху. Изображая частные судьбы, М. Палей создает образ государственной системы, обезличивающей человека, единственным законным местом пребывания которого становится могила. Не случайно, «механический завод будней» прерывается только смертью Аннушки.

М. Кураев в повести «Капитан Дикштейн» идет дальше, изображая, как жернова истории и политическая система не только нивелируют личность, но лишают человека собственного имени и судьбы. Бывший матрос Чубатый живет под именем расстрелянного студента Игоря Ивановича Дикштейна. А следовательно, живет не своей и не его, а какой-то несуществующей жизнью. События, лишившие героя имени, – это события Кронштадтского мятежа, которые, будучи показанными «изнутри», с точки зрения его участников, осмысливаются автором повести как трагедия для «песчинок истории», перемолотых в «бесшумных часах вечности». И потому герой без имени Чубатый-Дикштейн доживает свой век на «обочине истории» (именно так представлялась Гатчина в 1960-е гг.), где абсурдность его существования подчеркивается нарочито детальным описанием мытья бутылок из-под олифы и серьезностью подсчетов оставшихся на пиво денег. И вновь мы видим, как замкнутый круг обезличенного существования разрывается смертью героя. Так в «альтернативной прозе» осуществляется своеобразная трансформация экзистенциального мотива «бытия – к – смерти».

В повести «Ночной дозор» М. Кураев демонстрирует, как государственная система извращает гуманистическую природу человека. Абсурдность и жестокость психологии Полуболотова очевидна автору и читателю, но никак не самому герою, помещенному в искривленную систему нравственных координат. Его искренняя профессиональная гордость за хорошо выполненную работу (он рассказывает молодому напарнику о том, как в прошлом «брал» врагов народа) не соотносится с общечеловеческими представления-

ми о нравственности. Подобное несоответствие и порождает злую иронию, которая недоступна самому герою, ослепленному государственной идеологией. При этом герой не исключителен. Он – отражение социальной психологии своего времени, с одной стороны – исполнитель, с другой – жертва истории.

Изменения в социальной и культурной сферах, обусловившие последнюю треть XX века, привели не только к появлению нового ракурса осмысления и изображения исторических событий, но и к смене модуса художественности в произведениях, ранее традиционно характеризовавшихся героическим пафосом.

Так, утрачивает сакральность изображение военных событий, героя-воина, воинского долга. Участники последних военных кампаний воспринимаются уже как жертвы, а не как богатыри-победители. Изображение советской казармы идейно и стилистически все более напоминает изображение зоны, живущей по своим приклатенным законам и уголовным традициям.

Об этом – повесть С. Каледина «Стройбат», описывающая внутриармейские отношения в их неприкрытой правде и извращенности. Реализм (а точнее – натурализм повествования) граничит с фантазмагорией вседозволенности, стирающей рамки блатного и армейского мира.

О трагизме разлагающейся армейской системы и повесть белорусского прозаика А. Федоренко «Солдат». Самоубийство главного героя повести Алексея Лисицкого – это поступок солдата, вынужденного в сложившихся условиях защищать не родину, а свое человеческое достоинство и моральные принципы. В определенном смысле армейская система становится микромоделью абсурдного, вывернутого наизнанку мира.

В русле экзистенциального реализма трансформируется и вектор «лагерной прозы». Если в произведениях А. Солженицына, В. Шаламова, В. Гроссмана и др. описывалась жизнь политзаключенных и, несмотря на все ужасы ГУЛАГа, демонстрировалась высота человеческого духа, то «альтернативная проза» исследует ранее закрытый для читателя мир уголовников, создавая типичный образ «сына тюрьмы».

Таковым является Глаз из повести Л. Габышева «Одлян, или Воздух свободы». Абсурдность, «вывернутость» повествования заключается в идеализации героя не по принципу высоких моральных устоев и нравственности, а по принципу поспрапия всех духовных ценностей и человеческих законов. Лагерная среда в изображении Л. Габышева напрочь лишена романтики противостояния столпов человеческого духа и угнетающей их государственной системы. Лагерь – отнюдь не «чистилище», а место, где раскрываются самые темные «закоулки» человеческого сознания. Таким образом, «другая проза» исследует такие сферы социальной действительности, в которые ранее не принято было вторгаться.

Тема «социального дна» уже вне зоны, в обыденной реальности звучит в повестях С. Каледина «Смирненное кладбище» и «Поп и работник». Обычных и даже неплохих в своей сущности людей неустроенность быта и отсутствие уверенности в завтрашнем дне доводят до извращения сознания и жестоких, безнравственных поступков («Поп и работник»). Метафорой социума выступает образ кладбища, в художественном пространстве которого сконцентрированы, кажется, все негативные стороны действительности. Обыденными становятся алчность, пьянство, рукоприкладство, немотивированная жестокость, кощунство на могилах. Ощущение выморочности и фантазмагоричности изображаемого мира возникает не только из-за натуралистических подробностей в описании кладбищенских нравов, но и из-за невосприимчивости, привычки ко всему этому героев. Привычное неблагополучие объединяет «внутригородскую» и «загородную» жизнь, создавая беспросветную картину обыденности, где, в отличие от экзистенциальной литературы, отсутствует надежда на экзистенциальное пробуждение.

Как утверждает Г.Л. Нефагина, «“иронический авангард” – явление пограничное. Это как бы переход от модернистской через реализм к постмодернистской литературе. Поэтому некоторые его черты (обращение к различным культурным слоям, цитатность), которые в свернутом соотношении имеются в поэтике течения, более откровенно проявляются и становятся существенными в постмодернизме» [6, с. 138].

Интертекстуальность «иронического авангарда», принцип игры в полной мере обнаруживаются в повести В. Пьецуха «Новая московская философия». Сюжетная канва повести пародийно сближает произведение с романом Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Демагогия доморощенных философов Белоцветова и Чинарикова, их пафосные рассуждения о зле, добре, подлости, справедливости и человеческой личности в условиях коммунальной квартиры из двенадцати комнат отсылают нас к монологу Сатина о человеке в горьковской пьесе «На дне». Пафос идеалиста Белоцветова, утверждающего гуманистическую природу человека, сродни пафосу пьяного шулера в ночлежке, изображенной М. Горьким. Деление повести на главы с названиями дней недели наводит на мысль о ритуальности, механичности существования, о повторяемости привычных деталей быта изо дня в день. Как тут не вспомнить «Один день Ивана Денисовича», заканчивающийся словами автора о том, что таких дней в жизни Шухова было три тысячи шестьсот пятьдесят три? И даже смерть (а в сущности – убийство) старушки Пумпянской не способна разрушить эту цикличность коммунального существования. Таким образом, В. Пьецух иронически переплетает литературную реальность с реальной действительностью, отражая духовную нищету и драматизм современного мира.

В повести Г. Головина «День рождения покойника» стилистически совместились пародийное использование традиций былинного эпоса и приемы карнавализации. Если в первой части повествования смеховая основа произведения создается путем стилизации авторской речи под распевные русские сказания о богатырях (и в этой сказовой манере описываются пьяные похождения Василия Пепеляева), то во второй части повести происходит «смена масок». Образ Василия Пепеляева, якобы погибшего на барже, мифологизируется уже самими жителями и администрацией Бугаевска, и оставшемуся в живых Васье не позволяют сыграть в спектакле роль Василия Степановича Пепеляева, мотивируя это тем, что незадачливому алкоголику такой эпический образ «не потянуть». Ни начальство, ни даже родная мать (получившая пенсию за «погибшего» сына) не заинтересованы в «воскрешении» Василия. Переплетая сказовое, ироническое, игровое, карнавальное начала, Г. Головин развенчивает идеологические мифы, демонстрирует абсурдность общества, основанного на псевдоколлективизме, за которым теряется ценность отдельной жизни.

Заключение. Можно утверждать, что развитие русской и белорусской прозы в последней трети XX века обусловлено несколькими тенденциями. С одной стороны, метастилем и русской, и белорусской литературы XX века является реализм. С другой стороны, в последней трети XX века происходят рецепция модернистских и авангардистских традиций начала столетия, их адаптация к потребностям современной писателям действительности. «Исходной точкой модернизма является хаотичность, абсурдность мира, богооставленность действительности, универсальным состоянием — индивидуализм. Отчуждение мира от человека, враждебность внешнего мира выводят на метафизические, надличностные основы и ценности. Для модерниста всегда самодостаточен мир духовной свободы. В модернизме обнаруживаются иррациональность и отрицание исторического прогресса» [6, с. 153].

Названные идейно-эстетические особенности модернизма оказались изоморфными художественным поискам литературы последней трети XX века с ее размышлениями о духовной свободе (или несвободе) личности в абсурдном и враждебном мире, с противопоставлением индивидуального сознания коллективному, с богоискательскими идеями после пережитого периода атеизма.

Однако если модернизм рубежа XIX–XX веков «перевё» проблему чалавечага быцця з плана знешняга ў план унутранага сузірання, а самога чалавека ўспрымаў не ў якасці аб’екта, а ў якасці суб’екта сусветнага быцця, носьбіта самацэннай духоўнасці, адметнага тыпу духоўнасці» [7, с. 33], то авторы последней трети XX века,

используя эстетические приемы модернизма (и постмодернизма), тем не менее детерминируют сознание героя социальными и бытовыми реалиями, характеризуют его как порождение эпохи, отказываясь от изображения человека, живущего в своем уникальном мире, не пропагандируя культ элитарного, индивидуально-личностного, субъективного.

В этом смысле, например, жесткий натурализм «альтернативной прозы» можно рассматривать скорее как производную авангардистских тенденций, когда главной целью становится «расторгнуть, поразить, вызвать активную реакцию» [6, с. 158]. «Авангардисты разрушают старые, прочно установленные нормы, как литературные, так и общественные. Провокация и агрессия составляют сущностное ядро авангардизма. Важной чертой авангардизма является эстетизация быта, которая переворачивает шкалу ценностей» [6, с. 157].

Таким образом, основные стилевые трансформации в литературе второй половины XX века происходят не только и не столько в рамках определенной художественной системы, сколько «на стыке» этих систем. Закономерно, что на рубеже XX–XXI веков взаимодействие разных стилевых течений, стилевая эклектика привели к возникновению особой художественной системы — постмодернизма.

Литература

1. Нефагина, Г.Л. Динамика стилевых течений в русской прозе 1980–90-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Г.Л. Нефагина; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1999. — 35 с.
2. Корань, Л.Д. Беларуская проза XX стагоддзя: дынаміка жанравых структур / Л.Д. Корань. — Минск: ВПП «Новік», 1996. — 158 с.
3. Максімовіч, В.А. Беларускі мадэрнізм у славянскім кантэксте / В.А. Максімовіч // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XIV Міжнар. з’езд славістаў, Охрыд, 2008 г.: дакл. бел. дэлегацыі / рэд. А.А. Лукашанец. — Мінск, 2008. — С. 253–266.
4. Соловьев, В.С. Избранное / В.С. Соловьев. — М.: Советская Россия, 1990. — 496 с.
5. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов: пер. с франц. / А. ван Геннеп. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 198 с. — (Этнографическая библиотека).
6. Нефагина, Г.Л. Русская проза второй половины 80-х — начала 90-х годов XX века: учеб. пособие для студентов филологических факультетов вузов / Г.Л. Нефагина. — Минск: НПЖ «Финансы, учет, аудит», «Экономпресс», 1997. — 231 с.
7. Максімовіч, В.А. Тэндэнцыі мадэрнізму ў эстэтычнай ідэнтыфікацыі беларускай літаратуры пачатку XX стагоддзя: аўтарэф. дыс. ... д-ра філал. навук: 10.01.01 / В.А. Максімовіч; Беларус. дзярж. ун-т. — Мінск, 2002. — 38 с.

Поступила в редакцию 09.04.2018 г.

УДК 811.161.1'276.6+811.111'276.6

Гастрономический аспект репрезентации концепта «Родина» в русско- и англоязычной версиях социальной сети Instagram

Лавицкий А.А., Череватый С.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени
П.М. Машерова», Витебск

Исследование концептов входит в сферу научных интересов различных парадигм, где представлены разные подходы к пониманию данного феномена, его реконструкции и описанию. Одним из самых распространенных способов изучения концептов является анализ текстового материала, что, по нашему мнению, не позволяет достоверно описать образные концептуальные представления. Проведенные ранее исследования показали, что гастрономические представления — одни из ключевых для русскоязычного концепта «Родина» и его англоязычного варианта («Motherland»).

Цель статьи — описать гастрономические образные представления рассматриваемых концептов.

Материал и методы. В качестве практического материала исследования были использованы гастрономические изображения из русско- и англоязычной версий социального мессенджера Instagram, имеющие хэштеги с компонентами «Родина» и «Motherland». В первом случае методом сплошной выборки нами было отобрано за период с 01.10.2017 г. по 31.12.2017 г. 125 изображений, во втором — только 43. Достоверность результатов работы основывается на применении статистических методов, метода сплошной выборки материала, а также методах моделирования, сопоставления и контент-анализа.

Результаты и их обсуждение. На материале изображений, опубликованных в открытых аккаунтах социального мессенджера Instagram, систематизированы гастрономические образные представления носителей англо- и русскоязычной лингвокультур, ассоциативно связанные с концептами «Motherland» и «Родина». Данный компонент полевой структуры русскоязычного концепта видится более вариативным и включает шесть тематических групп иллюстраций, самыми частотными среди которых стали продукты, указывающие на достаток и благосостояние. Для англоговорящей языковой личности доминантными являются образные представления о местах приема пищи (пабы, рестораны, кафе), а также алкогольных напитков (всего были выделены четыре тематические группы).

Заключение. Русскоязычный концепт «Родина» имеет глубокие и вариативные ассоциативные связи с гастрономическими образами, что отличает его от лингвокультурного концепта «Motherland», функционирующего в сознании англоязычной языковой личности. Для русскоязычной лингвокультуры гастрономические представления Родины символизируют достаток и благополучие, а также имеют компонент национальной принадлежности. Концепт «Motherland» локализован к объектам питания, ассоциативно связан с элементами приема пищи и алкогольными напитками.

Ключевые слова: концепт, образность, концепт «Родина», концепт «Motherland», Instagram, гастрономия.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 184–188)

Gastronomy Aspect of the Representation of the Concept of Motherland in the Russian and English Language Versions of Instagram Social Network

Lavitski A.A., Cherevati S.Yu.

Educational Establishment «Vitebsk Sate P.M. Masherov University», Vitebsk

The study of concepts is included into the sphere of research interests of different scientific paradigms where various approaches to understanding this phenomenon, its reconstruction and description are presented. One of the most widely spread ways of concept studies is analysis of the test material, which, we believe, doesn't make it possible to reliably describe concept images. The research performed earlier pointed out that gastronomy representations are one of the key Russian language concept of Motherland (Rodina) as well as of its English language variant.

Адрес для корреспонденции: e-mail: anton_lavitski@mail.ru — А.А. Лавицкий

The purpose of the research is to describe gastronomy image representations of the concepts under consideration.

Material and methods. *As practical material gastronomy images from the Russian and English language versions of Instagram social messenger, which have hash tags with «Rodina» and «Motherland» components, were used. In the first case we selected 125 images for the period of 01.10.2017 to 31.12.2017 with the application of the method of overall selection. In the second case — only 43. The reliability of the findings is based on the use of statistic methods, the method of overall material selection as well as modeling methods, comparison and content analysis.*

Findings and their discussion. *On the basis of images published in open accounts of Instagram social messenger gastronomy images of the bearers of the Russian and English language cultures, which are associated with the concepts of Motherland and Rodina, are systematized. This component of the field structure of the Russian language concept is thought to be more varied and includes six thematic groups of illustrations the most frequent of which is food that indicates wellbeing. For the English speaking linguistic personality images of meals places (pubs, restaurants, cafes) as well as beverage places (four topical groups were identified) dominate.*

Conclusion. *The Russian language concept of Rodina has deep and varied associations with gastronomy images which makes it different from the linguistic and cultural concept of Motherland functioning in the consciousness of the English language personality. For the Russian language linguistic culture gastronomy images of Rodina symbolize wellbeing and have the component of national identity. The concept of Motherland is localized to the meals places and is associated with the elements of meals and beverages.*

Key words: *concept, imagery, the concept of Rodina, the concept of Motherland, Instagram, gastronomy.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 184–188)

Социальный опыт человека содействует когнитивной обработке информации, существенную роль в которой играет концептуализация. Это определило выбор темы настоящей статьи, относящейся к области лингвокультурологии и лингвострановедения и посвященной изучению особенностей восприятия одного из базовых концептов для большинства наций — концепта «Родина».

Большие успехи в изучении проблематики концептологии и ее воздействия на языковую среду были достигнуты уже к концу XX — началу XXI века. Значительный вклад в эту область научного познания был сделан российскими и отечественными учеными в исследованиях С.А. Аскольдова, В.И. Карасика, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия и др.

Однако несмотря на то, что количество лингвистических работ, посвященных проблемам концепта, достаточно велико, единого мнения по поводу понимания и трактовки данного феномена не существует. Это обусловило наш интерес к заявленной проблематике.

Традиционно в описании концептов ученые основываются на контекстуальном анализе текстового материала. Однако концептуальные представления обладают не только буквенно-звуковой структурой, но и образной составляющей, описание которой имеет методологические особенности. Логичным, с нашей точки зрения, является использование в этом случае моделирования. Данный подход нельзя назвать инновационным, но разработанные ранее графические модели концептов базировались на уже отмеченных методах семантического и стилистического анализа фактического текстового материала. Мы же в своей работе принимаем принципиально иную позицию исследования образной составляющей

концепта: в качестве практического материала нами были применены изображения, ассоциативно связанные в сознании языковой личности с рассматриваемым концептом.

Цель статьи — подробно описать гастрономические образные представления рассматриваемых концептов.

Материал и методы. Материалом исследования послужили гастрономические изображения из русско- и англоязычной версий социального мессенджера Instagram, имеющие хэштеги с компонентами «Родина» и «Motherland». В первом случае методом сплошной выборки нами было отобрано за период с 01.10.2017 г. по 31.12.2017 г. 125 изображений, во втором — только 43. Достоверность результатов работы основывается на применении статистических методов, метода сплошной выборки материала, а также методах моделирования, сопоставления и контент-анализа.

Результаты и их обсуждение. Тенденция постоянного увеличения объема интерактивного коммуникативного взаимодействия в Интернете является сегодня аксиомой и не требует доказательств. Это касается практически всех видов опосредованного общения: деловой переписки, официально-правовых сообщений, межличностных контактов. Такое положение дел, разумеется, отразилось и на языковой структуре, функционально-стилистических особенностях коммуникации, нормах орфографии, пунктуации, лексическом составе языка и т.д.

Еще более интересным, с исследовательской точки зрения, являются усиление графической составляющей Интернет-сообщения, использование специальных изображений (стикеров), что создает особую образную среду, меняет структуру представления и восприятия информационного посыла. Особенно очевидно это отображено

в системе организации коммуникативного взаимодействия в социальных сетях, среди которых выделяется Instagram как особая платформа, ориентированная на обмен изображениями и короткими видеоматериалами.

Instagram не всегда определяют как социальный мессенджер, так как первоначально по задумке разработчиков – это бесплатное приложение для обмена фотографиями и видеозаписями с элементами социальной сети, позволяющее снимать фотографии и видео, применять к ним фильтры, а также распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей [1].

Мы, в свою очередь, полагаем, что данная формулировка не отвечает современным реалиям. Так, в лексикографических источниках термин *социальная сеть* «используется для обозначения наблюдаемых образцов социальных отношений между индивидуальными единицами анализа» [2, с. 421]. В преломлении к Интернет-коммуникации можно заключить, что социальная сеть – это система организации социального взаимодействия сетевых пользователей. Таким образом, Instagram обладает основными категориальными свойствами социальной сети. Кроме того, популярность Instagram (по данным различных Интернет-сайтов его ежедневно посещает минимум 500 миллионов человек), использование его в качестве средства массового информирования, а также особый функционал расчленения информационных потоков и их тематической систематизации принимаются нами как дополнительное доказательство предложенной гипотезы.

Ключевой отличительной особенностью Instagram от других социальных сетей является ориентация на информирование и обмен информацией в виде изображений, в первую очередь, фотографических. Подобная форма коммуникативного взаимодействия представляет особый интерес, так как рассчитана на минимальную обратную связь в форме краткого комментария, оценки.

Однако незначительный по количественным характеристикам передачи данных канал воздействия на адресанта не обозначает его качественно невысокого уровня: негативный комментарий или оценка фотографии может самым серьезным образом нанести психологическую травму пользователю.

Как и в любой другой социальной Интернет-сети, существуют возможности поиска и выборки информации. В нашем проекте мы обратили внимание на одну из таких возможностей сортировки и систематизации сообщений: в Instagram удобнее всего воспользоваться поиском по хэштегу (возможна также выборка материала по имени, местоположению). В системе

социальной сетевой Интернет-коммуникации хэштег имеет особое функциональное значение – это способ классификации публикаций. Хэштег является собой универсальный способ создания гиперссылок (кликабельных ссылок) в описании информационного сообщения, публикаций. Данные ссылки имеют собственное графическое изображение (#текст) и цветовое выделение. Хэштег – удобный способ поисковой работы в Instagram, требующий выполнения особых условий его использования. Дело в том, что кроме поиска информации хэштеги могут иметь ряд дополнительных функций: привлечение новых пользователей и подписчиков, создание напоминаний и информирование об интересующих обновлениях.

Знаковая форма хэштегов, сопровождающих иллюстративное изображение в Instagram, имеет номинативное значение, то есть, если проводить параллели с концептом, является ядром концептуального представления. В этом случае логичным видится наше положение о том, что все изображения, объединенные одним тегом, – это ассоциативные реакции языковой личности, частотность которых определяет их положение в полевой структуре концепта. Разумеется, следует отметить, что при использовании в качестве практического материала для изучения образных представлений концепта публикаций в социальном мессенджере Instagram проблемным является определение ассоциативных связей между отдельными образными компонентами внутри концептуальной структуры. Однако это не влияет на реализацию конечной цели нашего исследования – представить образные ассоциативные элементы рассматриваемых вариантов концепта в их полевой структуре.

Для анализа и подробного описания образных представлений русскоязычных участников социальной сети Instagram, связанных с концептом «Родина», нами была проведена сплошная выборка практического материала. Работа на данном этапе научно-поисковой деятельности заключалась в сборе изображений, которые пользователи обозначенной социальной сети публиковали в своих открытых аккаунтах. Все отбираемые иллюстрации имели хэштег, центральным элементом которого была лексема «Родина».

В процессе поисковой работы было выявлено 29 видов соответствующих тематических хэштегов: #Родина, #Моя_Родина, #родинамоя, #НАША_РОДИНА, #РодинаОдна, #НаРодину, #нашаРОДИНА, #ЛюблюРодину, #Родина_зовет, #ТихаяРодина, #ГолосРодины, #Сила_Родины, #ЛучшаяРодина, #КРАСОТАэтоРОДИНА, #жизньРодины и др. Далее полученный материал был систематизирован тема-

тически. Одна из наиболее частотных групп опубликованных изображений была объединена в ассоциативный элемент «Гастрономия» (125 единиц). Количественно-качественная интерпретация результатов работы с данными иллюстрациями позволила выявить среди собранного практического материала шесть подгрупп:

1. Самыми многочисленными стали фотографии икры (43 единицы). Думается, что причина доминирования такой гастрономической характеристики Родины связана с национальными особенностями русскоязычных участников социальной сети Instagram, большинство из которых, разумеется, являются славянами. В славянской культуре икра – это деликатес и одновременно показатель материального благосостояния. Интересным представляется и тот факт, что в подавляющем большинстве на изученных фотографиях изображена красная икра (27 единиц), в 14 случаях – черная и только в двух – обе.

2. В еще одну частотную группу (37 единиц) вошли изображения мясных изделий, среди которых выделяются фотографии соленого сала (12), шашлыка (7). Довольно частотны также ресторанные мясные блюда.

3. Следующая подгруппа изображений включает фотографии, на которых представлен процесс приготовления пищи. Все снимки (19) сделаны на фоне печи, чаще с огнем.

4. Четвертая подгруппа менее многочисленна (14 единиц). В нее входят изображения национальных блюд различных народов и этносов (названия многих блюд можно узнать только из дополнительных тегов или в комментариях: каурма, куырдак, лагман, спряженина и др.).

5. Немногочисленную подгруппу (4 фотографии) составляют изображения напитков, чаще алкогольных.

6. Отдельно мы сгруппировали фотографии (8 единиц), которые представляются нам как единичные. Среди них есть изображение ресторана, фастфуда, самого приема пищи и др.

Для анализа гастрономических особенностей англоязычного варианта изучаемого концепта выборка фактического материала проводилась на основе поисковых запросов хэштегов с элементом «Motherland» (всего было выявлено 17 единиц): #mymotherland; #MyMotherland; #my_motherland; #this_is_motherland; #ThesIsMotherland; #tothemotherland; #IloveMYmotherland; #My_native_Motherland; #scenery_motherland; #beautyofmotherland; #historical_motherland и др. Среди выделенных изображений тематическую связь с гастрономической тематикой имели 43 иллюстрации, определившие несколько иные образные представления рассматриваемого концепта. В первую очередь, это, разумеется, уже указанные количественные несоответствия

отобранных за одинаковый временной интервал единиц фотографического материала. Кроме того, качественная характеристика иллюстраций также позволяет установить отличия в ассоциативных связях носителей английского языка с концептом «Motherland». Так, систематизация собранного материала позволила нам выделить только четыре содержательно единые подгруппы фотографий:

1. Изображения мест общественного питания (пабов, ресторанов, кафе). Данная группа включает 19 единиц (44,2%).

2. Фотографии алкогольных напитков (9 единиц, 20,9%), среди которых 3 – виски, бренди или коньяк, 2 – пиво, 2 – вино, 1 – шампанское, 1 – martini.

3. Изображения ресторанных блюд, составляющие 16,3% от общего числа отобранного материала (7 наименований).

4. 7 единиц – это единичные изображения (кухня, столовые приборы, специальная одежда (фартук, колпак), прием пищи, товарный знак ресторана быстрого питания, меню, детское питание).

Заключение. Проблемами концептов – особых квантов языкового сознания – занимаются различные научные направления: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, лингвоаксиология и др. Указанные парадигмы накопили достаточный опыт в описании концептов, включающий средства, подходы, формы представления результатов и др. Концептуализация представлений об окружающей действительности является одним из главных способов сохранения и ретрансляции знаний. Несмотря на наличие индивидуальных особенностей в отображении фактов, явлений и феноменов, опытным путем, анализируя частотность, можно установить их ядро и участки ближней и дальней периферии.

Материалом исследовательской работы по реконструкции концептов традиционно выступают тексты различной жанровой или дискурсивной принадлежности. Однако при таком понимании проблемы неизбежно возникает методологическая лакуна: ученые едины во мнении о наличии сильной образной составляющей концепта, одновременно при этом они избегают детального анализа материала, имеющего образную форму представления (фотографии, изображения, иллюстрации). С одной стороны, это вполне обоснованно, так как данный вид информации сложно поддается аналитическому изучению: требуются дополнительная авторская интерпретация. С другой стороны, некоторые источники сегодня позволяют исследовать образную составляющую концепта. В частности, выбранная нами в качестве такого источника социальная сеть Instagram

благодаря своим технико-функциональным особенностям (использование хэштегов) в значительной мере помогает снять вопрос об отборе и правильной интерпретации фактического материала, которого, как показал наш опыт, социальный мессенджер предлагает в достаточном объеме.

Разработанная нами методика анализа образной составляющей англоязычного концепта «Motherland» и его русскоязычного варианта («Родина») предполагала не только выборку практического материала, имеющего хэштеги с соответствующим тематическим компонентом, но и его систематизацию. В настоящей публикации нами приведен детальный анализ изучения гастрономических особенностей рассматриваемых концептов.

В качестве выводов проведенной исследовательской работы следует назвать подтверждение гипотезы, включающей положение о наличии расхождений в образном представлении этих концептов в языковом сознании англо- и русскоговорящей языковой личности. Так, результаты

показывают, что количественные и качественные особенности в гастрономических образных представлениях носителей русского и английского языков имеют коренные отличия: для русскоязычного языкового сознания иллюстративные ассоциации с концептом «Родина» являются более широкими и многоаспектными, их ядро составляют национальные маркированные символы благополучия и достатка (икра, мясо). Для англоязычной ментальности фотографическая образность менее важна и основывается на локализации языковой личности.

Литература

1. Here's how to use Instagram [Electronic resource] / Business Insider. – 2010. – Mode of access: <http://www.businessinsider.com/instagram-2010-11>. – Date of access: 18.05.2018.
2. Аберкромби, Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. – М.: Экономика, 2004. – 620 с.

Поступила в редакцию 29.05.2018 г.

УДК 82.02/.091+930.2

Евфросинья Рогволодовна, княжна Полоцкая, княгиня Витебская: реконструкция жизнеописания

Левшун Л.В.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

В Собор Белорусских святых входит святая благоверная княгиня Евпраксия Псковская. Однако при внимательном прочтении известного ныне жизнеописания этой святой в нем выявляется целый ряд хронологических несоответствий и противоречий историческим реалиям.

Цель статьи — проанализировать древнейший фактографический пласт, связанный с личностью Евфросиньи Рогволодовны, княжны Полоцкой, верифицировать и уточнить имеющиеся в нем данные, исходя из общего культурно-исторического контекста той эпохи.

Материал и методы. Сопоставительно-дедуктивному анализу были подвергнуты известное ныне жизнеописание святой благоверной княгини Евпраксии Псковской; данные генеалогии и истории Полоцкого княжеского дома XII в., политические и культурные связи Полоцкой земли с соседними землями Руси в эту эпоху.

Результаты и их обсуждение. В весьма популярном жизнеописании преп. Евпраксии Псковской Евгения Болховитинова отождествлены судьбы нескольких княгинь, носивших похожие имена. Причинами такового отождествления явились, вероятно, крайняя скудость сведений об этих княгинях и разрозненность источников, недостаточное точно верифицированных и синхронизированных.

Ключ к реконструкции биографии полоцкой княжны дают клировые ведомости витебской Благовещенской церкви, где отмечено, что эта церковь «возобновлена преподобной княгиней Евфросинией Полоцкой», которая любила приходить сюда и молиться в часовне, что располагалась, как и в полоцкой Спасской церкви, на хорах, у южной стены.

Заключение. Евфросинья Рогволодовна, внучка Бориса Всеславича и племянница преп. Евфросинии Полоцкой, была, вероятно, женой Давида Ростиславича Смоленского и поэтому могла жить в Витебске: в 1165–1167 годах — как витебская княгиня, а после смерти мужа, с 1197 и до своей кончины, — как его вдова в доме своей дочери и зятя.

Живя в Витебске, княгиня Евфросинья содействовала восстановлению витебской Благовещенской церкви, пострадавшей от времени и полоцко-смоленских войн.

Ключевые слова: Собор Белорусских святых, биографическая реконструкция, жизнеописание, Евпраксия Псковская, Евфросинья Рогволодовна, княжна Полоцкая, Давид Ростиславич Смоленский.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 189–193)

Euphrosyne Rogvoldovna, Princess of Polotsk, Princess of Vitebsk: Reconstruction of the Biography

Levshun L.V.

Educational Establishment «Minsk State Linguistic University», Minsk

The Council of Belarusian saints includes Saint Faithful Princess Eupraxia of Pskov. However after a careful look through the widely known today biography of the Saint one can find out a number of chronological discrepancies and contradictions to historic realia.

The purpose of the article is to analyze the ancient fact containing layer connected with the personality of Euphrosyne Rogvoldovna, Princess of Polotsk, to verify and specify data available in it basing on the general cultural and historic context of that epoch.

Material and methods. The well-known today biography of Saint Faithful Princess Eupraxia of Pskov, genealogy and history data of Polotsk Prince's House of the XII century, political and cultural ties of Polotsk land with the neighbouring lands of Russia underwent a comparative and deductive analysis.

Findings and their discussion. In the well-known biography of Eupraxia of Pskov by Eugene Bolkhovitinov fates of several princesses with similar names are equated. The reason of this is probably the scarcity of the data about these princesses and fragmentation of the sources which are not verified and synchronized.

The clue to the reconstruction of the biography of the Polotsk Princess can be obtained from the clearing bulletin of Vitebsk Annunciation Church which says that the Church «was revived by Reverend Princess Euphrosyne of Polotsk» who loved going there and pray in the chapel which was on the choir at the southern wall as it was in Polotsk Church of the Savior.

Адрес для корреспонденции: e-mail: llb55@mail.ru — Л.В. Левшун

Conclusion. *Euphrosyne Rogvoldovna, Boris Vseslavich's granddaughter and Reverend Euphrosyne's of Polotsk niece was apparently David Rostislavich's of Smolensk wife and thus could live in Vitebsk in 1165–1167 as the Princess of Vitebsk and, after her husband's death, from 1197 and to her own death, as his, widow, in her daughter and son-in-law's house.*

Living in Vitebsk Princess Euphrosyne promoted the revival of Vitebsk Annunciation Church which had suffered from time and Polotsk-Smolensk wars.

Key words: *Council of Belarussian saints, biography reconstruction, biography, Eupraxia of Pskov, Euphrosyne Rogvoldovna, Princess of Polotsk, David Rostislavich Smolenski.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 189–193)

В Собор Белорусских святых, празднование которого установлено в 1984 году по инициативе Митрополита Минского и Слуцкого, патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета, входит святая благоверная княгиня Евпраксия Псковская, чья память чтится еще и 16 (29) октября.

Однако при внимательном прочтении известного ныне жизнеописания этой святой в нем выявляется целый ряд хронологических несоответствий и противоречий историческим реалиям.

Цель статьи – проанализировать древнейший фактографический пласт, связанный с личностью Евфросиньи Рогволодовны, княжны Полоцкой, верифицировать и уточнить имеющиеся в нем данные, а также дополнить их, исходя из общего культурно-исторического контекста той эпохи.

Материал и методы. Сопоставительно-дедуктивному анализу были подвергнуты известное ныне жизнеописание святой благоверной княгини Евпраксии Псковской; данные генеалогии и истории Полоцкого княжеского дома XII в., политические и культурные связи Полоцкой земли с соседними землями Руси в эту эпоху.

Результаты и их обсуждение. Жизнеописание благоверной княгини Евпраксии Псковской восходит, как полагает М.В. Печников, к труду преосвященного Евгения (Болховитинова) [1, с. 75], представляет собой «произвольно реконструированную картину событий» [2], которую повторил в своем исследовании о псковских святых граф. М.В. Толстой [3, с. 70–71] и с тех пор воспроизводят в том или ином объеме все известные ныне жизнеописания св. Евпраксии Псковской.

Однако в изложении преосвященного Евгения отождествлены судьбы нескольких княгинь, живших в разное время и в разных землях, но носивших похожие имена. Причиной такового отождествления могла быть крайняя скудость сведений обо всех этих княгинях, взятых из разных источников и недостаточно точно верифицированных и синхронизированных.

Первая из них – Евфросинья Рогволодовна, княжна Полоцкая. Мнение о происхождении «инокини Евпраксии» из Полоцкого княжеского дома восходит, как полагает М.В. Печников, к «Хронике» Матфея Стрыйковского [2].

Вторая из княгинь, события чьей жизни преосвященный Евгений вставил в жизнеописание св. Евпраксии Псковской, жила гораздо позднее, уже в следующем, XIII столетии. Это – вторая жена Ярослава Владимировича Псковского, происходившая, по предположению В.И. Матузовой и Е.Л. Назаровой, «скорее всего, из знатного боярского рода», убитая 8 мая 1243 года ее пасынком [4, с. 238, 321].

Еще одна княгиня, также жившая в XIII веке, отождествленная преосвященным Евгением со св. Евпраксией Псковской, – тетка князя Довмонта-Тимофея Псковского, жена литовского князя Герденя Нальшанского [5, с. 421]; в «Повести о Довмонте» рассказывается, что псковский князь, литовец по происхождению, «отечество свое повоева, и княгиню Ердeneвую полони, тетку свою Евпраксию, и дети ея» [6, с. 16].

Наконец, в жизнеописании св. Евпраксии Псковской обнаруживаются отдельные факты из жизни княгини Феодосии, жены Владимирского и Новгородского князя Ярослава Всеволодовича, которая в 1244 году приняла монашеский постриг с именем Евфросиния и вскоре скончалась в новгородском Юрьевом монастыре. В Степенной книге она названа святой [7, с. 279, 287].

Несмотря на популярность, составленное преосвященным Евгением жизнеописание «благоверной княгини Евпраксии Псковской» представляется сегодня совершенно невероятным.

Напомним, что согласно этой версии княжна Евфросинья Рогволодовна по настоянию полоцких князей сочеталась браком с князем Ярославом Владимировичем, сыном псковского князя Владимира Мстиславича.

Когда же Ярослав Владимирович в 1233 году перебежал на службу к ливонским рыцарям и там, по преданию, вторично женился на немке, Евфросинья, согласно жизнеописанию преосвященного Евгения, приняла монашеский постриг и жила в основанном ею (?) монастыре; а будучи позвана супругом в Одемп на переговоры о наследстве, приехала к нему в сопровождении своей сокейницы и была там убита своим пасынком.

Однако в жизнеописании благоверной княгини преосвященный Евгений (Болховитинов), кроме прочего, ошибочно отождествил еще и

двух Ярославов Владимировичей: сына Владимира Мстиславича Киевского (1132–1171) и сына Владимира Мстиславича Псковского (до 1178 – после 1226). К немцам бежал сын псковского князя. И дата мученической гибели Ярославовой жены точно известна – 8 мая 1243 года. Если это была действительно Евфросинья Рогволодовна, княжна Полоцкая, то ей в это время было бы около девяноста лет – возраст в принципе не невозможный, но маловероятный, учитывая, что женщина в этом возрасте предприняла поездку из Пскова в Одемпе в сопровождении одной сокелейницы.

Кроме того, известно, что отец Ярослава, Владимир Мстиславич Псковский, в 1180 году был настолько мал, что его умирающий отец поручил воспитание мальчика своим старшим сыновьям. Следовательно, у самого Владимира Мстиславича сын мог родиться не ранее начала 1190-х годов и, значит, Ярослав Владимирович должен быть младше своей супруги почти на 40 лет, что абсолютно невозможно для реалий древней Руси.

Таким образом, житийная компиляция преосвященного Евгения (Болховитинова) противоречит известным историческим фактам и мало что может поведать о жизни собственно Евфросинии Рогволодовны Полоцкой.

Ключ к реконструкции биографии полоцкой княжны находим в клировых ведомостях витебской Благовещенской церкви, где отмечено, что эта церковь «возобновлена *преподобной княгиней* Евфросинией Полоцкой», которая любила приходить сюда и молиться в часовне, что располагалась, как и в полоцкой Спасской церкви, на хорах, у южной стены. Эти сведения зафиксированы протоиереем Санкт-Петербургской единоверческой церкви Тимофеем Верховским при обозрении им в 1847 году единоверческих церквей, находящихся на его пути в Черниговскую губернию [8, с. 3]¹.

Разумеется, здесь речь не могла идти о полоцкой игуменье Евфросинии: во-первых, она не называлась княгиней, поскольку никогда таковой не являлась, во-вторых, согласно свидетельству ее Жития, никогда не покидала свой монастырь вплоть до паломничества в Святую землю. Следовательно, заметка клировых ведомостей витебской Благовещенской церкви сообщала о некой *княгине* из полоцкого княжеского дома по имени Евфросинья. Ею вполне могла быть Евфросинья Рогволодовна, историю жизни которой в общих чертах можно реконструировать, опираясь на известные факты.

Так, мы знаем, что княжна Евфросинья была внучкой полоцкого князя Бориса Всеславича.

Родная тетушка княжны Звенислава Борисовна, в иночестве Евпраксия, была ближайшей сподвижницей святой полоцкой игуменьи Евфросинии и ее сестры Евдокии. Отцом княжны был друцкий и полоцкий князь Рогволод-Василий Борисович (двоюродный брат преподобной Евфросинии Полоцкой по отцу), а мать – дочь великого киевского князя Изяслава Мстиславича (тоже двоюродная сестра преподобной Евфросинии, но уже по материнской линии). Бракосочетание родителей княжны Евфросинии произошло, согласно сообщению Никоновской летописи, в 1143 году. После трех сыновей – Бориса, Глеба, Всеслава – в княжеской семье (видимо, в 1150-е годы) родилась дочь, которую нарекли Евфросиньей, вероятнее всего, в честь преп. Евфросинии Александрийской, святой покровительницы сродницы-игуменнии, которая могла быть восприемницей княжны и/или ее духовной наставницей.

Поскольку в 1159–1162 годах Рогволод Борисович являлся правящим полоцким князем, а потом перешел княжить в отчинный Друцк, то юная княжна, скорее всего, возрастала и воспитывалась в «монастыре Святого Спаса и Пречистой Его Матери» в Сельце под духовным руководством своих тетушек – Евфросинии, Евдокии и Евпраксии. От них научалась она Закону Божию, Священному Писанию, церковному пению, а также «чистоте душевной..., ступанию кротку, гласу смирену, слову благочестну,... при старейших молчати, мудрейших послушати, ко старейшим – покорение, к точным и меньшим любовь без лицемерия имети, мало вещати, а много разумети» [9, с. 217], – как наставляла насельниц игуменья Евфросиния.

По достижении брачного возраста (примерно в первой половине 60-х годов XII века) княжна была выдана замуж; разумеется, не за Ярослава Владимировича, как предполагал преосвященный Евгений (Болховитинов), ибо тот к этому времени еще не родился.

За кем конкретно была замужем Евфросинья Рогволодовна, по имеющимся ныне сведениям установить крайне трудно. Но есть основания предположить, что ее супругом мог быть Давид Ростиславич (1140–1197; с 1180 года – князь Смоленский; умер в 1197 г.), имя жены которого до нас не дошло; он известен долгими и довольно прочными связями в 70–80-х гг. XII в. с полоцким князем Всеславом Васильковичем (умер около 1186 г.), племянником преп. Евфросинии Полоцкой и соответственно – троюродным братом Евфросинии Рогволодовны [10, с. 62; 11, с. 391, прим. 10].

Всеслав принадлежал к роду витебских Васильковичей, первоначально княжил в своей отчине Витебске и был женат на сестре Давида Ро-

¹ Пользуемся случаем поблагодарить витебского историка А.Н. Дулова, указавшего нам этот источник.

стиславича. Полоцкий стол он занял в 1162 году, после того как Рогволод Борисович (отец княжны Евфросиньи), потерпев тяжелое поражение от минского князя, не посмел вернуться в Полоцк, боясь гнева полочан, а ушел княжить в свою отчину – Друцк.

В 1164 году Всеслав Василькович передал Витебское княжество Давиду Ростиславичу. Возможно, в этом убедила племянника полоцкая игуменья, заботясь о мире в Полоцкой земле и о судьбе своей воспитанницы, княжны Евфросиньи Рогволодовны (если наша гипотеза верна и она в самом деле была женой Давида Ростиславича). И, значит, примерно этим годом мы можем датировать брак Давида Ростиславича и Евфросинии Рогволодовны.

На следующий год к Давиду Ростиславичу в Витебск прибежал с полочанами Всеслав Василькович, разбитый Володарем Глебовичем, князем Минским. Володарь с войском подошел к Витебску, но, испугавшись, что на помощь Давиду Ростиславичу придет его брат, Роман Смоленский, бежал ночью от города. Давид послал за ним погоню, однако не достиг.

Уладив конфликт, Давид отослал Всеслава Васильковича править в Полоцк, а сам остался в Витебске.

Однако в 1168 г. Давид Ростиславич упоминается уже как князь Вышгорода, удела, находившегося в Южной Руси. Витебск он отдал Брячиславу Васильковичу, другому племяннику преподобной полоцкой игуменьи, к тому времени, видимо, обрученному с одной из его (еще малолетних для брака) дочерей.

В 1180 г. Давид Ростиславич, будучи уже смоленским князем, помогал Глебу Рогволодовичу Друцкому (родному брату Евфросиньи Рогволодовны) отстоять город от нападения Ольговичей.

В 1186 году Давид Ростиславич воспользовался половецким погромом Ольговичей, чтобы смирить полочан. Он предпринял на них зимний поход из Смоленска совместно с сыном Мстиславом и двумя удельными полоцкими князьями – Всеславом Друцким (племянником Евфросиньи Рогволодовны) и Васильком Логожским. Полочане встретили Давида на границе с поклоном и честью; поднесли ему многие дары и согласились на его требования.

По желанию Давида Витебск был отдан тогда одному из двух его зятьев – Васильку Брячиславичу (умер около 1221 г.), где тот и пробыл до самой своей смерти в 1121 году. Василька приходился дочери Давида Ростиславича и Евфросиньи Рогволодовны четвероюродным братом, однако такие браки Церковь венчает.

В качестве еще одного аргумента для обоснования нашей гипотезы отметим, что появление

в Смоленске архитектурного стиля Полоцкой земли связано именно с князем Давидом Ростиславичем, по чьему повелению был возведен собор Архангела Михаила, имеющий общие черты с Благовещенской церковью в Витебске, Борисоглебской Бельчицкого монастыря в Полоцке и Спасо-Преображенской в Сельце [11, с. 390, 391, прим. 10].

Сам этот князь «был благонравен, христоролюбив, нищелюбив, наделял монастыри и прочие церкви, с любовью принимал к себе чернецов и игуменов, испрашивая от них благословение, и вообще достойно чтит всех священнослужителей; он имел обычай каждый день ходить в церковь святого Михаила, которую сам создал, и здесь, смиренно повергаясь пред святыми иконами, со слезами молился, чтобы Господь простил ему грехи и удостоил его воспринять ангельский образ, чего и удостоился незадолго пред своею кончиною» [12, кн. 2, т. 3, гл. IV].

Вероятно, как случалось не раз, вместе с мужем ангельский образ приняла и его супруга Евфросинья, нареченная в иночестве Евфросинией в честь недавно почившей, но уже почитавшейся в Полоцкой земле преп. Евфросинии, игуменьи Полоцкой.

Умер Давид Ростиславич в 1197 г. и был похоронен смоленским епископом Симеоном в церкви Бориса и Глеба, созданной его отцом на Смядыни.

Заключение. Таким образом, результаты проведенных штудий дают вполне определенные основания предполагать, что Евфросинья Рогволодовна, внучка Бориса Всеславича и племянница преп. Евфросинии Полоцкой, вполне могла быть женой Давида Ростиславича Смоленского и действительно могла жить в Витебске: в 1165–1167 годах – как витебская княгиня, а после смерти мужа, с 1197 и до своей кончины, дата которой неизвестна, – как его вдова в доме своей дочери и зятя.

Живя в Витебске, княгиня Евфросинья действительно могла содействовать восстановлению витебской Благовещенской церкви, пострадавшей от времени и полоцко-смоленских войн. Возможно, что именно по распоряжению и на средства княгини Евфросиньи к северному portalу храма был пристроен небольшой притвор.

Приняв вместе с мужем монашеский постриг, вдовая княгиня Евфросинья могла подвизаться при витебской Благовещенской церкви, подражая в этом своим тетюшкам – Звениславе-Евпраксии Борисовне и Звениславе-Евфросинии Святославне, и после своей смерти, вероятно, почиталась в лике местночтимых святых, почему и названа в клировых ведомостях преподобной.

Литература

1. Болховитинов, Е.А. История княжества Псковского с присовокуплением плана г. Пскова: в 4 ч. / Е.А. Болховитинов. – Ч. 3. – Киев: В типографии Киево-Печерской Лавры, 1831. – 177 с.
2. Евпраксия Псковская [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/list.html>. – Дата доступа: 24.02.2017.
3. Толстой, М.В. Святыни и древности Пскова / М.В. Толстой. – М.: Университетская типография, 1861. – [4], II, 124, 42, II с., ил. – (Русские святыни и древности. Ч. 2.: Псков).
4. Матузова, В.И. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий / В.И. Матузова, Е.Л. Назарова. – М.: Индрик, 2002. – 488 с.
5. Охотникова, В.Л. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исслед. и тексты: в 2 т. / В.Л. Охотникова. – Т. 1: Жития князей Всеволода Гавриила и Тимофея-Довмонта. – СПб., 2007. – 576 с.
6. Псковские летописи / под ред. А.Н. Насонова. – Вып. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 364 с.
7. Степенная книга // Полное собрание русских летописей. Изд. 1-е. – Т. XXI. Книга Степенная царского родословия (1–10 степени грани). – СПб., 1908. – 350 с.
8. Стародубье: Записки протоіерія с.-петербургской Никольской единовѣрческой церкви Т.А. Верховскаго, Высочайше командированнаго в 1845–1848 г. ... для устройства единовѣрія в черниговских старообрядческих посадах. – Казань: Университ. типогр. – 1874. Фрагмент опубликован: Из глубины минувших лет // Наше Православие. – 2014. – № 9(120). – С. 1–3.
9. Мельнікаў, А.А. Еўфрасіння Полацкая / А.А. Мельнікаў // 3 неапублікаванай спадчыны / А.А. Мельнікаў. – Мінск, 2005. – С. 14–315.
10. Рапов, О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. / О.М. Рапов. – М., 1977. – 268 с.
11. Воронин, Н.Н. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. / Н.Н. Воронин, П.А. Раппопорт. – Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1979. – 413 с.
12. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. – Кн. 2. – Т. 3. – Гл. IV [Электронный ресурс] // Седмица.RU Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». – Режим доступа: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/435711/>. – Дата доступа: 24.02.2018.

Поступила в редакцию 28.03.2018 г.

Корреляция понятий «код культуры» и «лингвокультурный концепт»: дифференционные признаки и системы классификаций

Марфина Ж.В.

Государственное образовательное учреждение
«Луганский национальный аграрный университет», Луганск

В статье обобщены взгляды на ключевые понятия одного из ведущих современных направлений языкознания — лингвокультурологии. Внимание к основным терминам вызвано тем, что интегрирующая основа — культура — требует для ее познания синтеза лингвистических (семантических, семантико-стилистических) и психологических (ментально-когнитивных) подходов. Формирование лингвокультурологии сопряжено с выстраиванием терминологического аппарата. Поэтому в этой работе излагаются соображения относительно двух наиболее актуальных понятий лингвокультурологии — кода культуры и лингвокультурного концепта.

Цель исследования — сопоставительный анализ двух наиболее важных понятий лингвокультурологии: кода культуры и лингвокультурного концепта.

Материал и методы. Материал — тексты монографий, посвященных проблемам лингвокультурологии. При этом использованы общенаучные методы наблюдения, обобщения, сопоставления, дифференциации признаков объективных языковых явлений, воплощенных в терминологическом аппарате лингвокультурологии.

Результаты и их обсуждение. Отмечены три направления лингвокультурологии (смысловое, ценностное, коммуникативное), в которых используются понятия код культуры и лингвокультурный концепт (имеет статус гиперонима). В таком случае лингвокультурные концепты (общечеловеческие, национальные, микро(макро)групповые и индивидуальные) притягивают разные уровни их познания, включая энциклопедический, профессиональный.

Заключение. Таким образом, коды культуры, входя в лингвокультурные концепты, отражают национальную структуру знания, информации и ее ценностное содержание, оформленные в наибольшей мере в языке культуры (этнические речевые стереотипы, образы, эталоны, символы, установки культуры) той или иной этнической, социальной, профессиональной группы людей.

Ключевые слова: код культуры, лингвокультурный концепт, семантическое и ценностное ядро знака культуры, субстанциональные коды культуры, концептуальные коды культуры, ценностное наполнение концепта.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 194—198)

Correlation of the Concepts «Culture Code» and «Linguocultural Concept»: Differentiated Features and Classification Systems

Marfina Zh.V.

State Educational Establishment
«Lugansk National Agricultural University», Lugansk

In the article views of key concepts of one of the leading modern directions of linguistics, linguistic and cultural studies, are generalized. The attention to the main terms is caused by the fact that the integrating basis — culture — demands for its knowledge the synthesis of linguistic (semantic, semantic-stylistic) and psychological (mental and cognitive) approaches. Shaping linguistic and cultural studies is interfaced with establishing the terminological apparatus. Therefore we devote this work to the statement of reasons concerning two most topical concepts of linguistic and cultural studies — the code of culture and the linguocultural concept.

The purpose of the work is to compare two most significant concepts of linguistic and cultural studies: the code of culture and the linguocultural concept.

Адрес для корреспонденции: e-mail: lib_inpu@ukr.net — Ж.В. Марфина

Material and methods. In the article general scientific methods of observation, generalization, comparison, differentiation of the features of objective linguistic phenomena embodied in the terminological apparatus of linguistic and cultural studies are used.

Findings and their discussion. Three directions of linguistic and cultural studies (semantic, value, communicative) are noted in which the notions of the code of culture and linguistic and cultural concept (has the status of the hyperonym) are used. In that case linguistic and cultural concepts (universal, national, micro (macro) group and individual) attract different levels of their knowledge, including the encyclopedic, professional.

Conclusion. Conclusion is made that culture codes while entering linguistic and cultural concepts reflect national structure of knowledge, information and its value contents shaped in the language (ethnic speech stereotypes, images, standards, symbols, establishments of culture) of the culture of this or that ethnic, social, professional group of people.

Key words: culture code, linguistic and cultural concept, semantic and value core of the feature of culture, substantial codes of culture, conceptual codes of culture, value filling of a concept.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 194–198)

В последние десятилетия в славянском языкознании актуализировано и находится в стадии активного формирования направление изучения языка, интегрированное с культуроведением и психолингвистикой. Оно получило название «лингвокультурология». Отметим рост числа научных трудов, подготовленных как теоретические разработки этой проблемы, а также как практическое изучение широкого спектра сегментов общей и национальной культуры с учетом точек пересечения с лингвистикой. Скорее речь идет об использовании лингвистических методов работы с текстами, фразами, словами, которым приписывают культурно значимую семантику.

Формирование лингвокультурологии сопряжено с выстраиванием терминологического аппарата. Поэтому в предлагаемой работе излагаются соображения относительно двух наиболее актуальных понятий лингвокультурологии – *кода культуры* и *лингвокультурного концепта*.

Цель исследования – сопоставительный анализ двух наиболее важных понятий лингвокультурологии: кода культуры и лингвокультурного концепта.

Материал и методы. Поскольку статья посвящена теоретическим вопросам, то в ней использованы тексты в основном монографических работ, посвященных проблемам лингвокультурологии. Соответственно, в процессе изложения используются общенаучные методы наблюдения, обобщения, сопоставления, дифференциации признаков объективных языковых явлений, воплощенных в терминологическом аппарате одного из современных направлений лингвистики.

Результаты и их обсуждение. Иерархию культуры составляют разнообразные коды, образующие многочисленные парадигмы. Познавая их, мы структурируем многообразие мира, а точнее, знание о нем. С точки зрения лингвистики, отмечает В.А. Маслова, «культурное знание» – это результат экспликации культурной значимости языковой единицы [1]. В таком случае исследуемые знаки «падают под эгиду» лингвокультурологии, в которой базовыми являются понятия *про-*

странство культуры, текст культуры, тезаурус культуры, код культуры, симболарий культуры, культурно маркированная единица, языковой эстетический знак культуры и др. Языковые, а также материальные и идеальные знаки культуры благодаря их семиотической сущности аккумулируют, сохраняют, модифицируют и передают в рамках своих особенностей реализации коды культуры. Антропоцентричная по своей природе культура сформировалась как «система осознания мира человеком, и поэтому формы концентрации и обозначения в ней мироустройства соответствуют масштабам деятельности в микро- и макрокосмосе человека как субъекта культуры» [2]. Если **вербальные коды культуры** отражают то, как думает общество, то невербальные – то, как оно действует и думает.

Соединить языковой и неязыковой планы познания культуры помогает когнитивистика, которая в кодах культуры познает – исследует и реконструирует – речевую деятельность как сложную систему семантических и ассоциативных связей внутри концептуальных парадигм и вне их (когнитивный фон), обобщая фреймы и сценарии ментальных процессов, учитывая знания социума о сегменте культуры.

Таким образом, когнитивное направление языкознания, интегрируясь в лингвокультурологию, помогает познавать, моделировать национальную специфику языковой культуры в действии, развитии (если актуализированы диахронные задания) и в статике (на синхронном срезе речевой деятельности), сопоставляя полученные результаты с принципами вербализации ментальных единиц в других языковых культурах.

В объективе лингвокультурологии пребывает культурно значимая информация – то, что отмечено ценностно-аксиологическими параметрами жизнедеятельности человека, что в процессе семиозиса получило вербальную открытую для воспроизведения и восприятия форму и прикрытое, в некоторой мере завуалированное, содержание, открываемое в определенных семантико-синтаксических, дискурсивных условиях.

Коды культуры как сгустки памяти, знания и представления о мире, воплощенные в знаках, символах, образуют картину мира, имеющую национальную специфику: «Интегральный образ реальности в обыденном сознании, прежде всего, включает повторяющиеся представления как повседневной эмпирической практики, так и символической вселенной. Каждый тип культуры, славянский в том числе, вырабатывает свой символический язык и свой “образ мира”, в котором, по утверждению В.А. Масловой, получают значения элементы этого языка» [2, с. 70]. Концепты когнитивной картины мира образуют внутренне систематизированные, семантически структурированные, функционально организованные концептосферы – топологическое пространство. Эти концептуальные макро- и микросферы объективируются в языковой картине мира определенными способами и в определенных знаках, что и составляет предмет лингвокультурологии.

В процессе жизнедеятельности человека формируются определенные способы социокультурного взаимодействия: существования и сосуществования, масштабы и формы деятельности, видоизменяются ее результаты, видение, восприятие мира и влияние на него. В итоге возникает культура, предусматривающая накопление, обработку и использование информации, опыта человека, что требует разнообразия специальных знаковых средств, помогающих кодировать и транслировать информацию в социуме. Среди таких знаков особая, ведущая, роль отведена слову. Поэтому нельзя не согласиться с мнением В.Н. Телия, которая подчеркивает, что «культура обладает своим “языком” – она говорит с нами архитектурой, живописью, музыкой, танцем, литературой и прочими творениями разума, таланта и другими делами рук человеческих». При этом в своих исследованиях ученый определяет естественный язык как самое универсальное средство для выражения смыслов “языка” культуры. Используя это средство, человек воплощает в нем все, что можно и пересказать, и сказать о окультуренном мироздании» [3].

Постигаемое человеком преимущественно вербализируется, познаваемое пространство покрывается «сетками», набрасываемыми культурой на окружающий мир в виде категорий, семантических структур, оценок. Эта членимость, иерархичность культуры отождествляется с картиной мира, языковой в том числе. «Прочитывание “кодов культуры” делает языковую картину мира постигаемой, более четкой, менее лакунарной, а сами “коды культуры” – общеполитические, общенаучные, функционально-семантические и т.д. категории, концепты, архетипы, символы, артефакты, мифемы / мифологемы, библеизмы, тексты культуры, в том числе и фразеологизмы,

паремии, – открытыми, явными. Т.е. одна часть познанного пребывает в “светлой зоне” сознания представителей той или иной культуры, другие же составляющие не осознаются, присутствуют имплицитно, представляя собой своеобразные “лакуны”, их экспликация является результатом лингвокультурологического анализа» [4].

Благодаря такой информационно-семиотической теории, предтечей которой являются исследования Ю.М. Лотмана, детальные разработки В.В. Красных, А.С. Кармина, введен в оборот термин «код культуры». В подобном понимании культура предстает как иерархия кодов – вторичных знаковых систем, средств для выражения смысла.

По нашему мнению, понятие «код культуры» приобрело качество гиперонима по отношению к ранее предложенным и вошедшим в широкий оборот терминам *когнитивная метафора*, *квазистереотип*, или культурно-национальный эталон, *символ*, или мифологическое знание конкретного лингвокультурного сообщества. Все эти понятия в свое время объединил Ю.М. Лотман, предложивший гипотезу, в которой культура понимается как система знаков, системное целое, осознанные и неосознанные модели деятельности, формы и виды отношения человека к окружающему миру.

Исходя из значения слова «код», т.е. системы условных знаков для передачи информации, определенного сочетания знаков, «код культуры» подразумевает **системность** субзнаков, их определенную **комбинаторику**, что и создает представление о коде культуры как сетке, сети членов, сплаве смыслов. Один и тот же код может обслуживать несколько смыслов. Подмечена такая закономерность функционирования кодов культуры: чем большую значимость они имеют, тем сложнее их смысл и тем больше элементов (вербальных знаков) с ним связано, тем сложнее их ассоциативная природа. В частности, Е.А. Селиванова отмечает метафорическую природу межкодовых переходов.

Некоторые исследователи среди основных характеристик кодирования культуры отмечают открытость к изменениям с присоединением этнокультурных, индивидуально-личностных, групповых черт и универсальность [5].

Культура как цивилизационное образование хранит **память человечества** или конкретного народа, этноса о его деятельности и транслирует в сегодняшнее и будущее историю его культуры, обеспечивая диалог поколений (В.Н. Телия). Это определяет кумулятивную природу как культуры в целом, так и ее знаковых продуктов – ритуалов, культов, магических обрядов, ворожений, литературно-письменных текстов – и знаковых атрибутов. Поэтому многие квалифицируют со-

отнесенные с понятием «код культуры» знаки как свернутые тексты, прежде всего тексты этнокультуры, фольклорные, определяющие первичную, кодированную, семантику знаков культуры. Однако в их семантике не все, так сказать, переведено в вербальную форму, часть с определенной степенью адекватности выражается в микроконтекстах. В целом эти знаки приобрели статус кодов культуры (кодов национальной культуры, по уточнению Д.Б. Гудкова).

«Коды культуры», имея вербальное и невербальное выражение, трансформируют информацию разного уровня и степени сложности, обобщенности, но вся она соотнесена с определенным **смыслом** (что? / кто?, для чего?, когда?, в какой ситуации? и т.п.), который и составляет *семантическое и ценностное ядро знака культуры*. Следовательно, значения «кодов культуры» отражают биоморфные (антропные, соматические, сенсорные, фитоморфные, зооморфные, анимичные, связанные с явлениями природы), социальные, природно-ландшафтные, архитектурно-домоустроительные, вещные, или предметные, пространственные, духовные (моральные, эстетические, этические, мифологические, религиозные), колоративные, звуковые, одоративные, квантитативные, темпоральные, гастрономические (кулинарные, пищевые), аксиологические и под. (по классификациям В.В. Красных и Д.Б. Гудкова, Г.А. Багаутдиновой, Т.В. Леонтьевой и др.) сегменты культуры (картины мира) – знания о живой и неживой природе. Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова особо подчеркивают, что «культурный код – это система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые “прочитываются” в этих знаках» [6].

Таким образом, наиболее четко прослеживается существенная для классификации кодов культуры их дифференциация на **субстанциональные** (соотнесенные с материальной природой знаков, вербальные коды) и **концептуальные** (соотнесенные со смысловым единством). В культурном пространстве они пересекаются, взаимодействуют, обозначая культурные сущности, или ценностное содержание, формируемое человеком в процессе познания мира и его интерпретации в сознании, на что обращают внимание в своих работах С.М. Толстая, Т.В. Цивьян, Е.Л. Березович.

Обобщая сказанное, отметим, что в коде культуры сосредоточены четыре ментально-семиотические формы: *концептуальная*, *вербальная* (словесная), *реальная* (вещественно-предметная, субстанциональная), *акциональная* (действенная, кинетическая) семантика, комбинация которых обусловлена ситуативно [7].

Именно **концептуальные коды культуры**, или **культурные концепты**, **константы культуры** (Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурнин, Е.С. Кубрякова, М.А. Дмитриевская, В.В. Туровский, М.Ф. Алефиренко и др.), **ключевые культурные концепты** (А. Вежбицкая, В.А. Маслова), **концепты культуры** (Cl. Geertz), **лингвокультурные концепты** (С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, В.А. Маслова), или **культурно-языковые**, **культурологические**, «**духовные**» **концепты**, являются когнитивно-семантическими образованиями, занимающими промежуточное положение между языковыми знаками и объектами, которые познаются. Прежде всего, они формируют этнокультурное видение мира, составляют ядро картины мира, являются экзистенциально значимыми как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом.

В отличие от всех других концептов **лингвокультурный концепт** включает три компонента: ценностное содержание, фактуальную составляющую (слово) и образ (невербальное содержание). В.В. Карасик и Г.Г. Слышкин утверждают, что это условная *ментальная единица*, используемая в ходе комплексного изучения *сознания, культуры и языка*. При этом следует отметить, что: а) сознание – сфера пребывания концепта; б) культура является детерминантом концепта, т.е. концепт является ментальной проекцией культуры; в) язык – сфера вербализации концепта [8].

Модифицированные толкования лингвокультурного концепта репрезентируют его как «многомерное культурно значимое социопсихологическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной форме» (например, как отмечает В.А. Маслова, в форме художественной картины, скульптурной композиции, памятника и под. эстетического объекта, в истории военного дела, архитектуры, литературного языка и под. направления гуманитаристики), единицу «коллективного знания / сознания», которая «отсылает к наивысшим духовным ценностям, имеет языковое выражение и отмечена этнокультурной спецификой», сгусток культуры в сознании людей и т.п., на что указывает в своих исследованиях С.Г. Воркачев [9].

Именно лингвокультурология понимается как раздел лингвистики, занимающийся описанием культурного самосознания определенной нации и рассматривающий проявления культуры общества, которые отразились и зафиксировались в языке. На сегодня наиболее широко вопросы лингвокультурологического содержания рассмотрены на примере фразеологизмов (заложено направление в работах В.Н. Телия и ее учеников – М.Л. Ковшовой, Д.Б. Гудкова,

В.В. Красных, И.В. Захаренко, И.В. Зыковой; Н.Ф. Алефиренко, В.М. Мокиенко, Л.В. Савченко и др.).

Благодаря опоре на лингвокультурный концепт объективируются антропоцентрическое содержание культуры, этносемантические компоненты речевых единиц, национально-культурных прототипов, в целом – значимость понятия для национальной культуры.

Поэтому стоит отметить, что каждый из подходов объективировался в направлении лингвокультурологии, использующее свой методологический аппарат.

Так, как известно, у истоков лингвокультурологии лежит ориентация на *смысловый параметр концепта*, который в национальном языке проходит путь семантического развития: от смыслового этимона («зародыша»-концептума) через образ-подобие, понятие к культурному смыслу (А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев). В такой динамике концепт притягивает разные уровни его познания, включая энциклопедическое, профессиональное.

Это направление хорошо разработано в исследованиях по фразеологии. В частности, Л.В. Савченко использует систему этнокодов на ментальном срезе, который включает: этиологический, мифологический, этнокультурный, религиозный, демонологично-антропоморфный этнокоды [10]. Как видим, в данном подходе усилена корреляция с топологией концепта, которая неотъемлема от его семантического развития.

Второе направление – это ориентация на *ценностное наполнение концепта* (Л.Г. Панова, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, А. Вежбицкая, В.В. Колесов, Н.Д. Арутюнова, А.Д. Шмелёв, Т.В. Булыгина и др.), в соответствии с которым лингвокультурный концепт является носителем культурно-языковых ценностей, знаний, установок, реакций поведения, продиктованных духовно-эмоциональным единством коллектива. В подобном ракурсе лингвокультурные концепты дифференцируют на общечеловеческие, национальные, микро(макро)групповые и индивидуальные. Это направление развивается преимущественно с опорой на концепцию национально-культурных вербальных стереотипов А. Вежбицкой.

Как модифицированный вариант этой концепции воспринимаем понятие «национальный интеллектуально-оценочный концепт», предложенное в работе И.А. Голубовской, соотносящей его с понятием «этнично-языковой образный эталонный стереотип» [11].

Третье направление связано с использованием понятия лингвокультурный концепт как *инструмента исследования вербального и невербально-*

го общения, проблем межкультурной коммуникации, прецедентных текстов и под.

Закключение. Таким образом, *коды культуры*, представленные в частности и в *лингвокультурных концептах*, отражают национальную структуру знания, информации и ее ценностное содержание, оформленные в наибольшей мере в языке культуры (этнические речевые стереотипы, образы, эталоны, символы, установки культуры) той или иной этнической, социальной, профессиональной группы людей. Познавая, считывая эту информацию, мы интегрируем свою деятельность в сферах когнитивистики и психологии, культурологии, социолингвистики и стилистики.

Литература

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – С. 10, 11.
2. Телия, В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В.Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках: сб. ст.: отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 2004. – С. 24.
3. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
4. Гудков, Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 39.
5. Ренчин, Б. Отображение универсальных и этноспецифических черт языковой картины мира в фразеологических фондах английского, русского и монгольского языков: на материале фразеологизмов-соматизмов и зоонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Б. Ренчин. – Саратов, 2010. – С. 11.
6. Гудков, Д.Б. Телесный код русской культуры / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – М., 2007. – С. 97.
7. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Издательство «Индрик», 1995. – С. 15–26, 86.
8. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.
9. Воркачев, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С. 79–95.
10. Савченко, Л.В. Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови: етимологічний та етнолінгвістичний аспекти / Л.В. Савченко. – Сімферополь: Доля, 2013. – С. 87.
11. Голубовская, И.А. Этнические особенности языковой картины мира / И.А. Голубовская. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2002. – С. 196–244.

Поступила в редакцию 30.05.2018 г.

УДК 821.161.3.091(09)

Рэпрэзентацыя дзеячаў беларускай культуры ў прозе Максіма Гарэцкага

Налётава Н.М.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Дзеячы культуры, якія плённа працавалі на ніве нацыянальнага адраджэння, прыцягваюць увагу айчынных пісьменнікаў.

Мэта дадзенага артыкула — выявіць асаблівасці навуковай і мастацкай інтэрпрэтацыі вядомых беларускіх дзеячаў-адраджэнцаў у “Гісторыі беларускае літаратуры” М.І. Гарэцкага і яго літаратурных творах: апавяданні “Фантазія”, апавесцях “Меланхолія”, “На імперыялістычнай вайне”.

Матэрыял і метады. *Матэрыялам для даследавання абраны навуковыя працы “Беларусы” Я.Х. Карскага, “Гісторыя беларускае літаратуры” і мастацкая проза М.І. Гарэцкага. Асноўнымі для навуковага аналізу сталі прыёмы канкрэтна-гістарычнага, параўнальнага і дэскрыптыўнага метадаў.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Праведзены параўнальны аналіз ацэнкі вядомых дзеячаў у мастацкай прозе і ў даследаванні “Гісторыя беларускае літаратуры” М.І. Гарэцкага.*

Заклучэнне. *У празаічных творах М. Гарэцкі вылучаў у якасці дамінантнай лініі эстэтычнага асэнсавання дзеяча культуры яго ўдзел у нацыястваральнай працы, а ў “Гісторыі беларускае літаратуры” ён усебакова характарызаваў іх творчую дзейнасць на ніве беларускага пісьменства.*

Ключавыя словы: *навуковая і мастацкая рэпрэзентацыя, дзеяч культуры, адраджэнне, нацыянальная самасвядомасць.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 199–203)

Representation of People of Belarusian Culture in the Prose of Maxim Garetski

Naliotava N.M.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

People of culture, who contributed with their creativity to the national revival, attract attention of the domestic writers.

The purpose of the research is to identify features of scientific and art interpretation of outstanding Belarusian revival actors in “History of Belarusian Literature” by M.I. Garetski and his literary works: narrations “Fantasy”, “Melancholy”, “At Imperialist War”.

Material and methods. *The research material was scientific works “Belarusians” by Ya.Kh. Karski, “History of Belarusian Literature” and art prose by M.I. Garetski. Basic research methods were definite historic, comparative and descriptive ones.*

Findings and their discussion. *A comparative analysis of the assessment of outstanding workers in art prose and in the study “History of Belarusian Literature” by M.I. Garetski is made.*

Conclusion. *In his prosaic works M.I. Garetski identified as a dominant line of aesthetic understanding by a worker of art his participation in nation building work. In “History of Belarusian Literature” he characterized their creative input in Belarusian writing.*

Key words: *scientific and art representation, a worker of culture, revival, national self identification.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 199–203)

На працягу XIX–XX стагоддзяў у літаратурным працэсе Беларусі пад непасрэдным уплывам грамадска-палітычных падзей перыядычна адбываліся значныя культурна-эстэтычныя зрухі. Істотна ўзрасла цікавасць да айчыннага мінулага і

гістарычных дзеячаў, якія плённа працавалі на ніве нацыянальнага адраджэння. Героямі празаічных твораў XX–XXI стагоддзяў нярэдка былі абраны значныя і славутыя постаці беларускай гісторыі (асветнікі, пісьменнікі, мастакі, грамадскія дзеячы і інш.), сярод якіх наступныя: Еўфрасіння

Полацкая (“Прыдыслава” В. Іпатавай, “Святыя грэшнікі” А. Асіпенкі, “Спакуса” Т. Бондар, “Пакліканыя” В. Коўтун), Францыск Скарына (“Францішак Скарына” З. Бядулі, раздзел “Беларускія гуманісты” з “Зямлі пад белымі крыламі” У. Караткевіча, “Францішак Скарына” С. Хурсіка, “Георгій Скарына” М. Садковіча і Я. Львова, “Францыск Скарына, або Сонца Маладзіковае” А. Лойкі), Мікола Гусоўскі (“Час чумы” У. Арлова), Пётр Мсціславец (“Мсціслаўцаў посах ...” Э. Ялугіна), Кастусь Каліноўскі (“Каласы пад сярпом тваім” У. Караткевіча, “Восень пасярод вясны” А. Мальдзіса, “Літоўскі воўк” А. Наварыча), Францішак Багушэвіч (“Пры апазнанні – затрымаць” В. Хомчанкі), Алаіза Пашкевіч (“Крыж міласэрнасці” В. Коўтун, “Стану песняй...”, “На струнах буры” і “На полымі любові” Л. Арабей), Максім Багдановіч (“Развітанне” Б. Мікуліча, “Загадка Багдановіча” М. Стральцова), Цішка Гартны (“Пасля нябыту” і “Без эпітафіі” Э. Ялугіна), Янка Купала (“Ой, рана на Івана” З. Бандарынай, “Незабыўныя дарогі” і “Дарогі песняра” В. Віткі, “Як агонь, як вада ...” А. Лойкі), Якуб Колас (“Колас расказвае пра сябе” М. Лужаніна), Уладзімір Караткевіч (“Наш Караткевіч”, “Уладзімір Караткевіч, або Паэма Гарсія Лойкі” А. Лойкі), Гаўрыіл Вашчанка (“Чырвоная брама” В. Карамазава), Антон Бархаткоў (“Антон” В. Карамазава), Станіслаў Жукоўскі (“Мой брат духоўны ...” В. Карамазава) і іншыя, якія з’яўляюцца сімвалам нашай нацыі.

Розныя падыходы пісьменнікаў у асвятленні гэтых вобразаў (суадносіны факта і мастацкага вымыслу, аб’ектыўнага і суб’ектыўнага пачаткаў, кананічных характарыстык і індывідуальнага пісьменніцкага бачання) прыцягваюць увагу многіх сучасных айчынных літаратуразнаўцаў, такіх як В.К. Шынкарэнка, І.М. Запрудскі, В.Ю. Бароўка, Л.Г. Кісялёва, В.І. Локун, Т.А. Фіцнер, І.І. Дамарад, А.М. Дарагакупец, Г.М. Друк, С.М. Тарасава, Н.М. Кунгер, Ю.В. Кішкурна, Н.В. Гальго і інш.

Актуальнасць нашага даследавання абумоўлена адсутнасцю ў беларускім літаратуразнаўстве сістэмнага навуковага асэнсавання вобразаў пісьменнікаў, створаных іншымі пісьменнікамі, а таксама параўнальнай рэпрэзентацыі дзеячаў культуры ў мастацкай і навуковай літаратуры.

Мэта дадзенага артыкула – выявіць асаблівасці навуковай і мастацкай інтэрпрэтацыі вядомых беларускіх дзеячаў-адраджэнцаў у “Гісторыі беларускае літаратуры” М. Гарэцкага і яго літаратурных творах: апавяданні “Фантазія”, аповесцях “Меланхолія”, “На імперыялістычнай вайне”.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для нашага даследавання абраны навуковыя працы “Беларусы” Я.Х. Карскага, “Гісторыя беларускае літаратуры” М.І. Гарэцкага і мастацкая проза

(апавяданне “Фантазія” і аповесці “Меланхолія”, “На імперыялістычнай вайне”) М.І. Гарэцкага. Асноўнымі для навуковага аналізу сталі прыёмы канкрэтна-гістарычнага, параўнальнага і дэскрыптыўнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Тэндэнцыя мастацкага адлюстравання знакавых постацей нацыянальнай гісторыі і культуры ў айчыннай літаратуры закладвалася арыгінальным, надзвычай эрудзіраваным прэзідэнтам, драматургам, даследчыкам літаратуры, публіцыстам, педагогам, лексікографам, перакладчыкам, фалькларыстам Максімам Іванавічам Гарэцкім (1893–1938), творчая спадчына якога па пэўных грамадска-палітычных прычынах працягла адрэзак часу была ізалявана ад чытача. Вядомы даследчык беларускай літаратуры М.І. Мушынскі слушна называў М. Гарэцкага “гонарам і сумленнем беларускай нацыі, яе духоўным настаўнікам, які ўнёс велізарны ўклад у фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці беларусаў” [1, с. 381].

Тэматычная скіраванасць прозы М. Гарэцкага 1920–1930 гадоў не да адлюстравання паслякастрычніцкай савецкай рэчаіснасці, а да нядаўняга мінулага была, па сцвярджэнні М.І. Мушынскага, “формай апасродкаванай ацэнкі палітычнай сістэмы, да якой пісьменнік ... ставіўся даволі крытычна” [1, с. 404], нежаданнем ствараць мастацкія палотны згодна з ідэалагічнымі патрабаваннямі новага часу. Азначаны перыяд вылучаецца паслядоўнасцю пісьменніка ў выяўленні яго ўласных творчых і грамадска-палітычных поглядаў, у абароне нацыянальна-адраджэнскай праграмы.

У апавяданні “Фантазія” (1921) згадваюцца знакамітыя гістарычныя асобы, якія клапаціліся аб становішчы “Бацькаўшчыны мілай” [2, с. 117], аб развіцці культуры, чалавечай годнасці і нацыянальнай самасвядомасці суайчыннікаў. Гэта вядомыя асветнікі, гуманісты і пісьменнікі Францыск Скарына, Янка Купала, Францішак Багушэвіч, Алаіза Пашкевіч, Максім Багдановіч, Іван Луцкевіч, Лявон Гмырак, Алесь Гарун, Сяргей Палуян, Карусь Каганец, Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч. Жанравыя межы апавядання не дазволілі М. Гарэцкаму даць разгорнутую, падрабязную характарыстыку гэтых асоб, але ў творы выкарыстоўваюцца лаканічныя заўвагі тыпу “сумны” [2, с. 117], “панураны” [2, с. 117], “з расцерзаным да краю сэрцам вялікага гуманіста” [2, с. 117], “засмучона нахіліўся” [2, с. 118], “ад чорных дум паніклы” [2, с. 118], “прамовіў горка” [2, с. 118] (Ф. Скарына); “сумна паглядзеў” [2, с. 117], “баліць душа” [2, с. 117] (Я. Купала); “руплівая сяброўка” [2, с. 118] (Цётка), “народны баян” [2, с. 118], “бацька адраджэння” [2, с. 118] (Ф. Багушэвіч), “разважны каранасты” [2, с. 119] (К. Каганец), “калматобровы” [2,

с. 119] (М. Багдановіч), які падкрэсліваюць рысы знешняга аблічча, псіхалагічны стан ці адчуванні герояў, аўтарскае стаўленне да іх.

Акрамя таго, з традыцыйных літаратурных прыёмаў для раскрыцця характару героя пісьменнік актыўна выкарыстоўвае дыялогі. Так, у “Фантазіі” гуманістычныя погляды самога М. Гарэцкага адносна права беларускага народа на самавызначэнне яскрава выяўляюцца ў дыялогу паміж Ф. Скарынам і Я. Купалам: “Магутны кліч твой раздаецца ўжо даўно — і скрозь, ад краю ў край, па Беларусі ... А шмат з’явілася? Народ за доўгія вякі няволі аглох і зрабіўся нячулым” [2, с. 118]. Выбар самім пісьменнікам для мастацкага адлюстравання менавіта гэтых гістарычных асоб матываваны іх руплівай і плённай, самаадданай дзейнасцю на ніве нацыянальнай культуры. Да таго ж Максім Гарэцкі ў распрацоўцы нацыянальна-культурнай і мастацка-эстэтычнай праграмы “нашаніўства” быў блізка па поглядах да многіх літаратараў пачатку XX стагоддзя.

Падрабязна ж значэнне дзейнасці гэтых культурных дзеячаў у гісторыі беларускай літаратуры вызначаецца М. Гарэцкім ў навуковым даследаванні “Гісторыя беларускае літаратуры” (1920), якое было заклікана пацвердзіць маштабы творчай дзейнасці народа і яго інтэлігенцыі. Напрыклад, *Францыск Скарына*, па заўвазе М. Гарэцкага-літаратуразнаўцы, “у духу гуманістычных поглядаў ... вучыць людзей любіць свой родны край, прычым патрыятызм яго з’яўляецца як бы дакорам фальшываму патрыятызму тагачасных магнатаў, любіўшых сваё гаспадарства толькі для сваіх асабістых карысцей” [3, с. 120], і “дбаць аб развіцці свае народнае культуры” [3, с. 120]. Выказаныя ў першай палове XVI стагоддзя вядомым асветнікам думкі, паводле Гарэцкага, не страчваюць сваёй актуальнасці і сёння.

Пры аналізе ж творчасці *Янкі Купалы* М. Гарэцкі зазначае: “Найчасцей строіць паэт сваю ліру на адраджэнскі лад, паказваючы думку беларускімі малюнкамі сацыяльнага характару. Грамадзянскія матывы — на першым плане ... Ідэалогія адраджэння ёсць галоўнай прыметай ... усяе паэзіі песняра” [3, с. 319].

У “Гісторыі беларускае літаратуры” *Алаіза Пашкевіч* падаецца літаратурным крытыкам з “фанатычнай і напружана-адраджэнскай” [3, с. 290] любоўю да Беларусі, яе папярэднік *Францішак Багушэвіч* — “духоўным бацькам нацыянальна-сацыяльнага адраджэння” [3, с. 260], “першым беларускім песняром-рэвалюцыянерам” [3, с. 260], “першым нацыянальным беларускім паэтам” [3, с. 260], “песняром класавым, вешчуном сацыяльнай рэвалюцыі” [3, с. 260], які “скіраваў нашу літаратуру на пэўны натуралістычны шлях і звязаў яе з народам” [3, с. 260],

Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч — “чулым чалавекам свайго часу, які ... найлепей адчуваў пульс жыцця і патрэбы народа, але, як пан, радзіўся і памёр з нічога не вартымі поглядамі на развязанне сацыяльных пытанняў у нашым краі” [3, с. 219], *Карусь Каганец* — “ідэйна-грамадскім працаўніком, вядомым не толькі беларускай інтэлігенцыі, але й шырокім колам краёвых працаўнікоў вызваленчага руху канца 90-х і 900-х гг.” [3, с. 284] і аўтарам знакамітага патрыятычнага лозунга: “Беларусь трэба падумаць!”, *Алесь Гарун* — пісьменнікам з “незвычайнай, бязмернай любоўю да бацькаўшчыны” [3, с. 339], творцам, які “гаруе, што народ яго не мае нацыянальнае волі, што яго гнятуць нацыянальныя ворагі, але разам з тым ён востра адчувае і сацыяльнае гнібенне сваёй нацыі” [3, с. 339–340], *Ян Луцкевіч* — “выдатнай культурнай сілай у адраджэнні і палітычным кіраўніком такога руху, дзе развіццё нацыянальнае літаратуры было грунтам усяе працы” [3, с. 283], хаця і “сам блізу што й не пісаў, зрабіў тым часам незвычайна многа ў гісторыі нашаніўскае літаратуры ... гуртуючы ля сябе людзей слова і жывучы з імі адной ідэяй” [3, с. 283], *Максім Багдановіч* — “паэтам-філосафам” [3, с. 347] і “паэтам-стылістам” [3, с. 347], які істотна выдзяляецца “з аднароднай сям’і нашаніўскіх паэтаў і пісьменнікаў” [3, с. 347], бо “ані адраджэнне, ані сацыяльны элемент не складаюць галоўных адзнак яго творчасці” [3, с. 347], а таксама літаратурным крытыкам нашаніўскага перыяду разам з *Лявонам Гмыракам*.

На падставе параўнальнага аналізу характарыстыкі дзеячаў беларускай культуры ў мастацкім і навуковым дыскурсе М. Гарэцкага можна зрабіць выснову, што ў абодвух выпадках яны цалкам супадаюць.

У апавяданні “Фантазія” М. Гарэцкім выказваецца думка, што “Бацькаўшчыну мілую” [2, с. 117], “распятую” [2, с. 117] краіну (падзеі ў апавяданні адбываюцца ў перыяд грамадзянскай вайны. — *Н.Н.*) можа выратаваць беларуская інтэлігенцыя, на якую ўскладаецца цяжкая і надзвычай важная місія правадыра, абуджальніка нацыянальнай самасвядомасці, пачуцця ўласнай годнасці, кансалідацыі народных сіл. У згаданым творы выкарыстоўваецца сімвалічны вобраз Купалавага вялікага сходу, на які ўсіх пералічаных вышэй дзеячаў культуры склікае цень беларускага першадрукара Францыска Скарыны.

Натуральна, што па прычыне ўзнятых у апавяданні “Фантазія” грамадска-палітычных праблем яно не магло быць надрукавана ў 1920-я гады і станоўча, без ідэалагічных ярлыкоў, ацэнена тагачаснай савецкай крытыкай, а было прадстаўлена шырокаму колу чытачоў толькі ў другой палове 1950-х гадоў, калі былі сфарміраваны спрыяльныя грамадска-

палітычныя ўмовы і адбылася пераацэнка створанага пісьменнікам.

Як сведчыць сам М. Гарэцкі, пры ўкладанні “Гісторыі беларускае літаратуры” ён абавіраўся на фундаментальную шматтомную працу “Беларусы” выдатнага філолага-славіста, заснавальніка беларускага мовазнаўства і літаратуразнаўства, этнографа, палеографа, бібліёграфа, фалькларыста, акадэміка Расійскай Імператарскай акадэміі навук Яўхіма Хведаравіча Карскага (1860/1861–1931). Заслуга Я. Карскага перш за ўсё ў тым, што з уласцівай яму грунтоўнасцю, з неабвержнай навуковай аргументаванасцю вучоны паказаў шырокаму свету самабытнасць, выразную нацыянальную адметнасць беларускага народа, раскрыў яго традыцыйную культуру, у прыватнасці, літаратуру.

Напрыклад, у другім выпуску трэцяга тома – “Старажытная заходнеруская пісьменнасць” – даследчык разгледзеў перакладную і кніга-выдавецкую дзейнасць Францыска Скарыны. Ён назваў Скарыну “одним из замечательнейших западнорусских деятелей первой половины XVI столетия” [4, с. 24].

У трэцім выпуску трэцяга тома – “Мастацкая літаратура на роднай мове” – пададзены агляд новай беларускай літаратуры ад пачатку XIX стагоддзя па 1921 год уключна. У ім Я. Карскі падрабязна спыніўся на разглядзе беларускамоўнай творчасці *Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча*, рэвалюцыйнай публіцыстыкі 1860-х гадоў *Кастуся Каліноўскага*, а таксама ўсебакова ахарактарызаваў мастацкую спадчыну *Францішка Багушэвіча*, *Алаізы Пашкевіч*, *Янкі Купалы*, *Якуба Коласа*, *Максіма Багдановіча*, *Алеся Гаруна*, *Змітрака Бядулі*, *Максіма Гарэцкага*.

Так, у адносінах да *Францішка Багушэвіча* Я. Карскі слухна заўважае: “Его поэзия несколько не напоминает его предшественников, старавшихся в идиллической простоте белорусской жизни найти примирение с неприглядной действительностью; подыскать оправдание тому гнёту, который тяготел над народом сначала со стороны панов-рабовладельцев, а затем со стороны новых опекунов в лице местной администрации и полиции” [4, с. 412–413]. *Алаіза Пашкевіч* ахарактарызуецца як прадаўжальніца традыцый *Францішка Багушэвіча*, як рэвалюцыйны дзеяч, *Іван Луцэвіч* называецца ў шэрагу “«будителей» заснувшей Белоруссии ..., которые стараются открыть глаза населению на его природу, жизнь, общественное положение, на язык, на историю; хотят напомнить белорусу его славное прошлое и подчеркнуть тяжелое современное положение” [4, с. 441]. Паэтычныя творы *Максіма Багдановіча*, што закранаюць агульначалавечыя матывы, па сцвярджэнні Я. Карскага, “изящны по форме,

очень разнообразны по своим размерам и по содержанию” [4, с. 523]. Літаратурная творчасць жа *Максіма Гарэцкага* ў выданні “Беларусы” падвяргаецца сур’ёзнай крытыцы і, на думку аўтара, знаходзіцца ў “зародковым стане” [4, с. 570]. *Алеся Гаруна* аўтар “Беларусаў” асуджае за шырокае выкарыстанне ў творах паланізмаў, а *Змітрака Бядулю* – за абмежаванасць тэмы, бо іх творы “не выходят за пределы обыкновенно трактуемых новейшими белорусскими писателями” [4, с. 558].

На падставе параўнальнага аналізу ацэнкі дзеячаў беларускай культуры М. Гарэцкім і Я. Карскім мы прыйшлі да высновы, што яны не заўсёды супадаюць.

Заўважым, што адной з бясспрэчных заслуг М. Гарэцкага з’яўляецца ўвядзенне ў нацыянальную прозу новага героя – вясковага інтэлігента, які ўсведамляе ўласную адказнасць за лёс народа і будучыню краіны. Духоўнае аблічча і жыццёвая пазіцыя такога героя, у прыватнасці, *Лявона Задумы*, выразна выяўляюцца, напрыклад, у сацыяльна-псіхалагічнай апавесці “Меланхолія” (1916–1921, 1928). У творы, напоўненым глыбокім філасофскім зместам, закранаюцца такія значныя тэмы, як “інтэлігенцыя і народ”, “шляхі вызвалення ад нацыянальнага прыгнёту”, “сэнс жыцця і прызначэнне чалавека” і некаторыя іншыя.

Як і ў апавяданні “Фантазія”, пісьменнік звяртаецца да мастацкага адлюстравання вобразаў вядомых дзеячаў Беларусі, якіх за іх неацэнны ўнёсак у развіццё нацыянальнай культуры па праве называе “вялікімі сынамі краіны” [2, с. 190]. Гэта першы беларускі і ўсходнеславянскі кнігадрукар Францыск Скарына, Кастусь Каліноўскі, Мацей Бурачок, Янка Купала і Якуб Колас. Пісьменнік пазбягае падрабязных апісанняў гэтых дзеячаў, узгадвае іх у кантэксце гаворкі пра Віленшчыну як гістарычны цэнтр развіцця беларускай культуры і зараджэння перадавых поглядаў, выкарыстоўвае толькі ў адносінах да іх трапныя азначэнні-перыфразы тыпу “вялікі сейбіт гуманізму і асветы” [2, с. 190] (Ф. Скарына), “адважны правадыр паўстанцаў” [2, с. 190] (К. Каліноўскі), “бацька нашага адраджэння” [2, с. 190] (Ф. Багушэвіч), якія падкрэсліваюць важны ўнёсак гэтых асоб у культурнае развіццё Айчыны і выяўляюць да іх аўтарскае стаўленне.

У “Гісторыі беларускае літаратуры” М. Гарэцкі падрабязна аналізуе дзейнасць беларускага рэвалюцыянера, стваральніка агітацыйнай літаратуры 1860-х гг. *Кастуся Каліноўскага*, называючы яго “самай выдатнай і магутнай у тым часе постаццю” [3, с. 229], творчасць *Якуба Коласа* – “рэвалюцыянера” [3, с. 297]. Вуснамі *Лявона Задумы* ў апавесці “Меланхолія” пісьменнік выказвае думку, што “ў нашым вызваленчым руху настаўнікі і літаратары яшчэ

доўга будуць больш патрэбны, чым каморнікі і аграномы” [2, с. 186], і высока ацэньвае адказную ролю дзеячаў беларускай культуры перад грамадствам.

Напісаная пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі аповесць “Меланхолія” маніфестуе “складаную светапоглядную эвалюцыю пісьменніка, які ... меў магчымасць глыбока асэнсаваць негатыўныя вынікі рэвалюцыйных метадаў пабудовы справядлівага грамадства” [1, с. 406], расчараваўся ў дзейнасці савецкай улады ў адносінах да нацыянальных меншасцей, таму ўспрымаецца зараз як праекцыя на грамадскія падзеі пачатку XX стагоддзя.

У дакументальна-мастацкай аповесці “На імперыялістычнай вайне” (1914–1915, 1919–1920, 1925–1926, 1928), напісанай у форме запісак, Беларусь падаецца Лявонам Задумам “беднай, убогай, невучонай і такой багатай творчым духам мужыцкай бацькаўшчынай” [2, с. 388]. Таксама згадваюцца змешчаныя ў “Нашай ніве” за 25 верасня 1914 года творы вядомага беларускага пісьменніка *Змітрака Бядулі*, а менавіта апавяданне “Летапісцы” і верш “Волат”. Падрабязная ж характарыстыка творчасці *Змітрака Бядулі* даецца пісьменнікам у “Гісторыі беларускае літаратуры”. Напрыклад, на думку М. Гарэцкага, згаданы намі раней верш “Волат” з’яўляецца “прыгожым па форме” [3, с. 354].

Заклучэнне. Падсумоўваючы сказанае, неабходна падкрэсліць, што ў прааналізаваных намі мастацкіх творах і навуковай “Гісторыі беларускае літаратуры” М. Гарэцкім была выказана ідэйная праграма далейшага духоўнага абуджэння беларусаў, прасякнутая патрыятычным пафасам, якую можна сфармуляваць наступнымі словамі самога пісьменніка: “Няма нацыянальнага адраджэння без сацыяльнага, а сацыяльны дабрабыт нічога не варты без волі нацыі” [3, с. 340].

У апавяданні “Фантазія” і аповесцях “Меланхолія”, “На імперыялістычнай вайне”, навуковым даследаванні “Гісторыя беларускае літаратуры” аўтар згадаў вядомых культурных дзеячаў Ф. Скарыну, Ф. Багушэвіча, А. Пашкевіч, З. Бядулю, М. Багдановіча, І. Луцкевіча, Л. Гмырака, А. Гаруна, С. Палуяна, К. Каганца, Я. Купалу, Я. Коласа, якія ўнеслі значны ўклад у самасцвярджэнне беларусаў як народа. Параўнальны аналіз ацэнкі гэтых дзеячаў у мастацкай прозе і ў даследаванні “Гісторыя беларускае літаратуры” паказаў, што ў праяўных творах М. Гарэцкі вылучаў у якасці дамінантнай лініі эстэтычнага асэнсавання дзеяча культуры яго ўдзел у нацыястваральнай працы, а ў “Гісторыі беларускае літаратуры” ён усебакова характарызаваў іх творчую дзейнасць на ніве беларускага пісьменства. Мастацкая рэпрэзентацыя дзеячаў айчыннай культуры ў прозе М. Гарэцкага была накіравана на акцэнтаванне ідэі, што выдатныя дзеячы культуры – сведчанне высокага духоўнага, інтэлектуальнага патэнцыялу народа.

Літаратура

1. Мушынскі, М.І. Максім Гарэцкі / М.І. Мушынскі // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. – Мінск, 1999. – Т. 1. – С. 381–426.
2. Гарэцкі, М.І. Творы: апавяданні, аповесці / М.І. Гарэцкі; уклад. Т.С. Голуб; праім. М.П. Кенькі. – Мінск: Маст. літ., 1995. – 446 с.
3. Гарэцкі, М.І. Гісторыя беларускае літаратуры / М.І. Гарэцкі; уклад. і падрыхт. тэксту Т.С. Голуб. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 479 с.
4. Карский, Е.Ф. Белорусы: в 3 т. / Е.Ф. Карский; коммент. Т.И. Вабищевич, В.М. Казберука, О.П. Кричко. – Минск: БелЭн, 2007. – Т. 3, кн. 3: Очерки словесности белорусского племени. – 704 с.

Паступіў у рэдакцыю 15.01.2018 г.

УДК 81'373.612.2:001.891(479.24)

Истоки и перспективы КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ в Азербайджане

Рзаева С.Р.

Бакинский славянский университет, Баку (Азербайджан)

В данной статье прослеживается путь зарождения когнитивной науки в Азербайджане, дается обзор ранних работ зарубежных и азербайджанских исследователей. При этом в описании содержится далеко не полный перечень научных работ и авторов данной области азербайджанского языкознания.

Цель исследования — проследить тенденции развития современных подходов, обозначить при всем их разнообразии нечто общее и предложить возможные перспективы дальнейшего изучения в азербайджанском языкознании.

Материал и методы. Материалом явились научные источники азербайджанского, русского и западного языкознания. Используемые методы — описательный и аналитический — позволяют рассмотреть этапность и основные выводы когнитивного направления лингвистики, в частности аспекты данных исследований в Азербайджане.

Результаты и их обсуждение. Дискуссионные вопросы, которые ставятся в новом когнитивном направлении современной лингвистики, связаны как с теоретическим осмыслением природы познания мира посредством смысла языковых символов, так и прикладным развитием когнитивных структур: фреймов, моделей, схем. Это формирует интенцию коммуникативных процессов, результатом чего является знаковая репрезентация социально значимой информации. Вышесказанное дает основание обозначить в качестве ключевой проблематики когнитивных исследований в Азербайджане пути использования общих когнитивных механизмов в процессе коммуникации и познание самих механизмов через язык.

Заключение. В представленном обзоре научных источников по когнитивистике отражены основные подходы изучения теоретических и методологических проблем данного направления лингвистики, которые необходимо развивать научному сообществу Азербайджана. К ним отнесем когницию и коммуникацию, когнитивное моделирование и новые технологии, ментальные пространства и репрезентации, моделирование связей внутрикогнитивной лингвистики, взаимодействие языка и культуры в когнитивном аспекте, когнитивные аспекты дискурса.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная наука, концептология, концепт, когниция, концептосфера.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 204–207)

The Sources and Prospects of Cognitive Researches in Azerbaijan

Rzayeva S.R.

Baku Slavonic University, Baku (Azerbaijan)

The birth of cognitive science in Azerbaijan is traced in the article. A review of early works by foreign and Azerbaijan researchers is presented. The review contains a far incomplete list of scientific works and authors of this field of Azerbaijan linguistics.

The purpose of the research is to trace development tendencies of contemporary approaches, to identify what they have in common and offer possible prospects for further researches in Azerbaijan linguistics.

Material and methods. The main methods used in the research, the descriptive and the analytical, make it possible to consider the stages and basic conclusions of the cognitive directions of linguistics, namely, aspects of the research in Azerbaijan. The material for consideration and description was scientific sources of Azerbaijan, Russian and Western linguistics.

Findings and their discussion. The discussion issues which are posed in the new cognitive direction of the contemporary linguistics are connected both with theoretical understanding of the nature of world cognition by means of the sense of language symbols and applied development of cognitive structures: frames, models, schemes. This forms the intention of communicative processes the result of which is sign representation of socially meaningful information. This gives grounds to identify ways of using general cognitive mechanisms in the process of communication as well as cognition of the mechanisms through language as basic problem area of cognitive research in Azerbaijan.

Адрес для корреспонденции: e-mail: a-yashar@rambler.ru — С.Р. Рзаева

Conclusion. In the review of scientific sources on cognitive studies basic approaches of the research of theoretical and methodological issues of this linguistic direction, which need to be developed by the scientific community of Azerbaijan, are reflected. We refer to them cognition and communication, cognitive modeling and new technologies, mental spaces and representations, modeling of the links of innercognitive linguistics, interaction of the language and culture in the cognitive aspect, cognitive aspects of discourse.

Key words: cognitive linguistics, cognitive science, conceptology, concept, cognition, conceptual field.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 204–207)

Отличительной особенностью современного этапа развития гуманитарных наук является интеграция достижений социологии, психологии, риторики, лингвистики на пути создания общей теории коммуникации. Основываясь на этом, можно с уверенностью сказать, что одним из ведущих направлений нынешнего языкознания, несомненно, является когнитивная лингвистика. С одной стороны, она представляет собой сравнительно молодое и быстрыми темпами развивающееся направление в отечественной и мировой науке. С другой стороны, в парадигме концепций современного языкознания когнитивная лингвистика уже прочно заняла свое место. Н.Д. Арутюнова отмечает: «В фокус лингвистики сейчас введено рассмотрение феномена жизни, в центре которой находится человек со всеми его психическими “составляющими” формами социального существования и культурной деятельности» [1, с. 3–4]. Е.С. Кубрякова, характеризуя когнитивные науки в целом или когнитивную лингвистику в частности, пишет, что у этих наук «большое прошлое, но весьма краткая предыстория» [2, с. 36]. По определению В.З. Демьянкова и Е.С. Кубряковой, когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации [3, с. 53–55].

В центре внимания когнитивной лингвистики находятся те аспекты структуры и функционирования языка, которые так или иначе связаны с усвоением, обработкой, организацией, хранением и использованием человеком знаний об окружающем его мире. Объяснение и описание тех или иных языковых фактов, с точки зрения когнитивной лингвистики, должно согласовываться с эмпирическими данными других наук – таким образом формулирует Дж. Лакофф *когнитивное обязательство* (*cognitive commitment*) [4, с. 40].

В когнитивном подходе языковые структуры рассматриваются сквозь призму нескольких взаимосвязанных составляющих: общих знаний человека о мире, накопленного им опыта взаимодействия с окружающей средой и в тесной зависимости от культурных психологических, коммуникативных факторов. В лингвистическом анализе учитывается не только языковое поведение как таковое, но и психические процессы, диктующие соответствующее поведение. При этом большое

значение уделяется выявлению, описанию и объяснению внутренней *когнитивной структуры*, являющейся базисной для говорящего и слушающего, а также динамики речи [5]. Именно этот факт объединяет интересы лингвистов и представителей смежных наук, изучающих человека и его жизнедеятельность.

Зарождение когнитивного подхода к языковым фактам в лингвистике, как правило, связывают с выходом в свет книги Дж. Миллера и Ф. Джонсон-Лэрда «Язык и восприятие» [6]. Вместе с тем окончательное становление когнитивной лингвистики как особого научного течения, по-видимому, следует датировать второй половиной 1980-х годов. Именно на этот период пришелся «всплеск» работ, выполненных в рамках соответствующей идеологии. Тогда же произошло организационное оформление когнитивной лингвистики: в Дуйсбурге весной 1989 г. состоялся очередной международный лингвистический симпозиум, ставший одновременно Первой международной конференцией по когнитивной лингвистике.

Цель исследования – проследить тенденции развития современных подходов, обозначить при всем их разнообразии нечто общее и предложить возможные перспективы дальнейшего изучения в азербайджанском языкознании.

Материал и методы. Материалом явились научные источники азербайджанского, русского и западного языкознания. Используемые методы – описательный и аналитический – позволяют рассмотреть этапность и основные выводы когнитивного направления лингвистики, в частности аспекты данных исследований в Азербайджане.

Результаты и их обсуждение. Нами в рамках данной статьи предпринята попытка описать современное состояние когнитивной лингвистики в Азербайджане. Конечно, не претендуя на полноту представления научных работ и авторов даже в такой сравнительно небольшой области лингвистики, как когнитивная, мы все же попытаемся проследить некоторые тенденции развития современных исследовательских подходов и выявить при всем их многообразии общие черты.

До сих пор находящиеся на стадии своего формирования многие вопросы когнитивной лингвистики остаются дискуссионными и в зависимости от позиции ученых решаются по-разному. Безус-

ловный приоритет в когнитивной лингвистике, следует сказать, на постсоветском пространстве принадлежит российским ученым. Несмотря на наличие достаточного количества научных трудов, современное состояние азербайджанского языкознания характеризуется отсутствием генеральной координации исследований, а целые направления, в том числе и когнитивная лингвистика, – представлены единичными научными публикациями.

Предпосылки формирования когнитивной лингвистики в Азербайджане существовали и ранее. Проблемы языка и мышления, роли человеческого фактора в языке, участия языка в познавательной деятельности человека все время были в центре внимания азербайджанских ученых. Основной базой для проведения лингвокогнитивных исследований в отечественной лингвистике являются разработки американских, европейских, российских, а также азербайджанских ученых по общетеоретическим проблемам языка.

В развитии когнитивного направления азербайджанского языкознания особую роль сыграли дискурсивные исследования. В этой области языкознания научные труды К.М. Абдуллаева, Ф.Я. Вейсъялли, М. Гаибовой, А.Я. Мамедова, М. Мамедова и др. имеют содержательную ценность не только в общей лингвистике, но и в когнитивной отрасли знания.

В работе Ф.Я. Вейсъялли «Когнитивная лингвистика: основные понятия и перспективы» рассматриваются вопросы становления и формирования когнитивной лингвистики, языковой картины мира и языковых контактов, общетеоретические проблемы, а также социолингвистические аспекты функционирования языка. Автор определяет методы исследования когнитивной лингвистики, затрагивает ключевые подходы когнитивной семантики, дает дефиницию понятию «когнитивистика», например, языковая картина мира, картина мира, концепт, концептосфера и т.д. В качестве основной единицы когниции аналогично понятиям «фонема», «морфема» предлагается «когнема» [7, с. 22–23].

Актуальность и перспективность когнитивного терминоведения на современном этапе развития когнитивной лингвистики не подлежат сомнению. В этом плане представляет интерес утверждение Ф.Я. Вейсъялли, что этапы зарождения и формирования научных концептов как когнитивного процесса находят непосредственное выражение в терминопорождении. В когнитивистике терминологизация предстает как циклический процесс развития знака, при котором знаковая информация опосредствует развитие когнитивных структур: схем, моделей, фреймов. Это формирует интенцию коммуникативных

процессов, результатом чего является знаковая репрезентация социально значимой информации. В указанной работе автором рассматриваются ментальные и нейрональные основы концепта: основные функции памяти и ментальная лексика, влияние эмоции на когнитивные процессы. Автор особое внимание обращает и на изучение детского языка. Понятно, что удачное решение многих проблем языка непосредственно зависит именно от точного решения детского языка, точнее, от изучения механизма усвоения языка ребенком [7, с. 48–71].

Отмеченные нами факты дают право утверждать, что в современной азербайджанской когнитивной лингвистике одно из самых популярных направлений – лингвистическая концептология – наука, ставящая своей целью описать названные в языке концепты лингвистическими средствами. Несмотря на существующие различия в интерпретации феномена «концепт», ученые сходятся во мнении, что данное понятие является основной единицей сознания, имеет репрезентацию, объективацию, вербализацию языковыми средствами. Через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере и описать его.

Характеризуя сегодняшнее состояние лингвокогнитивных исследований в Азербайджане на материале обзора, в качестве основной проблематики можно обозначить и выявление путей использования общих когнитивных механизмов в процессе коммуникации, познание самих когнитивных механизмов через язык. В этом плане научный интерес представляет книга А. Мамедова (в соавторстве с М. Мамедовым) «Когнитивные перспективы дискурсивного анализа», в которой авторы на материале политического дискурса рассматривают проблемы когниции [8].

Следует отметить вклад в разработку отдельных теоретических проблем когнитивной лингвистики следующие: понятие смысла и вопросы познания мира посредством смысла языковых символов (Ф.Я. Вейсъялли), выражение в языке этноментального мира человечества на материале азербайджанских лингвоконцептов (А.Я. Мамедов), сопоставительные лингвоконцептологические исследования на материале различных языков (А.Я. Мамедов, М. Мамедова), когнитивная метафора на материале английского и азербайджанского языков (Ф.Я. Вейсъялли, А.Я. Мамедов, М. Мамедова и др.), языковая концептуализация реалии в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах (Ф.Я. Вейсъялли, А.Я. Мамедов, М. Мамедова и др.).

Антропоцентрический подход обусловил осознание взаимнеобходимости значения и смысла: «значение – это конвенциональная дан-

ность, и его можно устанавливать и затем знать, в то время как смысл нечто изменчивое, нерегламентированное, вследствие чего его приходится искать, разгадывать и т.п. Значение представляет собой содержательную сторону определенной единицы данного языка, тогда как смысл может быть передан разными единицами в данном языке и единицами разных языков, кроме того, он может быть выражен не только языковыми, но и паралингвистическими средствами. Значение той или иной единицы представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл – это явление речи, имеющее ситуативную обусловленность. Смысл не зависит от различий между языками, по своей природе он является универсальным, представляющим инвариантное содержание отражательной деятельности человека. Во взаимосвязи значения и смысла существенны отношения средства и цели: языковые значения служат средством для выражения смысла в том или ином конкретном высказывании. ...смысл – совокупность всех значений слова; значение – конкретное значение слова в контексте, а содержание – вся семантика слова» [9, с. 16].

Судя по материалам международной научной конференции «Актуальные проблемы когнитивной и прикладной лингвистики», проведенной 20–21 октября 2016 года в Баку, круг научных интересов исследователей данной сферы достаточно широк: теоретические и методологические проблемы когнитивной лингвистики, ментальные репрезентации, ментальные пространства, когнитивное моделирование и новые технологии, концептуализация и категоризация мира в языке, оценочная категоризация, когниция и коммуникация, моделирование связей внутрикогнитивной лингвистики, связь когнитивной лингвистики с другими науками, вза-

имодействие языка и культуры в когнитивном аспекте, когнитивные аспекты дискурса.

Заключение. Таким образом, термин «концепт» часто становится центральным понятием когнитивных исследований в Азербайджане, кроме этого, предпринимаются попытки обобщить и структурировать теоретическую базу когнитивной лингвистики, описать категориальную систему, активно ведется разработка вопросов когнитивного терминоведения и т.д.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Н.Д. Арутюнова // Сб. ст. / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1989. – С. 3–6.
2. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
3. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
4. Lakoff, G. The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // G. Lakoff / Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol. 1, № 1. – P. 39–74.
5. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
6. Miller, G. Language and perception / G. Miller, P. Johnson-Laird. – Cambridge, 1976.
7. Veysəlli, F.Y. Koqnitiv dilçilik: əsas anlayışları və perspektivləri / F.Y. Veysəlli // Studia philologica. VII. – Bakı: Mütərcim, 2015. – 120 s.
8. Məmmədov, A. Diskurs təhlilinin koqnitiv perspektivləri / A. Məmmədov, M. Məmmədov. – Bakı: Çarşıoğlu, 2010. – 96 s.
9. Вейсъялли, Ф.Я. Понятие смысла в лингвофилософских концепциях / Ф.Я. Вейсъялли, Дж.М. Бабаев // Критика и семиотика. – 2016. – № 1. – С. 9–16.

Поступила в редакцию 30.03.2018 г.

УДК 811.133.1'27(045)

Социокультурные и композиционные характеристики жанра блог-репортаж (на материале французской онлайн прессы)

Тупик Д.И.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

В работе рассматриваются особенности инновационного журналистского жанра блог-репортаж, который с 2009 года получил интенсивное развитие во французских электронных новостных изданиях национального значения.

Цель статьи – выявить социокультурные и композиционные особенности жанра блог-репортаж в условиях производства и распространения информации в режиме онлайн.

Материал и методы. *В качестве материала исследования выступают четыре тематических досье интернет-портала lemonde.fr, изученные главным образом на основе методов контекстуального и структурного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Анализ структуры и содержания различных материалов в рамках жанра блог-репортаж показывает, что движущей силой развития комплексного подхода в журналистике является социокультурная обусловленность восприятия СМИ. При этом особую важность с точки зрения композиции имеют существенная временная протяженность авторского исследования проблематики и субъективная модальность персонажей.*

Заключение. *Таким образом, блог-репортаж представляет собой инновационный гибридный журналистский жанр французской прессы национального значения. Его популярность связана с высокой востребованностью изучения острой социокультурной проблематики и необходимостью ее анализа в динамике развития событий.*

Ключевые слова: *блог-репортаж, мультимедийность, интерактивность, гипертекстуальность, заметка, медийное поле, ризом.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 26. – С. 208–212)

Sociocultural and Compositional Characteristics of the Genre of Blog Report (on the Material of French Online Press)

Toupik D.I.

Educational Establishment «Minsk State Linguistic University», Minsk

The article treats peculiarities of an innovative journalistic genre blog report, which has an intensive development in French national electronic news editions since 2009.

The work aims to reveal the main sociocultural and compositional attributes of blog report in online conditions of production and diffusion of the information.

Material and methods. *Four thematic dossiers from the web portal lemonde.fr are the material of research. The main method are contextual and structural analysis.*

Findings and their discussion. *Analysis of the structure and content of various materials within the genre blog report shows that the driving force behind the development of an integrated approach in journalism is the sociocultural conditioning of media perception. A particular importance from the point of view of composition has the substantial time length of the author's study of the subject matter and the subjective modality of the characters.*

Conclusion. *Thus, the blog report is an innovative hybrid journalistic genre of the French press of national importance. Its popularity is associated with the high demand for studying acute sociocultural problems and the need for its analysis in the dynamics of the development of events.*

Key words: *Blog report, multimedia, interactivity, hypertextuality, note, media field, rhizome.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 208–212)

Адрес для корреспонденции: e-mail: di_toupik@yahoo.de – Д.И. Тупик

Кризис печатных СМИ во Франции, начавшийся еще в конце 80-х гг. прошлого столетия, привел к возникновению гибридных жанров прессы. Безусловно, этому способствовало и развитие интернет-технологий в журналистике. Так во французских изданиях появились термины *blog*, *streaming*, *fact-checking* и некоторые другие, которые не вполне устоялись терминологически в российской и белорусской журналистике [1; 2].

Предметом нашего исследования является один из таких гибридных жанров французских СМИ *blog-reportage* ‘блог-репортаж’, получивший интенсивное развитие с 2009 года в одном из ведущих французских ежедневных изданий национального значения *Le Monde*. Движущая сила этого развития имеет социокультурное основание, которое заключается в особой популярности швейцарского проекта *Bondyblog* (журнал *L’Hebdo*) в 2005 году: швейцарские журналисты подготовили тогда серию материалов о проблемах французских пригородов на примере городка Бонди в департаменте Сен-Сент-Дени [3].

Структурные изменения профессии журналиста связаны прежде всего с адаптацией издания к передаче информации через интернет, который представляет собой не только площадку для размещения новостных материалов, но и электронным носителем, определяющим онлайн-приемы информирования. Эти приемы существенно отличаются от своих бумажных аналогов. Все это известно и признано многочисленными изданиями, каждое из которых, однако, вырабатывает собственную стратегию реализации сетевого электронного информирования. Потому важно ответить на вопрос, в чем состоит технология сочетания старых и новых моделей информирования через интернет.

Цель статьи – выявить социокультурные и композиционные особенности жанра блог-репортаж в условиях производства и распространения информации в режиме онлайн.

Материал и методы. В качестве материала исследования выступают четыре тематических досье интернет-портала *lemonde.fr* – *Africascope* ‘Африка: взгляд изнутри’, *Engrenages* ‘Трясина’, *La récolte d’après* ‘До следующего урожая’, *Urbains sensibles* ‘Жители пригорода: группа риска’, – изученные главным образом на основе методов контекстуального и структурного анализа.

Результаты и их обсуждение. Анализ структуры и содержания различных материалов в рамках жанра блог-репортаж показывает, что движущей силой развития комплексного подхода в журналистике является социокультурная обусловленность восприятия СМИ. Особую важность с точки зрения композиции приобретают

большая временная протяженность авторского исследования проблематики, ее многовекторность развития и многогранность, а также субъективная модальность персонажей. Все это имеет существенное значение для организации практического обучения специалистов в области межкультурной коммуникации.

Итак, в медийном пространстве каждое ежедневное издание имеет предпочтения, относящиеся к выбору приоритетных журналистских жанров, что в конечном счете позволяет ему построить свою идентичность. Именно в этом ракурсе в поле нашего зрения и попадает блог-репортаж из портала *lemonde.fr*. Гетерогенность и интерференция журналистских жанров приводят к развитию разнообразных подходов их описания и категоризации во французских научных исследованиях различных направлений, таких как лингвистика текста [4], дискурсивный анализ [5; 6], история [7], социология [8]. Их авторы единогласно отмечают продуктивность и позитивное обновление журналистского дискурса за счет жанровых сочетаний. Примечательно, что такого же мнения придерживался и М.М. Бахтин в своей работе «Эстетика словесного творчества», переведенной на французский язык [9, с. 239].

Французский подход к определению жанров прессы опирается на идею взаимозависимостей в медийном пространстве, где эффективность коммуникации зависит от выполнения комплекса социокультурных условий коммуникативной ситуации [10, р. 38, 42]. Согласно Д. Менгено, данными условиями являются коммуникативная задача, статус участников коммуникации, время и место коммуникации, носитель информации, структура текста. Следовательно, жанры воспринимаются как открытые структуры, подчиненные конверсному процессу производства и восприятия дискурса. Ориентируясь на позицию Д. Менгено, обратимся к социолингвистическому подходу П. Бурдьё, согласно которому стилистические и композиционные черты смешанного жанра должны рассматриваться через классические оппозиции медийного пространства типа «профессионал / любитель, опытный / начинающий, режим онлайн / режим классического тиражирования, «высокий» жанр / «народный» жанр» [11, р. 37]. Эти оппозиции закономерно проявляют себя в целевых различиях издания, которое может рассчитывать на идеологическую либо экономическую выгоду. Например, *Le Monde* и *Le Parisien* ориентируются преимущественно на разные жанры: первая особо выделяет анализ, а вторая происшествия. Развивая комплексный жанр блог-репортаж, *Le Monde* предпринимает попытку, во-первых, установить баланс между идеологическим и экономическим аспектом работы и, во-вторых, что нас интересует прежде

всего, выработать стилистическую норму этого жанра с учетом классических требований и технологических особенностей сети Интернет.

Известно, что современные издания упростили восприятие письменного медийного продукта путем создания помет с наименованием его жанра. Причем наряду с классическими типа *enquête*, *chronique*, *entretien* многочисленными стали и авторские пометы типа *en images*, *les bons plans*, *légende*, *checknews*, *à chaud*. Исследуемый нами материал, несмотря на его инновационный характер, не вписывается в эту тенденцию и по некоторым причинам специально редакцией жанрово не отмечен. Поэтому при определении комплексного жанра «блог-репортаж» мы считаем целесообразным опираться на критерии, предложенные Д. Менгено:

- общее назначение блога, которое состоит в информировании о повседневных проблемах общества с позиций «среднестатистического гражданина» (*à hauteur d'homme*);
- авторами блогов являются либо штатные сотрудники портала *lemonde.fr*; либо временные сотрудники, привлекаемые для работы на полный рабочий день в период подготовки блога-репортажа;
- все читатели (не только подписчики) имеют возможность оставлять комментарии в специальной зоне;
- досье выстраивается по принципу «work-in-progress»: оно постоянно пополняется текстовыми и нетекстовыми данными в течение всего периода разработки сюжета;
- используется преимущественно описательный стиль, эффективность которого усиливается фотографиями, аудио- и видеоматериалами.

Очевидно, что критерии Д. Менгено полностью соответствуют трем основополагающим форматным признакам журналистики в режиме онлайн. Первым из них является мультимедийность, которая может определяться как свобода выбора автором технологий в представлении события. Второй признак – интерактивность – заключается в том, что автор решает, может ли читатель высказываться на предмет изученного материала, и если ответ положительный, то в каком режиме. Наконец, третьим признаком становится гипертекстуальность: автор предусматривает специальные прагматически обусловленные связи с другими статьями, нормативными документами, фактами. Мультимедийность, интерактивность и гипертекстуальность также отражают социокультурную ориентацию потребления СМИ: даже ведущие французские операторы мобильной связи имеют свои информационные порталы, что существенно приближает и в некотором смысле отождествляет потре-

бителя технологии с потребителем информации посредством этой же технологии [12].

Если мультимедийность сегодня уже воспринимается как традиционный симбиоз видео-, звуковых и текстовых элементов, интегрируемых в различные жанры журналистского дискурса, то гипертекстуальность и интерактивность заслуживают особого внимания, по крайней мере для исследуемого жанра.

Новые формы информационного взаимодействия через интернет – блоги, чаты, форумы, мгновенные опросы – находятся в постоянном поиске в плане совершенствования интерактивности. Об этом свидетельствуют, в частности, рекламные объявления модераторов многих информационных сайтов с призывом к участию пользователей в создании некоторых контентов в соответствии с определенными правилами. В то же время в профессиональных СМИ подобная практика достаточно ограничена хотя бы потому, что по объективным причинам журналист не в состоянии проверить предлагаемую пользователем информацию. Являясь комплексным жанром, блог-репортаж выстраивает собственную концепцию в отношении участия сторон «автор – читатель», корректирует их взаимные ожидания, что в целом меняет их представления друг о друге. Безусловно, блог-репортаж предоставляет возможность оставлять комментарии в специальной зоне, как это принято для большинства жанров. Наряду с этим авторские коллективы призывают читателей откликнуться на саму идею проекта до его непосредственного запуска, что помогает выбрать потенциально наиболее востребованное направление разработки материалов. Однако главный вопрос заключается в том, как гармонично сочетать участие читателя и элементы субъективизма автора материалов, что традиционно свойственно репортажу. Данный вопрос решается двумя параллельными приемами.

Первый направлен на увеличение роли читателя как критика и комментатора материалов. Поскольку блог-репортаж создается в течение достаточно длительного периода и его результаты публикуются частями, авторы демонстрируют качества внимательных модераторов в отношении отзывов и в новых заметках максимально приближают местоимения ‘я (мы)/вы’: *vous n'avez pas d'idée combien vos commentaires ont été précieux pour nous* ‘вы представить себе не можете, насколько важными для нас были ваши комментарии’, *nous vous en parlerons plus en détail dans les prochains jours* ‘об этом мы расскажем вам более подробно в ближайшие дни’, *je ne vous avais pas encore vraiment fait faire le tour du propriétaire* ‘я еще не просил владельца провести для вас экскурсию по предприятию’ [13, перевод наш. – Д.Т.].

Второй прием направлен на снижение авторского субъективизма и увеличение реалистичности персонажей. Главным его элементом и является среднестатистический персонаж, о котором мы упоминали, ссылаясь на Д. Менгено. Выбор персонажей играет решающую роль в оценке правдоподобности материала, ведь с такими героями отождествляет себя большинство читателей. Авторы также укрепляют данное представление элементами дейксиса и приемами оценочной модальности. Ср. *Ce jour-là, alors qu'il fait encore beau, il m'emmène voir le dernier arbre qu'il a coupé, il y a déjà plusieurs semaines: un hêtre de 1,5 mètre de diamètre. Je regarde ses mains de travailleur se poser sur le bois, elles sont aussi ridées que la souche de cet arbre* [14] 'В тот день, пока погода еще не испортилась, он показал мне последнее срубленное им несколько недель назад дерево: бук полутораметровой толщины. Я смотрел на его руки труженика, и мне казалось, что морщины и трещины на срубе чем-то похожи' [перевод наш. — Д.Т.]. Таким образом, авторский субъективизм нивелируется, а на первый план выдвигаются чувства, переданные автору самими персонажами.

Гипертекстуальность жанра блог-репортаж выражается, с одной стороны, традиционно путем оформления гипертекстовых ссылок на уже опубликованные работы не только конкретного автора, издания, но и сведений из иных источников. Это помогает заполнить возможные лакуны восприятия читателем повествуемой информации. С другой стороны, гипертекстуальность способствует укреплению доверия в отношении представленной информации, поскольку референция автора становится наиболее явной, а аргументация опирается на факты.

Если рассматривать гипертекстуальность как характеристику событийного поля, то, обращаясь к лингвистической теории поля, можно заключить, что блог-репортаж структурирован по полювому принципу. Ядерным организующим элементом — гиперонимом — в таком случае выступает обобщенное название репортажа, или проблема (*Urbains sensibles* 'Жители пригорода: группа риска', *Une année en France* 'Год во Франции' и др.). Роль гипонимов замещают направления авторского исследования проблемы, которые именуются рубриками в общей журналистской терминологии и категориями (*catégories*) в терминах жанра блог-репортаж. Для материалов серии *Urbains sensibles* таковыми являются, например, *allocations familiales* 'семейные пособия', *bidonville* 'трущобы', *chômage* 'безработица', *délinquance* 'преступность', *école* 'школа', *immigration* 'иммиграция', *retraite* 'пенсия', *usine* 'завод' и около 70 других.

Однако примечательно, что классическая структура поля «ядро — периферия» имеет важную особенность, связанную с самой композиционной концепцией жанра блог-репортаж.

Композиционную основу жанра блог-репортаж образует именуемый авторами в рабочем порядке «принцип мозаики», представляющий собой выкладывание общей картины рассматриваемой проблемы из небольших частей (фактов, фрагментов репортажа). Обычно коллектив авторов заявляет об этом в первых заметках блога-репортажа, обозначая главную цель всего материала. Так, в начале материалов «Engrenages» 'Трясина', посвященных последствиям экономического кризиса 2008 года во Франции на уровне малого бизнеса, читаем: *Pour mieux prendre la mesure de cet engrenage, nous avons choisi d'effectuer notre reportage à petite échelle, en plusieurs lieux de la région de Rouen, (...) et ce durant quatre semaines* [13] 'Для лучшего понимания масштабов этой своеобразной трясины мы решили создать серию коротких репортажей из различных уголков в окрестностях города Руан, (...) где мы пробыли четыре недели' [перевод наш. — Д.Т.].

После обозначения целевой установки может приводиться краткое представление автора или авторов досье, далее следуют сами материалы. Текстовые части сопровождаются графическими, фотографическими и/или видеоматериалами и носят название *billet* 'заметка'. Заметки расположены в обратном хронологическом порядке, т.е. от сегодняшнего дня к минувшим [15–17]. Гипертекстовые ссылки имеют умеренное графическое выделение, поскольку основное внимание уделяется принципу мозаики.

С философской и лингвистической точек зрения журналистская мозаика вполне может рассматриваться с опорой на теорию ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари, тем более, что она достаточно эффективно использовалась для полевого изучения лексических систем французского языка [см., напр., 18; 19]. С ризоматической точки зрения рассмотрение любой системы должно опираться прежде всего на значение вторичных ее элементов, т.е. децентрализованно. И именно вторичные элементы в совокупности складывают векторы системных элементов и обозначают линии их развития, что вполне соответствует композиционному замыслу блога-репортажа. Каждый его элемент (в терминах жанра — заметка) представляет собой небольшой субъективно рассматриваемый фрагмент реальности. Эффект ризомы создается по мере складывания мозаики, когда и приходит осознание комплексности и многоуровневости рассматриваемого социального явления: блог-репортаж тематически характеризуется привязанностью к острой социальной тематике. Ср. «La récolte d'après» 'До следующего урожая' (посвящен быту жителей крошечных коммун во Франции), «Urbains sensibles» 'Жители пригорода:

группа риска' (описывает социальные особенности и ежедневные хлопоты жителей французского пригорода), «Africascopie» 'Африка: взгляд изнутри' (исследует социальные изменения во франкофонных регионах Африки в связи с распространением телекоммуникационных технологий).

Ризоматическая структура позволяет добиться более утонченного видения проблемы автором материалов и, как следствие, читателем за счет многочисленности и многогранности собранных мнений «среднестатистических граждан», героев блого-репортажа, что непременно приведет к более корректной трактовке многих анализируемых явлений. Разъяснению этого феномена авторский коллектив также уделяет внимание в интересах читателя: в начале блого-репортажа, справа от вступительного слова, определяющего цель проекта, располагается раздел «Le projet» 'Идея проекта'. Например, журналисты Urbains sensibles 'Жители пригорода: группа риска' в этом разделе указали следующее: 'Идея проекта заключается в том, чтобы ответить на вопрос, который задают себе многие из наших коллег о департаменте Сен-Сент-Дени: как по-настоящему рассказать о повседневности неблагополучного пригорода, не путем короткой заметки в рубрике «происшествия», анализа правительственного отчета или визита высокого чиновника, который неожиданно вспомнил о его существовании' [16, перевод наш. – Д.Т.].

Заключение. Блог-репортаж представляет собой инновационный гибридный журналистский жанр французской прессы национального значения. Он обусловлен высокой востребованностью изучения острой социокультурной проблематики и в отличие от большинства журналистских жанров, которые создают впечатление законченности, показывает, что информация поступает постоянно и актуальная тема продолжает развиваться. Необходимость более глубокого исследования иных комплексных жанров СМИ иллюстрируется в нашем случае привлечением нескольких концепций, которые в конечном счете позволяют улучшить понимание современной журналистской стилистики.

Литература

1. Исакова, Е.А. Жанр репортажа в блоге (на материале «Живого журнала» Рустема Адаганова) / Е.А. Исакова //

- Политическая лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – № 4. – С. 87–92.
2. Zagyi, V. Le blog-reportage: émergence d'un nouveau genre journalistique ? / V. Zagyi // Les enjeux de l'information et de la communication. – Grenoble, 2011. – № 12/3. – P. 159–171.
3. Bondy Blog [document électronique]. – Mode d'accès: <http://www.bondyblog.fr/qui-sommes-nous-2/>. – Date d'accès: 01.02.2018.
4. Adam, J.-M. Unités rédactionnelles et genres discursifs: cadre général pour une approche de la presse écrite / J.-M. Adam // Pratiques. – 1997. – № 94. – P. 3–18.
5. Charaudeau, P. Les médias et l'information. L'impossible transparence du discours / P. Charaudeau. – Bruxelles: De Boeck (collection Médias recherches), 2005. – 250 p.
6. Moirand, S. Le modèle du Cercle de Bakhtine à l'épreuve des genres de la presse / S. Moirand // Linx: Linguistique des genres. – Paris, 2007. – № 56. – P. 91–108.
7. Grosse, E.-U. Évolution et typologie des genres journalistiques. Essai d'une vue d'ensemble [document électronique] / E.-U. Grosse // Semen. – 2001. – № 13. – Date d'accès: 10.02.2018.
8. Neveu, E. Sociologie du journalisme / E. Neveu. – Paris: La Découverte, 2009. – 128 p.
9. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
10. Maingueneau, D. Analyser les textes en communication / D. Maingueneau. – Paris: Armand Colin, 2007. – 211 p.
11. Bourdieu, P. Le champ littéraire / P. Bourdieu // Actes de la recherche en sciences sociales. – 1991. – № 89. – P. 3–46.
12. Portail Orange. – Mode d'accès: <http://www.orange.fr/portail>. – Date d'accès: 01.03.2018.
13. Engrenages: ces Français pris dans la crise. – Mode d'accès: <http://engrenages.blog.lemonde.fr/2009/01/12/crise-2/>. – Date d'accès: 23.02.2018.
14. L'hiver, la saison du bois. – Mode d'accès: <http://monde-rural.blog.lemonde.fr/2011/01/21/lhiver-l-saison-du-bois/>. – Date d'accès: 19.02.2018.
15. La récolte d'après. – Mode d'accès: <http://monde-rural.blog.lemonde.fr/>. – Date d'accès: 16.02.2018.
16. Urbains sensibles. – Mode d'accès: <http://lacourneuve.blog.lemonde.fr/>. – Date d'accès: 16.02.2018.
17. Africascopie. – Mode d'accès: http://www.lemonde.fr/a-la-une/visuel/2010/04/01/africascopie_1327582_3208.html. – Date d'accès: 28.02.2018.
18. Булай, О.О. Коннотативная основа лексико-семантического поля и его взаимодействие с общей лексической системой языка: на материале фр. яз.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / О.О. Булай. – Минск, 2004. – 120 л.
19. Тупик, Д.И. О ризоматическом подходе к изучению лексической организации языка / Д.И. Тупик // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2007. – № 4(29). – С. 91–98.

Поступила в редакцию 29.03.2018 г.

УДК 811.161.1'373.0

Закономерности номинации действия разрушения в английском языке донационального периода (VII–XV вв.)

Хомуськова Н.Ф.

Белорусский государственный университет, Минск

В настоящее время имеется ряд исследований, посвященных изучению глаголов разрушения с точки зрения системно-языковых аспектов семантики, а также лексической и синтаксической сочетаемости. Вместе с тем нераскрытой остается проблема языковой категоризации и номинации действия разрушения.

Цель статьи — рассмотреть закономерности формирования значения разрушения у глагольных единиц в акте номинации и таким образом выявить основные способы наименования действия разрушения при помощи глаголов.

Материал и методы. Материалом исследования являются глагольные лексемы со значением разрушения, впервые фиксируемые в письменных памятниках английского языка донационального периода: древнеанглийский (VII в. — 1066 г.) и среднеанглийский (1066–1475 гг.) периоды. При этом применялись следующие методы: метод сплошной выборки из словарей, дефиниционный анализ, описательный метод.

Результаты и их обсуждение. В статье определяются основные способы глагольной номинации действия разрушения в древне- и среднеанглийский периоды развития языка, а также приводится их сравнительная характеристика. Способы наименования устанавливаются на основе теоретического разграничения первичной и вторичной номинации. Принимаются во внимание исторические условия развития языка и народа в каждый из периодов. Наиболее продуктивными способами наименования деструктивного действия являются номинация по признаку, морфемная и семантическая деривация.

Заключение. Результаты исследования могут быть положены в основу дальнейшего изучения вопросов, связанных с проблемами выражения понятия разрушения в других языках.

Ключевые слова: наименование, глагольная номинация, значение разрушения / деструкции, первичная и вторичная номинация, семантическая структура, донациональный период.

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 213–217)

Regularities of the Nomination of the Destruction Action in the English Language of the Pre-National Period (VII–XV cc.)

Khamuskova N.F.

Belarusian State University, Minsk

Nowadays there are a number of studies devoted to the research of verbs of destruction from the point of view of system-linguistic aspects of semantics as well as of lexical and syntactic compatibility. At the same time, the problem of linguistic categorization and the nomination of the action of destruction remains unexplored.

The purpose of this article is to consider the regularities of the formation of destruction meaning in verbal lexemes in the nomination act and thus to reveal the main ways of naming the action of destruction.

Material and methods. The object of the study is verbal lexemes with the meaning of destruction, first attested in written records of the English language of the pre-national period: Old English (VII c. — 1066) and Middle English (1066–1475). The research methods: the method of selection from dictionaries, the definitional analysis, the descriptive method.

Findings and their discussion. The article defines the main ways of the nomination of the verbal action in the Old and Middle English periods of language development, as well as their comparative characteristics. The methods of naming are determined on the basis of the theoretical distinction between the primary and secondary nomination. Historical conditions for the development of the language and people in each of the periods are taken into account. The research findings show that the most productive ways of naming destructive action are nomination by feature, morphemic and semantic derivation.

Conclusion. The research findings can be used as a basis for further study of the issues connected with the problems of expressing the concept of destruction in other languages.

Key words: name, verbal nomination, meaning of destruction, primary and secondary nomination, semantic structure, pre-national period.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 213–217)

Адрес для корреспонденции: e-mail: khomuskova_nf@mail.ru — Н.Ф. Хомуськова

Глаголы разрушения (деструкции) английского языка уже становились объектом внимания ученых. Так, диссертационное исследование А.П. Султановой посвящено вопросу полисемии глаголов деструкции в русском и английском языках [1]. Изучались также механизмы семантической деривации глаголов физического воздействия на объект на материале разносистемных языков [2]. Ч. Филмор рассматривал взаимосвязь семантики и синтаксиса отдельных глаголов разрушения в рамках класса глаголов 'изменения состояния' [3]. В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотреть глаголы разрушения с точки зрения языковой категоризации и номинации, что еще не нашло отражения в трудах лингвистов.

Специфической чертой глагольной номинации является характер соотношенности признаков имен с предметным рядом [4, с. 36]. Это значит, что глагол формирует свое знаковое значение как в акте знакообразования, в номинации, так и при функционировании в речи, где его значение дополнительно уточняется, конкретизируется и формирует тем самым круг сочетающихся с ним предметных имен [5, с. 137].

В теории наименования принято различать первичную и вторичную номинации [6]. К результатам первичной номинации относятся наименования, воспринимаемые носителями языка как первообразные, производность которых может быть установлена только путем этимологического анализа [7]. Такой способ номинации еще определяется как номинация по признаку. Человек подмечает из массы имеющихся у данного предмета признаков один наиболее характерный и использует его для наименования нового предмета [6, с. 160]. Результаты вторичной номинации представляют собой использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения и воспринимаются как производные по морфологическому составу или смыслу [7]. Основными способами вторичной номинации являются морфемная и семантическая деривация.

Цель статьи – рассмотреть закономерности формирования значения разрушения у глагольных единиц в акте номинации и таким образом выявить основные способы наименования действия разрушения.

Материал и методы. Материалом исследования являются глагольные лексемы со значением разрушения, впервые фиксируемые в письменных памятниках английского языка донационального периода, включающего в себя древнеанглийский (VII в. – 1066 г.) и среднеанглийский (1066–1475 гг.) периоды [8, с. 49].

В качестве лексикографических источников исследуемых глагольных единиц были исполь-

зованы такие словари, как «Англо-саксонский словарь» («Borsworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary»), «Словарь древнеанглийского языка» («The Dictionary of Old English»), «Новый английский словарь, основанный на исторических принципах» («A New English Dictionary on Historical Principles»).

Методы исследования: метод сплошной выборки из словарей, дефиниционный анализ, описательный метод.

Результаты и их обсуждение. По подсчетам некоторых ученых, первичные корневые глагольные наименования составляют в современном английском языке более 67% от общего словарного состава [9, с. 8]. Очевидно, что в донациональный период развития английского языка они также представляли значительную часть словарного фонда. Доказательством этому может служить глагольная лексика со значением разрушения.

По времени появления первичные глагольные наименования по признаку, как правило, относятся к древнеанглийскому периоду и по происхождению представляют исконно английскую лексику. Этимологическая реконструкция глагольных лексем указывает на первичность значения разрушения в их смысловой структуре: *hēawan* (нов.-англ. *hew*) 'наносить систематические удары колющим оружием', 'разрубать ударами острого инструмента' [10] от и./е. **kau-* 'бить', 'резать' [11]; *tohaccian* (нов.-англ. *hack*) 'разрубать на части' [10] от и./е. **keg-* 'крюк, зубец' [12]; *sceran / scieran* (нов.-англ. *shear*) 'разрезать, рассекать что-л. острым инструментом' [10] от и./е. **(s)ker-* 'резать' [11]; *birnan* 'гореть', *baernan* 'жечь' (нов.-англ. *burn*) [13] от и./е. **gwher-* 'гореть' [12], *teran / teorán / tearan* (нов.-англ. *tear*) 'разрывать на части с применением силы (тело или ткань)' [10] от и./е. **der-* 'разделять', 'сдирать', 'рвать' [12] и т.д. Как свидетельствуют приведенные примеры, первичные глагольные наименования по признаку, как правило, обозначают базовые деструктивные действия, такие, как разрушение ударом (острого инструмента), разрушение под воздействием огня, разрушение под воздействием силы.

Установление этимологических связей, однако, не всегда связано с актами первичной номинации. В некоторых случаях фактически констатируется переход одного значения в другое [6, с. 173]. Такое развитие значения можно представить в виде моделей семантических переходов. Примером может быть древнеанглийский глагол *rotian / rotien* (нов.-англ. *to rot*) 'подвергаться естественному разложению, гнить в результате болезни или смерти' [10]. Его деструктивное значение связано с семантикой индоевропейской корневой морфемы **reu-*, *reuǵ-*: *riŭ-* 'вырывать, выкапывать, открывать(-ся)' [11]. Таким образом, модель семантического пе-

рехода для этого глагола будет выглядеть как ‘выходить наружу’ → ‘гнить’. Еще одним примером подобного рода является семантическое развитие древнеанглийского глагола *steorfan* (нов.-англ. *starve*) ‘умирать’ [10]. Значение глагольной единицы восходит к семантике индоевропейского корня **ster-* ‘жесткий, одеревенелый’ [12], и модель семантического перехода, таким образом, выглядит как ‘становиться жестким’ → ‘умирать’. Приведенные семантические модели демонстрируют развитие одного значения на базе другого. Можно предположить, что в обоих случаях основу семантического развития составляет сходство физических признаков, характерных для обозначаемых действий.

Отдельную группу первичных глагольных наименований составляют звукоподражательные глаголы, возникающие как результат восприятия. В отличие от наименований по признаку они характеризуются определенной мотивированностью связи означающего с означаемым. По времени появления они также относятся к древнеанглийскому периоду, однако менее многочисленны по своему составу. Древнеанглийский глагол *cracian* (нов.-англ. *crack*) представляет собой звукоподражательное наименование, возникающее как результат фонетического подражания резкому звуку, производимому при разрушении. Глагольная единица фиксируется в древнеанглийском языке как непосредственно в значении, описывающем звучание (‘издавать резкий звук при разрушении’), так и в значении, называющем деструктивное действие, сопровождаемое характерным звуком (‘разбивать что-л. тяжелое резким, внезапным хлопком, ударом’) [10]. Интересно, что этимология глагола восходит к индоевропейской корневой морфеме, семантика которой также представлена значением звучания **ger-* ‘издавать резкий, пронзительный звук’ [11]. С данным корнем связано и происхождение такого глагола, как *crasshen* (нов.-англ. *crash*), отмечаемого, однако, только в записях среднеанглийского периода в значении ‘разбивать на части с силой и шумом’ [10]. Основу этого глагольного наименования составляет фонетическое уподобление звуку удара и треска, сопровождающего разрушение. Еще одним примером может быть древнеанглийский глагол *cwȳsan* / *cwēsan* (нов.-англ. *squeeze*). Глагол – звукоподражательное слово, образуемое в результате фонетического уподобления звуку раздавливаемого объекта, и фиксируется в значении ‘давить, бить’ [11].

Вторичная номинация действия разрушения в анализируемый период представлена как в морфемной, так и семантической деривации.

В древнеанглийский период развития языка одним из наиболее продуктивных способов морфемной деривации оказывается отглаголь-

ное префиксальное словообразование. Согласно традиционным представлениям, процесс формирования системы глагольной префиксации предполагает постепенное семантическое и морфологическое обособление препозитивных приглагольных частиц от генетически тождественных им предлогов и наречий [14, с. 7].

В анализируемый период можно выделить следующие деривационно активные модели:

1) *for-* + глагол созидания. Одними из основных значений древнеанглийского префикса *for-* были пейоративные значения ‘деструкция’, ‘лишение’ [15]. Результатом присоединения форманта к глаголу становилось образование деривата со словообразовательным значением ‘совершить действие, противоположное действию мотивирующего глагола, аннулирующее результат этого действия’: *don* ‘делать’ > *for-don* ‘разрушать, убивать’ [13], *wyrscan* ‘работать, производить’ > *for-wyrscan* ‘разрушать’ [13];

2) *for-* + глагол движения, изменения состояния. Префикс *for-* также мог реализовывать свое отрицательное значение в сочетании с глаголами, обозначающими состояние или изменение состояния. В результате образовывались отглагольные дериваты со словообразовательным значением ‘направить в разные стороны, разъединить с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’: *bregdan* ‘двигать, перемещать’ > *for-bregdan* ‘сносить, разрушать’ [15];

3) *un-* + глагол созидания. Еще одним древнеанглийским префиксом с отрицательной семантикой был префикс *un-*. Результатом присоединения его к глаголу созидания было образование производных со словообразовательным значением ‘совершить действие, противоположное действию мотивирующего глагола’: *don* ‘делать’ > *un-don* ‘разрушать’ [13], *wyrscan* ‘работать, производить’ > *un-wyrscan* ‘разрушать’ [13]. Функционирование отрицательных по значению префиксов *un-* и *for-* представляется синонимичным в деструктивном значении в древнеанглийский период, и, следовательно, производные глаголы могут быть взаимозаменяемы;

4) *of-* + ‘глагол резкого, сильного действия’. Префикс *of-* имел способность по-разному модифицировать значение производящих слов. В большинстве случаев, присоединяясь преимущественно к глаголам, он реализовывал значение интенсивного, отрицательного по характеру действия. В результате сочетания форманта с глаголами, обозначающими удар, бросок или падение, образовывались дериваты со словообразовательным значением ‘лишить жизни с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’: *sceótan* ‘бросать стрелу, снаряд’ [13] > *of-sceótan* ‘убивать стрелой или иным орудием’ [13], *stingan* ‘колоть’ [13] > *of-stingan* ‘убивать уколom, проты-

кать' [13], *swigan* 'пороть, сечь' [13] > *of-swigan* 'засечь до смерти' [13].

Нередко словообразовательные форманты присоединялись к глаголам, уже имеющим в своей смысловой структуре значение разрушения. В этом случае отглагольный дериват мог приобретать значение интенсивности или полноты действия: *bitan* 'разрезать, раскусывать (передними зубами)' [13] > *for-bitan* 'разрывать на куски' [13]; *sníðan* 'резать' [13] > *tó-sníðan* 'разрезать на части' [13]; *brecan* 'ломать' [13] > *a-brecan* 'разрушать' [13]; *baernan* 'уничтожать огнем' [13] > *for-baernan* 'поглощать огнем' [13].

Такой способ отглагольной префиксации был характерной чертой словообразовательной системы древнеанглийского периода. В среднеанглийский период словарный состав языка пополнялся в основном за счет иноязычных слов. Это привело к тому, что традиционные способы внутриязыковой деривации стали постепенно вытесняться заимствованиями как приоритетным способом пополнения словарного фонда. Иначе говоря, чем больше новых слов заимствовалось языком, тем менее привычным становилось для него обращение к внутриязыковым способам словообразования [16, с. 76]. Так, например, приведенные выше дериваты *a-brecan* 'разрушать' и *for-baernan* 'поглощать' в среднеанглийский период вытесняются заимствованными из французского языка глаголами *destroy* и *consume*, имеющими аналогичные значения.

Следует отметить, что корневой способ словообразования, или конверсия, возникающий в результате утраты личных окончаний у существительных и глаголов в XIV–XV вв., не отличается особой продуктивностью в формировании глагольного действия со значением разрушения. В анализируемый период фиксируются единичные примеры такого способа наименования, например *dust* 'пыль' [10] > *to dust* 'измельчить до пыли или мелких частиц', 'крошиться до пыли' [10].

Еще один способ вторичной номинации – семантическая деривация – также проявляет активность в наименовании действия разрушения. Основные механизмы семантической деривации – метонимический и метафорический переносы.

В сфере метонимических переносов центральное место в образовании глаголов со значением разрушения принадлежит так называемой каузальной метонимии. Основу этого вида метонимии составляют причинно-следственные связи. Наиболее распространенной разновидностью подобного переноса для наименования действия разрушения является модель 'действие как причина / условие' → 'действие как результат'. Примером такого семантического развития может быть модель 'копать' → 'разрушать'. Среднеанглийский глагол *tínen* известен

в XIV в. в первичном значении 'копать' [10]. К этому же временному периоду относится фиксация его вторичного значения 'раскапывать фундамент стены и т.д. с целью уничтожения': *William Bastard ... hade taken al þe lande aboute Hastinge & hade also mynede þe castell*. 'Вильгельм Завоеватель захватил все земли возле Хастингса, а также разрушил замок' (1400 г.) [10; 17]. Еще одним примером такого рода каузальной метонимии может быть семантический перенос 'падать' → 'разрушаться' / 'погибать'. Эта модель реализуется на примере развития смысловой структуры древнеанглийского глагола *fallan* / *feallan* (нов.-англ. *fall*) 'падать', известного в этом значении еще в письменных памятниках IX в. [10]. В среднеанглийский период в семантике глагола в результате метонимического переноса отмечается появление деструктивных значений 'разрушаться' / 'погибать, умирать': *Pine walles fulle*. 'Тонкие стены разрушились' (1275 г.) / *As he homeward wende he ful ded*. 'По дороге домой он упал замертво' (1300 г.) [10]. Как следует из примеров, речь преимущественно идет о разрушении высотных объектов или смерти человека, сопровождаемой падением.

Если основу метонимии составляют объективно существующие в экстралингвистическом мире признаки смежности между какими-либо действиями и процессами, то в основе метафоры обнаруживаются более глубинные связи (сходства, аналогии), приписываемые действиям [18, с. 59]. Образность и экспрессивность – это то, что отличает метафору. Анализируемый исторический период характеризуется невысокой активностью метафоры в образовании глаголов со значением разрушения. Примером этого способа вторичной номинации может служить модель 'косить' → 'уничтожать' для древнеанглийского глагола *máwan* (нов.-англ. *mow*), фиксируемого в исходном значении 'косить (траву, кукурузу и т.д.)' [10]. В среднеанглийский период в смысловой структуре глагола отмечается формирование переносного значения 'отрезать стремительным ударом, как у косы, уничтожать, или убивать без разбора в большом количестве; разрушать', возникающее на основе образного сходства описываемых действий: *Than, as wod lyoun, ruschythe in the fycht, and all quham nerrest hand ... dovn mawis with his brand*. 'Как дикий лев бросился он в бой и всех, кто, был рядом, косил своим мечом' (1593 г.) [10]. Возможно, что возникновение вторичного значения также мотивируется древними представлениями человека о смерти как о старухе с неизменным для нее атрибутом – косой.

В отдельных случаях производное деструктивное значение развивается на основе уже имеющегося у глагольной лексемы первичного значения разрушения. Примером может служить регулярная модель метафорического переноса 'пожирать' → 'уничтожать'. Согласно такой мо-

дели вторичное значение разрушения формируется у ряда глаголов, объединенных по семантическому признаку ‘способ действия’ в группировку ‘разрушение с помощью природных приспособлений’. Одним из таких глаголов является древнеанглийский глагол *fretan* ‘есть’, ‘поглощать’, в семантической структуре которого развивается переносное значение ‘уничтожать’, ‘разрушать’: *Dat þe flod hade al freten with freztande wawez*. ‘Потоп разрушил все страшными волнами’ (XIV в.) [10]. Как уже отмечалось ранее, метафору вряд ли можно отнести к продуктивному способу номинации глагольного действия со значением разрушения в изучаемый период, что однако нельзя сказать о последующих исторических этапах.

Заключение. Так как большинство глагольных наименований в английском языке представляют собой первичные корневые образования, наиболее продуктивным способом номинации действия со значением разрушения оказывается номинация по признаку. Незначительную часть корневых глагольных лексем составляют наименования, образованные в результате звукоподражания. В сфере морфемной деривации особенно продуктивным способом является отглагольная префиксация, характерная только для древнеанглийского периода. Конверсия, возникающая в конце среднеанглийского периода, еще не получает широкого распространения. Наличие моделей метонимического и метафорического переносов указывает на возможность наименования действия со значением разрушения в результате предметно-логического и образного переосмысления действий.

Литература

1. Султанова, А.П. Полисемия глаголов деструкции в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.П. Султанова. – Казань, 2008. – 22 с.
2. Хакимзянова, Д.Ф. Семантическая деривация глаголов физического воздействия на объект в русском, татарском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Д.Ф. Хакимзянова. – Казань, 2008. – 23 с.
3. Fillmore, Ch. The grammar of hitting and breaking / Ch. Fillmore // In Readings in English transformational grammar / ed. by Roderick Jacobs and Peter Rosenbaum. – Washington, DC: Georgetown University Press, 1970. – 277 p.
4. Аспекты семантических исследований / А.А. Уфимцева, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова [и др.]. – М.: Наука, 1980. – 356 с.
5. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: [Принцип семиологического описания лексики] / отв. ред. Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
6. Языковая номинация: (Общие вопросы) / А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С. Кубрякова [и др.]. – М.: Наука, 1977. – 359 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/001a.html>. – Дата доступа: 25.02.2018.
8. Расторгуева, Т.А. История английского языка: учебник / Т.А. Расторгуева. – 2-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 348 с.
9. Гигаури, Н.Б. Особенности глагольной номинации: на материале англ. непроемных глагольных наименований: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Б. Гигаури; Тбилиси. гос. пед. ин-т иностранных языков. – Тбилиси, 1979. – 21 с.
10. A New English Dictionary on Historical Principles: in 10 vol. with supplement [Electronic resource] / edited by sir James A.H. Murray. – Oxford: Clarendon Press, 1909. – 10 vol. – Mode of access: <http://www.ned0.org>. – Date of access: 06.02.2018.
11. Индоевропейский этимологический словарь Покорного [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/>. – Дата доступа: 25.02.2018.
12. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.etymonline.com>. – Date of access: 25.02.2018.
13. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth [Electronic resource] / ed. and Enlarged by T. Northcote Toller. – Mode of access: <http://www.bosworthtoller.com>. – Date of access: 06.02.2018.
14. Сизова, И.А. Становление германского глагольного словообразования / И.А. Сизова. – М.: Наука, 1978. – 294 с.
15. The Dictionary of Old English [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.doe.utoronto.ca>. – Date of access: 06.02.2018.
16. Horobin, S. An introduction to Middle English / S. Horobin, J. Smith. – Edinburgh University Press, 2002. – 182 p.
17. The Middle English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://quod.lib.umich.edu/m/med/>. – Date of access: 06.02.2018.
18. Сатарова, А.И. Механизмы косвенной номинации / А.И. Сатарова. – М., 1989. – С. 54–62.

Поступила в редакцию 10.05.2018 г.

УДК 81'42

Интернет-дискурс возмущения

Храбан Т.Е.

*Военный институт телекоммуникаций и информатизации
имени Героев Крут, Киев (Украина)*

В работе представлено рассмотрение дискурса возмущения как субдискурса эмоционального интернет-дискурса и важной формы социальной практики. Описаны характерные отличия дискурса возмущения, которые проявляются в особенностях отражения структуры мысли и ее развития в смысловых связях компонентов речи, использовании определенных тактик конфликтной стратегии дискредитации, комплекса разноуровневых языковых средств для эмоционального самовыражения и воздействия на реципиента.

Цель статьи — анализ интернет-дискурса возмущения как разновидности эмотивного дискурса.

***Материал и методы.** Практическим материалом исследования послужили дискурсивные фрагменты отзывов о работе службы доставки Новая почта (Украина). Основные методы: интерпретационный, дискурс-анализ, семантический анализ.*

***Результаты и их обсуждение.** При исследовании интернет-дискурса возмущения целесообразно рассматривать эмоции как социально заданный конструкт, поскольку именно социальные нормы регламентируют процесс функционирования и взаимодействие когнитивного, экспрессивного, мотивационного компонентов коммуникации. Актуальными представляются социальные формы деятельности с часто повторяющимися однотипными отношениями, которые в результате многократных повторений перерастают в устойчивые связи: потребитель услуг — производитель услуг. Такие характерные черты возмущения, как краткосрочность, стихийность ее возникновения, неосознанность человеком предметного содержания своих эмоций, изменение сознания и внутреннего душевного мира человека, высокий уровень эмоционального накала, последующая трансформация в негативные эмоции, создают предпосылки для отражения этого эмоционального состояния в речи.*

***Заключение.** Основными маркерами дискурса возмущения являются нарушение законов логики и ошибки в аргументации вследствие сильного эмоционального возбуждения адресанта, использование конфликтной стратегии дискредитации, которая направлена на снижение социальной привлекательности оппонента для окружающих, применение комплекса разноуровневых языковых средств для эмоционального самовыражения и воздействия на реципиента.*

***Ключевые слова:** дискурс возмущения, коммуникативные стратегии и тактики, социальная практика, эмоциональный интернет-дискурс.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 218–223)

The Internet Discourse of Indignation

Hkraban T.E.

*Military Institute of Telecommunications and Informatization
Named after Heroes of Krut, Kiev (Ukraine)*

The article deals with analysis of indignant discourse as a sub-discourse of emotional Internet discourse and an important form of social practice. Such characteristic differences of indignant discourse as the structure of thought and its development in the semantic connections of speech components, the use of certain tactics of the conflict discredit strategy, a complex of different-type language means for emotional self-expression and impact on the recipient are described.

The purpose of the article is analysis of the Internet discourse of indignation as a kind of emotive discourse.

***Material and methods.** The research methods are discourse analysis, interpretation method, method of semantic analysis. The discursive fragments of feedback on the work of the delivery service of Nova Pochta (Ukraine) were the material for the study.*

***Findings and their discussion.** Studying the Internet discourse of indignation it is proper to consider emotions as a socially given construct since social norms direct the process of functioning and the interaction of the cognitive, the expressive, the motivation components of communication. Social forms of activity with frequently repeated same-type relations which, being repeated, become stable ties, service consumer — service producer, are topical for the research. Such characteristic features of indignation as short-term, spontaneity of its origin, unconsciousness of the subject's content of his/her emotions, changes in the consciousness and inner mental world of a person, high level of emotional heat, subsequent transformation into negative emotions create prerequisites for reflecting this emotional state in speech.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: Xraban.Tatyana@gmail.com — Т.Е. Храбан

Conclusion. *The main markers of the discourse of indignation are: violation of the logical laws and errors in the argumentation due to strong emotional stimulation of the addressee, the use of certain tactics of the conflict discredit strategy, a complex of different-type language means for emotional self-expression and impact on the recipient.*

Key words: *discourse of indignation, communicative strategies and tactics, social practice, emotional Internet discourse.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 218–223)

Основой для расширения контактов между людьми стали процесс глобализации и научно-технический прогресс, в частности широкое распространение инноваций в области информационно-коммуникационных технологий. Эти факторы способствуют трансформации коммуникации в специфическую деятельность, выступающую в качестве условия и составляющей практически любой предметной деятельности человека. С возникновением интернета понятие *коммуникация* приобрело социокультурное содержание. Информационное общество отличается не только и не столько увеличивающимися возможностями, в частности для накопления и переработки информации, сколько новыми формами коммуникации и их реализацией в особом социальном пространстве [1, с. 14]. Появление нового вида коммуникации дает основания утверждать, что сформировалось особое коммуникативное пространство, которому свойственны определенные «специфические условия общения, которые недоступны в актуальной реальности» [2, с. 18]. Это пространство – не что иное, как реальное человеческое мышление, которое воплощается в виде текста в его новом образе и сочетает в себе не только словесное высказывание, но и цвет, звук, графику и анимацию [3, с. 42–43]. Актуальность статьи состоит в ее согласованности с важными тенденциями интернет-лингвистики, которая «дает возможность исследовать объект одновременно в разных парадигмах лингвистического знания (антропоцентричный, функциональный, коммуникативный, когнитивный, лингвогендерный, социолингвистический, психологический, лингвокультурологический» [4, с. 7].

Е. Горина утверждает, что «сложность организации и разнообразие содержания интернета позволяют говорить о нем как о глобальном дискурсе, состоящем из множества субдискурсов, каждый из которых представляет собой какую-либо смысловую зону, сферу деятельности человека» [5, с. 150]. Большинство ученых, занимающихся исследованием интернет-коммуникации (Е. Горина, Е. Горошко, Л. Компанцева, Н. Мечковская, И. Розина, М. Сидорова, Л. Щипіцина, L. Adrianson, S. Barnes, J. O'Brien, L. Cherny, D. Crystal, A. Colley, K. Crowston, B. Danet, K. Hillis, S. Herring, E. Kammerer, C. Marshall, M. Rodino, V. Savicki, J. Suler, R. Thomson и др.), определяют интернет-дискурс как созданную и существующую в виртуально-реальных услови-

ях совокупность сетевых продуктов, изучаемых в рамках лингвистического и паралингвистического контекста, воспринимаемых адресатом с учетом его коммуникативной и когнитивной деятельности [6, с. 65].

Цель статьи – анализ интернет-дискурса возмущения как разновидности эмотивного дискурса.

Материал и методы. Материалом исследования послужили дискурсивные фрагменты отзывов о работе службы доставки Новая почта в Украине. Основные методы: интерпретационный, дискурс-анализ, семантический анализ.

Результаты и их обсуждение. Е. Горина предлагает рассматривать как основу для формирования методологии анализа дискурса интернета универсальную систему его конституирующих признаков: когнитивность, интерактивность, вариативность, психологичность и социологичность [6, с. 65–67]. Поскольку в настоящее время современное общество предъявляет высокие требования к уровню коммуникативной и социальной компетентности людей, а «дискурсивные методы ... являются важной формой социальной практики, способствуют процессу конституирования социального мира, включая социальные идентичности и социальные отношения» [7, с. 169], особую актуальность приобретает социально ориентированный подход к дискурс-анализу. Е. Горина отмечает, что именно социологичность интернет-дискурса объясняет связь между изменениями, происходящими в социуме, и формированием новых сообществ в коммуникативном пространстве интернета, своеобразием взаимоотношений людей внутри сетевых групп, в их социальном расслоении, формировании особых социальных статусов, связанных с использованием сети, и т.д. [6, с. 67]. Кроме того, важно применение теоретико-методологических принципов социологической теории постмодерна, которые позволяют проанализировать особенности коммуникативной интеракции в социальных сетях и способствуют раскрытию субъективных сторон факта, когда «социальная фактичность предстает в контексте самой человеческой жизни (в ее уникальности и конкретности)» [4, с. 180]. В дискурсивной теории постмодерна центром внимания является, прежде всего, конкретный факт (для данной статьи – коммуникативный акт), а «исследователь играет роль непосредственного участника и активного интерпретатора социальных действий и ситуаций» [4, с. 179].

В определении коммуникативного поведения человека эмоции играют важную роль. Интерес для нашей работы представляет концепция, рассматривающая эмоции как социально заданный конструкт и отрицающая врожденный характер эмоциональных реакций, а также утверждающая, что переживание, выражение и распознавание эмоций детерминируется нормами, заданными социальным окружением [5, с. 114–115]. Актуальным для исследования представляются социальные формы деятельности с часто повторяющимися однотипными отношениями, которые в результате многократных повторений перерастают в устойчивые связи *потребитель услуг – производитель услуг*. Отличительной особенностью таких отношений является то, что они связывают неравноправных участников: потребитель услуг может решать, в какую фирму ему обратиться, а производитель услуг вынужден обслуживать любого клиента, который его выбирает. При этом решаются различные коммуникативно-интерактивные задачи, в основе которых лежат различные виды отношений: статусно-ролевые (потребитель – производитель) и социальные. При этом участники выступают как представители разных социальных и профессиональных групп. Возникающие конфликтные ситуации между потребителями и производителями услуг ведут к формированию дискурса возмущения.

Результаты рецептивного эксперимента, проведенного на сайте ПСИХА НЕТ (<http://psyha.net>), позволили нам предложить значение понятия *возмущение*. Респондентам следовало завершить фразу: «Эмоция возмущения – это...». Ответы, предоставленные посетителями сайта, позволили выделить такие тематические группы:

1. «Субъективная реакция, которая возникает при столкновении человека с эмоциогенной ситуацией». Маркерами этой группы выступают лексические сигналы: *взрыв эмоций; хаотичность мыслей; вынос мозга; буря эмоций; взрыв разбрасывает; боюсь в монстре узнать себя; порыв; первый секундный «приход»; немедленная физиологическая реакция на событие; первая реакция, которая характеризуется некоторым ступором; от возмущения даже сказать сначала ничего не мог; невозможность трезвой оценки происходящего; скоротечно; минутная вспышка; не могу контролировать это чувство никак; не осознаю, что со мной происходит; вызывает накал; сложно объяснить; хочу ли я его переживать или не хочу, оно возникает; с пеной у рта; бурное неприятие и отрицание происходящего; скачет из крайности в крайность; налево и направо без надобности*. Ключевыми моментами для определения эмоции возмущения пользователи интернета считают стихийность ее возникновения (*вспышка, «приход»*), неосознанность

человеком предметного содержания своих эмоций (*не осознаю, что со мной происходит*), изменение сознания и внутреннего душевного мира человека, например, мышления (*хаотичность мыслей*) и восприятия (*невозможность трезвой оценки происходящего*), краткосрочность (*взрыв*), накал страстей (*с пеной у рта*), негативное отношение к оппоненту или ситуации (*неприятие и отрицание*).

2. «Ощущение своей правоты». Маркерами этой группы выступают лексические сигналы: *праведный гнев; чувство правильности собственных действий; грубо нарушает мой покой или мироустройство; посягательство на мои личные интересы; право сказать: «Оу, ребята, а ну-ка слезли с моей головы... и ноги уберите...»*. Объяснение респондентами своих чувств сводится к бинарным оппозициям «правильно – неправильно» или «справедливо – несправедливо» (*чувство правильности*), «свое – чужое» (*мой покой*). Лексические сигналы (*грубо нарушает, посягательство, уберите ноги*) свидетельствуют о негативном отношении респондентов к источнику эмоции возмущения.

3. «Пост-эффект». Маркерами этой группы выступают лексические сигналы: *потеря покоя; ухожу в отрицание; забываю об эффекте зеркала; осуждаю, негодую, фантазирую о возмездии; боюсь, что будет хуже прежнего; порыв, который очень скоро переходит в другие чувства, например: злость или страх; выливается в ровное течение злости, страха или какого-нибудь другого чувства; потеря душевного покоя; позволяя на себе ездить и собой пользоваться*. Важным элементом для определения понятия *возмущение* для респондентов является краткосрочность этой эмоции (*скоро переходит*) и последующая ее ассимиляция с такими негативными эмоциями, как гнев, злость, фрустрация, досада, обида, раздражительность, тревожность, мстительность и др. (*потеря покоя, боюсь, осуждаю, негодую*).

Таким образом, результаты рецептивного эксперимента позволили дать определение понятию *возмущение*: краткосрочное негативное эмоциональное состояние, характерными чертами которого являются стихийность его возникновения, неосознанность человеком предметного содержания своих эмоций, изменение сознания и внутреннего душевного мира человека, высокий уровень эмоционального накала, последующая трансформация в негативные эмоции (досада, обида, раздражительность, тревожность и др.).

Анализ отзывов на сайте Новая почта о работе службы доставки позволил выделить такие особенности интернет-дискурса возмущения:

1. Нарушение законов логики и ошибки в аргументации вследствие сильного эмоционального возбуждения адресанта. Приведенный тексто-

вый фрагмент служит ярким примером: *Отзывы о ней на сайте должны были натолкнуть на некие сомнения и риски, но у меня не было выбора, мне нужно было срочно доставить в другой город мою посылку. Началось все с того, что к Новой почте я относилась достаточно неплохо, хоть не было там приветливого обращения с клиентами и любезности. Я обратилась в свое отделение Новой почты, где со мной, как всегда, нелюбезно поговорили, ну, да и ладно, я уже давно смирилась с тем, что персонал здесь такой, и, в принципе, не требовала от них большего. Главное ведь — доставить посылку! Там мне, как всегда, с безразличием установили местонахождение моей посылки, и, оказывается, она уже давно лежит в одном из отделений города получателя, но курьером не доставлена. Я была в шоке! Как? Ведь я оплатила курьерскую доставку! И уже пару дней ее никто не доставляет! А ведь Новая почта позиционирует себя лидером экспресс-доставки! На мои речи я получила полное безразличие и ответ: «Звоните на горячую линию! Ничем не можем помочь». В этот же момент разносился спор на повышенных тонах мужчины и еще одной сотрудницы. Он также был крайне недоволен качеством услуг и тоном, которым говорят сотрудницы с клиентами. В итоге работница ответила, что они постараются доставить мою оплаченную посылку с оригиналами документов «на днях». На днях! Если честно, мне стало не по себе. То есть они «постараются», но где же хоть какие-то гарантии? Где ответственность? Хоть посылку и получили вчера, я немного изменила свое отношение к НП. ЛЮДИ, КАРАУЛ!!! Вы платите деньги за услуги, а в результате за ваши грузы и товары никто не несет ответственности. Это просто никуда не годится! Вот вам и доставка будущего!*

В анализируемом фрагменте автор нарушает закон непротиворечия. Она информирует, что уже имела достаточно оснований отказаться от услуг Новой почты, основываясь на отзывах и личном опыте (*отзывы о ней на сайте должны были натолкнуть на некие сомнения и риски; как всегда, нелюбезно поговорили*), но все-таки обратилась к ней. Адресант утверждает, что ее вынудили обстоятельства (*у меня не было выбора*), в то время как в Украине существует несколько альтернативных служб доставки. Далее автор предъявляет претензии по культуре обслуживания клиентов (*полное безразличие*), но одновременно заявляет, что это не является причиной для жалобы (*ну, да и ладно, я уже давно смирилась с тем, что персонал здесь такой, и, в принципе, не требовала от них большего; главное ведь — доставить посылку!*). Кроме того, во фрагменте прослеживается нарушение закона достаточного

основания. Так, для реализации в речи прагматических принципов кооперации и вежливости сотрудниками службы было использовано мегакоммуникативное клише обещания (*постараются доставить мою оплаченную посылку с оригиналами документов «на днях»*). Обосновывая свою тезу о высокой вероятности возникновения неблагоприятного результата, адресант опирается на употребление лексемы *постараться* (*То есть они «постараются», но где же хоть какие-то гарантии? Где ответственность?*), приравнивая семантические значения 'сделать все возможное' и 'дать гарантии'.

Анализ фрагментов дискурса возмущения позволил выявить следующие ошибки в аргументации адресанта: а) «чрезмерное обоснование». Пытаясь вывести как можно больше доводов в пользу своего тезиса, автор начинает использовать противоречивые утверждения, а чрезмерная насыщенность фрагмента аргументами приводит к неупорядоченной, хаотично выстроенной структуре текста: сведения, не имеющие отношения к теме, делают текст запутанным и сумбурным, отвлекают от главной мысли; б) отсутствие логической связи между аргументами и тезисом. Адресант заменяет объективные доводы, необходимые для рационального обоснования какого-либо утверждения, нерелевантными фактами (*Кстати, пребывая в ярости из-за наглости оператора, я поехала к ним в офис. Это такая «шарашкина контора», которую еще поискать нужно! Коробки, грязь, пару комнат, склад! Никогда не пользуйтесь их услугами!*). Первоначальная претензия в данном фрагменте отходит на второй план, критике подвергаются недостатки организации труда на Новой почте.

2. Использование конфликтной стратегии дискредитации. Коммуникативно-прагматический потенциал стратегии дискредитации в интернет-дискурсе возмущения направлен на снижение социальной привлекательности оппонента для окружающих и, как следствие, нанесение урона его социальному статусу. Стратегия дискредитации реализуется посредством тактик: а) обвинение. Характеризуется эмоциональностью, категоричностью, резкостью суждений, склонностью к оценочности: *никакой ответственности, халатное отношение, обман, хамство персонала, низкое качество сервиса, безразличие, безответственность, завышенные цены на некачественное обслуживание, ворье, работа компании отвратительная, граничащая с криминалом, во всем одни минусы, аферисты, наплевательское отношение к работе, кошмар, полностью неадекватный персонал, хамы, невежи, безграмотны, бардак*; б) угроза. По мнению И. Чеснокова, психологическим мотивом использования тактики угрозы является «потреб-

ность индивида в эмоционально-энергетической разгрузке, которая трансформируется в целевую установку, связанную с устранением источника фрустрации (или замещающего его объекта) и установлением границы, отделяющей свое (безопасное) от чужого враждебного пространства» [8, с. 9]. Для интернет-дискурса возмущения характерна объективация тактики угрозы посредством предупреждения, в котором адресант эксплицитно сообщает оппоненту, что он имеет намерения совершить в отношении его действия, влекущие причинение вреда (*Аферисты!!! Подаю на них в суд!!!*); предупреждения – предсказания – обещания (*Я в милицию заявила о воровстве сотрудниками Новой почты вещей из посылок. Надеюсь, что посадят воров из Новой почты; Думаю вызвать телевидение, пусть и не возместим убытки, но их репутацию ухудшим*), в которых адресант «остается активно действующим лицом, выражающим свое намерение совершить нечто противоречащее воле угрожающего объекта, что, в свою очередь, свидетельствует его нацеленности на обострение межличностного конфликта» [9, с. 132]. Негативное предсказание реализует тактику угрозы посредством описания будущего события, которое будет справедливым возмездием за невыполненные (или некачественно выполненные) обязательства, но произойдет без участия адресанта: *Надеемся, что правоохранительные органы прольют свет на незаконную деятельность Новой почты!*; в) злопожелание. Наиболее часто в интернет-дискурсе возмущения адресанты прибегают к прямым формам объективации тактики злопожелания, в которых автор «стремится нанести своему оппоненту вред и одновременно оказать деструктивное воздействие на его эмоциональную сферу» [9, с. 82]: *Желаю Вам, чтобы Вы свою зарплату так, как я получала мою посылку; Надеюсь, что в скором будущем вас ждет банкротство; Надеюсь, в новом году Новая почта окончательно погрязнет в своих проблемах с таким гнилым руководством и самоустранился*; г) совет-предупреждение. Является побудительно-регулятивным речевым действием. Убеждающее воздействие на других пользователей службы доставки достигается с помощью аргументации, которая побуждает к принятию субъективного мнения адресанта. Адресант может апеллировать к благу другого клиента, тем самым задавая адресату установку избегать пользоваться услугами критикуемой службы доставки: *Во избежание подобных проблем не рекомендую сотрудничать с данным перевозчиком (тем более что другие на порядок дешевле). У меня уже это отняло много денег и нервов; Всем советую пользоваться другими перевозчиками, например, Деливери, Экспресс-почта. Там работают профессионалы, и обслуживание – отличное,*

не то, что на Новой почте; д) призыв. Тактика характеризуется побудительной интенцией и эксплицитным выражением личных интересов адресанта посредством повелительного наклонения глаголов: *Призываем всех поставщиков расторгнуть договора с этим перевозчиком; Не доверяйте Новой почте груз и, тем паче, деньги*; е) оскорбление. Тактика направлена на понижение социального статуса адресата путем вынесения оценки о моральном поведении и интеллектуальных способностях оппонента: *хамы, не умеющие связать и двух слов менеджеры; ворье и аферисты; это не персонал – это контингент с вороватыми взглядами и синяками на лице, бандиты; компания аферистов!!!!*

3. Применение комплекса разноуровневых языковых средств для эмоционального самовыражения и воздействия на реципиента: а) лексические эмотивы. Анализируемые фрагменты насыщены лексикой, обозначающей эмоции (*даже расстраиваться не хочется, гневный отзыв, настроена серьезно, до невозможности раздражает, бесит, мега разочарована, негодованию моему не было предела, потеряла надежду, дошел гнев до своей «горячей точки», раздражение и приступ гнева, к моему огромнейшему сожалению, меня просто бомбит, негодование, вывели из себя, я ужасно недовольна, пребывая в ярости, почувствовать себя придурком и лохом*), лексикой, используемой для передачи эмоционального состояния адресанта (*кошмар, крик души, просто нет слов, с подобным ужасом не сталкивалась, вообще ни в какие ворота, кошмарный сон, просто издевательство*), лексикой, служащей для эмоциональной оценки и интенсификации признака (*носом покрутила, по-хамски, абсолютно пофигистическая компания, самая отстойнейшая, сомнительная организация, жуткая организация работы и безответственность, один сплошной минус, отвратительно, истерично звонить, подавитесь, бандиты, разбой на ровном месте, бардак, свинское отношение, вконец обнаглели, включает дурака*); б) усиленные прилагательные и наречия (*полнейшая безответственность, категорически не рекомендую, ужасно недовольна, абсолютно пофигистическая компания, оперативность доставки полностью отсутствует, обратной связи нет абсолютно*), в) экспрессивные синонимы прилагательного плохой (*неадекватный персонал, неприятная компания, ужасная почтовая служба, отвратительная компания, жуткая организация*); г) усиленные и восклицательные частицы (*ну какого лешего я должен переживать, да это же обдираловка, ну как же это?; ох, как же это было неприятно*); д) риторические вопросы (*Зачем эти телефоны, если по ним никто не может толком ничего ответить?*);

е) восклицательные предложения (*Простой развод на деньги! Это вообще ни в какие ворота!*); ж) графические средства выделения (... *так как у них поломалась машина. Она у них единственная что-ли?*; Но разве **МЕНЯ** это должно интересовать? **Я – клиент!**).

Заключение. Следовательно, при исследовании интернет-дискурса возмущения целесообразно рассматривать эмоции как социально заданный конструкт, поскольку именно социальные нормы регламентируют процесс функционирования и взаимодействие когнитивного, экспрессивного, мотивационного компонентов коммуникации. Такие характерные черты возмущения, как краткосрочность, стихийность его возникновения, неосознанность человеком предметного содержания своих эмоций, изменение сознания и внутреннего душевного мира человека, высокий уровень эмоционального накала, последующая трансформация в негативные эмоции, создают предпосылки для отражения этого эмоционального состояния в речи. Основными маркерами дискурса возмущения являются нарушение законов логики и ошибки в аргументации вследствие сильного эмоционального возбуждения адресанта, использование конфликтной стратегии дискредитации, которая направлена на снижение социальной привлекательности оппонента для окружающих, применение комплекса разноуровневых языковых средств для эмоционального самовыражения и воздействия на реципиента [10–12]. Перспективой дальнейшего исследования считаем анализ зависимости эмоций от гендера, возраста, социального статуса, а также этнической принадлежности.

Литература

1. Горошко, Е.И. Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении: монография / Е.И. Горошко. – Харьков: ФЛП Либуркина Л.М., 2009. – 816 с.
2. Асмус, Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Асмус; Челябин. гос. ун-т. – Челябинск, 2005. – 265 л.
3. Трофимова, Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты / Г.Н. Трофимова. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2009. – 436 с.
4. Христофорова, О. Социальный факт и социологические методологии в ситуации постмодерна / О. Христофорова // Логос. – 2005. – № 2(47). – С. 174–182.
5. Гулевич, О.А. Социальная психология: учебник и практикум для академического бакалавриата / О.А. Гулевич, И.Р. Сариева. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 424 с.
6. Горина, Е.В. Дискурс интернета: определение понятия и методология исследования / Е.В. Горина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11(41). – Ч. 2. – С. 64–67.
7. Интернет-комунікація в діяльності інститутів сектору безпеки: теоретико-прикладний аспект: монографія / ред.: Л.Ф. Компанцева, О.В. Акульшин. – Луганск: ПП «Видавництво «Янтарь», 2013. – 662 с.
8. Чесноков, И.И. Дискурсивная тактика злопожелания: прямые формы объективации в наличной конфликтной ситуации общения / И.И. Чесноков // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер., Филол. науки. – 2012. – № 4. – С. 79–82.
9. Чесноков, И.И. Дискурсивная тактика угрозы: косвенные формы объективации: предупреждения / И.И. Чесноков // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер., Филол. науки. – 2015. – № 2. – С. 132–138.
10. Чесноков, И.И. Тактика угрозы как структурная составляющая виндиктивного дискурса (прямые формы объективации) / И.И. Чесноков // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер., Филол. науки. – 2008. – № 5(29). – С. 8–13.
11. Горина, Е.В. Дискурс интернета в аспекте воздействия на пользователя / Е.В. Горина // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2(52). – С. 150–154.
12. Компанцева, Л.Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы / Л.Ф. Компанцева. – К.: Наук.-вид. відділ НА СБУ, 2009. – 275 с.

Поступила в редакцию 09.04.2018 г.

РЕЦЕНЗИЯ

Кичикова, Н.А. Топонимический словарь Республики Калмыкия / Н.А. Кичикова, Э.Б. Манджиева, В.И. Супрун. – Элиста: ЗАОР «НПП “Джангар”», 2017. – 272 с. – 300 экз.

Словарь представляет собой научно-справочное издание по именам географических объектов Республики Калмыкия – уникального своей природой, географическим положением, историческими перипетиями и этнографическими характеристиками историко-культурного региона. Толкование происхождения топонимов Калмыкии и описание истории объектов, которые этими топонимами названы, представляют несомненный интерес как с позиций лингвистики, так и с точки зрения истории развития калмыцкого этноса.

Территория Калмыкии с давних времен (от Геродота) являлась объектом описания. Тем не менее можно констатировать недостаточную изученность географических имен этого региона в свете историко-лингвистического, лингвокультурологического, этнолингвистического подходов. Ощущается также ограниченность калмыцкого топонимического материала в лексикографических изданиях. Разработка этих аспектов исследования отразилась в значительной мере в данном издании.

«Топонимический словарь Республики Калмыкия» – результат труда группы лингвистов, исследования которых продолжили традиции изучения калмыцкой топонимии учеными-языковедами, путешественниками, картографами, географами, историками. Авторами проделана большая работа по сбору, анализу и систематизации материала.

Словарь состоит из предисловия, корпуса словарных статей, нескольких списков – использованной литературы, имен упомянутых в словаре выдающихся людей, переименованных населенных пунктов, а также приложения, в котором поселения Калмыкии распределены по рангам в соответствии с количеством жителей.

Предисловие достаточно подробно повествует об истории калмыцких земель и народа, о хронологии описания и картографирования этой территории учеными, предоставляет краткие сведения о характере ландшафта Калмыкии, об основных терминах топонимики, обосновывает построение статьи, использованное в словаре.

Словарные статьи располагаются по алфавиту. Они сочетают в себе лингвистическую характеристику топонимов и экстралингвистические сведения о них. Статья начинается и заканчивается лингвистической информацией. В начале статьи дается заголовочное слово – описываемый топоним, а также окончание родительного падежа и грамматическая помета; конец статьи посвящен происхождению имени, т.е. значению исходного апеллятива или отсылке к имени другого объекта, которое послужило основой для описываемого в статье имени. Рассказ о населенных пунктах Калмыкии дополняется прилагательными, образованными от имен городов и сел (например, *элистинский*) и нарицательными именованиями местных жителей по названию места жительства (*элистинцы, элистинец, элистинка*). Серединная часть словарной статьи представлена справкой о появлении и развитии населенных пунктов, сменах их имен и известных людях, проживавших или родившихся здесь; о характеристиках расположения, окружения и биологического разнообразия естественных географических объектов региона.

В нелингвистической части статьи часто приводятся сведения о времени первого упоминания имени, об истории его появления или переименования, что позволяет читателям увидеть мотивы действий номинаторов. Авторы словаря приводят как проверенные этимологии имен, так и легенды, связанные с ними, попутно отмечая случаи народной эти-

мологии, как, например, при описании имени поселения *Басы*.

Относительно немногочисленные ссылки на использованную литературу в текстах словарных статей не перегружают лишними деталями данное издание, имеющее научно-популярную направленность. Литература, указанная в конце книги, компенсирует ограниченность сносок в пределах словарных статей.

Выглядит логичной попытка соотнести некоторые топонимы Калмыкии, для которых не находится мотивирующих признаков на примыкающей к объекту территории, с именами других регионов, попытаться объяснить мотивы именования объектов переносом имен с близлежащих территорий. Так, отгидронимное наименование поселка *Белоозерный* не находит подтверждения на территории своего бытования, но подобные имена фиксируются на соседних территориях в именах как на русском (*Белое озеро*), так и на калмыцком (*Цаган-Нур* 'Белое озеро') языках.

В целом высоко оценивая «Топонимический словарь Республики Калмыкия», позволим себе высказать несколько замечаний.

В словаре имена населенных пунктов описаны все (в т.ч. те, которые на момент выхода словаря прекратили свое существование), имена рек и озер также внушительно представлены, в то время как имена других объектов естественной номинации встречаются sporadически.

В заголовочных словах не хватает проставленных ударений. Если для топонимов с русской этимологией можно предположить возможное место ударения, то для имен калмыцкого происхождения не носителям этого языка ударный слог в слове определить сложно.

Не вполне понятно, кем и каким образом устанавливалось распределение городов Калмыкии по рангам (приложение) и могут ли критерии, примененные в данном словаре, переноситься на имена других регионов.

Несмотря на высказанные замечания, мы высоко оцениваем работу, проделанную авторами словаря. Вне всякого сомнения он займет достойное место в ряду региональных словарей географических имен, а его научно-популярный характер привлечет к нему внимание не только специалистов по ономастике, но и широкого круга читателей.

О.И. Копач

Гістарычны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А.М. Булыкі. – Мінск, 1982–2017. – Вып. 1–37.

У кастрычніку 2017 г. падчас правядзення міжнароднай навуковай канферэнцыі “Гістарычнае мовазнаўства ў кантэксце міждысцыплінарных даследаванняў” на базе Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі адбылася прэзентацыя “Гістарычнага слоўніка беларускай мовы”. Гэтая важная ў культурным жыцці беларускага народа падзея атрымала шырокі грамадскі рэзананс. Завершана шматгадовая скрупулёзная праца лексікаграфаў – вялікага аўтарскага калектыву, у склад якога на працягу апошніх 35-ці гадоў уваходзілі супрацоўнікі аддзела гісторыі беларускай мовы Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры, а таксама мовазнаўцы з іншых навукова-даследчых цэнтраў і ВНУ Беларусі, якія плённа працавалі над укладаннем аднаго з найважнейшых лексікаграфічных праектаў не толькі ў беларускім мовазнаўстве, але і ва ўсёй славістыцы.

Дзякуючы карпатлівай працы навукоўцаў над стварэннем гістарычнага слоўніка, збор матэрыялу для якога быў распачаты яшчэ ў 60-я гады мінулага стагоддзя пад кіраўніцтвам прафесара А.І. Жураўскага, які доўгі час з’яўляўся галоўным рэдактарам слоўніка, беларусы атрымалі ўнікальны па сваім змесце і ахопе слоўнікавага матэрыялу лексікаграфічны даведнік, што ілюструе надзвычайнае багацце лексічнай сістэмы старабеларускай мовы XIV–XVIII стст. Рэдактарам гэтага фундаментальнага лексікаграфічнага выдання на працягу апошніх двух дзесяцігоддзяў нязменна з’яўляўся доктар філагічных навук, прафесар, член-карэспандэнт НАН Беларусі А.М. Булыка.

“Гістарычны слоўнік беларускай мовы” далучае нашых сучаснікаў да той старажытнай спадчыны, нашчадкамі якой мы з’яўляемся. Ён адносіцца да слоўнікаў дыяхранічнага тыпу і з максімальнай паўнатай ахоплівае старабеларускую лексіку са сферы грамадска-палітычнага, сацыяльна-эка-

намічнага, гаспадарчага, навуковага і рэлігійнага жыцця нашага народа, утрымлівае намінацыі, якія характарызуюць чалавека ў розных адносінах або выяўляюць асаблівасці паўсядзённага жыцця нашых продкаў, іх матэрыяльнай і духоўнай культуры, і, у цэлым, вызначае этнічныя арыенціры беларускага народа на працягу пяці стагоддзяў. У рээстравай частцы слоўніка атрымалі падрабязную лексікаграфічную апрацоўку больш чым за 75 тысяч спрадвечнабеларускіх і запазычаных лексічных адзінак, якія даволі актыўна функцыянавалі на старабеларускай моўнай глебе і ў сваёй семантыцы засведчылі пэўныя фрагменты гістарычнай рэальнасці. Крыніцамі матэрыялу для збору лексікі сталі арыгінальныя і перакладныя старабеларускія пісьмовыя помнікі рознай жанравай і храналагічнай прыналежнасці – дагаворы і граматы, статуты і судзебнікі, летапісы і хронікі, жыцці і біблейскія кнігі, евангеллі і псалтыры, воінскія аповесці і рыцарскія раманы, а таксама мемуарная, палемічная і навуковая літаратура.

Несумненна, завяршэнне працы над “Гістарычным слоўнікам беларускай мовы” будзе садзейнічаць далейшай навуковай працоўцы пытанняў функцыянавання беларускай мовы ў XIV–XVIII стст. Гэтае шматтомнае лексікаграфічнае выданне ўносіць найвялікшы ўклад у стварэнне планамернага навуковага апісання мовы нашага народа ў яе гістарычным развіцці і з’яўляецца адным з самых значных і каштоўных навуковых дорабкоў у гістарычным мовазнаўстве, выдатным помнікам беларускай кніжнай культуры. Фундаментальны лексікаграфічны даведнік мае вялікае значэнне ў папулярызацыі і пашырэнні звестак пра старажытную пісьмовую спадчыну беларускага народа, якая, атрымаўшы шырокую прадстаўленасць у вялікай колькасці рукапісных і друкаваных твораў рознай жанрава-стылістычнай характарыстыкі XIV–XVIII стст., з’яўляецца сёння адной з найбагацейшых у свеце.

“Гістарычны слоўнік беларускай мовы” дае навукоўцам магчымасць праводзіць назіранні над лёсам лексічных адзінак у працэсе моўнай эвалюцыі, вызначаць шляхі і спосабы фарміравання слоўнікавага складу беларускай мовы ў перыяд з XIV да пачатку XVIII ст. з канцэнтраваннем увагі на найбольш важных тэндэнцыях яе развіцця. Моўны матэрыял пісьмовых крыніц рознай часавай прыналежнасці, які змешчаны ў слоўніку ў якасці тэкставых ілюстрацый, акажа дапамогу гісторыкам мовы ў выяўленні і даследаванні кантактаў беларускай літаратурнай мовы з іншымі мовамі, а таксама вызначэнні ролі гэтых кантактаў ва ўзбагачэнні і ўдасканаленні яе сродкаў і прыёмаў літаратурнага выражэння, якія выкарыстоўваліся ў розныя гістарычныя эпохі для напісання канфесійных, мастацкіх і навуковых твораў, ажыццяўлення справаводства і перапіскі.

“Гістарычны слоўнік беларускай мовы”, які на сённяшні дзень з’яўляецца самым вялікім айчынным лексікаграфічным выданнем, мае несумненную практычную вартасць і можа быць з поспехам выкарыстаны

ў працэсе філалагічнай адукацыі ў ВНУ пры выкладанні гісторыка-лінгвістычных дысцыплін, пры распрацоўцы спецкурсаў па гістарычнай лексікалогіі, падрыхтоўцы вучэбна-метадычных дапаможнікаў і даведачных выданняў па гісторыі беларускай літаратурнай мовы, а таксама ў навукова-даследчай дзейнасці студэнтаў падчас напісання імі курсавых, дыпломных і магістарскіх прац. Можна з упэўненасцю сказаць, што лексічны матэрыял, змешчаны ў “Гістарычным слоўніку беларускай мовы”, з часам будзе паспяхова выкарыстаны пры выкананні лінгвістычных, літаратуразнаўчых і гістарычных праектаў, а таксама ў працэсе развіцця розных напрамкаў сучаснай гуманітарнай навукі.

Думаецца, не будзе перабольшаннем сказаць, што ўкладальнікі “Гістарычнага слоўніка беларускай мовы” здзейснілі сваёй працай сапраўдны навуковы подзвіг, зрабіўшы ад імя ўсіх беларусаў важкі ўнёсак у скарбніцу не толькі айчынай, але і сусветнай кніжнай культуры.

Г.А. Арцямёнак, А.С. Дзядова

Правила для авторов

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vrsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
 - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
 - *домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;*
 - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
 - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

Guidelines for authors

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masharov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is *nauka@vrsu.by*).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *author’s home address, telephone number, e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»**

Сборник научных трудов

Том 26

Компьютерный дизайн Е.А. Барышева
Корректор А.Н. Фенченко

Подписано в печать 20.07.2018. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 26,74. Уч.-изд. л. 24,85. Тираж 100 экз. Заказ 102.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.